

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 2007

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова, П.Г. Гайдуков,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва

Научно-производственное объединение

«Издательство “Наука”»

© Российская академия наук, 2007 г.

© Редакция журнала “Российская археология”
(составитель), 2007 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2007

К юбилею журнала

Международная научная конференция “Археология в современном мире”, посвященная 50-летию журнала “Российская археология” (Москва, 2007)

<i>Коробов Д. С.</i>	5
Археологические журналы и сеть Интернет <i>Карвер М.</i>	12
Развитие археологии и средства информации: история взаимодействия <i>Мерперт Н. Я.</i>	16
Новые исследования погребений знати скифского времени в Южной Сибири <i>Парцингер Г.</i>	23
Куртаковский геoarхеологический район – выдающийся естественно-археологический объект в Средней Сибири (к 20-летию со времени открытия) <i>Дроздов Н. И., Артемьев Е. В., Макулов В. И., Чеха В. П., Дроздов Д. Н.</i>	32
Исследования российско-германско-монгольской экспедиции на северо-западе Монголии летом 2006 г. <i>Молодин В. И.</i>	42
Зороастрийский погребальный комплекс близ Дербента <i>Гаджиев М. С.</i>	51

Новые материалы по археологии каменного века Европейской России

А.Н. Рогачев и “конкретно-исторический подход” в палеолитоведении <i>Аникович М. В.</i>	64
К радиоуглеродной хронологии палеолитических поселений среднеднепровского типа <i>Сергин В. Я.</i>	72
Палеолитические памятники в бассейне Северского Донца (Россия) <i>Матюхин А. Е.</i>	82
Чурига из Шахтерска (Донецкая область, Украина) <i>Горелик А. Ф., Швецов М. Л.</i>	95
Изделия из кости, бивня и рога с верхнепалеолитической стоянки в гроте Бобылек <i>Волков Р. Б., Широков В. Н., Улитко А. И.</i>	102
Древнейшее орудие с Южного Урала <i>Мосин В. С., Широков В. Н.</i>	107
Технология получения кремневых пластин на мезолитической стоянке Пост II (северо-восточное побережье Кольского полуострова) <i>Мурашкин А. И.</i>	109
Классификация и сравнительная характеристика наконечников стрел и геометрических микролитов иеневской мезолитической культуры <i>Агеева К. Е.</i>	121

Статьи

Погребальные памятники эпохи средней бронзы Закубанья <i>Клещенко А. А.</i>	135
Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия <i>Мимоход Р. А.</i>	143

Классификация антропоморфной металлопластики Кавказа (XV–III вв. до н.э.) <i>Брилева О. А.</i>	155
Скифский курганный могильник у пгт. Суворово на правом берегу Нижнего Днестра <i>Синика В. С.</i>	170

Критика и библиография

З.А. Абрамова “Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы”. СПб., 2005 <i>Шер Я. А., Волкова Ю. С.</i>	180
С.А. Васильев “Древнейшие культуры Северной Америки”. СПб., 2004 <i>Слободин С. Б.</i>	182

Хроника

Б.А. Литвинский – лауреат премии им. С.Ф. Ольденбурга К юбилею В.К. Михеева <i>Колода В. В.</i>	185
Татьяна Ивановна Алексеева (1928–2007) Борис Ильич Маршак (1933–2006) <i>Шер Я. А., Каменецкий И. С.</i>	186
Александр Антонович Узянов (1947–2007) <i>Кашкин А. В., Смирнов Ю. А., Цетлин Ю. Б.</i>	187
Авторский указатель за 2007 г.	188
	190

Сдано в набор 10.07.2007 г.	Подписано к печати 17.09.2007 г.	Формат бумаги 60 × 88 ¹ / ₈
Офсетная печать	Усл. печ. л. 24.0 + 1 цветн. вкл.	Усл. кр.-отт. 22.6 тыс.
	Тираж 923 экз.	Уч.-изд. л. 25.5
		Бум. л. 12.0
		Зак. 605

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Академиздатцентр “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 4, 2007

Materials of the anniversary conference

The 50 th anniversary of “Rossijskaya Arkheologiya”: International Conference “Archeology in the Modern World”	
<i>Korobov D. S.</i>	5
Open access, commercial publishing and peer-review – Antiquity’s approach to the digital age	
<i>Carver M.</i>	12
Archeology and mass media: a history of interaction	
<i>Merpert N. Ya.</i>	16
New investigations of elite barials of the Scythian time in Southern Siberia	
<i>Parzinger H.</i>	23
Kurtak geoarcheological region – an outstanding natural and archeological site in Middle Siberia (20 years of investigations)	
<i>Drozdov N. I., Artemiev E. V., Makulov V. I., Chekha V. P., Drozdov D. N.</i>	32
Investigations of the Russian-German-Mongolian expedition in Northwestern Mongolia	
<i>Molodin V. I.</i>	42
Zoroastrian funeral complex near Derbent	
<i>Gadjiev M. S.</i>	51

New data on Stone Age archeology of European Russia

A.N. Rogachev and the fundamental historical approach in Paleolithic studies	
<i>Anikovich M. V.</i>	64
On the radiocarbon chronology of Paleolithic settlements of the Middle Dnieper type	
<i>Sergin V. Ya.</i>	72
Paleolithic sites in the Severskiy Donets basin	
<i>Matiukhin A. E.</i>	82
“Churinga” from Shakhtersk (Ukraine, Donetsk region)	
<i>Gorelik A. F., Shvetsov M. L.</i>	95
Bone, tusk and horn artifacts from the Upper Paleolithic site in Bobyliok grotto	
<i>Volkov R. B., Shirokov V. N., Ulitko A. I.</i>	102
Prehistoric tool from the South Urals	
<i>Mosin V. S., Shirokov V. N.</i>	107
Flint plate manufacturing technology at the Mesolithic site of Post II (North-East coast of the Kola Peninsula)	
<i>Murashkin A. I.</i>	109
Classification and comparative characteristic of arrowheads and geometric microliths of the Ienevo Mesolithic culture	
<i>Ageeva K. E.</i>	121

Articles

Middle Bronze Age burials in the Transkuban’ region	
<i>Kleschenko A. A.</i>	135
Lola culture of terminal Middle Bronze Age in the Northwestern Caspian Sea region	
<i>Mimokhod R. A.</i>	143

Classification of Caucasian anthropomorphic metal figurines (15 th –3 ^d cc. B.C.)	155
<i>Brilyova O. A.</i>	
Scythian barrow cemetery near Suvorovo urban village on the right bank of the Lower Don	170
<i>Sinika V. S.</i>	

Critics and bibliography

Abramova Z.A. Animal and man in European Paleolithic art. St. Petersburg, 2005	180
<i>Sher Ya. A., Volkova Yu. S.</i>	
Vasiliev S.A. Earliest cultures of North America. St. Petersburg, 2004	182
<i>Slobodin S. B.</i>	

Chronicle

B.A. Lintvinsky is laureate of the S.F. Oldenburg Prize	185
V.K. Mikheev's anniversary	185
<i>Koloda V. V.</i>	
Tatyana Ivanovna Alekseeva (1928–2007)	186
Boris Ilyitch Marshak (1933–2006)	187
<i>Sher Ya. A., Kamenetsky I. S.</i>	
Aleksandr Antonovich Uzianov (1947–2007)	188
<i>Kashkin A. V., Smirnov Yu. A., Tsetlin Yu. B.</i>	
Index of authors, 2007	190

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
“АРХЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ”,
ПОСВЯЩЕННАЯ 50-ЛЕТИЮ ЖУРНАЛА “РОССИЙСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ” (Москва, 1–2 марта 2007)**

© 2007 г. Д. С. Коробов

Институт археологии РАН, Москва

Проведение Международной научной конференции “Археология в современном мире” стало закономерным итогом череды мероприятий, посвященных пятидесятилетнему юбилею журнала “Российская археология”. Научный форум был организован дирекцией Института археологии РАН и редакцией журнала при поддержке Отделения исторических и филологических наук РАН, многих сотрудников института и журнала.

Торжественное открытие конференции состоялось в Президентском зале здания Российской академии наук под председательством директора Института археологии РАН чл.-корр. РАН *Н.А. Макарова*. Он выступил перед собравшимися с приветственной речью, в которой обратился к истокам возникновения ведущего археологического журнала России, лежащим в середине XIX в. и связанным с деятельностью Императорской археологической комиссии и Московского археологического общества по организации регулярных Археологических съездов. Подчеркнув роль первого главного редактора “Российской археологии”, *А.В. Арциховского*, *Н.А. Макаров* назвал деятельность современных археологических журналов важнейшим фактором в научной жизни России.

С приветственным словом к участникам и организаторам конференции обратился академик-секретарь Отделения исторических и филологических наук РАН *А.П. Деревянко*. Поздравив собравшихся, он подчеркнул, что истекшие полвека – очень небольшой с точки зрения археологии, но очень важный с точки зрения становления и развития целых направлений в археологической науке период. *А.П. Деревянко* выступил с пожеланием сохранить высокий научный уровень публикаций в журнале, сделав их при этом более острыми и дискуссионными.

Личными воспоминаниями об *А.В. Арциховском* поделился заведующий кафедрой археологии исторического факультета МГУ, академик РАН *В.Л. Янин*. Он подчеркнул важность применения естественнонаучных методов в археологических исследованиях, прежде всего дендрохронологии,

пропагандой которых на страницах журнала занимался *А.В. Арциховский*.

С воспоминаниями о первых годах работы редакции журнала “Российская археология” выступил и чл.-корр. РАН, советник РАН *Р.М. Мунчаев*. Он описал теплую и дружественную обстановку, созданную в редакции главными фигурами первых лет существования издания: *А.В. Арциховским*, *И.Т. Кругликовой*, *Л.А. Голубевой*, *Л.А. Евтюхой*.

Далее прозвучало приветствие от редакции журнала “Вестник древней истории”. Его главный редактор, академик РАН *Г.М. Бонгард-Левин*, рассказал об истории сотрудничества советских археологов и историков, насчитывающей многие десятилетия (“Вестник древней истории” основан в 1937 г. и на 20 лет старше “Российской археологии”). С появлением специализированного археологического журнала статьи по данной тематике в основном перестали печататься в “Вестнике”, однако тесное взаимодействие двух старейших печатных органов, посвященных изучению древних периодов жизни человечества, продолжает успешно осуществляться по сегодняшний день.

От имени АкадемИздатЦентра “Наука” РАН с приветственной речью выступил заместитель генерального директора издательства *В.Б. Гольдман*. Он подчеркнул, что из 158 научных журналов, издаваемых “Наукой”, “Российская археология” обладает одним из наибольших тиражей, который остался высоким несмотря на финансовые сложности последних десятилетий. От имени издательского центра *В.Б. Гольдман* пообещал всяческую поддержку редакции журнала, выразив благодарность ее заведующей *Т.С. Волковой* за активную работу с авторами и читателями. В том числе благодаря этой работе ежегодно увеличивается количество публикуемой в издательстве “Наука” литературы по археологии.

По завершении приветственных выступлений главный редактор журнала “Российская археология” *Л.А. Беляев* (ИА РАН, Москва) открыл программу докладом “Археологический журнал в современном обществе: новые проблемы”. Оха-

Рис. 1. Выступает академик-секретарь Отделения исторических и филологических наук РАН А.П. Деревянко.

рактизовав современное состояние археологической периодики в мире, докладчик подробнее остановился на тех проблемах современного российского общества, которые затрагивают нашу науку. Журнал, по мнению Л.А. Беляева, должен своевременно реагировать на вызовы сегодняшнего дня, связанные с коммерциализацией археологии, с превращением ее в популярное развлечение и род туризма, с пересмотром обществом “права на прошлое”, с использованием археологии в качестве оружия в национальных спорах.

Традициям и новым направлениям в деятельности археологических периодических изданий посвятил доклад главный редактор одного из ведущих органов мировой археологической печати, журнала “Antiquity”, *Мартин Карвер* (кафедра археологии Йоркского университета, Великобритания). Рассказав об истории журнала, насчитывающей 80 лет, он осветил современные направления его деятельности, связанные с публикацией как “бумажной” версии рецензируемых работ, так и электронных вариантов статей, распространяемых через глобальную компьютерную сеть Internet.

Историю взаимодействия археологии и средств массовой информации осветил доклад *Н.Я. Мерперта* (ИА РАН, Москва). Возможность опера-

тивного и максимально полного ввода в научный оборот новых археологических данных – вот главный фактор, начиная с середины XIX в. стимулировавший создание периодических археологических изданий в Европе. Докладчик привел многочисленные примеры из зарубежной и российской науки, иллюстрирующие необходимость регулярных публикаций археологических открытий.

Серию докладов, посвященных результатам недавних исследований в России и за рубежом, открыл академик РАН *В.И. Молодин* (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск). Им были представлены яркие находки эпохи раннего железного века, сделанные в ледяных линзах под курганами на северо-западе Монголии. Комплексное изучение захоронений, а также обнаруженных в них предметов из органических материалов уникальной сохранности стало возможно благодаря сотрудничеству российских, немецких и монгольских ученых.

Вечернее заседание под председательством чл.-корр. РАН *Р.М. Мунчаева* (ИА РАН, Москва) открылось докладом директора ИИМК РАН чл.-корр. РАН *Е.Н. Носова* (Санкт-Петербург). Он ознакомил собравшихся с впечатляющими результатами полевых исследований Рюрикова городи-

Рис. 2. Выступает заведующий кафедрой археологии исторического факультета МГУ академик РАН В.Л. Янин.

ща под Новгородом и городища Старая Ладога, которые проводятся силами экспедиций ИИМК РАН. Работы на этих памятниках и в их окрестностях позволяют по-новому охарактеризовать ранние, относящиеся к VIII–IX вв., страницы истории Древней Руси.

Большой интерес вызвал доклад директора ИА РАН чл.-корр. РАН *Н.А. Макарова* (Москва), посвященный изучению курганов, городов и культурных ландшафтов Владимиро-Суздальской Руси. Докладчик представил созданные на базе современных компьютерных технологий карты курганных могильников, изученных в середине XIX в. А.С. Уваровым, а также итоги проведенного за последние пять лет сплошного комплексного обследования Суздальского Ополя, дающего основу для исторических и климатических реконструкций.

А.А. Гиппиус (Институт славяноведения РАН, Москва) рассказал о системе электронных ресурсов “Древнерусские берестяные грамоты”, в которой объединена информация (фотоизображения, прорисовки и чтения текстов; комментарии) о

1057 находках. Система позволяет не только получить общее представление о грамотах, но осуществлять их лингвистический анализ. Она имеет открытый доступ через Internet и удовлетворяет интересы пользователей разного уровня. Подобный подход обусловил высокую популярность нового сетевого ресурса – за первый месяц использования авторы-разработчики зафиксировали 23 тыс. посещений сайта www.gramoty.ru.

Ответственный секретарь журнала “Российская археология” *Д.С. Коробов* (ИА РАН, Москва) представил подготовленный совместно с *С. Райнхольд* (Немецкий археологический институт, Берлин, Германия) доклад, посвященный изучению нового типа поселений кобанской культуры Северного Кавказа. Поселения, имеющие неизвестную ранее симметричную планировку, обнаружены к югу от Кисловодска и в Карачаево-Черкесской Республике. В настоящий момент осуществляется их комплексное изучение с помощью методов ГИС, геофизики, археологического почвоведения, микротопографической съемки.

Рис. 3. Выступает директор ИА РАН чл.-корр. РАН Н.А. Макаров.

Убедительно и интересно прозвучало выступление *А.А. Масленникова* (ИА РАН, Москва), в котором рассматривались археологические аргументы в пользу существования царского землевладения на территории Восточного Крыма. Докладчик детально проанализировал материалы ряда античных усадеб, позволяющие отнести эти памятники к собственности царской династии Боспора IV–III вв. до н.э.

Заключительным в первый день заседаний стал совместный доклад *К.А. Днепровского* (ГМИНВ, Москва) и *Н.В. Лопатина* (ИА РАН, Москва), посвященный раскопкам древнеэскимосских поселений на Чукотке. Его авторы продемонстрировали интересные находки из жилищ древнеберингоморского времени (I тыс. н.э.), оставленных прибрежными охотниками-зверобоями, в том числе выразительные свидетельства их материальной культуры.

Утреннее заседание 2 марта 2007 г. под председательством чл.-корр. РАН П.Г. Гайдукова (ИА РАН, Москва) прошло в конференц-зале Института археологии РАН. Его открыло выступление директора Немецкого археологического института *Г. Парцингера* (Берлин, Германия). Докладчик представил сенсационные находки, сделанные в последние годы в процессе исследований царских курганов скифского времени в Южной Сибири. Совместные с российскими и казахскими коллегами экспедиционные работы были проведены на

курганах Аржан II, Байкара и Барсучий Лог. Комплексное изучение этих памятников с применением новейших методов естественных наук позволило получить интересные данные об их конструкции и обнаружить новые яркие материалы скифской эпохи.

Тема исследования царских курганов нашла продолжение в докладе *Л.Т. Яблонского* (ИА РАН, Москва), в котором были освещены результаты раскопок у пос. Филипповка. Основное внимание докладчик уделил характеристике уникального комплекса предметов, найденных в оставшихся не разграбленными захоронениях кургана 4.

Этнокультурную ситуацию в Подонье в скифскую эпоху (V–IV вв. до н.э.) охарактеризовал *В.И. Гуляев* (ИА РАН, Москва). Рассмотрев различные точки зрения на происхождение населения региона, автор доклада на основании результатов своих раскопок, данных палеоботаники, палеоантропологии и палеозоологии высказался в пользу отнесения его к единому скифскому кочевому массиву юга России.

Доклад *А.Р. Канторовича* (МГУ, Москва) был посвящен истокам и вариациям образов грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле. Апеллируя к делению прототипов этих образов на переднеазиатские, раннегреческие и скифские, предложенному в свое время Н.Н. Погребовой, докладчик убедительно показал чуждость образа грифона искусству ранних скифов.

Большой интерес у слушателей вызвал доклад директора Археологического музея замка Готторф *К. фон Карнапа-Борнхайма* (Шлезвиг, Германия) об археологических исследованиях на городище Хейдебю эпохи викингов. Комплексное применение ГИС, геофизического обследования, систематического сбора подъемного материала (в том числе с использованием металлодетекторов) позволило за последние годы существенно увеличить массив информации о памятнике и создать интересные компьютерные и наземные реконструкции города. Обнаружен ряд находок, имеющих ближайшие аналогии на территории России и Украины.

Утреннее заседание завершил доклад *Н.И. Дроздова* (Красноярский государственный педагогический университет), соавторами которого являются *Е.В. Артемьев*, *В.И. Макулов* и *В.П. Чеха*. Докладчик осветил итоги 20-летнего изучения Куртаковского геоархеологического района – выдающегося естественно-археологического объекта Сибири. Материалы, полученные в ходе исследования разрушающегося Красноярским водохранилищем берега, стимулируют развитие пятнадцати направлений в науке (что послужило причиной создания специальной лаборатории). Наиболее яркие результаты работы данной лаборатории – детальное моделирование климата за последние 40 тыс. лет (осуществляется методом палинологии) и обнаружение комплексов каменных орудий, датирующихся временем до 500 тыс. л.н.

Вечернее заседание прошло под председательством директора ИИМК РАН чл.-корр. РАН *Е.Н. Носова* (Санкт-Петербург) и главного редактора журнала “Российская археология” *Л.А. Беляева* (ИА РАН, Москва). Его открыл доклад *М.С. Гаджиева* (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН, Махачкала), представивший уникальный зороастрийский погребальный комплекс, обнаруженный близ Дербента.

В.Я. Петрухин (Институт славяноведения РАН, Москва) в докладе, подготовленном совместно с *И.А. Аржанцевой*, *Э.Д. Зиливинской* и *В.С. Флёровым*, представил интересные результаты археологических работ последних лет, объединенных в рамках “Хазарского проекта”. Исследования проводились на городищах Правобережное Цимлянское (Ростовская область), Самосделка (Астраханская область) и Горное Эхо (близ Кисловодска). Были продемонстрированы многочисленные находки эпохи раннего средневековья, связанные с существованием Хазарского каганата.

Важнейшие для предыстории Москвы результаты, полученные при раскопках Данилова монастыря, были доложены *Н.А. Кренке* и *Л.А. Беляевым* (ИА РАН, Москва). Анализ археологических и картографических материалов в сочетании с радиоуглеродным датированием, данными геомор-

фологии и почвоведения позволяют рассматривать найденное здесь поселение IX–XII вв. как самое обширное и раннее из славянских, существовавших на территории Москвы.

О.В. Двуреченский (ГИМ, Москва) блестяще продемонстрировал эволюцию комплекса наступательного вооружения Московского государства с середины XV до начала XVII в. Он наглядно показал западноевропейские и азиатские истоки формирования типов вооружения и постепенную смену одних другими в зависимости от интенсивности военных столкновений с тем или иным противником.

Выступление *Г.С. Евдокимова* было посвящено новейшим находкам, сделанным при реставрации Благовещенского собора Московского Кремля (среди них – многочисленные архитектурные детали и белокаменная резьба) и позволившим реконструировать план основного яруса собора 1416 г. на основе аналогов конца XIV – начала XV в. в Москве и Звенигороде.

Завершающие доклады были посвящены теме охранной археологии. *А.Н. Хохлов* (ИА РАН, Москва) представил результаты работ в рамках проекта “Самбия” (Калининградская область, зона строительства подземного газохранилища). Не имеющий современных аналогов по масштабу, этот проект привел к открытию и тщательному полевому исследованию целой серии новых памятников разных эпох – от мезолита до нового времени.

Поистине сенсационной находкой, сделанной археологами в Калининграде в 2006 г., стало массовое захоронение солдат Великой армии Наполеона, совершенное зимой 1812 г. Итоги совместного изучения группой российских и французских антропологов останков более 2 тыс. солдат и сопровождавших армию лиц были доложены *А.П. Бужиловой* (ИА РАН, Москва) и вызвали живой интерес у слушателей.

В докладе *А.В. Энговатовой* (ИА РАН, Москва) был обобщен опыт спасательной археологии в России за прошедшее столетие и сформулированы ее задачи в настоящее время.

В заключение конференции состоялась дискуссия, в которой приняли участие *А.А. Егорейченко* (Белорусский Государственный университет, Минск), *Н.А. Макаров*, *В.И. Молодин*, *М. Карвер*, *Л.А. Беляев*. Многие выступавшие выражали благодарность организаторам конференции, подчеркивали высокий уровень докладов, полезность проведения широких форумов, целиком охватывающих проблематику современной археологии. В заключительном слове *Н.А. Макаров* выразил надежду, что дальнейшее развитие журнала “Российская археология” позволит укрепить связь археологов с современным российским обществом. Для этого необходимо больше говорить о проблемах

Рис. 4. Памятная медаль, выпущенная к 50-летию журнала “Российская археология” на Государственном Монетном Дворе.

взаимоотношений науки с внешним миром на страницах центрального археологического издания страны.

В честь пятидесятилетнего юбилея журнала “Российская археология” Московский Монетный Двор выпустил памятную медаль, которую получили докладчики, старейшие работники журнала и почетные гости конференции¹.

Пользуюсь случаем выразить от имени редколлегии журнала “Российская археология” благодарность всем, кто способствовал организации Меж-

дународной научной конференции “Археология в современном мире”, в особенности заведующей редакцией Т.С. Волковой и сотрудникам редакции В.Е. Родинковой и Л.П. Михайлик. Мы глубоко признательны Отделению историко-филологических наук РАН и дирекции Института археологии РАН за поддержку идеи конференции и всестороннюю (в том числе финансовую) помощь, а также всем, кто принял участие в нашем форуме².

¹ Медаль была заказана Государственному Монетному Двору и отчеканена в двух вариантах (из серебра и бронзового сплава) общим тиражом 100 экз. Эскиз медали выполнил главный художник Монетного Двора, чл.-корр. Академии художеств, лауреат государственных премий В.М. Ерохин.

² Часть материалов конференции уже опубликована в номерах юбилейного 2007 года (см. статьи А.А. Масленникова в № 1 и Л.Т. Яблонского в № 2); другие публикуются в этом номере (доклады М. Карвера и Н.Я. Мерперта; статьи Н.И. Дроздова с соавторами; Г. Парцингера; В.И. Молодина; М.С. Гаджиева).

The 50th anniversary of “Rossijskaya Arkheologiya”: International Conference “Archeology in the Modern World” Moscow, March 1–2 2007

D. S. Korobov

Summary

On the first day of the conference, greetings to the journal were read by N.A. Makarov; A.P. Derevianko; V.L. Yanin; R.M. Munchaev; G.M. Bongard-Levin, and others. The speakers noted that Rossijskaya Arkheologiya was and is the leading archeological journal in Russia. The organizational role of A.V. Artsikhovskiy, outstanding Russian archeologist and the journal's first editor-in-chief, was emphasized. The speakers recollected the first years of the journal's work. It was specified that the past 50 years were important for entire areas of research within the science. All of the speakers wished the journal to maintain the high level, significance and polemic qualities of the publications. It was stressed that of the 158 scientific journals published by Nauka Academic Publishing Center, Rossijskaya Arkheologiya has one of the largest circulations. Scientific discussion consisted of several sections. The first was devoted to the place of archeological journals and archeology itself in modern society. It included the report of Martin Carver (Great Britain); the report of N.Ya. Merpert, and the opening report of L.A. Beliaev. The second series of papers was devoted to field discoveries. It included: the report by RAS academician V.I. Molodin; the report by Hermann Parzinger (Germany); the report about a unique complex of finds from a Sarmatian barrow near the village of Filippovka

(L.T. Yablonsky). The ethnic and cultural situation in the Lower Don area in the 5th – 4th cc. B.C. was also covered (V.I. Guliaev), as well as certain peculiarities of Early Scythian animal style (A.R. Kantorovich). Excavations of Ancient Eskimo settlements in Chukotka (K.A. Dneprovsky, N.V. Lopatin) and the results of research at the Kurtak geoarcheological region (N.I. Drozdov, with co-authors) were presented. Work in the Northern Caucasus was covered by D.S. Korobov and S. Reinhold (Germany), who presented a new type of Koban culture settlements with symmetrical lay-out, which were researched with methods of GIS, geophysics, archeological soil science and microtopographic photography. M.S. Gadjev presented a funeral complex near Derbent. Classical archeology was represented by A.A. Maslennikov who considered archeological proof of royal land ownership in Eastern Crimea.

Early Medieval European and Slavo-Russian archeology was discussed in the reports of: C. von Carnap-Bornheim (Germany) about the hillfort of Hedeby, where the use of GIS, geophysical survey and systematic collection of material allowed to create computer and ground reconstruction of the town; E.N. Nosov, who presented field investigations at Rurik's hillfort near Novgorod and at the Staraya Ladoga hillfort, which significantly changed our picture of Ancient Rus' in the 8th – 9th cc.; N.A. Makarov about barrows, cultural landscapes and towns of Vladimiro-Suzdal Rus' (the results of computer mapping of data on barrow cemeteries studied in the middle of the 19th c by A.S. Uvarov, and the results of the comprehensive survey of the Suzdal Opol'ye which allowed to reconstruct the climate). A.A. Gippius presented the newly created website (www.gramoty.ru), which contains information on 1057 Ancient Russian birchbark documents. The report by V.Ya. Petrukhin (with co-authors) told about work on the Khazar Project. Three reports were devoted to antiquities of the Moscow period: the results of excavations at the Danilov monastery (L.A. Beliaev, N.A. Krenke), where analysis allowed to identify the settlement as the only Early Slavic one in Moscow; analysis of Muscovy attack armaments from the middle of the 15th to the beginning of the 17th c (O.V. Dvurechensky) showing the transition from West European models to Asiatic ones; the discoveries made at the Cathedral of the Annunciation (1416) in the Kremlin (G.S. Yevdokimov). A general summary of the history and current priorities of salvage excavations in Russia was given by A.V. Engovatova. An example of salvage excavations was demonstrated in the largescale Sambia project in the Kaliningrad area (A.N. Khokhlov), where a series of new sites from the Mesolithic to new time were investigated. A.P. Buzhilova's report covered the joint study by a Russian-French group of anthropologists of a mass burial of Napoleon's soldiers who perished in the winter of 1812. The final discussion emphasized the importance of forums which cover the entirety of modern archeological issues and expressed hope for future successes of Rossijskaya Arkheologiya.

See the materials of the Conference in the issues of Rossijskaya Arkheologiya: № 1 (A.A. Maslennikov), № 2 (L.T. Yablonsky'); № 4 (M. Carver, H. Parzinger, V.I. Molodin, N.I. Drozdov, M.S. Gadjev); the others are scheduled for publication in № 1 – № 2, 2008.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ И СЕТЬ ИНТЕРНЕТ

© 2007 г. Мартин Карвер,
главный редактор журнала “Antiquity” (Великобритания)

Для чего вообще нужны редакторы? Для чего нужны академические журналы? Чтобы поставлять информацию? Безусловно, информация – основное в нашей работе. Ради критики? Да, это важно. Информация не монолитна и не неизменна, она нуждается в постоянной проверке и подтверждениях. Чтобы стимулировать дискуссию? Да, поскольку нам не следует впадать в интеллектуальное самодовольство, – устойчивость теории требует столкновения с новыми идеями, пусть даже они окажутся неверными. Для того, чтобы удивлять? Да, поскольку зачастую прогресс в нашем мышлении вызывает именно *неожиданная* информация. Для того, чтобы развлекать? Возможно, в некоторой степени, поскольку читать о деле безо всякой потехи бывает скучно.

Таким образом, периодические издания, в числе которых и журнал “Российская археология”, чей юбилей мы сегодня отмечаем, обеспечивают больше, чем возможность просто опубликовать научную статью: они отражают состояние науки, ход научной мысли и перспективы ее дальнейшего развития.

Никто не сомневается, что академические или научные журналы необходимы. Но их сотрудникам также известно, что их журналы часто находятся в состоянии кризиса. Если журнал финансирует государство, оно может повлиять на политику журнала или сократить финансирование. Если журнал зависит от научного общества, он приходит в упадок по мере оскудения членских взносов. Если журнал вышел на открытый рынок, он зависит от продаж, однако научные идеи не всегда пользуются спросом. А теперь в мире появился интернет, – целая галактика новой информации, неисчерпаемой, доступной, безликой и совершенно бесплатной. Что это, спасение или начало конца? Информация из Сети может решить наши финансовые проблемы, если она ничего не стоит, но может и обесмыслить предмет, если она ничего не значит. К добру ли, к худу ли, игнорировать ее мы не можем. Но вот что может придать нам уверенности: во-первых, интернет придуман людьми, соответственно археологу работать с ним не сложнее, чем кому-либо еще. Во-вторых, темой нашего предмета является весь период жизни человечества на этой земле. Высококачественная археология была и будет важна, что бы ни случилось, и мы должны публиковать серьезные работы, даже если опасаемся, что они не будут востребованы.

Я хотел бы представить свое видение роли научного журнала в эпоху интернета. Сохраняется ли его роль вообще? Какова она? Как руководить журналом? Кто будет оценивать его качество? Кто будет платить? Для начала, следует рассмотреть природу информации как таковой, после чего мы перейдем к обсуждению поисковых систем, которые уже дают информации новые определения. После этого мы продемонстрируем, почему интернету нужны журналы и, наконец, расскажем о том, какие методы использует журнал “Antiquity”, чтобы соответствовать требованиям нынешней эпохи.

Государственные структуры часто исходят из того, что задачей научного журнала является предоставление *информации*, трактуя ее как товар в ряду других. Они стремятся к увеличению продуктивности информации, к ее более широкому распространению и, соответственно, к усилению влияния данного государства на другие. Это – одна из причин их положительного отношения к интернету: максимум товара поставляется по минимальной цене. В данном случае очевидно непонимание сущности академического подхода, поскольку ни искусство, ни наука не сводятся к простой торговле информацией.

Научные данные, разумеется, важны для науки, но здесь каждый фальстарт или тупик является информацией и, соответственно, представляет ценность. Искусство и вовсе не требует новых данных, поскольку критики старых данных достаточно для дальнейшего развития. Археология находится на стыке двух вышеупомянутых ситуаций: да, мы используем новые данные, но используем и старые; да, мы используем гипотезы, анализ, дедукцию, интуицию и критику; мы также в высокой степени зависимы от методологии, каковая варьируется не только в зависимости от проблемы, но и в зависимости от района или страны. При этом предмет наших исследований имеет большую общественную значимость, поскольку предполагает наличие некоей этической системы (другой вопрос – какой именно). Соответственно, публикация археологических исследований не сводится к передаче информации от одного лица к другому, а представляет собой некий интерактивный диалог, включающий в себя обмен опытом, высказывание убеждений и мнений (зачастую пристрастных).

Есть три причины, побуждающие нас акцентировать вышеизложенное. Во-первых, научные со-

общества Великобритании и Соединенных Штатов рассматривают интернет как альтернативу публикациям в журналах, поскольку он обеспечивает широкую доступность информации по низкой цене. Соответственно, на данный момент они рассматривают возможность сделать условием гранта создание оплачиваемого из средств гранта веб-ресурса, электронного репозитория. Работы будут проходить экспертное рецензирование, но ни журнала, ни редактора уже не понадобится. Оплаченная из государственных средств информация будет поставляться бесплатно. Сообразно этой схеме будут публиковаться отдельные статьи, доступные каждому без оплаты и без ограничений, – дивный новый мир.

Но как археологу найти работы других археологов? Очень просто: через поисковую систему. Ученые изобрели интернет, чтобы пересылать друг другу данные по телефонной линии. Телефон на свете много, так что сеть стала расширяться и по простетии незначительного количества времени уже включала в себя миллионы веб-сайтов и огромное разнообразие информации. Пользователь такого поисковика, как Alta Vista, находит сайты по какому-то конкретному слову, и количество сайтов неуклонно растет. Так что археолог, набравший в поисковике слово “могильники”, получает возможность почитать о ядерных отходах, скотомогильниках и, возможно, мобильных. Популярнейший поисковик Google создал предпочтительные траектории поиска, фиксируя все размещенные ранее запросы. Был выработан алгоритм, который направлял каждый новый запрос по наиболее вероятному адресу. Таким образом, поисковик делает выбор в пользу часто востребованных сайтов. Однако не факт, что мы ищем именно те сайты, которые пользуются популярностью.

На заре интернета проблему информационной перегрузки предвидел Тим Бернерс-Ли, который предлагал управлять сетью в интересах пользователей. Управление информацией развивалось в двух направлениях. Первое предпочло *направлять* пользователя на те сайты, которые, как кажется, ему необходимы. В таком случае пользователь направляется на надежные “шлюзовые” сайты, где подлинность информации уже получила экспертную оценку. Например, Digital Universe Ларри Зангера прибегает к услугам экспертов для проверки информации, распределенной по темам, – некий вариант Википедии, куда постоянно добавляются новые статьи. Digital Universe намеревается поместить “наиболее заслуживающую доверия информацию на тематически ориентированных порталах, которые в свою очередь таксономически организованы”. Второе направление ориентировано на упрощение выбора через использование определенной лексики. Это именно та *семантическая сеть*, о которой писал Джулиан Ричардс в статье, опубликованной в декабрьском номере “Antiquity”. Здесь к каждой теме автоматически прилагается некая “карта”, которая помогает пользователю

выйти на заслуживающие доверия сайты. Тем не менее выбор все равно ограничен, и цель заключается в упрощении поиска, а не в оценке качества находимой информации. Даже если предположить, что эффективность поисковых систем и их содействие пользователю будут неуклонно возрастать, основная проблема все равно остается нерешенной. *Поиск и исследование* – это не одно и то же. Издатели и, в особенности, редакторы всегда помогали читателю в поиске необходимых материалов. Для того, чтобы интернет предполагал иное, нет оснований.

В 2006 г. редакторы выходящих в Европе археологических журналов собрались в Стокгольме, чтобы обсудить будущее журналов и их редакторов в контексте наличия интернета и его якобы общедоступности. Поначалу настроение у нас было мрачное. Нам казалось, что высокий уровень научной мысли и слога, тщательная проверка данных, разоблачение шарлатанов, опробование новых идей, отказ от среднего качества в пользу высокого, – все то, чем мы дорожили, все то, что составляет сущность работы редактора, – оказалось под угрозой. Крупнейшие библиотеки переходят в электронный формат. Из дверей Вавилонской башни на студентов, во имя интеллектуальной демократии, хлынет поток бесформенного мусора. Однако вскоре выяснилось, что крупнейшие библиотеки (во всяком случае, Королевская библиотека в Стокгольме) не намерены обходиться без академических журналов. Наоборот, предполагается, что каждый такой журнал должен выйти в сеть как можно скорее, и таким образом сделать свою роль в информационных джунглях, в экологии познания, еще более важной. По мнению директора Королевской библиотеки Яна Хагерлида, читателю необходим журнал и редактор журнала, чтобы делать выбор и быть уверенным в качестве информации. Это настолько важно для развития науки, что ссылки на имеющиеся в интернете труды могут быть приведены в публикации только в том случае, если эти труды были опубликованы в научном журнале.

Таким образом, читатель, ищущий информацию, оказывается перед выбором. Он может воспользоваться поисковиком, если точно знает, что ищет. При этом существуют устройства, которые помогают ему направлять или, скажем так, сужать его выбор. Или же читатель может обратиться к электронному журналу, редактор которого обеспечивает экспертное рецензирование исследований и их ясность. Читатель без труда найдет то, что ищет, но может столкнуться и с тем, чего не искал вовсе, зачастую к своей же вящей пользе.

Итак, редакторы и журналы не формулируют законы, не диктуют людям, что им следует думать: они предоставляют услуги. Что это за услуги, и как они оплачиваются? Здесь мы снова сталкиваемся с двумя моделями: система субсидий, в которой оплата происходит через автора, и коммерческая

система, в которой платит читатель. Первый вариант, возможно, более популярен, но деньги приходят на определенных условиях. Государство, ученый совет или академия, выделяющие средства на исследования, требуют отчета в рациональном использовании этих средств. Это делается через оценку *значимости* статьи, которая определяется частотой ссылок на нее, что, в свою очередь, влечет за собой выстраивание рейтинга журналов, авторов и, в конечном счете, университетских кафедр. Общественная оценка стала важным фактором в деятельности журнала.

Ведущаяся в Великобритании полемика касательно оценки работ предполагает на данный момент два варианта: значимость работы или автора измеряется напрямую через количество ссылок на них, или же значимость журнала, статьи или автора измеряется количественно в зависимости от частоты их упоминания в серьезных журналах. Оба метода вызывают протест со стороны британской академической археологии, по следующим причинам: частое цитирование статьи не означает, что изложенные в ней идеи верны, не менее вероятно и обратное; археологи часто стремятся публиковать свои труды в той стране, где работают, и на языке этой страны – соответственно понятие “всемирного рейтинга” к журналам неприменимо; археологи используют работы, опубликованные десятилетия, а иногда и столетия назад, а не только новейшие исследования.

Иными словами, поскольку в археологии существует слишком много ссылок на слишком большое количество материала, упомянутые выше критерии оценки лишены смысла. Археология, в отличие от политики, которая решает глобальные проблемы, в отличие от ядерной физики, которая решает проблемы вселенские, занята частными проблемами. И решения, которые она предлагает, тоже частные. Но из этого не следует, что они менее значимы.

Однако какой-то метод оценки найти необходимо. Суммы субсидий, которые сами зависят от оценки, увеличиваются, поскольку ученые советы стремятся получить пространство на страницах наиболее серьезных журналов и обеспечить в интернете бесплатный доступ к результатам исследований. Такая система прибегает к услугам журналов, но стоимость публикации оплачивается через автора, а не через подписчиков. Авторские выплаты поддерживают журнал, работы получают экспертную оценку и размещаются в интернете, где любой человек может их прочесть. Такая система “открытого доступа” пользуется большой популярностью в университетах, поскольку экономит бюджеты университетских библиотек.

Такой подход сопряжен с некоторыми трудностями, в частности применительно к “Antiquity”. Во-первых, наш журнал действует во всемирном масштабе и читается отнюдь не в одной стране. Мы бы не хотели, чтобы сумма знаний определялась учеными советами развитых стран.

Во-вторых, ученые советы не располагают монополией на открытия и оригинальность. Археология, в частности, находит источник вдохновения где угодно и делает интересные находки в самых неожиданных местах. Случалось, что археологические открытия совершались без ведома ученого совета, университета или даже специалиста-археолога. Иными словами, узки интересы ученых советов, а наиболее одаренные из наших авторов зачастую бедны.

В-третьих, экспертная оценка, при всей ее значимости, не окончательна. Что по-настоящему важно? Оценка в долгосрочной перспективе. Всем нам известны прецеденты опровержения когда-то превозносимых идей. Известны нам и подтверждения того, что ранее считалось абсурдным. Именно поэтому все идеи следует сохранять на будущее. Разумеется, нельзя перекладывать ответственность за оценку на плечи грядущих поколений, но на настоящий момент подлинная экспертная оценка исходит от читателей журнала и выражается она в том, готовы ли они его покупать.

Применительно к академическим журналам коммерческая модель редко представляется жизнеспособной – печать дорога, читателей мало, да и денег у иных читателей в обрез. Можно ли изменить ситуацию, публикуя журнал в интернете? Можно ли найти экономически оправданную модель, которая позволила бы академическому журналу совместить экспертное рецензирование и читательский интерес, создавая на этой основе действительно высококачественный продукт?

На последний вопрос я пока еще не могу дать ответа. Однако я могу рассказать о принципах и планах нашего журнала, поскольку надеюсь, что искус и испытания, через которые нам довелось пройти, могут оказаться полезными. Журнал “Antiquity” основан в 1927 г. с целью донести результаты проводимых во всем мире археологических исследований до самой широкой читательской аудитории. Основатель журнала, O.G.S. Crawford, рассчитывал на то, что журнал будет хорошо продаваться, и мечтал видеть его в книжных магазинах на Хай-стрит и в киосках, каковую мечту лелеяли впоследствии и преемники. Ныне количество популярных иллюстрированных изданий существенно возросло – *Archaeology*, *Current Archaeology*, *Current World Archaeology*, *Archeologia*, *Mondo Archeologico* и т.д., так что для некоторых частей света, во всяком случае, мы уже не являемся единственным источником информации. Однако другая часть нашей миссии остается: мы рассказываем миру об археологии, а археологам – друг о друге.

Недостаточная представленность в нашей клиентской базе заинтересованной общественности более чем компенсируется все возрастающим количеством профессионалов, занятых управлением ресурсами. С учетом государственных организаций и частных компаний и консультантов, численность этой группы значительно превосходит ака-

демический контингент и составляет в США 80% всего археологического сообщества. Многие из этих археологов тяготеют к фундаментальной науке, но других больше интересуют методы полевых исследований, или социальный контекст их работы, этика археологии. Соответственно, мы разделили наш материал на исследования, методику, дискуссии и рецензии.

Также мы не могли не заметить, насколько неравномерно наши авторы распределяются по странам. Невзирая на наше стремление рассказывать об археологических открытиях и идеях в масштабах всего мира, количество статей диспропорционально протяженности континентов и значимости их исторического прошлого. В тех странах, где действуют системы оценки значимости научных работ, появляется множество научных статей, поскольку это необходимо для выживания. Более того, в некоторых странах работа ведется в рамках другой теоретической парадигмы, отличной от общепринятой схемы “западной археологии” (например, Луис Бинфорд, Иэн Ходдер или Брюс Триггер), или же в них отсутствует теоретическая традиция. Это затрудняет для них экспертную оценку.

Эту проблему мы попытались решить двумя путями: во-первых, поощряя новые поступления через корреспондентскую сеть, во-вторых – путем создания в журнале раздела, не требующего экспертного рецензирования. Он называется Project Gallery и состоит из коротких заметок о новых проектах и идеях. Разместить их может любой археолог.

Электронный “Antiquity” вышел в сеть в 2005 г., и сейчас наш сайт посещают довольно много читателей. Большая часть каждого номера находится в открытом доступе например, в галерею проектов может зайти любой пользователь сети, а поскольку в каждом сообщении указаны координаты автора, читатель может сразу же связаться с ним напрямую. В открытом доступе также предоставляются новые услуги. Так, в рубрике *New doctorates* размещены аннотации всех направленных нам диссертаций на соискание степени Ph.D. Этим мы помогаем аспирантам, которые ищут работу, в пространстве их еще не опубликованных диссертаций. Также мы надеемся, что это ознакомит других молодых ученых с состоянием предмета и поможет им избежать дублирования уже проведенных исследований.

Мы считаем, что следует хранить память о тех, кто посвятил свою жизнь археологии. Самых знаменитых, разумеется, помнят, после их смерти пе-

чатаются некрологи. Но не только знаменитые археологи внесли вклад в науку. В новую рубрику *In Memoriam* любой пользователь может поместить биографию любого когда-либо жившего археолога. Таким образом мы надеемся выстроить некую археологическую просопографию, что будет нашим долгосрочным вкладом в историю предмета.

Итак, я рассказал о том, как, подобно многим редакторам до меня, пытался внести свой вклад. Но как же наш журнал сводит концы с концами? В интернет выложены все выпуски “Antiquity” начиная с 1927 г. и до последнего номера. Они доступны только подписчикам, которые должны ввести имя пользователя и пароль. При этом любой читатель имеет возможность платно скачать любую из 6000 наших статей. Почему мы требуем платы за прочтение опубликованных в журнале научных работ? Причина проста: на создание журнала требуются деньги, и мы предпочитаем получать их от читателей, а не от авторов. Но есть и другая причина, более фундаментальная. “Antiquity” – полностью независимая компания, независимая от любых государственных структур, издательств и посредников. Такой статус мы хотим сохранить, и это нам пока удастся. При этом стоимость наших материалов ниже, чем у *World Archaeology*, *European Archaeological Journal* и большинства наших конкурентов в издательствах. Мы намерены и впредь придерживаться принципов экспертного рецензирования и обеспечивать высокое качество материала, в то же время предоставляя каждому археологу возможность высказаться.

Итак, я думаю, что любой журнал может пользоваться интернетом, не поступаясь принципами. В будущем мы, очевидно, введем новые средства, которые позволят использовать преимущества электронной связи (например, систему перекрестных ссылок на материалы, опубликованные в разных журналах). Я хотел бы иметь возможность рассказывать нашим читателям о новых работах, опубликованных в разных странах, и обеспечивать им мгновенный доступ к этим работам. Мы, редакторы, должны гарантировать читателю, что журнал будет и далее придерживаться своих принципов: каждая статья должна быть отрецензирована, проверена и отредактирована. Это необходимо и возможно не только в печати, но и в сети.

Не могу не признать, что политика “Antiquity” несколько необычна. Однако смею надеяться, что вышеизложенные идеи останутся в ближайшие десятилетия полезными для “Российской археологии”.

Open access, commercial publishing and peer-review – Antiquity’s approach to the digital age

M. Carver

Summary

The article analyzes the role of academic journals in the age of the internet. Search engines, economic viability and open access are reviewed. An outline of the journal’s history and plans for the future is given.

РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ И СРЕДСТВА ИНФОРМАЦИИ: ИСТОРИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© 2007 г. Н. Я. Мерперт

Институт археологии РАН, Москва

На обсуждение Конференцией предложены три темы, неразрывно связанные друг с другом: археология и место научных журналов в ее развитии, роль выдающихся полевых открытий в развитии археологии как науки и проблемы археологии и ее положение в современном обществе. Они фактически охватывают все аспекты стремления человека к познанию самого себя, бесконечно многообразных путей сложения своей культуры – как материальной, так и духовной, путей, в значительной мере обусловивших многотрудные судьбы рода человеческого с его взлетами и падениями, великими свершениями и беспощадным разрушительством, высокими прозрениями и глубочайшими заблуждениями. Начало такого стремления к познанию своих судеб, в том числе с использованием и осмыслением материальных свидетельств (в сложном, но неизбежном симбиозе со свидетельствами духовными), уходит в глубочайшую древность. Тысячелетия предшествовали еще самому понятию “археология”, но элементы его зарождались уже и в портретных масках докерамического Иерихона, и в обследовании Ассурбанипалом древнейших памятников Месопотамии, и в гениальной провидческой периодизации первобытной истории по материалам и характеру орудий Титом Лукрецием Каром (за две тысячи лет до Христиана Томсена), и в путешествиях игумена Даниила и Венямина из Тедела в далекую Святую Землю. А далее – уже целенаправленные обследования первичных культурных очагов человечества, расшифровка неведомых ранее языков, вскрытие все более ранних ступеней развития наших предков, буквально перевернувшее представления о них и вот уже более двух столетий непрерывно обогащающее их и хронологически, и географически и, главное, проблемно. Для подлинного постижения истории наступила новая эра. Полностью оправданными представляются слова одного из французских историков минувшего века: “если XV век открыл человечеству Америку, то XIX век открыл ему Месопотамию”. Тут уже отдельные открытия, верификация разрозненных фактов, разрешение считавшихся неразрешимыми вопросов и легендарными – событий, были постепенно сменены складывавшейся системой со своей активно развивающейся методикой, включающей все новые направления и все более актив-

но сотрудничающей с целой серией как смежных, так и далеких, казалось бы, наук, используя их достижения и, в свою очередь, обогащая их своими данными. Система вырабатывала новые формы использования археологического материала, каждая из которых ознаменована резким увеличением информативности общих заключений. Создавалась прежде всего научная методика самих раскопок с приведением ее в соответствие со спецификой памятников и выработкой соответствующих приемов полевого их исследования с определением прежде всего их назначения, времени создания, культурной принадлежности и места в развитии определенного комплекса. Ведь при всех своих поразительных результативности, многообразии и эффекте раскопки большей части XIX в. в Месопотамии, Египте, Анатолии сводились к расчистке монументальных сооружений и памятников искусства, культурно определявшихся и датировавшихся в большинстве случаев в достаточно широких, а в известной мере и условных рамках, намеченных по данным нарративных источников. Лишь зарождались такие понятия, как археологическая стратиграфия, относительная и абсолютная хронология и прочие собственно археологические дефиниции, решающие возможности которых не только не использовались, но даже не подозревались. Приведу здесь достаточно характерный пример. В 1867 г. английский офицер Ч. Уоррен предпринял первые масштабные раскопки Иерусалима и Иерихона. Его раскопки достигли значительной глубины, но методическая беспомощность, отсутствие принципов и эталонов хронологизации конкретных слоев, сооружений, групп массового материала, прежде всего керамики, привели к полному искажению соотношения слоев и времени их существования. При этом храмовые приношения времени Ирода Великого (I в. до н.э.) были приписаны царю Соломону (X в. до н.э.), а крепость Маккавеев Телль эль Фул (II в. до н.э.) отнесена ко времени крестовых походов.

Резкое изменение ситуации к концу XIX в. обусловлено началом выработки собственно археологических методов датирования, знаменовавших подлинный прорыв в создании полевой археологии в целом. Прорыв этот связан с именем крупнейшего английского археолога сэра Флиндерса Петри (рис. 1, 1), который на основании блестящих

Рис. 1. 1 – Флиндерс Петри; 2 – О. Монтелиус.

Рис. 2. 1 – С. Мюллер; 2 – Г. Чайлд.

исследований в Египте и Юго-Западной Палестине раскрыл специфику создания многослойных поселений (теллей) и значение керамики для определения относительной хронологии конкретных слоев. Им впервые выработан метод систематизации всех видов находок и прежде всего керамики, соответствующих конкретным периодам истории как долговременных поселений, так и связанных с ними некрополей (Petrie, 1891; 1898–1899; 1917; 1921; 1931–1934). Число же и многообразие хронологических реперов неизмеримо возросли, включив в

свой состав самый массовый археологический материал – керамику. Вся блестящая деятельность Флиндерса Петри закономерно сочеталась именно с выработкой методических приемов как осуществления самих раскопок, так и интерпретации и исторического осмысления полученных материалов. Стержневым феноменом этой деятельности, связанным далее с такими крупнейшими именами, как О. Монтелиус (рис. 1, 2), (Montelius, 1903), С. Мюллер (рис. 2, 1) (Muller, 1897), В.Г. Чайлд (рис. 2, 2) (1957) и др., явилось создание типологи-

Рис. 3. В.А. Городцов.

ческого метода, сохраняющего свои позиции ведущего аналитического метода нашей науки по сие время. Выдающимся представителем этого направления теоретико-методических разработок являлся и один из создателей русской первобытной археологии В.А. Городцов (рис. 3) (1927).

И именно формирование теоретической базы и собственной, постоянно обогащающейся методики определили закономерность места археологии как полноправного явления в современном научном мире, самостоятельного, но неразрывно связанного, как уже отмечалось, с целым рядом важнейших его звеньев. Подлинно великие археологические открытия XX в., касающиеся фактически всех сторон человеческого развития, – от антропогенеза до всех основных ступеней древней и средневековой истории, включая неизвестные ранее науке культурные образования, языки, государства, цивилизации – наилучшие тому свидетельства. И недаром один из крупнейших археологов прошлого века Вир Гордон Чайлд, посвятивший этим открытиям целую серию превосходных обобщающих монографий, одну из них – фактически итоговую – озаглавил “Прогресс и археология”, подчеркивая роль последней в определении основных факторов и судеб древнейших цивилизаций.

Активизация этих процессов, явившихся импульсом перманентного развития археологии и обогащения ее методической базы, в значительной мере зависела от широты и оперативности информации о новейших открытиях, их интерпретации и специфике, обусловившей разработку новых методов, их взаимодействия с появлением недоступных ранее возможностей проникновения вглубь сложнейших феноменов человеческой ис-

тории. Роль научной и популярной печати, вводящей фактически все основные этапы развития археологии в научный оборот и привлекающей к ним внимание все большего числа современников, в том числе представителей самых различных специальностей, не требует здесь специального разъяснения. Первые непосредственно археологические информации появляются в европейской печати уже начиная с XVII в., когда научная направленность по отношению к материальным памятникам древности (пока еще в единичных случаях подобно французской публикации 1667 года “*Journal des Savants*”: приношу глубокую благодарность М. Казанскому, указавшему мне на это издание) сменяет описания раритетов и эмоций путешественников (хотя в ряде случаев и последние чрезвычайно информативны и предвосхищают подлинные открытия; показательны здесь плодотворные ближневосточные обследования Пьетро делла Валле и Карстена Нибура в начале и середине XVII в.). И характерно, что первая половина XIX в. отмечена как началом целенаправленных, хотя методически еще далеких от подлинно научного уровня раскопок на Ближнем Востоке и в Седиземноморье, так и быстрым распространением информации об их результатах. За отдельными публикациями в журналах самого общего характера в ряде стран появились и специальные археологические журналы. Вначале в них закономерно преобладала античная проблематика. Первым здесь должен быть назван *Revue archéologique*, созданный в 1844 г. и приобретший международный характер как по авторству публикуемых исследований, так и по реакции международной общест-венности. По информативности и относительно ведущихся вот уже более двухсот лет исследований памятников античной культуры и коренных проблем ее журнал предельно насыщен. Охватывает он и прочие новые направления археологической деятельности, резко раздвинув ее географические, хронологические, проблемные рамки, укрепив их тематическую и теоретическую обоснованность. Достаточно показательны здесь примеры и таких ветеранов археологической информации, как *Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts* (1885), *Österreichisches Archäologisches Institut Jahreshefte* (1898) с исчерпывающими данными многолетних раскопок Эфеса (1927); *Antiquity* (1927) – предельно информативный археологически широкий журнал с обсуждением последних открытий ключевых археологических памятников и связанных с ними проблем и дискуссий.

Ныне число археологических периодических изданий в Старом и Новом свете многократно возросло, причем прослеживается тенденция к тематической направленности каждого их выпуска, что значительно повышает оперативность использования и прежде всего сопоставления новых материалов как внутри, так и межрегиональных. Ряд периодических изданий возникал одновременно с

открытием принципиально важных объектов, и далее освещали каждый этап их исследований. Именно эта форма оперативной периодической информации обуславливала возможность обсуждения уже в ходе работ возникающих дискуссионных проблем. В этом аспекте формы регулярной и предельно оперативной информации, прежде всего журналы, имеют особое значение, фактически воздействуя как на темп и характер работ, так и на степень обоснованности заключений. Еще раз подчеркну особое значение журналов, посвященных конкретным проблемам, – методическим (Radiocarbon) или историко-археологическим (New Biblical Archaeology).

Таковы – очень кратко – мои представления о соотношении и взаимодействии археологии со средствами оперативной информации. Подчеркну еще раз два основных определяющих фактора: оперативность и постоянная связь источников информации со средствами передачи последней. Оба взаимодействующих фактора возникли фактически синхронно, находясь в закономерной взаимозависимости. И это в значительной мере обусловило само формирование археологии и развитие ее как науки.

В полной мере относится это и к отечественной науке. Переходя к этому разделу, сразу же укажу, что не вижу оснований говорить о каком бы то ни было отставании последней от археологии западных стран, ни по времени возникновения, ни темпу развития и исследовательского охвата, ни по раскопной и интерпретационной методике, ни по выработке, освоению и совершенствованию новейших методических принципов и теоретических постулатов, ни по историческим обобщениям.

И все это при неизмеримо большем внутреннем географическом, хронологическом, экономическом, культурном, этническом многообразии нежели в любом другом регионе Старого Света, да и планеты в целом.

Интерес к памятникам своих предков в Древней Руси засвидетельствован уже в XII в., когда в “Повести временных лет” упоминаются княжеские курганы. Прямой аналогией деятельности европейских средневековых путешественников в Месопотамии и Египте явилась фиксация городищ, курганов, каменных изваяний в “Книге Большому чертежу” (1627 г.) в Центральной России, а в Сибири – грабительские раскопки курганов железного века. Найденные тогда (в основном в XVII в.) замечательные изделия из драгоценных металлов поразили культурную Европу подобно первым древностям Месопотамии из сборов Петро делла Валле Ж. Тавернье, Кристена Нибура. А Указ великого преобразователя России Петра I о создании кусткамеры (1718 г.) явился первой известной в истории инструкцией главы государства, направленной на сохранение древностей, – прямое свидетельство осознания научного их значения. Формировался исследовательский подход к археологическим

памятникам. Там же в Сибири Д.Г. Мессершмидтом в 1722 г. произведены первые для нашей страны научные раскопки курганов, в которых ранее видели лишь объекты грабежа. Они были продолжены в 1734 г. Е.Ф. Миллером и в 1778 г. П.С. Палласом. Первым из них впервые была составлена схема расположения курганов, включавшая около 100 объектов и учитывающая специфику именно археологических памятников. Тогда же поиски древностей были распространены на Поволжье, охватив города Волжской Болгарии со столицей ее г. Булгаром, начало исследованию которого было положено еще В.Н. Татищевым.

Во второй половине XVIII в. – с присоединением к России Северного Причерноморья – началось становление здесь античной и скифской археологии, достаточно оперативно охватившей весь регион, включая древнегреческие города Боспорского царства, Таманский п-в с Фанагорией на востоке и Буго-Днестровский лиман с Ольвией на западе. В конце XIX – начале XX в. основную роль в этих исследованиях играли крупнейшие антиковеды нашего времени акад. М.И. Ростовцев и проф. Б.В. Фармаковский, выработавшие классическую систему археологического исследования античных городов, признанную фактически всем научным миром.

Поразительное богатство территории России предельно многообразными археологическими памятниками предопределило постепенное распространение археологических исследований по всем основным ее регионам. Была выработана достаточно действенная структура их координации, пользовавшаяся государственной поддержкой. Руководящими ее институциями были Русское археологическое общество в Петербурге (1846 г.), Императорская археологическая комиссия (там же, 1859 г.) и Московское археологическое общество (1869 г.). Наряду с ними формировалась целая сеть университетов, губернских архивных комиссий, музеев, обществ истории, археологии и этнографии и др. Они активно участвовали в организации раскопок, пропаганде археологических знаний, создании временных выставок и постоянных экспозиций, число которых непрестанно возрастало.

Следует особо отметить, что как Археологическая комиссия в Петербурге, так и Археологическое общество в Москве возглавлялись выдающимися организаторами и профессионально подготовленными археологами гр. А.А. Бобринским (рис. 4, 1) (1887; 1894; 1901) и гр. А.С. Уваровым (рис. 4, 2) (1881), стимулировавшими развитие в стране основных направлений археологической деятельности – исследовательского, просветительского, учебного. И, конечно же, научно-информационного: в это время можно уже говорить о целой системе специальных изданий, в равной мере объемной, квалифицированной, технически совершенной и, главное, оперативной археологической информации. К этому я вернусь несколько ниже.

Рис. 4. 1 – граф А.А. Бобринский; 2 – граф А.С. Уваров.

Что касается полевых исследований, отдельные аспекты которых уже затронуты выше, то внимание первых (русских археологов З.Я. Ходаковского, А.И. Оленина и др.) с самого начала их деятельности особо привлекали тысячи городищ лесных и лесостепных областей, оставленных их аборигенами и – южнее – десятков тысяч курганов специфических скотоводческо-земледельческих групп бескрайних южнорусских степей. Их исследования становятся одним из основных направлений формирующейся русской археологии.

В целом же во второй половине XIX в. здесь складываются уже четыре раздела ее: первобытный, классический, славяно-русский и восточный. В каждом из них к началу XX в. определились конкретные исследовательские направления и связи со смежными науками. Достаточно показательны здесь глубоко обоснованные связи русской первобытной археологии с геологией, палеонтологией и палеоантропологией и далее – вплоть до исторического направления – основного и объединяющего все разделы археологической науки. Плодотворные опыты исторического синтеза археологических источников коснулись самых различных периодов. Выразительным примером синтеза археологических источников с письменными, в том числе с русскими летописями явилась замечательная работа классика русской археологии А.А. Спицина (рис. 5) (1922). Особенно следует подчеркнуть чрезвычайно глубокие корни историзма отечественной археологии. Здесь уместно вспомнить слова одного из ее основателей графа А.С. Уварова, сказанные на III Археологическом съезде в Киеве в 1874 г.: “Неведение нами первобытной археологии не может служить предлогом для исключе-

ния ее из общего объема всей русской археологии. Хотя теперь, в данную минуту, мы не дошли до полного уяснения, каким народам принадлежали все эти памятники и какое могли иметь влияние на последующих насельников России, однако и теперь мы не можем отрицать *a priori* всякую связь между этими народами первобытной эпохи и нашими историческими племенами, тем более, что народы бронзового периода в последовательности эпох служили, наверное, средним звеном между этими племенами каменного века и племенами, упоминаемыми в летописях” (Уваров, 1881. С. 33). Этим принципам соответствовала и сплошная экспозиция Московского Исторического музея, подчеркивавшая исторический характер первобытной археологии, что отличало ее от большинства музеев Европы, где последняя фактически оказывалась вне исторического процесса. Это был достаточно значительный и смелый шаг в информации о подлинном значении материалов археологических исследований для воссоздания сложной и многообразной истории России, судеб конкретных групп ее населения и их культуры. Подчеркну весьма совершенную организацию этой информации, формы которой в конце XIX – начале XX в. ограничивались в основном описаниями хода и результатов раскопок и соответствующими иллюстрациями с выделением наиболее значительных и диагностирующих находок. Но они вводились в научный оборот целым рядом периодических и серийных изданий с предельной оперативностью и на чрезвычайно высоком полиграфическом уровне. Укажем лишь часть подобных изданий.

“Отчеты Императорской археологической комиссии”, “Известия Императорской археологиче-

ской комиссии”, “Древности”, “Труды археологических съездов”, “Материалы по археологии России”, “Древности Геродотовой Скифии”, “Материалы по археологии Кавказа”, “Древности Поднепровья”, “Записки Русского археологического общества”, “Записки Одесского общества истории и древностей”, “Записки Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете”, “Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества”, “Древности Восточные. Труды Восточной комиссии Московского археологического общества”. “Известия Русского археологического института в Константинополе”, “Православный Палестинский сборник” и др.

Многие ли давно сложившиеся европейские “археологические державы” могли представить к началу XX в. подобный список? И есть ли хоть один аспект археологии того времени в нем не затронутый?

Эти достаточно выразительный показатель роли взаимодействия научной активности и хорошо поставленной научной информации в общем процессе развития археологической науки в России.

Приращение научного уровня, результативности, а также и степени информативности археологических исследований в России представляется незакономерным, если не кощунственным. Достаточно вспомнить недоброй памяти “теоретическую дискуссию” конца 1920 – начала 1930-х годов и прозвучавшие на ней тенденциозные утверждения о том, что “русские археологи долго занимались как будто бессистемным и большей частью технически весьма несовершенным описанием фактов: задачи синтеза или вовсе не ставились или ставились примитивно и подражательно” (Равдоникас, 1930. С. 33). Или еще хлеще – что ... русская дореволюционная археология – археология императорских обществ и комиссий и по научной технике и по эрудированности и по уровню интересов ее основных представителей была во многом ниже археологических исследований буржуазных ученых Запада” (Кричевский, 1935. С. 125).

Между тем есть все основания утверждать, что выработанные менее чем за пол века развития русской дореволюционной археологии научные принципы, практические навыки, а также теоретические, методологические и методические установки в значительной мере определили позитивные тенденции всего дальнейшего развития отечественной археологии и плодотворное формирование целого ряда ключевых ее направлений. Наследство, полученное русской археологией от дореволюционной науки, было достаточно развитым, насыщенным и многоплановым. Последняя прошла уже значительный путь развития. В активе ее были открытия фактически во всех хронологических срезах, получившие широкое международное признание, причем в зарубежной научной прессе под-

Рис. 5. А.А. Спицын.

черкивались не только огромная перспективность археологии России, ее поразительное богатство, многообразие ее материалов, но и высокий уровень их аналитических исследований, формирование целой когорты специалистов европейского уровня фактически по всем разделам нашей науки.

И совершенно оправданно говорить о наличии и плодотворности преемственности между достижениями русской дореволюционной археологии и развитием ее в последующий период. Более того, за сравнительно короткий срок своего становления русская археология сумела создать “запас прочности”, в значительной мере обусловивший это развитие не только внутренними открытиями, но и результатами исследований на международной арене: здесь достаточно показательны русские раскопки в Иерусалиме, произведенные Архимандритом Антонином в 1883 г., позже обследования разновременных памятников Македонии П.Н. Мелюковым в 1891 г., раскопки столицы Первого Болгарского царства Плиски и разведки в Малой Азии Русского Археологического института в Константинополе, возглавлявшегося Ф.И. Успенским (1905 г.) и др.

Возвращаясь к общей характеристике археологической деятельности в нашей стране после 1917 г., следует отметить, что первоначально масштаб ее заметно возрос. Был устранен ряд ограничений, касавшихся проблем антропогенеза, а следовательно, и каменного века (начиная с самого понятия последнего). Открылся ряд новых университетов. Активизировалась деятельность многочисленных научных обществ. Резко возросла научная активность в национальных регионах, прежде всего на Кавказе и в Средней Азии, сразу же отмечен-

ная рядом крупнейших открытий на ранее слабо изученных (или совсем не изученных) территориях. В масштабах же всей страны не было отрасли археологии и проблемы ее, не получивших импульса для быстрого рывка вперед. Отмеченная преемственность с прошлым сочеталась с прогрессивными сдвигами во всех аспектах археологической деятельностью. Несмотря на все идеологические трудности 1920-х годов, вырабатывались новые, подлинно прогрессивные направления и методы науки, продолжал обогащаться “запас прочности” в ней, обусловивший преодоления тяжелого периода догматизма и политического экстремизма. Наука вернулась на путь конкретных полевых и обобщающих исследований с крупнейшими открытиями мирового значения – от первых ступеней антропогенеза до новгородских берестяных грамот, от сложения производящей экономики до сложения и развития государственности.

К числу наиболее поразительных открытий русской археологии второй половины XX в. должны быть отнесены эпохальные исследования Великого Новгорода, длящиеся более 60 лет и ознаменовавшиеся массовым открытием абсолютно нового, предельно информативного вида письменных источников – грамот на бересте, бесценной *непосредственной информации*, охватывающей самые различные стороны жизни древнего города и его обитателей, свидетельствующих о них фактически лично. В корне было изменено представление об уровне развития древнерусской культуры, в том числе о степени распространения грамотности (Янин и др., 2004).

Широкая информация об этом воистину мировом открытии (число грамот возрастает в Новгороде ежегодно, ныне их свыше тысячи) привлекла к себе пристальное внимание не только широкой исторической общественности всех стран мира, но и представителей самых различных наук, что решительно способствовало как всесторонности анализа принципиально нового источника, так и особое внимание к грамотам в ходе раскопок других объектов: ныне они открыты в ряде древнерусских городов, включая Москву (Янин, 2004).

Число объектов исследований российских археологов внутри страны и за ее пределами (в том числе в Египте, Ираке, Сирии, Афганистане, Монголии, Болгарии, Венгрии, Албании, на Шпицбер-

гене и в прочих странах), заслуживающих полноценной информации, постоянно возрастает. Неизмеримо возрастают и возможности такой информации, особенно с началом компьютерной эры и совершенно новыми ступенями взаимодействия внутри всего научного мира, когда оперативная, яркая и глубокая информация способствует дальнейшей активности, совершенствованию, новым этапам познания собственных же объектов, а следовательно, и документированных ими проблем.

Именно такая миссия и исполняется российской археологической прессой и ее наиболее оперативным подразделением – журналом “Российская археология”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 1. СПб., 1887.
- Бобринский А.А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 2. СПб., 1894.
- Бобринский А.А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 3. СПб., 1901.
- Городцов В.А.* Типологический метод в археологии // Общество исследователей Рязанского края. Сер. методологическая. Вып. 6. Рязань, 1927.
- Кричевский Е.Ю.* Памяти А.В. Шмидта // СЭ. 1935. № 3.
- Равдоникас В.И.* За марксистскую историю материальной культуры // Извест. ГАИМК. Т. 7. 1930. Вып. 3-4.
- Спицын А.А.* Археология в темах начальной русской истории // Сб. статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Петроград, 1922.
- Уваров А.С.* Археология России. Каменный период. М., 1881.
- Чайлд В.Г.* Археологические документы по предыстории науки // Вестн. истории мировой культуры. М., 1957.
- Янин В.Л.* Средневековый Новгород. М., 2004.
- Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Т. XI. М., 2004.
- Montelius O.* Die älteren Kulturperioden in Orient und in Europa. Bd. 1. Die Methode. Stockholm, 1903.
- Muller S.* Altertumskunde. Bd. 1. Strassburg, 1897.
- Petrie W.F.* Tell el Hesi (Lachish). L., 1891.
- Petrie W.F.* Diospolis Parva. Cemeteries Abadiyeh and Hu. L., 1898–1899.
- Petrie W.F.* Ancient Egypt. L., 1917.
- Petrie W.F.* Corpus of prehistoric Pottery and Palettes. L., 1921.
- Petrie W.F.* Ancient Gaza. L., 1931–1934.

Archeology and mass media: a history of interaction

N. Ya. Merpert

Summary

The report stresses two main factors: the efficiency and maximum completeness of introducing new data into the archeological science, which served as a reason for the creation, starting with the middle of the 19th c., of archeological periodicals in Europe. Examples from foreign and Russian archeology are quoted, proving the necessity of regular publication of archeological discoveries.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ ЗНАТИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ЮЖНОЙ СИБИРИ

© 2007 г. Герман Парцингер, Берлин

В развитии степного пояса Евразии особое место занимает культурное наследство, оставленное кочевниками скифского времени VIII–III вв. до н.э. Сила и положение отдельных представителей высшей социальной прослойки общества были отражены, прежде всего, в погребальном ритуале. Монументальные погребальные сооружения, так же как богатые погребальные дары с бесчисленными золотыми украшениями и драгоценными предметами импорта, показывают, как много значила для общества их элита.

Скифские “царские захоронения” в степях к северу от Черного моря были раскопаны еще в XIX веке. Несмотря на то, что многие из этих курганов были ограблены в древности и в более позднее время, в них были найдены выдающиеся комплексы. Курганные насыпи достигали при этом высоты 15–20 м, что отражает огромное количество труда, затраченного на их возведение. Они возводились из дерна и, в большинстве своем, окружались каменным кольцом у подножия, затем укреплялись глинистой обмазкой и, в завершение, каменным панцирем (Rolle, 1979; Grakov, 1980. 60 ff.; Rolle et al., 1998. 28 ff.). Под такими насыпями скифы Северного Причерноморья обычно погребали своих усопших в камерах, куда можно было попасть через входные коридоры (дромосы). Дромосы вели в глубокие, до 10–18 м глубиной, склепы, которые могли сопровождаться дополнительными камерами с погребальными приношениями, захоронениями свиты или погребениями лошадей. К выдающимся, богатым золотом погребальным сооружениям Нижнего Днепра относятся комплексы Солохи, Чертомлыка, Толстой Могилы, Соболевой Могилы, Бабиной Могилы, Огуза, Александрополя, Мельгуновского кургана, Рыжановки и т.д. Все они датируются преимущественно IV в. до н.э. (Rolle, 1979; Grakov, 1980. 53 ff.; Parzinger, 2004; Мозолевский, Полин, 2005).

Для скифов погребения их правящей прослойки имели совершенно особое значение, что демонстрируют погребальные комплексы. Это наглядно показывает также одна из историй, упомянутых Геродотом. Когда персидский царь Дарий вторгся с территории нижнего Днепра в скифские владения, скифское войско, опустошая землю и избегая сражений, постоянно отступало назад, не останавливаясь и побуждая противника к утомительному преследованию. Скифский царь Иданфирс сказал,

что он только тогда будет готов к сражению, когда персы приблизятся к могилам отцов и будут угрожать им уничтожением. По Геродоту, царские склепы скифов лежали в местности Геррос (Herodot IV, 71), через которую протекал Борисфен (Днепр). И действительно, в районе Нижнего Днепра известно множество богатых больших скифских курганов, которые могли бы стоять за этим преданием.

В этом сердце северопричерноморской Скифии известно множество погребений скифов царского и иного высокого ранга. Далее к востоку с этими находками сопоставимы выдающиеся комплексы савроматского (Филипповка) и сакского (Иссык) круга (Oro, 2001; Акишев, 1978). В Южной Сибири – это некрополи в горах Алтая Пазырыкской культуры (Туэкта, Башадар и Пазырык), с их законсервированным в вечной мерзлоте погребальным инвентарем, показывают совершенно особый тип погребений знати всадников-кочевников скифского времени (Rudenko, 1952; Руденко, 1953; 1960).

При этом наше знание погребальной архитектуры в этом регионе еще очень ограничено. Поэтому несколько лет назад мы начали вместе с нашими постоянными партнерами систематические исследования отдельных больших курганов в этом важном регионе к востоку от Урала, чтобы получить больше информации о стоящих за этими сооружениями идеями и ритуалами.

Большой курган Байкара в Северном Казахстане

В 1997–1999 гг. был начат совместный проект Евразийского Отделения Немецкого Археологического Института в Берлине (Г. Парцингер, А. Наглер) и Северо-казахского Университета в Петропавловске (В. Цайберт, А. Плешаков) включающий раскопки курганного могильника Байкара около с. Сергеевка Североказахстанской обл. На второй надпойменной террасе, в 2 км западнее р. Ишим, простирается обширный могильник. Над древним кладбищем господствует большой курган № 1, высотой 6 и 62 м в диаметре. В результате раскопок выяснилось, что в случае с этим курганом мы имели дело не с погребальным сооружением, а в большей степени со святилищем, со сложным ритуалом (Parzinger et al., 2003).

Его сооружение в V–IV вв. до н.э. началось с подготовки поверхности для будущего кургана, которая была окружена кольцевидным рвом

Рис. 1. Байкара. Курган 1, фаза 1.

Рис. 2. Байкара. Курган 1, фаза 3.

(фаза 1) (рис. 1). С юго-востока располагался вход во внутреннее пространство, продолжавшийся дромосом, который спускался наклонно вниз, затем несколько метров шел в виде туннелеобразного подземного лаза, около центра кургана, посредством двух ступенек снова выходил на древнюю поверхность. Там находилась короткая деревянная вымостка, рядом с которой были найдены 27 каменных грузил. К северу от них располагалась овальная и не очень глубокая яма 1, которая была выстлана рогожей. Примечательно то, что как дромос, так и яма 1 были вырыты не инструментом типа лопаты, как показывают следы на стенках, здесь был применен боевой топор, т.е. один из предметов вооружения, являвшийся социальным символом скифских воинов, который абсолютно не был для этого предназначен. Только ритуально-культовое объяснение можно также дать и другому феномену. Сложенные в кучу непосредственно к югу от ямы 1 27 грузил должны были, видимо, символизировать положенную в центр кургана рыбацкую сеть. Юго-западнее и северо-восточнее ямы 1 находились две ямы меньших размеров, в которых были обнаружены конусовидные образования из красноватой обожженной глины. В западной поле поверхности кургана были в дальнейшем поставлены 11 деревянных столбов, на которых, вероятно, укреплялись какие-то предметы, возможно использовавшиеся в культовых действиях (Parzinger et al., 2003. 12 ff.).

В последующий период дромос и ямы были перекрыты дерном, а столбы удалены из западной половины (фаза 2). В конце концов, вся внутренняя поверхность кургана была покрыта несколькими пластами березовой коры и окружена каменным валом, который все еще был открыт в юго-восточной части (Parzinger et al., 2003. 36 ff.).

Непосредственно за этим произошло возведение насыпи кургана (фаза 3). Насыпь состояла из дерна и была обмазана мощным слоем глины, которую затем накрыл каменный панцирь, который своими краями соединялся с каменным валом (рис. 2). Важно отметить, что внутреннее про-

странство кургана содержало пустоты: три хода, один больших размеров, с юга и два несколько меньших размеров, с севера, вели в центр насыпи и должны были первоначально соединяться там в помещении, которое, однако, было полностью уничтожено в период возведения впускной могильной ямы сарматского времени. Эти ходы содержали столбовую конструкцию, плетеную облицовку стен и березовую кору на полу; в них можно было войти только в согнутом состоянии (Parzinger et al., 2003. 50 ff.).

После того, как эти ходы и центральное помещение потеряли свое значение, они были обвалены посредством удаления подпорок, затем насыпь была снова выровнена (фаза 4). Курган получил после этого асимметричную форму, его западная половина стала выше и имела крутые фланги, в то время как с востока он был более плоским. Непосредственно к западу от центра кургана была воздвигнута прямоугольная каменная платформа, которая содержала конструкцию из красноватой обожженной глины. Возможно, здесь было какое-то конусовидное сооружение, как в случае с двумя маленькими ямами фазы 1 (рис. 3). Можно предположить, что в районе этой платформы, скорее всего, происходили культовые действия, от которых, однако, в результате более поздних разрушений и перестройки этого места в сарматское время ничего не сохранилось (Parzinger et al., 2003. 36 ff.).

В этой связи интересно одно замечание Геродота (IV, 62) относительно курганов, на которых сооружалась платформа из веток, на вершину которой затем водружался короткий железный меч. Он должен был символизировать скифского бога войны. Геродот подчеркивает при этом, что такие курганы не были симметричны, но с одной стороны были круче, чем с другой. Это описание вполне соответствует тому, что было найдено на святилище Байкара. Очевидно, что такие сооружения, как Байкара, играли важную роль не только как места для погребений, но и как святилища.

После фазы 4 оформление этого кургана в скифский период было закончено, и он оставался

после этого несколько столетий нетронутым, пока не последовало его вторичное использование в сарматское время. Временные промежутки между фазами 1–4 должны были быть незначительными, хотя их и нельзя узко датировать. То, что строительные периоды возведения кургана пересекаются друг с другом и между ними существует внутренняя взаимосвязь, говорит о том, что все они были изначально запланированы. Поэтому вряд ли можно предположить существование длительных промежутков времени между отдельными строительными фазами.

Многочисленные конструкции, обнаруженные в кургане 1 Байкары вместо центральной могилы, могли означать символическое погребение или служили ритуальным местом при проведении похорон. Этот курган является в настоящее время единственным комплексом подобного рода и обогащает наше знание о мире религиозных представлений, связанных с культом мертвых.

Курган Аржан в Туве

После полученных в Байкаре результатов мы сочли необходимым исследовать большие курганы и в Южной Сибири, чтобы больше узнать об их архитектурном развитии и стоящих за ним ритуалах. Выбор пал на некрополь Аржан в Северной Туве, один из самых больших и значительных в Южной Сибири, особенно с точки зрения генезиса скифской культуры.

В 1970-е годы М.П. Грязнов исследовал в этом могильнике большой курган Аржан 1, который представлял собой построенную из камня платформу, почти 100 м диаметром и всего 3–5 м высотой. Под насыпью была обнаружена, до сих пор единственная, деревянная конструкция, которая состояла из многочисленных прямоугольных и подтрапиевидных камер, располагавшихся по кругу в несколько рядов вокруг центра. Бревенчатая центральная камера была окружена восьмью деревянными гробами, очевидно содержащими погребения представителей челяди, которые после смерти вождя были умерщвлены и положены с ним в могилу, подобно тому, как описывает Геродот обычаи причерноморских скифов. В различных, сгруппированных вокруг центра камерах были захоронены более 200 лошадей, которые либо принадлежали княжеской чете, либо были принесены в жертву во время погребальной церемонии. Место погребения вождя и его жены в центре кургана было практически полностью разграблено. Тем не менее многое указывает на богатое убранство могилы и погребенных роскошными одеяниями и шкурами, а также золотыми украшениями (Грязнов, 1980; Grjaznov, 1984). Дендрохронологические анализы позволяют датировать этот курган концом IX–VIII в. до н.э.

В 2000 г. в рамках сотрудничества с Государственным Эрмитажем (К. Чугунов) мы начали раскопки другого большого кургана в Аржане, которые продолжались до 2003 г. Поражает то, что на

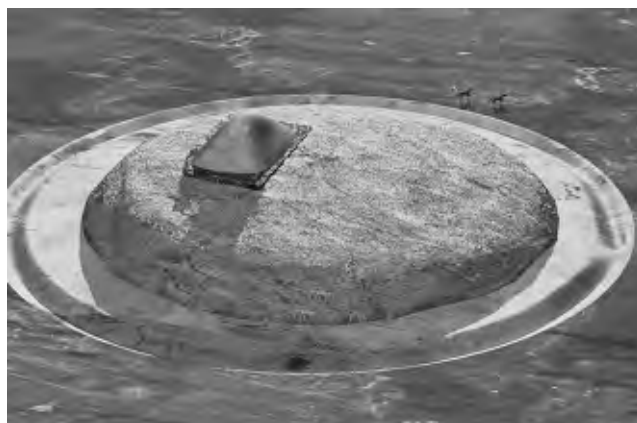

Рис. 3. Байкара. Курган 1, фаза 4.

равнине Аржан, среди сотен насыпей, в виде каменных платформ были воздвигнуты только четыре кургана, расположенные в цепочку по линии 3–В, на расстоянии 3–4 км друг от друга. Курган Аржан 1 был крайним на западе группы, в то время как исследованный нами в 2000–2003 гг. курган Ажан 2 располагался на самом востоке этой линии.

Удивительным образом мы столкнулись в случае с Аржаном 2 с захоронением представителя знати (могила 5), которое находилось не в центре, а в северо-западном секторе кургана. Заполнение и каменное перекрытие шахты не были потревожены, что уже указывало на неограбленное погребение. На глубине 3 м появились брусья деревянного перекрытия погребальной камеры. Они не были потревожены, и только в южном конце заполнение просело из-за большого веса. Расчистка показала, что под первым бревенчатым перекрытием следовало еще второе, выполненное из мощных стволов, которые располагались поперечно по отношению к верхним брусам. Во внешнюю камеру была встроена еще одна, внутренняя. В районе головы и груди погребенных могила была почти не заполнена землей (рис. 4). Четыре внутренние стены были драпированы красной тканью, от которой остались незначительные фрагменты. На не менее тщательно обработанном дощатом полу камеры располагалось двойное погребение – мужчины в возрасте около 55 лет у северо-восточной стороны и женщины примерно 35 лет у юго-западной стороны (рис. 4). Первоначально пол был покрыт черным войлочным покрывалом (Сигунов et al., 2003).

На мужчине была надета массивная гривна из золота, украшенная по спирали в зверином стиле (рис. 5). На ее четырех гранях припаяны бесчисленные миниатюрные фигурки пантер. Верхняя одежда покойного, накидка или куртка с коротким стоячим воротником, была также украшена тысячами маленьких фигурок пантер. На груди, на рукавах и на спине они были пришиты к одежде, составляя ряды волнистых линий, в которых можно

Рис. 4. Аржан 2. Княжеское погребение 5. После первой фазы расчистки.

Рис. 5. Аржан 2. Княжеское погребение 5, находки в районе верхней части мужского костяка (см. цветную вклейку № 1).

распознать крыловидный орнамент. Мужские штаны были расшиты тысячами крошечных золотых бусин (диаметром около 1 мм). Штанины брюк были заправлены в сапоги, которые на половине высоты больших берцовых костей заканчивались широкими золотыми отворотами. За и под головой мужского костяка находились пять пластинчатых зооморфных фигурок из золота с каплевидными эмалевыми вставками (четыре крылатых лошади и один олень), которые крепились к головному убору умершего. К вооружению умершего относился железный кинжал, который он носил на правой стороне. После реставрации оказалось, что ручка и клинок были украшены замечательными, в том числе фигурными золотыми вставками. На ремнях и ножнах кинжала также обнаружены многочисленные золотые украшения в зверином стиле.

Слева около умершего лежал золотой колчан с рисунком в виде рыбьей чешуи. Деревянные древки стрел были окрашены попеременно красными и черно-синими полосками. Сильно корродированные железные трехлопастные наконечники стрел имели золотые вставки. Богато украшены золотом были также ремни, к которым крепился колчан. Из-под колчана (горита) были извлечены остатки лука. Между колчаном и северо-восточной стенкой камеры лежал железный боевой топор с деревянной рукояткой, полностью украшенной по спирали золотой инкрустацией. Слева от головы и поверх колчана находилось маленькое круглое бронзовое зеркало (Сигунов et al., 2003).

Инвентарь женского погребения содержал также бронзовое зеркало, которое было найдено слева от головы погребенной. Оно несколько больше размерами и имеет ручку из органического материала, украшенную золотом. В районе головы были найдены золотые зооморфные пластины от головного убора. К нему относятся и две золотые булавки, стержень которых украшен по кругу зооморфными изображениями и увенчивается в одном случае фигуркой оленя (рис. 6), а в другом —

крыловидным орнаментом. Верхняя одежда погребенной была, как и в случае с мужским костяком, украшена бесчисленными золотыми фигурками пантер, которые и здесь образовывали крыловидный орнамент. В отличие от мужской одежды, где золотые фигурки были отлиты, женская одежда была расшита золотыми аппликациями, вырезанными из золотого листа. В районе груди были найдены бесчисленные бусы из граната, малахита, золота и стеклянной пасты. Здесь же были найдены две золотые серьги с грануляцией. Ниже пояса одежда погребенной не сохранилась, но расположение бус указывает на то, что на женщине была надета просторная юбка длиной ниже колен. Две золотые ленты с грануляцией и эмалевыми вставками в районе ног были когда-то закреплены на сапожках. На правом бедре погребенной был подвешен частично позолоченный кинжал. В западном углу камеры находились деревянная чаша с золотой ручкой, золотой гребень с деревянными зубьями, золотая пектораль в зверином стиле, а также лежащие в нескольких кожаных мешках сохранившиеся остатки пищи (Сигунов et al., 2003).

Княжеское двойное погребение могилы 5 Аржана 2 содержало более 9000 находок, из которых 5600 выполнены из золота. Большинство золотых предметов являются шедеврами искусства звериного стиля, некоторые из которых в этой части южной Сибири до сих пор не были известны. Эта сенсационная и одновременно удивительная находка представляет собой одну из богатейших могил кочевников скифского времени, и относится поэтому к наиболее выдающимся открытиям в Евразии за последние годы (Chugunov et al., 2001; 2002; 2004; Сигунов et al., 2003; 2006). Эта находка меняет также наше представление о кочевых элитах степей по другую сторону Урала, поскольку она показывает, что в Южной Сибири мы также имеем дело с «царскими» погребениями с богатым золотым убранством. Можно вполне утверждать, что Аржан 2 не был единственным случаем этого рода.

Рис. 6. Аржан 2. Княжеское погребение 5. Золотая булавка с навершием в виде оленьих рогов, относящаяся к головному убору женского костюма (см. цветную вклейку № 1).

Дендрохронологические анализы стволов лиственницы могильной камеры между тем показали, что деревья были срублены между 618 и 604 гг. до н.э. Следовательно княжеское погребение может датироваться концом VII в. до н.э. Палеопатологические исследования костного материала мужского костяка оказывают, что он умер от рака простаты и в последние годы жизни должен был испытывать страшные мучения.

Курган Аржан 2 содержал также другие одновременные погребения, которые можно рассматривать как описанные Геродотом захоронения насильственно умерщвленных слуг. Генетически обусловленные болезненные изменения в костном материале указывают на родственные связи между некоторыми из умерщвленных и княжеской четой. Если посмотреть на распределение могил под курганной насыпью, то бросается в глаза, что в западной поле кургана были похоронены только женщины, в то время как мужские погребения, исключая мужские могилы 24 и 26 в южной части каменного кольца — в восточной части. Такое пространственное распределение соответствует и ситуации с княжеским погребением 5, где мужчина также лежал в восточной, а женщина в западной части могилы.

В центре сооружения были найдены две большие пустые ямы 9 и 10 (рис. 7), которые не содержали остатков погребений. Видимо, они не предназначались для захоронений, и можно только гадать об их действительном назначении. Возможно,

Рис. 7. Аржан 2. Вид на курган с запада с пустыми могилами 9 и 10 в центре и княжеским погребением 5 слева от них.

они были как-то связаны с культовыми действиями, проведенными до возведения каменной платформы, поскольку в структуре кургана определенно заложена линия, ориентированная в направлении С–Ю, на юге упирающаяся в каменное кольцо, между двумя воинскими погребениями 24 и 26, и затем заканчивающаяся слева окруженным камнями жертвенным местом с остатками кремаций и остатками стел (оленные камни) справа и в направлении на север попадающая затем прямо на “мостик” между ямами 9 и 10, и в северном своем окончании завершающаяся княжеской могилой 5. Сопровождения под западной полкой кургана могли быть в некоей функциональной зависимости от этой линии, но утверждать это преждевременно.

Важные наблюдения касаются также могилы 16 в юго-восточном секторе кургана, отличающейся от других погребений. В погребальной конструкции (8 м дл. и 3 м шир.) лежали костяки 14 лошадей. Лошади были положены рядом на животе с подогнутыми ногами, с головами, обращенными к западу. Бронзовые детали их упряжи, так же как и бронзовые украшения ремней, принадлежат к типу, который характерен для *алдыбельской* культуры Тувы (Грач, 1980). Рядом с каждой лошастью найдены две декоративные пластины, согнутые из золотого листа, которые в каждом случае украшали ее хвост и гриву. Исследования на ДНК костей 14 лошадей показали, что они происходили из различных табунов.

В отличие от всех погребений скифского времени в кургане, совершенных до возведения каменной платформы, лошади из могилы 16 были погребены позже, когда курган был уже насыпан. Стратиграфия, проведенная через могилу 16, не оставляет сомнений в том, что каменная платформа была в этом месте позже специально раскрыта для погребения лошадей. Сделанное открытие было затем вновь закрыто каменными плитами. Тщательность, с какой была восстановлена курганная насыпь, говорит о том, что захоронение ло-

Рис. 8. Барсучий Лог. Вид с юго-запада на разрез кургана.

шадей играло культовую роль и связано со всем сооружением.

Все многочисленные наблюдения свидетельствуют о том, что курган Аржан 2 не был чисто погребальным сооружением, но захоронение княжеской четы сопровождалось различными культовыми церемониями. Эта находка убедительно показывает, что в случае с большими курганами скифского времени границы между погребальными и культовыми сооружениями были расплывчатыми. При этом описанный здесь ритуал полагался только верхушке кочевого общества.

Курган Барсучий Лог, Хакассия

Если мы последуем за Енисеем от его истоков в Туве вниз по течению, через западные Саяны на север, мы попадем в культурный ландшафт совершенно другого типа, в Минусинскую котловину. Во все времена плодородные долины и равнины этого региона с его сравнительно мягким климатом были густо населены, причем в период тагарской культуры скифского времени концентрация населения выступает здесь особенно четко, как показывают тысячи каменных курганов (Киселев, 1949; 1951; Вадецкая, 1986; Членова, 1967; 1992).

Вожди этой территории нашли свое последнее пристанище в обширном некрополе Салбык, в степи Енисейского левобережья, к северу от столицы Хакассии Абакана. Там находятся самые высокие курганы Минусинской котловины, более дюжины монументальных насыпей, квадратные основания которых выполнены из подобных мегалитам каменных блоков, среди них горизонтально положенные плиты перемежаются с вертикально стоящими многометровыми стелами. В 1954–56 гг. С.В. Киселев открыл Большой курган Салбык. К сожалению, о результатах этих раскопок известно немного (Киселев, 1956).

В 2003 г. силами Абаканского государственного университета (А. Готлиб), Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН в Новосибирске, и Немецкого Археологического Института в Берлине было решено исследовать

другой “царский курган” в Минусинской котловине. Выбор пал на курган внушительных размеров в ущелье Барсучий Лог Усть-Абаканского района Республики Хакассия. Как и большинство памятников этого региона, этот курган был ограблен, о чем свидетельствует большая грабительская воронка в центре насыпи. Форма кургана походила на пирамиду. Юго-западная часть была разрушена грабителями. По сторонам насыпь сползла, ее верхняя часть уплощена. Но и в этом виде высота погребального сооружения достигала 9 м. В некоторых местах из земли выступали частично засыпанные каменные стелы высотой 1.20–1.60 м.

Для получения наиболее полного представления о структуре курганного сооружения, через насыпь были проведены семь параллельных бровок (рис. 8). При этом оказалось, что насыпь состояла исключительно из дерна и местной красноватой глины. Впускных погребений и перестроек кургана зафиксировано не было.

Исследование кургана показало, что его строительство было осуществлено в несколько этапов. На первом этапе в западной поле кургана была выкопана яма размерами 7.35 × 7.20 м и глубиной 3.60 м. Вдоль северного и южного краев ямы были выложены линзы выкида красноватой глины, размерами 14 × 11 м и 14.40 × 13.40 м и мощностью 1.30–1.40 м. В это же время началось воздвижение каменной обкладки из орфостатных камней и стел (рис. 9, 1).

На втором этапе была сооружена деревянная погребальная камера (погребение 1). Могила была перекрыта толстыми стволами лиственницы, а над перекрытием устроена овальная деревянная платформа. От каменной обкладки в западной поле к камере вел выстроенный из мощных камней дромос (рис. 9, 2). Каждое бревно было с целью защиты от влажности обернуто березовой корой. В заключение вся деревянная конструкция была перекрыта полосами березовой коры.

В этом состоянии курган стоял некоторое время, пока в камере не был захоронен покойник. Затем деревянная конструкция была подожжена, она горела очень интенсивно, и перекрытие камеры рухнуло в могилу (рис. 9, 2). Таким образом, здесь имело место преднамеренное разрушение могильной конструкции, которое было предпринято людьми, соорудившими курган. Это может быть объяснено только причинами ритуального характера.

На третьем этапе могильная яма и пространство между линзами выкида к северу и югу от могилы было заполнено дерном. Так, в западной части внутри каменной ограды будущего кургана возникло центральное сооружение в виде платформы двухметровой высоты со скругленными углами.

В это же время сооружение было окончательно обрамлено каменной оградой, которая была начата уже на первой стадии. Внутри были выложены каменные кучи напротив больших каменных плит, на которых затем был выложен дерн. Снаружи, на-

против плит были поставлены вертикальные камни. Все эти меры преследовали только одну цель, придать конструкции наибольшую стабильность и жесткость. Сооруженный до этого дромос находился к востоку от каменной ограды. Он был выстроен непосредственно перед воздвижением кургана.

На последней стадии курган обрел свою пирамидальную форму с тремя крутыми сторонами на севере, западе и востоке, и одной пологой на юге. Верхушка пирамиды была уплощена. Эта пирамидальная постройка была напоследок покрыта блоками из местной красноватой глины, так что на фоне зеленого степного ландшафта курган выглядел как сверкающий красный холм.

В дальнейшем насыпь потеряла свою четкую форму, и, в заключение, курган был ограблен. Грабители знали при этом удивительно точно, где находилась могила, а именно прямо к западу от середины кургана, как было и в случае с Большим курганом Салбык. Это произошло на тесинском этапе тагарской культуры, на что указывает захоронение черепа собаки на дне погребальной камеры после ее ограбления. Такой ритуал – положение собаки или ее головы в ограбленные тагарские могилы – был характерен для носителей тесинской культуры. Однако о действительном смысле этого обряда (осквернение погребальной конструкции?) можно только догадываться.

Погребальная камера была полностью ограблена. Кости скелетов по меньшей мере от четырех умерших (трех мужчин и одной женщины), были разбросаны, частично выкинуты из могилы, даже пол камеры был перерыт. К немногим сохранившимся находкам относятся фрагменты глиняных сосудов сарагатского этапа тагарской культуры (V–III вв. до н.э.), различные стеклянные бусы, бронзовое шило, 52 обрывка золотой фольги, очевидно, покрывавшие какие-то деревянные или кожаные предметы. Некоторые из них имеют следы чеканного орнамента, сложные композиции из полукругов, треугольников и спиралей.

Другая могила (погребение 2) находилась в северной части каменной ограды и была перекрыта камнями. Здесь был похоронен мужчина, вытянуто на спине, головой на СВ. Погребального инвентаря рядом с покойным обнаружено не было. Однако то, что могила была перекрыта дерновой насыпью, доказывает, что она была сооружена одновременно с курганом и не является впускным погребением. 28 орфостатных камней и стел каменной ограды (рис. 9, 1) имели изображения указывающие, главным образом, на время, предшествующее возведению кургана. Очевидно орнаментированные камни были совершенно осознанно извлечены из древних погребальных сооружений и поставлены здесь заново, с тем, чтобы, возможно, связать похороненных здесь людей с уходящей в глубину веков традицией. Так, например, в западной стенке ограды были обнаружены две горизонтальные и три вертикальные каменные плиты с

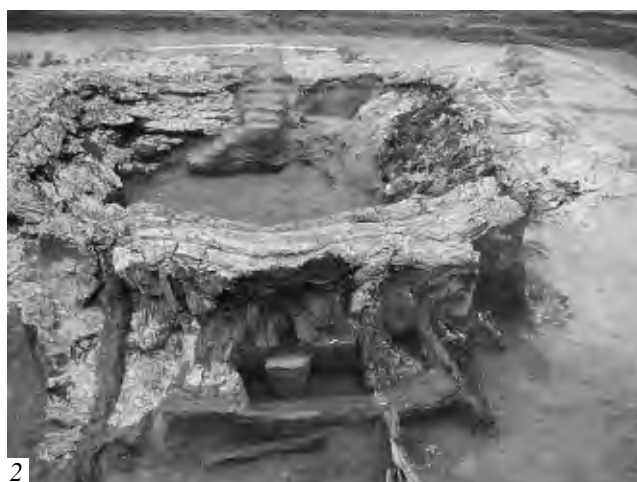

Рис. 9. Барсучий Лог. 1 – вид с востока на курган с каменной оградой и погребальная камера с двумя выемками на заднем плане (см. цветную вклейку № 1); 2 – вид с запада на дромос и находящуюся за ним погребальную камеру с остатками сожженного погребального сооружения.

изображениями эпохи бронзы. Самая северная из этих плит (рис. 10) представляет собой обработанный блок песчаника (около $3.0 \times 1.0 \times 0.1$ м), который был вкопан в землю горизонтально и дополнительно укреплен с боковых сторон тремя камнями. На нем помещена композиция из человеческих и зооморфных фигур, а в центре изображено копытное животное. Внутри этого изображения находится еще одно животное, которое из-за значительных отличий в технике изготовления не может быть отнесено к тому же самому времени. С центральной фигурой соотносятся некоторые антропоморфные фигуры, которые выполнены в той же технике. Изображены они в своеобразных грибовидных головных уборах и могут относиться к эпохе бронзы. Там же имеются небольшие изображения животных, которые принадлежат другой стилистической традиции, которая надежно датируется скифским временем. К ним относится изображение козла с окончаниями ног в виде спиралей

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 9,1

Рис. 10. Барсучий Лог. Вторично использованная каменная плита с петроглифами эпохи бронзы около северо-западного угла каменной обкладки.

и прямыми линиями на туловище, с аккуратно выполненной козлиной бородкой, извилистыми рогами и коротким хвостом. Другие животные изображены в виде силуэтов, например лошадь и два оленя с длинными разветвленными рогами.

В южной части ограды была вкопана другая вторично использованная стела тагарского времени. Петроглифы тагарского времени были найдены на внутренних плитах дромоса в восточной части сооружения. На одном из камней на северной стороне дромоса изображены олень с четко проработанными рогами, идущие рядом горные козлы и несколько человеческих фигур. На южной стороне входа, на другой каменной плите изображены также олень и несколько человеческих фигур. Изображения на этих двух плитах одновременны и относятся, скорее всего, ко времени строительства кургана.

Раскопки “царского кургана” Барсучий Лог позволили, таким образом, взглянуть совершенно по-новому на погребальный ритуал тагарской культуры в Минусинской котловине. Этот комплекс показывает, насколько огромны были затраты на погребение знати этого ранга. Важно отметить, что курган был воздвигнут в несколько этапов, связанных с разнообразными ритуальными действиями. Похожая ситуация отмечена уже в случае с североказахстанским курганом Байкара. Иначе трудно представить, зачем сначала была выстроена достаточно большая деревянная погребальная камера, отдельные бревна которой были даже обернуты березовой корой, чтобы изолировать их от влажности, хотя было заранее известно, что все сооружение после окончания погребальных действий должно будет быть сожжено и перекрыто курганной насыпью. Эти наблюдения показывают, что погребальное сооружение было воздвигнуто для вождя силами большого племенного объединения, чтобы и после смерти демонстрировались его ранг и верховное положение.

Не менее примечательно то, что курган продолжал функционировать и в последовавшее за тагар-

ским тесинское время. Могила была не просто ограблена, но планомерно уничтожена: пол могилы был перекопан, и части скелетов выброшены наружу, а в заключение в могиле была захоронена голова собаки. Бросается в глаза, что все другие большие курганы соседнего некрополя Салбык имеют следы такого же сильного разрушения, расположенного регулярно к западу от центра кургана.

Хотя мы и не можем знать этого достоверно, однако многое свидетельствует о том, что в данном случае было уничтожено все курганное кладбище. Причем не грабителями нового времени, а еще около 200 г. до н.э., когда Минусинская котловина была заселена носителями тесинской культуры, пришедшими сюда с юго-востока и, очевидно, отличающимися себя от тагарского населения. Поскольку в степи в районе Салбыка и Барсучьего Лога были похоронены вожди тагарской культуры скифского времени, чьи могилы были явно местами поклонения, и к тому же свидетелями древних местных традиций, их уничтожение и осквернение должно было положить им конец. Это уже не первый случай в истории, когда новые правители пытались насильственно стереть память (*damnatio memoriae*) о предшествующих им династиях, чтобы таким образом обосновать свои собственные претензии на власть и показать наступление новой эры.

Со времени первого открытия скифских “царских курганов” в северопричерноморских степях в XIX в. мы не раз убеждались, что кочевники скифского времени I тыс. до н.э. предпринимали огромные усилия для демонстрации высокого ранга своих ушедших из жизни вождей. Монументальные погребальные сооружения и сказочно богатые золотые сокровища играли в этом центральную роль. Новые раскопки в ряде мест евразийской степи – в Северном Казахстане (Байкара), Туве (Аржан) и Минусинской котловине (Барсучий Лог), которые велись нами вместе с нашими партнерами из Петропавловска, Санкт-Петербурга и Абакана, дали новый материал для исследования и значительно расширили наши представления о погребальном ритуале элит скифского времени к востоку от Уральских гор.

Исследование всех трех больших курганов показало, что они были сооружены в несколько приемов, и строительство их сопровождалось ритуальными действиями, связанными с похоронами покойников высокого ранга. Курганы Байкары, Аржана и Барсучьего Лога демонстрируют, с одной стороны, различия в погребальном обряде знати разных районов степного пояса Евразии. С другой стороны, в основе этих обрядов лежала одна общая идея, которая в каждом регионе принимала свои формы.

Тот факт, что в кургане Аржан 2 основное погребение осталось неограбленным, коренным образом изменяет наши представления о похоронах племенных вождей у кочевников Южной Сибири. До настоящего времени было распространено

мнение, что погребения кочевой элиты здесь не были богаты золотом. После раскопок Аржана 2 мы должны, однако, считаться с тем фактом, что и далеко на востоке степного пояса устраивались роскошные погребения, ничем не уступающие северопрichernоморским. Без сомнения, Аржан является только вершиной айсберга. То, что должно было пройти три столетия с начала раскопной деятельности в Сибири прежде, чем оказалось возможным открыть такой памятник, как Аржан 2, связано в первую очередь с интенсивным ограблением, прежде всего больших "царских" курганов. Комплекс Барсучьего Лога учит нас, однако, что это могло быть не только связано с деятельностью современных грабителей, но и быть частью историко-политического развития, имевшего место в степи в конце раннего железного века. Новые союзы племен вторглись в районы, заселенные до этого кочевниками скифского времени, где они столкнулись с племенами с ярко выраженной общественной структурой и четко сформированной элитой. Погребенные этой правящей прослойки почитались и после смерти в местах их монументальных погребений, как это можно видеть во многих случаях, например в Аржане. Если новые владыки хотели оборвать эту неуывающую мощь умерших предшественников, тогда в качестве действительного средства применялись разграбление и осквернение их могил.

*Перевод статьи с немецкого
В.И. Мордвицовой*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев К.А. Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978.
 Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
 Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
 Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
 Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. Вып. 9. М.; Л., 1949.
 Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
 Киселев С.В. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1956 г. Тез. докл. М., 1956.
 Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. Киев, 2005.
 Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.

- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
 Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
 Членова Н.Л. Татарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.
 Čhugunov K., Nagler A., Parzinger H. Der Fürst von Aržan. Ausgrabungen im skythischen Fürstengrabhügel Aržan 2 in südsibirischen Republik Tuva // Antike Welt. 2001. Bd. 32 (6).
 Chugunov K., Parzinger H., Nagler A. An elite burial of the period of early nomads in Tyva. A preliminary report of the 2001 Russian-German Archaeological Expedition // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2002. Bd. 10 (2).
 Chugunov K., Nagler A., Parzinger H. Arzhan 2 la tombe d'un prince scythe en Sibérie du Sud. Rapport préliminaire des fouilles russo-allemandes de 2000–2002 // Ars Asiaticus. 2003. № 59.
 Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythische Fürstengrabhügel von Aržan 2 in Tuva. Vorbericht der russisch-deutschen Ausgrabungen 2000–2002 // Eurasia Antiqua. 2003. № 9.
 Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der Goldschatz von Aržan. Ein Fürstengrab der Skythenzeit in der südsibirischen Steppe. München, 2006.
 Grakov B.N. Die Skythen. Berlin, 1980.
 Grjaznov M.P. Der Großkurgan von Aržan in Tuva, Südsibirien // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd. 23. München, 1984.
 Heidenreich H. Die sibirische Tagar-Kultur. Ein Forschungsbericht. Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar der Philipps-Universität Marburg. Bd. 23. Marburg, 1990.
 Oro. Il mistero dei Sarmati e degli Sciti. Ausstellungskatalog. Milano, 2001.
 Parzinger H. Die Skythen. München, 2004.
 Parzinger H. Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter. München, 2006.
 Parzinger H., Zajbert V., Nagler A., Plešakov A. Der große Kurgan von Bajkara. Studien zu einem skythischen Heiligtum // Archäologie in Eurasien. Bd. 13. Mainz, 2003.
 Rolle R. Totenkult der Skythen. Teil I. Das Steppengebiet // Vorgeschichtliche Forschungen. Bd. 18. Berlin; N.Y., 1979.
 Rolle R., Murzin V.Ju., Alekseev A.Ju. Königskurgan Čertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts // Hamburger Forschungen zur Archäologie. Bd. 1. Mainz, 1998.
 Rudenko S.I. Der zweite Kurgan von Pasyryk. Berlin, 1952.
 Wiesner J. Die Kulturen der frühen Reiternomaden. Studienausgabe zur Kulturgeschichte. Frankfurt am Main, 1973.

New investigations of elite burials of the Scythian time in Southern Siberia

H. Parzinger

Summary

The article presents new outstanding finds made during the latest years in the course of new investigations of elite burials of the Scythian time in Southern Siberia. Joint expeditions with Russian colleagues allowed to investigate the barrows of Arzhan II, Baikara and Barsuchiy Log, where outstanding new finds were made; complex investigations were conducted with the use of the newest natural science methods.

КУРТАКСКИЙ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ РАЙОН – ВЫДАЮЩИЙСЯ ЕСТЕСТВЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ В СРЕДНЕЙ СИБИРИ (к 20-летию со времени открытия)

© 2007 г. Н. И. Дроздов, Е. В. Артемьев, В. И. Макулов, В. П. Чеха*, Д. Н. Дроздов**

* Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,

** Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Куртацкий геоархеологический район расположен на юге Средней Сибири в Северо-Минусинской впадине и включает 20-км отрезок береговой зоны Красноярского водохранилища в долине Енисея (рис. 1). В 1986 г. в центральной части этого района на береговой отмели при проведении работ по паспортизации памятников археологии сотрудниками Красноярского государственного педагогического института были найдены каменные артефакты, имевшие архаичный облик и впоследствии определенные как ранне-, среднепалеолитические. Поскольку в бассейне Среднего Енисея это были первые подобного рода находки, была разработана программа исследований и началось целенаправленное комплексное изучение района находок.

Отличительной особенностью начавшихся исследований была их комплексность, сочетание методов как археологии, так и естественных наук. Этому способствовало создание в 1986 г. вначале в составе Красноярского филиала СО АН СССР, а впоследствии в составе Института истории филологии и философии СО АН СССР лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири под руководством Н.И. Дроздова. По сути, вся последующая история изучения Куртацкого археологического района была связана с указанной лабораторией и Красноярским педагогическим институтом (с 1993 г. университетом).

Наиболее активные исследования проводились в 1989–1992 гг. Уже в 1989 г. после рекогносцировочных работ район получил название “Куртацкий”, как зона сосредоточения разновозрастных палеолитических памятников. Он включал отрезок левобережной части Красноярского водохранилища протяженностью около 20 км между реками (а ныне заливами Красноярского водохранилища) Трифоновка и Ижуй. В геолого-геоморфологическом плане Куртацкий археологический район приурочен к одноименному крупному расширению долины Енисея (рис. 1; 2). Размах долины с учетом террас составляет здесь около 12 км. Выше и ниже расширения по течению долины сужается до 2–3 км. Характерно, что долина

Енисея расположена в зоне, пограничной между Северо-Минусинской межгорной впадиной и Восточным Саяном, разделяя соответственно степные, лесостепные и горнотаежные ландшафты.

После создания Красноярского водохранилища нижний ярус долины был затоплен, и на высоте 60–70 м над руслом Енисея был сформирован новый геоморфологический уровень с постоянной абсолютной отметкой 243 м. Он соответствует нормальному подпорному уровню (НПУ) водохранилища. Этот уровень выражен в виде высоких береговых отмелей. Выше отмелей располагается основной абразионный уступ. Морфология уступов и отмелей зависит от геологического, геоморфологического строения долины Енисея в зоне абразии, от гидрологического режима водохранилища. Отличительной чертой береговой зоны стали вскрытые абразией достаточно мощные (до 30–40 м) толщи четвертичных отложений, как в уступах, так и на отмелях (рис. 3; 4).

Уже первые исследования показали крайне сложное строение четвертичных отложений, определяемое различными взаимоотношениями субаэральных (лессовых) покровных толщ, древних педокомплексов и их осадочных аналогов, аллювиальных пачек. С другой стороны, на береговых отмелях в массовых количествах концентрировался археологический каменный материал, в первом приближении относящийся к разным периодам палеолита – от раннего до позднего, а также костные остатки крупных и мелких млекопитающих как эоплейстоценовых, так и относящихся к разным этапам плейстоцена – ранне-, средне-, позднеплейстоценовые. Таким образом, необходимо было, во-первых, расшифровать геологическое строение и возраст четвертичных толщ, во-вторых, “привязать” подъемный каменный материал к определенным стратиграфическим подразделениям, провести поиски артефактов *in situ*.

Результаты естественно-научных, археологических исследований Куртацкого археологического района неоднократно докладывались на международных конференциях и симпозиумах, причем непосредственно на территории района, на

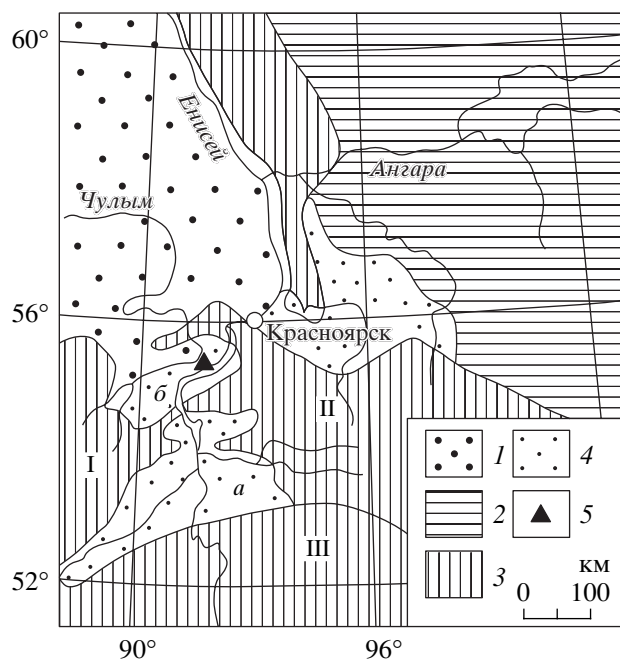

Рис. 1. Схема расположения Куртацкого геоархеологического района: 1 – Западно-Сибирская равнина; 2 – Средне-Сибирское плоскогорье; 3 – горные области: I – Кузнецкий Алатау; II – Восточный Саян; III – Западный Саян; IV – Енисейский кряж; 4 – межгорные впадины: а – Южно-Минусинская и Сыда-Ербинская впадины, б – Северо-Минусинская впадина; 5 – местоположение Куртацкого района.

конкретных памятниках и местонахождениях. Это полевая экскурсия международного симпозиума “Хроностратиграфия палеолитических памятников Северной Евразии” (Дроздова и др., 1990), международная конференция “Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке” (Дроздов и др., 1992), международная конференция “Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий” (Дроздов и др., 2000). В работе симпозиумов и конференций принимали участие специалисты широчайшего спектра наук и научных направлений Советского Союза, России, стран ближнего и дальнего зарубежья, среди которых США, Канада, Япония, Южная Корея, Китай, Австрия, Бельгия, Германия, Франция, Финляндия и т.д. (Drozdov et al., 2003; Naesaerts et al., 2005). Помимо опубликованных материалов указанных научных мероприятий, многочисленных статей (как в России, так и за рубежом) в 2005 г. вышла в свет монографическая характеристика геоморфологии и четвертичных отложений района (Дроздов и др., 2005).

Представим наиболее важные результаты исследований Куртацкого района, полученные за 20-летний период. Их достаточно условно можно разделить на естественно-научные, археологические, археологические и палеоэкологические.

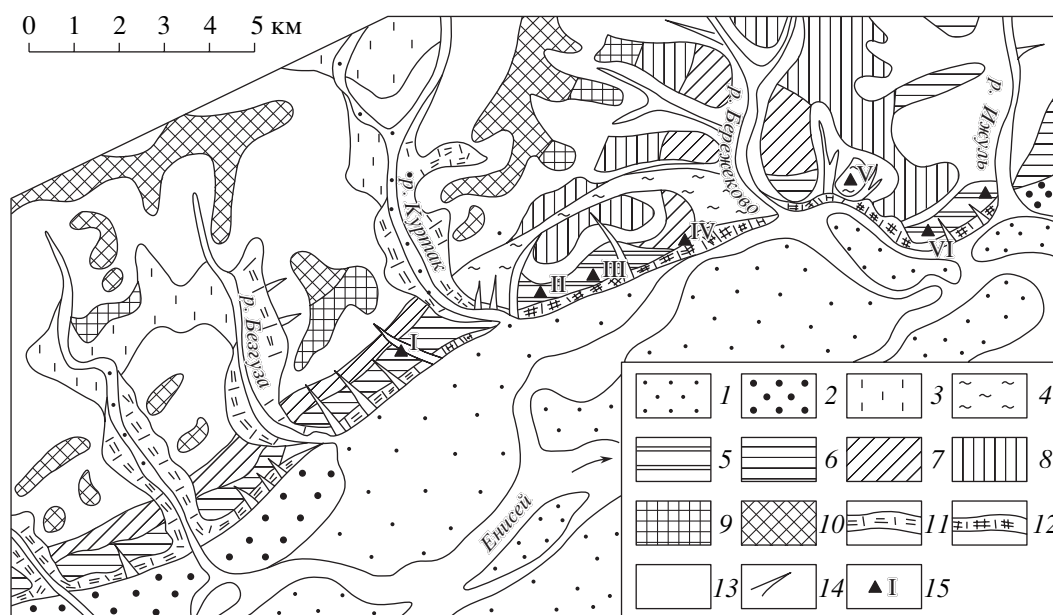

Рис. 2 Геоморфологическая карта Куртацкого археологического района (до создания водохранилища): 1 – поймы Енисея и притоков; 2 – низкие террасы; 3 – выположенные участки; 4 – погребенная долина Енисея (Q₁); высокие террасы (N₂ – N₁); 5 – 60 м, 6 – 70–90; 7 – 110–130; 8 – 150–170 м; 9, 10 – олигоцен-миоценовая, палеогеновая поверхности выравнивания; 11 – крутые склоны; 12 – обрывы; 13 – отлогие склоны; 14 – лога; 15 – палеолитические стоянки и местонахождения: I – Каштанка; II – Каменный лог I; III – Каменный лог II; IV – Бережево; V – Разлог II; VI – Верхний камень; VII – Усть-Ижуй.

Рис. 3. Участок береговой отмели. Куртаковский археологический район.

Рис. 4. Участок береговой отмели. Куртаковский археологический район. Вишняковско-Куртаковский археологический участок.

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Впервые в регионе детально изучен верхний ярус долины Енисея с комплексом высоких террас с высотами: (м) 150–170; 110–130; 70–90 и до 100 м (рис. 3; 4). Террасы являются цокольными. На террасе высотой 150–170 м вскрываются сильно выветрелые галечники с охристым, пестроцветным песчано-галечным заполнителем либо продукты глинистых кор выветривания с рассеянными гальками. Этот уровень, очевидно, может быть сопоставлен с верхним уровнем торгашинской террасы в Красноярском районе миоцен-раннеплиоценового возраста. Характер отложений нижележащей террасы в районе не изучен, но выше по течению они представлены “тонким покровом аллювия”. Терраса высотой 70–90 м является примечательным элементом долины Енисея. Ее наличие отмечали многие исследователи. Особенно отчетливо эта терраса выражена у п. Новоселово (гора Городовая). Далее она протягивается на левобережье в виде отдельных фрагментов до залива Ижуй. Аллювиальный покров террасы имеет также незначительную мощность (до 2–3 м) и у бывшего с. Куртак представлен охристыми суглинками с хорошо окатанным галечником различного состава.

Ниже высоких террас вблизи береговой отмели водохранилища из-под покровных отложений был вскрыт абразией цоколь террасы высотой 60 м. На

Рис. 5. Куртаковский археологический район. Местонахождение Бережеково. Раскоп 1. Общий вид.

цоколе фиксируются либо маломощные остатки аллювия, либо он покрыт только рассеянными галечниками и валунами устойчивых пород. На коренных породах цоколя, слагаемого песчаниками и алевролитами карбона, широко развиты песчано-галечные коры выветривания (рис. 5). На участке у с. Куртак ниже цоколя этой террасы еще в 1960-е годы был обнаружен фрагмент погребенной древней долины Енисея. Днище долины расположено на высоте 10–30 м над урезом Енисея. Как заполняющие долину осадки, так и вышележащие образования, явно разновременные, были отнесены к аллювию IV террасы. В затопленной части долины в пределах района распространены лишь низкие террасы: I (6–8 м), II (15–20 м). III терраса высотой 35–40 м имеет незначительное развитие и отчетливо выделялась лишь у бывшего с. Брагино. Комплекс низких террас отделяется от описанных выше уровней крутым скалистым уступом. В зависимости от срезаемых уступом элементов рельефа его высота колеблется от 30 до 150 м. Нередко низкие террасы вообще отсутствуют, и уступ примыкает непосредственно к пойме или руслу Енисея. Береговая зона водохранилища расчленена многочисленными долинами логов, небольших рек – левых притоков Енисея.

В результате детального изучения четвертичных отложений выяснилось, что в районе присутствуют отложения, охватывающие промежуток от позднего плиоцена (эоплейстоцена) до голоцена. В настоящее время это наиболее полный и представительный в Средней Сибири разрез, в первую очередь лессовой формации, представленной чередованием лессовых пород, ископаемых почв и их комплексов. Накопление широкого возрастного и генетического спектра достаточно мощных четвертичных отложений и их хорошая сохранность предопределились во многом своеобразным геоморфологическим положением (расположение в краевой части крупного расширения долины Енисея, оторванность от современных базисов эрозии). Субаэральные толщи, которые преобладают в разрезах района, по сравнению с осадками друго-

го генезиса отражают историю развития и палеогеографию наиболее полно. Это позволило в 1997 г. выдвинуть район в качестве одного из базовых, опорных в Сибири для комплексного исследования геологических разрезов по интеграционной программе СО РАН “Изменение климата и природной среды Сибири в голоцене и плейстоцене в контексте глобальных изменений”.

В местной стратиграфической схеме Куртацкого района выделены подразделения верхнего плиоцена (эоплейстоцена), нижнего, среднего, верхнего плейстоцена, а также целый ряд более мелких стратиграфических единиц.

К верхнему плиоцену (кочковский горизонт) отнесены аллювий террасы высотой 60 м и перекрывающие его лессовые породы. Аллювий включает серию гидроморфных почв, имеет обратную намагниченность (зона Матуяма). Лессы содержат остатки грызунов таманского комплекса.

Лебедский горизонт нижнего плейстоцена. В него включены отложения погребенной долины Енисея и склоновые шлейфы, примыкающие к высоким террасам (верхнегорская серия). Последние слагаются лессовидными породами, многочисленными педоседиментами, ископаемыми почвами. Мощность отложений до 50 м. В них присутствуют остатки грызунов и крупных млекопитающих Тираспольского комплекса. ТЛ-дата из лессовых пород 450 ± 42 т.л.

К среднему плейстоцену (бережековская серия) отнесены образования тобольского горизонта – вишняковский педокомплекс и залегающие выше отложения бахтинского ледникового надгоризонта – песчаный аллювий перигляциального комплекса, лессовые породы общей мощностью до 14 м. Возраст отложений определяется залеганием между палеонтологически охарактеризованными отложениями нижнего и верхнего плейстоцена. К среднему плейстоцену отнесена также “грубообломочная пестроцветная толща” склонового происхождения мощностью до 3 м. В ней обнаружены остатки среднеплейстоценовых мамонтов. Хотя положение толщи и ее внешние черты позволяют допускать ее более древний возраст.

Верхнеплейстоценовые отложения объединены в куртацкую серию общей мощностью до 25 м. В ее основании залегает каменоложская почва черноземного типа (казанцевский горизонт). К муруктинскому ледниковому горизонту в разрезах с нормальной лессово-почвенной последовательностью отнесены (снизу): 1) лессовидные супеси мощностью до 0,8 м; 2) сухоложский педокомплекс – состоит из четырех сближенных почв со слабодифференцированными профилями мощностью 2,0–3,5 м; 3) чанинская толща – лессовидные слоистые супеси мощностью до 20 м. На участках древних логов указанная последовательность нарушается. Здесь выделен возрастной аналог ниж-

него вюрма с другой фациальной характеристикой – дочанинские образования.

На отложениях чанинской толщи залегает куртацкий педокомплекс мощностью 1–4 м. Он соответствует каргинскому межледниковому горизонту. В большинстве разрезов педокомплекс имеет трехчленное строение (снизу): сильно нарушенная мерзлотными (в том числе с признаками многолетней мерзлоты) процессами почва с датами ^{14}C – 29–32 тыс. л.н., слабоборазвитая почва со следами солюфлюкции, слабодифференцированные продукты почвообразования с датами ^{14}C в верхней части 22–24 тыс. л.н.

К сартанскому ледниковому горизонту отнесены трифоновские слои – лессовидные супеси мощностью до 10 м. В кровле и в подошве лессов имеются псевдоморфзы по жильным льдам. Подробно хроностратиграфия четвертичных отложений рассмотрена в монографии (Дроздов и др., 2005).

Рассмотренная стратиграфическая схема основана в основном на образованиях лессовой (субаэральная) формации, служит сейчас в регионе основой для решения различных вопросов четвертичной геологии, палеогеографии, археологии и палеоэкологии человека. Анализ имеющихся естественно-научных и археологических материалов, сопоставление с другими регионами позволяют говорить, что Куртацкий район в этом отношении обладает высоким, но далеко не в полную меру использованным потенциалом. Вот некоторые дискуссионные вопросы, требующие разрешения: палеоклиматические параметры и индикаторы потеплений и похолоданий в регионах с резкоконтинентальным климатом, характер меридиональной и высотной миграций, трансформаций природно-климатических показателей и др.

К числу несомненных достижений следует отнести разработку палеогеографических сценариев развития природной среды внеледниковой зоны Средней Сибири для эпох потеплений и похолоданий. Для потеплений (казанцевское время, первая половина каргинского времени) в целом для региона устанавливается близкая современной структура растительности. Эпохи похолоданий имели гораздо более сложную структуру. Выделяются переходные этапы (раннемуруктинское, позднекаргинское время), когда в межгорных впадинах образовались промежуточные между лессами и почвами образования (педолиты). Похолодание климата начало приводить к смещению вниз растительных поясов и миграции таежной растительности во впадины. Появились ерниковые ассоциации. Собственно эпохи похолодания (вторая половина муруктинского времени, сартанское время) характеризовались разрастанием горного оледенения, расширением пояса горных тундр, мерзлоты, дальнейшей миграцией во впадины таежной растительности с элементами холодолюбивой гор-

ной. Однако разнотравные лесостепные, степные ландшафты здесь сохранялись на протяжении всего позднего плейстоцена. Одновременно получает развитие лесонакопление. Формируется “коричневый лёсс”. Дальнейшее развитие характеризовалось остепнением, расширением площадей лёссонакопления со сменой на “серый лёсс”. Отмечается “избегание” лёссами наиболее засушливых частей впадин.

В межгорных впадинах в эпохи похолоданий понижение среднегодовой температуры оценивается в первые градусы. В целом сценарии не дают оснований говорить о существенных зональных изменениях природной среды региона в эпохи похолоданий.

Эволюционный путь развития природной среды был не единственным в истории позднего плейстоцена. Выделяются отрезки времени с резким ухудшением климата (кризисные), с появлением в межгорных впадинах многолетней мерзлоты, а в растительном покрове лесотундровых (?), близких северотаежным, группировок. Продолжительность таких кризисов (среднемуруктинское, среднекаргинское, раннесартанское время) достигала первых тысяч лет. Используя метод актуализма (по мерзлотным явлениям) можно предполагать существование на юге Средней Сибири в такие периоды условий северной тайги, лесотундры (температура января $-36...-40^{\circ}\text{C}$, июля $16, 18^{\circ}\text{C}$, среднегодовая $-10...-12^{\circ}\text{C}$).

Одним из интереснейших объектов в районе является куртаковский почвенный комплекс (каргинское время). Помимо наличия в нем позднелеолитических стоянок, временной отрезок в палеогеографическом смысле остается в Северной Евразии слабоизученным. Это, в частности, определяет и проблемную в археологии задачу о переходе от эпохи мустье к позднему палеолиту. Поэтому значительным достижением стало получение для каргинского времени детальной палеогеографической летописи с выделением одиннадцати климатических этапов, основанной на весьма детальном (менее чем тысячелетие) хроностратиграфическом расчленении соответствующих образований.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

На территории Куртаковского геоархеологического района было выявлено около 20 местонахождений и стоянок раннего, среднего и позднего палеолита, относящихся к группе памятников с разрушенным культурным слоем. Дислокация археологического материала на пляже водохранилища значительно затрудняет его датировку. Поэтому основными критериями хронологического соотношения являются технико-типологические, морфологические показатели и древняя фауна.

Материал ранне- и среднелеолитического облика, выявленный на пляже, как правило, сопровождается артефактами более позднего времени. В данной ситуации хронологическим критерием наряду с архаичностью техники расщепления (радиальные леваллуазские и протолеваллуазские типы нуклеусов, присутствие пластин, острий, изготовленных в технике леваллуа *levallois a lame*, *levallois point*) (рис. 6, 7) выступает наличие сильной и средней степени дефляции. Соотнесение коллекций артефактов по степени дефляции полностью отвечает технико-типологическому своеобразию “ранних” и “поздних” комплексов.

До открытия Куртаковского района в целом по региону основные, самые древние памятники датировались возрастом как правило не древнее 20 тыс. лет. Открытие в Куртаковском геоархеологическом районе значительно удревнило историю освоения человеком территории Средней Сибири. Мы не ставим перед собой задачу дать характеристику всех стоянок и местонахождений Куртаковского р-на. В статье характеризуются лишь некоторые стоянки, наиболее ярко представляющие ранне-, средне- и позднелеолитические комплексы.

Местонахождение Каменный лог. Местонахождение располагается в береговой зоне водохранилища и занимает отмель между Каменным и Сухим логами. В береговом уступе были вскрыты все стратиграфические подразделения куртаковской серии позднего неоплейстоцена. На западе, вблизи Каменного лога отмель слагается песчаниками карбона, на которых рассеяны валуны, гальки кварцитов, кремней, окремненных пород, которые являются остатками аллювия 60-м террасы и продуктами размыва грубообломочной пестроцветной толщи (самаровский горизонт среднего плейстоцена). Здесь же концентрируются наиболее архаичные, домустьерские комплексы артефактов. Восточнее, на отмели появляется покров каменноложской почвы и образования сухоложского почвенного комплекса, где на поверхности отмели наиболее часты находки артефактов. Таким образом, хотя археологический инвентарь здесь является подъемным, часто смешанным (сочетание комплексов архаичного, мустьерского, позднелеолитического материала), образуясь за счет размыва разновозрастных толщ, его расположение контролируется в определенной мере геологически. Единичные артефакты домустьерского и мустьерского облика собраны непосредственно в геологических слоях – в пестроцветной грубообломочной толще и в сухоложском педокомплексе.

Археологический материал архаичного облика, собранный на береговой отмели, несмотря на подъемный характер, занимает определенные геологические позиции и также разделен на два комплекса (А – “архаичный” – ранний палеолит, Б – мустьерский). Наиболее архаичные комплексы

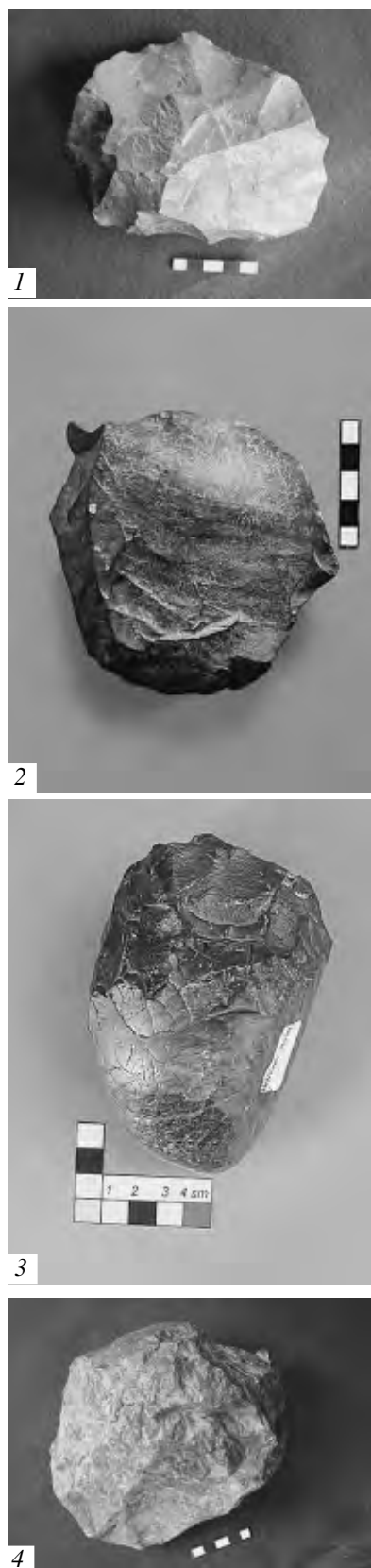

Рис. 6. Куртафский археологический район. Местонахождение Каменный лог. 1, 2 – нуклеусы леваллуа; 3 – чоппер; 4 – радиальный нуклеус.

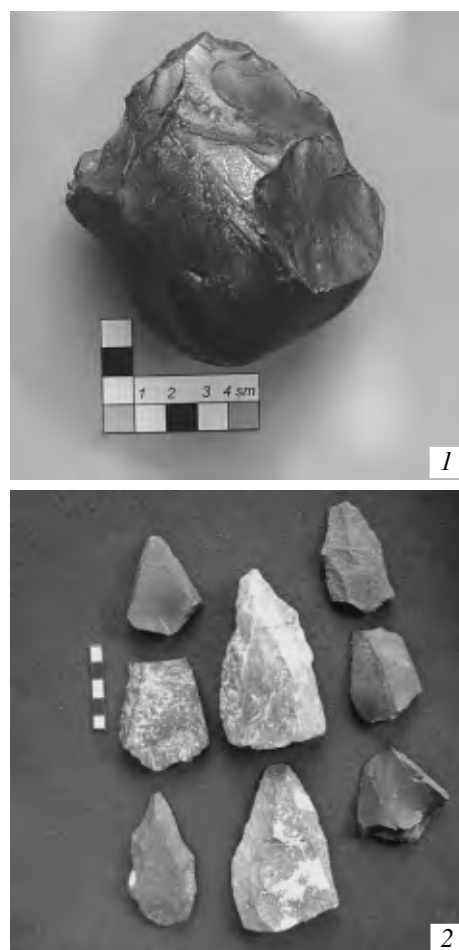

Рис. 7. Куртафский археологический район. Куртафско-Чанинский археологический участок. 1 – чоппинг; 2 – острия леваллуа.

артефактов концентрируются на западе местонахождения в местах размыва грубообломочной пестроцветной толщи, датированной средним плейстоценом, и непосредственно на коренных породах с размытой корой выветривания. Пространственно артефакты связаны с размытыми древними галечниками цоколя 60-м террасы. Эти галечники служили сырьем для археологического материала. Таким образом, геологическая позиция и закономерности распространения дают основания связывать археологический материал с отложениями второй половины среднего плейстоцена.

Каменный инвентарь состоит на 78% из кварца и кварцита различных цветовых оттенков. Первичное расщепление характеризуют нуклеусы, распределенные на несколько групп по оформлению фронтальной поверхности: радиальные; субпараллельного принципа; параллельного принципа. Среди нуклеусов выделяются изделия с выделенной *shapeau de gendarme* и ядрища с так называемым конвергентным скалыванием заготовок, когда в процессе использования площадка и

фронт нуклеуса меняются местами. Таким образом, среди первичного расщепления в “раннем” комплексе местонахождения Каменный лог преобладает леваллуазская технология подготовки и утилизации ядрищ не в классическом варианте, а в определяющих технику элементах подготовки и использования нуклеусов, о чем свидетельствует также коллекция леваллуазских острий.

Остальной каменный инвентарь представлен чопперами, чоппингами, рубилами и рубящими орудиями, скреблами и скребками.

Археологическая коллекция позднепалеолитического комплекса местонахождения Каменный лог насчитывает около 2500 артефактов. Основным критерием отнесения материала к этому комплексу явилось наличие традиционных для позднего палеолита Среднего Енисея технико-типологических и морфологических показателей (отсутствие следов дефляции или ее слабая степень, наличие микропластинчатой индустрии, параллельный принцип расщепления и др.).

Первичное расщепление представляют различные варианты нуклеусов на гальках ороговированных пород преимущественно зеленого цвета, широко представлены ядрища из мелкозернистого кварцита различных цветовых оттенков. Сочетание принципов расщепления имеет довольно обширный спектр: радиальный принцип, проявляющийся в основном при оформлении фронтальной поверхности перед скалыванием; нуклеусы субпараллельного принципа (веерного скалывания); широко представлены нуклеусы параллельного снятия заготовок; микропластинчатые нуклеусы. В целом среди плоскофронтальных нуклеусов большое место занимают нуклеусы с отдельными элементами леваллуазской техники и различным их сочетанием. Особенности первичного раскалывания в коллекции позднего комплекса позволяют поставить вопрос о характере генезиса микропластинчатой техники в позднем палеолите Среднего Енисея. Среди всех “галечных” нуклеусов 56% представляют “плоскофронтальные” ядрища, из них 32.5% имеют следы снятия удлиненных заготовок (или “забитость”) с конца одной из латералей плоского фронта, образуя группу комбинированных плоскофронтальных-торцовых нуклеусов. Следующая группа нуклеусов, отнесенная нами к торцовым, представляет собой микропластинчатые нуклеусы, переоформленные из монофронтальных плоских ядрищ, здесь скалывание микропластин является результатом применения целенаправленной техники. Следующую группу составляют собственно клиновидные микропластинчатые нуклеусы, образующие довольно четкие стандартизированные серии. Здесь преформами являются: плоскофронтальные “галечные” ядрища, бифасиальные и унифасиальные заготовки (частично с сохранением традиции оформления площадки клиновидного нуклеуса со стороны одной латерали), отщепы.

Результаты анализа этих групп изделий дают основание утверждать, что “поздний комплекс местонахождения Каменный лог” в первичном раскалывании иллюстрирует традиционно закрепленный эволюционный переход от плоскофронтального скалывания заготовок к микропластинчатой технологии. Вопрос о хронологическом отнесении данного комплекса остается открытым исходя из подъемного характера сборов.

В коллекции позднего комплекса отходы производства и возможные заготовки составляют всего 12% (возможно определенная часть их потеряна в процессе размыва пляжа).

Орудийный набор представлен скреблами на крупных отщепах с вентральной и дорсальной локализацией сколов оформления лезвия, отщепами и пластинами с ретушью различного характера. Микропластинчатая индустрия представлена только нуклеусами.

Местонахождение Разлог. Местонахождение Разлог расположено на береговой отмели водохранилища между приустьевыми частями логов Разлог и Четырехглавый, в 3 км ниже п. Куртак. Археологический материал концентрировался на низкой береговой отмели, единичные артефакты встречались под основным береговым уступом. Есть основания предполагать связь артефактов с кровлей или подошвой аллювиальной среднеплейстоценовой толщи, которая была вскрыта разрезом в восточной части участка. Эта связь может подтверждаться тем обстоятельством, что в западной части местонахождения, где аллювий указанного возраста отсутствует, артефакты не обнаружены. Кроме того, в линзе обохренного гравийно-галечного материала, залегающего на кровле среднеплейстоценового аллювия, обнаружен пока единичный, искусственно обработанный обломок кварцита светло-серого цвета.

Археологический материал на береговой отмели располагался среди россыпей галек и валунов (остатки неогенового аллювия). Артефакты, архаичные по облику, изготавливались обычно из находившихся в составе аллювия валунов и галек темно-серых и черных кварцитов.

Таким образом, возраст археологического материала местонахождения Разлог II по геологическим данным предварительно определяется как среднеплейстоценовый (самаровское время). Материалы этого местонахождения разделены на два комплекса (ранний и поздний), так как различия между комплексами практически не оставляют сомнений в объективности такого разделения.

Поздний комплекс немногочисленен и составляет 112 экз. сколов и ретушированных пластин.

Ранний комплекс выделяется по следующим критериям:

1. Архаичность технико-типологических показателей (с доминированием радиального принципа

раскалывания, долечная техника) и внешнего облика. 2. Петрографическая характеристика. Археологический материал раннего комплекса представлен только кварцитами различных оттенков. 3. Присутствие следов различной степени дефляции на негативах сколов.

Отнесение артефактов к раннему комплексу осуществлено при обязательном наличии всех трех критериев. В результате собранная коллекция иллюстрирует одну из наиболее ранних индустрий в этом регионе.

Археологический материал раннего комплекса местонахождения представлен коллекцией, насчитывающей 63 артефакта различной степени дефляции. Техника первичного расщепления представлена дисковидными нуклеусами радиального принципа расщепления, нуклеусами монофронтальными параллельного принципа. Подобные ядрища, характерные для раннего палеолита, были отмечены на местонахождениях Южного Приангарья, в бассейне Лены. Группа крупных сколов и отщепов представлена 16 экз. Битая галька и валуны, не поддающиеся типологическому соотношению, представлены 24 экз.

Орудийный набор Разлога II представлен в основном чопперами – 16 экз. В отношении данной группы артефактов вполне вероятным представляется соотношение большей части их с нуклеусами по функциональному назначению. В этом случае их можно соотносить с так называемой “долечной” техникой либо они являются свидетельством опробывания сырья. Во всяком случае, исследование “чопперовидных” изделий для более детального технологического контекста в данном конкретном еще предстоит.

Наибольший интерес в коллекции вызывают орудия с технологическим выступом, которые в литературе называются “клювовидными”, орудия типа “павиан”, орудия с “носиком” и т.д.

По ряду технологических признаков и морфологическому проявлению выступа среди орудий выделяются следующие серии: 1) орудия с “выступом”, выделенным с двух сторон одной поверхности несколькими сколами, имеющими округлый, уплощенный “носик” (данные артефакты мы относим непосредственно к орудиям типа “павиан”); 2) орудия с “выступом”, обозначенным не только с одной поверхности, но имеющим на другой поверхности следы незначительной подработки или функционального использования. Они ассоциируются с орудиями “пробойного действия”, хотя реальный функциональный спектр может быть достаточно широк. Орудия подобного типа – явление очень распространенное в нижнем палеолите Северной Азии. Они были отмечены А.П. Окладниковым еще в 1960-х годах, при исследовании древнейших памятников Дальнего Востока (Кумары,

Филимошки), выделены Ю.А. Мочановым при описании каменного инвентаря Диринг-Юрях.

В целом коллекция артефактов местонахождения Разлог II имеет общие черты с орудиями раннепалеолитических местонахождений Северной Азии, где преобладают ярко выраженные галечные индустрии: Филимошки, Усть-Ту, Диринг-Юрях, Кумар, Улалинка, Юнкюр. На этих памятниках также преобладают чопперы, отмечены изделия с “носиком”. Петрографический состав материала, как и на Разлоге, большей частью представлен кварцевыми и кварцитовыми породами. Объединяющим признаком перечисленных выше индустрий является сходство техники расщепления. Она представлена в основном радиальным и бессистемным принципами обработки камня. В отличие от коррадированных галечных индустрий Северной Азии, материал местонахождения Разлог II имеет в основном следы средней и слабой (люстраж) дефляции.

АРХЕОГЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Куртацкий геоархеологический район положил начало масштабным исследованиям “енисейского палеолита”. Появилась возможность с привлечением всех полученных материалов, опираясь на фундаментальные исследования Куртацкого района, оценивать природные, палеоэкологические закономерности развития человеческих обществ палеолита в бассейне р. Енисей и на сопредельных территориях (Кузнецкий Алатау, Канская впадина, долина Ангара). Необходимо отметить, что оценки влияния природы на древнего человека крайне неоднозначны и противоречивы. При этом точки зрения нередко диаметрально противоположны.

Согласно нашим исследованиям, установлена связь человека с периодами, переходными от потеплений к похолоданиям (раннемуруктинский, позднекаргинский этапы) либо к первым половинам похолоданий с климатом умеренно холодным, достаточно влажным (самаровский этап, начало среднего сартана). Хронологически такие периоды занимали основную часть климатических циклов. Лишь к концу сартанского времени человек адаптировался и к аридным условиям. Выявлена связь этих отрезков времени с событиями в Центральной Азии – льдообразованием в горах, миграцией растительных поясов, обводнением равнин. Таким образом, уже в среднем плейстоцене человек адаптировался в Северной Азии к достаточно холодной природной среде. Как наиболее теплые периоды (казанцевское время, раннекаргинское время?), так и климатически экстремальные, аридные приводили к миграциям, перемещениям человека из исходных мест обитания.

Циклические изменения природы, таким образом, определяли прерывисто-непрерывный, неравномерный ход развития древних человеческих обществ во времени. Возможно, не случайны совпадения и направленного изменения культур с климатическими переменами: самаровский этап (ранний палеолит) – перерыв – раннемуруктинский этап (типичное мустье) – перерыв – каргинское и сартанское время с рядом стадий позднего палеолита, разделенных перерывами (конощелье – 33–29 тыс. лет, начало сартана – 22–18 тыс. лет).

Основной формой влияния природы на человека служил также фактор пространственного разнообразия внеледниковой зоны. Это определяло крайнюю неравномерность его расселения. Уже впервые появившийся в эпоху среднеледникового оледенения человек (миграции из Европы?, Центральной Азии?) выбрал для проживания Северо-Минусинскую впадину. Она находилась вне прямого влияния Саянских горных оледенений и под защитой северных хребтов от “дыхания” северо-сибирских ледниковых покровов. Как в это время, так и впоследствии участками, районами повышенной плотности палеолитических поселений становились территории с пространственно-географическим разнообразием границ, контактных линий. В условиях зон контакта “контрастных географических сред” важное значение имели факторы лесистости, максимальной продуктивности крупных млекопитающих. С этих позиций различные культурные общности (поздний палеолит) проявляли себя единым образом. При миграциях эта закономерность выражалась слабо.

Весьма прочной в пределах контактных зон была зависимость хозяйственного уклада всего образа жизни от природных ресурсов. На примере северного оленя основного промыслового вида в позднекаргинский, сартанский этапы палеолита, видна независимая от культурной принадлежности единообразная поведенческая, хозяйственная деятельность человека. В целом природная среда была полифункциональной системой, действующей на человека комплексно. Поэтому часто возникающий вопрос “какие факторы среды оказывали наибольшее влияние на человека?” остается без объективного ответа. Сильные прямые зависимости от природы были ограничены в количественном отношении. Они обуславливали приспособительный характер жизни человека, были ведущими факторами, определяющими его пространственно-временные параметры (возможно, исключая вторую половину сартанского этапа). Идеи палеогеографического детерминизма можно оценивать критически, но, видимо, после соответствующих палеосоциальных исследований.

Приспособление человека к природной среде было активным, происходило по пути экстенсивного освоения новых территорий (наиболее актив-

но в средне-позднесартанский этап при резко возросшей численности населения), вовлечения в хозяйственную деятельность новых видов природных ресурсов либо их замены ввиду ландшафтных изменений, введения способов защиты от неблагоприятных воздействий среды. Одним из самых примечательных следствий приспособительного характера человека являлся его прослеживающийся в течение всей истории палеолита “природный” традиционализм, устойчивость, консерватизм. Это выражалось в тенденции к обитанию в периоды с вполне определенными природными условиями. Устойчивыми были и пространственные закономерности размещения поселений. Единственно, независимо от культурной принадлежности на поздних этапах проявлялся характер трофических связей и, как следствие, сходство образа жизни. Эта важнейшая закономерность, очевидно, определяла и относительную социальную устойчивость древних обществ. По словам археолога Г.П. Григорьева (1968), кажущаяся излишней приверженность к традициям была для позднеледниковика единственным способом накопления, хранения и передачи опыта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важнейшими открытиями в Куртаковском археологическом районе являются: обнаружение местонахождений раннего палеолита, возраст которых может быть определен не моложе 200 тыс. лет (Разлог, Каменный Лог (ранний комплекс)); обнаружение свидетельств возникновения микропластинчатой индустрии (Каменный лог (поздний комплекс)); получение большой коллекции материалов позднего палеолита, отражающих специфику этого периода для Средней Сибири; уникальное геологическое строение, позволившее дать опорную стратиграфическую схему четвертичного периода региона, реконструировать природную среду плейстоцена.

Куртаковский район представляет собой уникальный комплекс археологических памятников, дальнейшее изучение которого, позволит приблизиться к решению актуальных проблем современного палеолитоведения, в том числе первоначального заселения человеком Северной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А. и др. Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея). Новосибирск, 1990.
- Дроздов Н.И., Чеха В.П., Артемьев Е.В. и др. Археология, геология палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян). Красноярск, 1992.
- Дроздов Н.И., Чеха В.П., Артемьев Е.В. и др. Четвертичная история и археологические памятники Северо-Минусинской впадины. Куртаков, 2000.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., Хазартс П. Геология и четвертичные отложения Куртаковского геоархеологического района (Северо-Минусинская впадина). Красноярск, 2005.

Drozdov N.I., Artem'ev E.V., Chekha V.P., Drozdov D.N. Paleolithic in Kurtak Archaeological Areal, Russia // Com-

memoration 40 years for Paleolithic Studies Men's Lives. 2003.

Haesaerts P., Drozdov N.I., Chekha V.P. et al. The loess-palaeosol succession of Kurtak (Yenisei basin, Siberia): a reference record for the Karga Stage (MIS 3) // Quaternaire. 2005. № 16.

Kurtak geoarcheological region – an outstanding natural and archeological site in Middle Siberia (20 years of investigations)

N. I. Drozdov, E. V. Artemiev, V. I. Makulov, V. P. Chekha, D. N. Drozdov

S u m m a r y

The Kurtak geoarcheological region is situated in the South of Middle Siberia, in the North Minusinsk basin. It is a unique complex of archeological sites. In the course of 20 years of comprehensive investigations, over 20 locations and sites were discovered, ranging in age from Early to Late Paleolithic. The earliest (Razlog, Kamennyi Log) are at least 250000 years old. The unique geological structure allowed to create a stratigraphical reference scheme for the Quaternary period and to reconstruct the environment in the Pleistocene.

ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКО-GERMANCKO-MONrOЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ МОНГОЛИИ ЛЕТОМ 2006 г.

© 2007 г. В. И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

После наших работ на Укоке прошло уже 11 лет, и уже очень скоро стало понятно, что многие вещи, которые можно было сделать на Алтае, мы не доработали. Что я имею в виду? Мы могли бы, например, взять пробы и проанализировать микробиологию льда. В свое время это не было сделано. Мы могли бы исследовать с научной точки зрения феномен образования мерзлоты. До сих пор археологи решают этот вопрос как бы по наитию. Мы могли взять больше проб на генетику. Тогда мы брали их уже в Новосибирске, в лабораторных условиях, в то время как проба, взятая на месте, значительно “чище” и информативнее. Проблема дендрохронологии, например, сейчас очень важна не только с точки зрения установления плавающей датировки, но и для определения палеоклимата, палеосреды – специалисты по дереву уже научились эту информацию извлекать. И так далее. Может быть, в свое время мы просто не доросли до этого как профессионалы. С другой стороны, вкус к мультидисциплинарным исследованиям приходит, как говорится, во время еды. Чем больше мы входим в контакт с учеными разных направлений науки, тем больше хочется это делать. И, что самое главное, нашим партнерам представителями естественных и точных наук, – то же. Тем не менее, по пазырыкским материалам Укока был подведен определенный итог. Достаточно назвать лишь несколько монографий и статей, опубликованных в последние годы (Деревянко и др., 1994; Полосьмак, 1994; 2001; Молодин и др., 2000; Полосьмак, Баркова, 2005; Молодин и др., 2003; Полосьмак и др., 2006; Молодин и др., 2004; Молодин, 1997; Molodin 1995; Полосьмак, Молодин, 2000).

На Укок хотелось вернуться не для того, чтобы выкопать там очередную мумию (в конечном итоге, будет их две или пять, не столь важно), но чтобы попытаться наверстать упущенное. Увы, все наши попытки договориться, к сожалению, заканчивались неудачами. Последней каплей оказалось землетрясение, очень обострившее ситуацию в Горном Алтае. Так возникла идея попробовать реализовать исследования мультидисциплинарного характера уже на качественно новом уровне, проведя их на территории Северо-Западной Монголии, на южном склоне Сайлюгемского хребта,

территории, пограничной с Укоком. Был разработан совместный с Германским археологическим институтом проект (руководитель с германской стороны президент DAI проф. Г. Парцингер), который был одобрен президентом АН МНР академиком Б. Чаадрой. Со стороны Монголии проект возглавил проф. Д. Цэвээндорж – директор Института археологии АН Монголии. Было очевидно, что за один год эту программу не выполнить. Поэтому в 2004 году был сформирован небольшой отряд, который выехал на северо-запад Монголии, в Баян-Ульгийский аймак, и мы месяц потратили на то, чтобы найти там пазырыкские комплексы. Вообще, чем ближе мы подъезжали на машине к этим местам, тем меньше энтузиазма у меня оставалось. Классических пазырыкских комплексов оказывается там совсем не так много, как можно было предположить, – всего около десятка могильников (Молодин и др., 2004). Но это уже дело второе. Нам нужен был не просто “пазырык”, а “мороженный пазырык”. Поэтому мы работали на больших высотах, поскольку изначально было очевидно, что мерзлота может сохраниться только в определенных условиях, и высота расположения памятников и связанная с ней суровость климата являются неперенными условиями удачного поиска.

В 2005 г. к нашим работам по обнаружению мерзлоты активно подключился крупный отечественный геофизик академик М.И. Эпов. Мы начали с посещения Укока, естественно без раскопок, отрабатывая геофизическую методику. На Укоке с большой долей вероятности можно говорить где есть мерзлота, а где ее нет. Потому так и была сформулирована задача для Михаила Ивановича: вот курганы, на мой взгляд, с мерзлотой, вот – точно без мерзлоты. И он на них отрабатывал геофизическую методику выявления подкурганной мерзлоты и, как выяснилось, отработал ее блестяще, по существу сделав важное (для геофизики) методическое открытие (Эпов, 2006). Потом М.И. Эпов выехал в Монголию с группой наших археологов и геофизиков. Поработав около месяца и сделав массу замеров, выяснилось, что мерзлоты в обнаруженных нами курганах не так уж много. Ее зафиксировали только на трех курганах, хотя обследовали все десять могильников, каждый

Рис. 1. Курган Улан-Даба. Конструкция в процессе расчистки. На заднем плане – загон, выполненный из камня, взятого местными жителями с насыпи.

из которых насчитывает от трех до пяти объектов (Эпов и др., 2005. С. 503–506). В ноябре 2005 г. мы с профессором Г. Парцингером слетали в Улан-Батор, где был заключен трехсторонний договор. Наш Институт с DAI полностью брали на себя финансирование, организацию экспедиции, обеспечение отряда реставраторами, поскольку без них с такими комплексами работать невозможно. Кроме того, к работам привлекались профессиональные геофизики (во главе с М.И. Эповым), геолог-мерзлотовед проф. Е.А. Слагода из Института криосферы Земли СО РАН, генетик А.С. Пилипенко из Института цитологии и генетики СО РАН, специалист по дендрохронологии И.Ю. Слюсаренко, специалист по технологии обработки древней древесины проф. В.П. Мыльников (Институт археологии и этнографии СО РАН).

В 2006 г. мы приступили к реализации проекта. Решили сразу брать два объекта. Один – самый большой из открытых курганов, диаметром около 17 м, прямо на перевале Улан-Даба, связывающем Укок с Центральной Азией (название общее, памятник назван по перевалу). Под ним геофизиками была отмечена самая большая мерзлотная аномалия. Хотя вершины там у всех курганов разобраны – казахи, местные жители, берут камень на свои постройки – курган выглядел очень внушительно (рис. 1).

Первый курган на Улан-Дабе отличался от классического пазырыкского тем, что в центре его было, как мы полагали, впускное захоронение – там возвышался каменный ящик – точнее, были видны его следы. Трудно было сказать, изначально ли он был там поставлен или впущен, и когда впущен.

Второй могильник – Олон-Курин-гол-6 – был однозначно пазырыкским. Самый большой курган, диаметром 15 м, представлял вполне достойным объектом (рис. 2). Правда, в центре наблюдался провал, и было件件件件, что курган ограблен. Но, поскольку в нем геофизики отметили вторую по мощности аномалию, мы остановились на этом комплексе. Работа на двух объектах позволяла маневрировать силами. Но вначале все было брошено на Улан-Дабу. Конструкция кургана напоминала укокские пазырыкские комплексы. Сооружения там были сложные: сначала возводили кольцо из огромных камней, потом внутри вырывался котлован, а посередине – могила с захоронением. Затем котлован закатывался крупными валунами. Выше шел слой мелкого галечника, а самый верх сооружали из валунчиков средней величины. Это – типичная схема сооружения пазырыкских курганных конструкций (Молодин, 1992. С. 103–106). Более того, в центре кургана мы наткнулись на выкладку из крупных валунов, своего

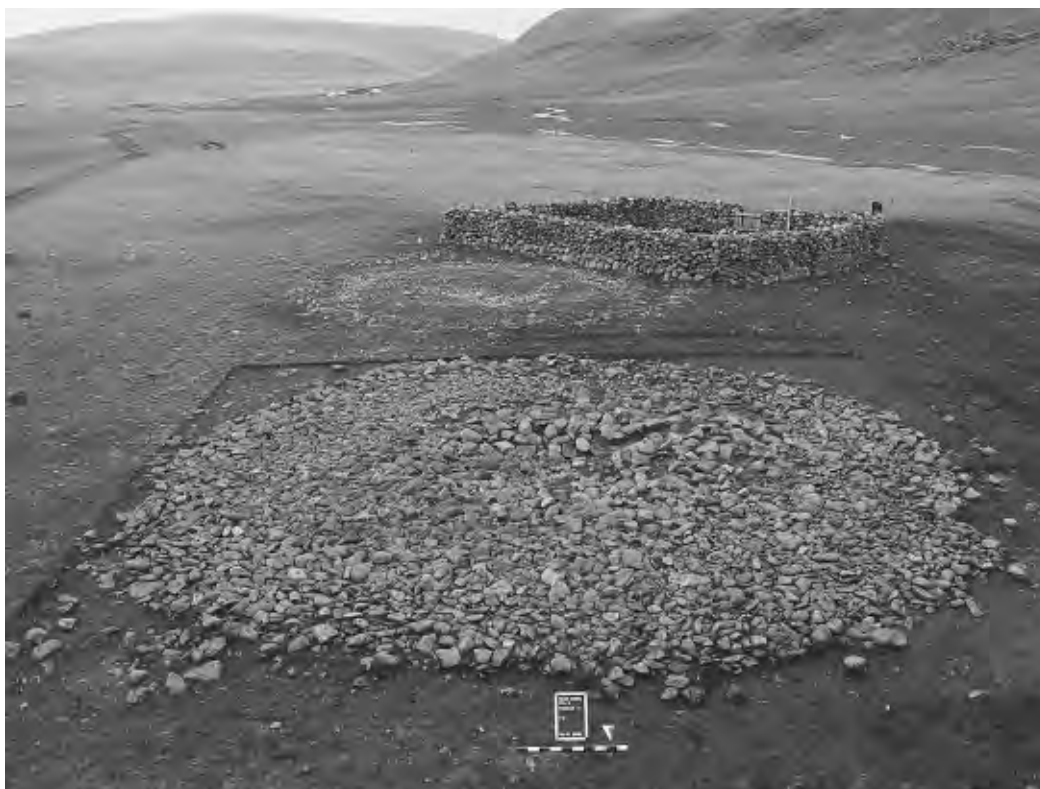

Рис. 2. Кургan могильника Олон-Курин-Гол-6 после расчистки.

рода черепаховидный панцирь, сооруженный на линзе глины. Котлован оказался достаточно глубоким – около 0.5 м по всей подкурганной площади. Более того, уже на этом уровне мы нашли маркирующие вещи. С северной стороны на материке лежала челюсть сарлыка, по-видимому, остатки жертвоприношения, несколько фрагментов неорнаментированной керамики. Каменный ящик, который мы считали впускным оказался почти полностью ограбленным: обнаружены только кости ног человека. Умерший лежал на животе: положили его так изначально или тело перевернули сразу же после того, как ограбили, неясно. Ни одной находки в могиле обнаружено не было, и датировать эту конструкцию мы не могли. Взяли пробы на радиоуглеродный анализ и пошли дальше, продолжая считать, что это захоронение – впускное и позднее. Тем более, что внизу нас ждала самая мощная мерзлотная аномалия. Работа была очень тяжелая: высота 2600 м и огромные валуны в центре, с которыми пришлось повозиться. Убрав глиняную подушку, мы как будто обнаружили могильное пятно. Оно было не очень выявленным, но все-таки читалось. Однако мерзлотная аномалия с этим пятном не вполне совпадала. Геофизики проведя замеры уже без каменного панциря дали точный прогноз – на глубине 2.5 м будет мерзлота! Вдохновленные, мы начали работать над этим “пятном”, выбирая заполнение. Но примерно че-

рез штык стало ясно, что это не могила. Пройдя еще один штык, я поделился подозрениями с Г. Парцингером. Он отвечает: “Мне тоже так кажется, но я тебе не говорил”. Углубляемся еще примерно на полметра (а грунт тяжелый, с крупными камнями), и только тогда высказываем наши соображения сотрудникам. Как всегда бывает в таких случаях, они сразу делятся на две партии – энтузиастов и пессимистов. Пессимистов больше: всем очевидно, что копаем нетронутый грунт. Но все-таки вероятность остается, ведь внизу – мерзлота! Геолог-мерзлотовед профессор Елена Адольфовна Слагода из Института криосферы Земли СО РАН (г. Тюмень) была уверена, что она не могла здесь образоваться естественным путем. Оставалось углубляться. На глубине 2.5 м мы, действительно, дошли до линзы мерзлоты, и стало еще тяжелее: приходилось не только вытаскивать из ямы лежащие навалом тяжелые камни, но и растапливать мерзлоту. А никаких признаков могилы по-прежнему нет; в конце концов выяснилось, что линза мерзлоты лежала на скале! Анализ ситуации, проведенный Е.А. Слагодой, показал, что на склоне при формировании конуса выноса, при передвижении больших масс грунта и камней, образовался естественный и довольно глубокий карман, где скопилась вода, которая, замерзнув, образовала ледяную линзу.

Рис. 3. Деревянный погребальный помост после реконструкции, Олон-Курин-Гол-6 (см. цветную вклейку № 2).

Конечно, мы были очень огорчены, поскольку курган забрал примерно треть времени, но, с другой стороны, полная ясность принесла облегчение: перед нами не могила. Очевидно, основным захоронением кургана был именно каменный ящик.

Теперь мы сконцентрировали все внимание на памятнике Олон-Курин-гол-6. В центре могилы явно шел грабительский лаз. Тем не менее и конструкция пазырыкская, и могильное пятно размером около 3×275 м хорошо читается. Доходим до сруба. Бревна неплохой сохранности, но в перекрытии виден огромный проруб, почти на всю площадь. Рядом со срубом лежал нетронутый скелет лошади, железные удила. Нижняя часть сруба заморожена – значит, мерзлота есть. Начинаем разбирать заполнение сруба. Оказывается, древние грабители могил опередили нас примерно на два с половиной тысячелетия: внутри все перевернуто, погребальный помост сдвинут. Сохранились фрагменты костей двух особей (женщины и очень маленького ребенка), обломки деревянных предметов, в том числе блюда, хорошо сохранившийся гребень (рис. 4), шпильки для подбивки войлока, мелкие фрагменты золотой фольги, обломок орнаментированного наконечника, фрагменты тканей (Молодин и др., 2006. С. 425–433). Мы были очень огорчены. Все же удалось взять прекрасные образцы льда на микробиологию и десятки образцов

на дендрохронологию. Удалось взять пробы и на генетику (сохранились зубы, и даже немного мягких тканей на них), так что междисциплинарные задачи мы выполнили. Вместе с тем было потрачено больше половины отведенного времени, а в нашей прекрасной полевой реставрационной лаборатории с полным набором химических реактивов лежали три фрагмента керамики (обломки горшка) и пара деревянных предметов, которые нам оставили грабители. И это все за три года работы! Нам становилось не по себе. Герман сказал: “Давай возьмем еще маленький курганчик – время-то еще есть”. Так и решили – боялись, что большой объект не успеем осилить. Маленький курган, последний в цепочке, выбрали на соседнем могильнике Олон-Курин-гол-7, и уже через день стало ясно, что это поминальный комплекс гуннского времени (рис. 5). Такие известны в Туве (Кызласов, 1958), и мы несколько похожих раскопали на Укоке (Молодин и др., 1993) – обычно их пристраивали к пазырыкским могильникам. Находим прекрасный сосуд гуннского времени, косточки барана в маленькой каменной выкладке рядом – и все! Времени оставалось очень мало, однако мы решили рискнуть и взять последний, отмеченный геофизиками курган с мерзлотной аномалией.

Могильник Олон-Курин-гол-10, несомненно пазырыкский, был расположен примерно в 700 м от

Рис. 4. Деревянный гребень *in situ*. Олон-Курин-Гол-6 (см. цветную вклейку № 2).

Рис. 5. Сосуд гуннского времени из комплекса Олон-Курин-Гол-7. После реставрации.

предыдущего. Был выбран самый большой курган, с мерзлотной аномалией. Идет классическая пазырыкская конструкция. Разобрав половину насыпи, выходим на материк, но в зачистке не оказалось пятна! Правда, в центральной части в разрезе можно прочесть могильный выброс – прямо как в Улан-Даба-2! Строители в древности (думаю, специально) размазали выброс с самого дна могилы внутри ограды по всей поверхности! Это замаскировало пятно: в разрезе оно прослеживается, а на поверхности не читается. Убрав эту примазку, мы отчетливо выявили пятно могильной ямы: зеленовато-серое заполнение на фоне красноватого щебнистого материкового грунта, огромный прямоугольник 3×2.8 м! Когда начали выбирать пятно, стало совершенно ясно, что могила неграбленая. Прошли около 1.5 м вглубь и обнаружили в углу довольно большой кусок черного войлока (взять его оказалось невозможно из-за очень плохой сохранности). На глубине около 180 см открылись скелеты двух лошадей и крышка сруба (рис. 6). При расчистке скелетов стало ясно, что ниже будет мерзлота. Сруб был почти метровой высоты, из трех листовенничных полубревен, сделанный так же, как на укокском Верх-Кальджине – в виде усеченной пирамиды (рис. 7) (Молодин, 2000. С. 96–119). Когда мы дошли до дна погребальной камеры стало очевидно, что нижняя часть его сруба заморожена. Благодаря этому, на конечностях ло-

Рис. 6. Крышка сруба и скелеты лошадей в могиле кургана Олон-Курин-Гол-10.

шадей сохранилась шерсть и мягкие ткани. На обоих конских скелетах были прекрасные деревянные украшения в виде грифонов, железные удила с деревянными псалиями, на одной лошади – деревянный щит из одной дощечки, может быть вотивный (рис. 8). Замечательно, что сохранились деревянные конструктивные детали седел, которые в пазырыкских комплексах отсутствуют. Возможно, эти новации связаны с идеями, приносимыми хунну: деревянные псалии оказались по форме имитацией металлических изделий хуннов (The Ancient, 2001. P. 51). Судя по этим новациям, погребение следует датировать III веком до н.э.

После снятия перекрытия сруба выявилась совершенно нестандартная ситуация, не разу не отмеченная нами при раскопках на Укоке. Все в захоронении лежало как бы расчищенным: линза льда прослеживалась только на полу погребальной камеры и под погребальным ложем. Реставратору Марине Мороз пришлось всего лишь час-пол-

тора поработать кистью. Лед, который залегал внизу, все сохранил. А поскольку и лошади, и весь сруб были закрыты сверху черной попоной из войлока, погребенный оказался в своеобразном “термосе”, снизу – пусть и небольшая, ледяная, сверху – бревенчатая и войлочная теплоизоляция. И этого хватило, чтобы вся органика, кроме мягких тканей тела (на этот раз, в отличие от Укока, покойный не был мумифицирован), блестяще сохранилась.

В могиле, на деревянном погребальном ложе, укрытом черным войлоком, на правом боку, в скорченном положении (поза обычна для носителей этой культуры) лежал рыжеволосый мужчина. Он был в шапке, украшенной деревянными фигурками зверей, покрытыми тончайшей золотой фольгой (рис. 9). Наверху шапки – лошадка с козлиными рогами из золота. На шее – деревянная гривна: два волка, пастями друг к другу, тоже в золотой фольге (ее, правда, удалось собрать только

Рис. 7. Бревенчатый сруб из могилы Олон-Курин-Гол-10, собранный на поверхности после извлечения из могилы (см. цветную вклейку № 2).

Рис. 8. Деревянный щит *in situ*, Олон-Курин-Гол-10 (см. цветную вклейку № 2).

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 9. Войлочный головной убор с деревянными украшениями (до реставрации), Олон-Курин-Гол-10 (см. цветную вклейку № 2).

в мелких фрагментах). Шуба на погребенном великолепно сохранилась. Изготовлена она в полном соответствии с пазырыкской модой – с “хвостом”. Низ шубы оторочен беличьим мехом, причем зимней белки. На спине – великолепная меховая аппликация (геометрический орнамент). Шерстяные штаны – как новые (они самые короткие из всех, что нам известны, зато меховые сапоги – ботфорты очень длинные). Когда снимали шубу (уже в Улан-Баторе), нашли на груди кусочек кожи с татуировкой. Подтвердилось наше предположение, что носителей пазырыкской культуры обязательно татуировали (Molodin, Polos'mak, 2005).

Из предметов обнаруженных в захоронении особое место занимает целый лук. Фрагменты деревянных луков уже были обнаружены В.Д. Кубаревым при раскопках пазырыкских памятников на северном склоне Сайлюгемского хребта (Кубарев, 1987. С. 69), однако целое изделие обнаружено впервые. В комплекте с луком в колчане лежали

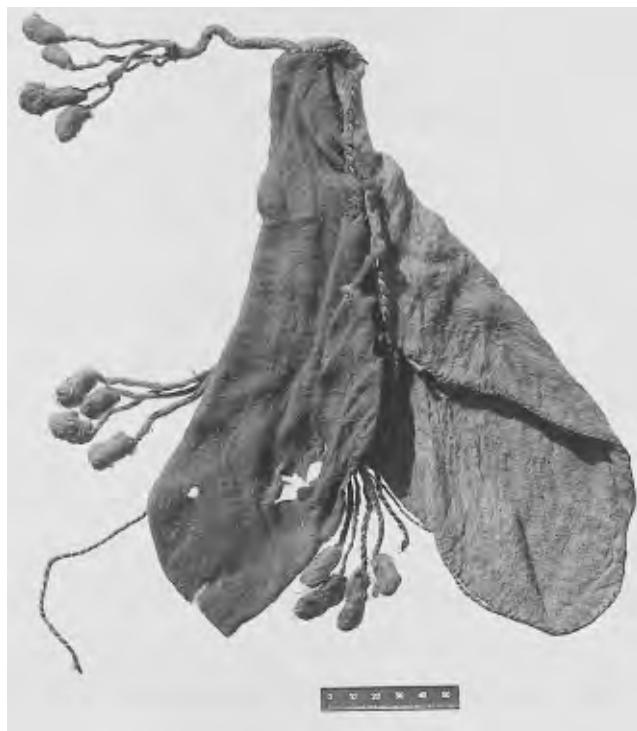

Рис. 10. Войлочная крышка колчана, Олон-Курин-Гол-10 (см. цветную вклейку № 2).

деревянные стрелы без оперения (их наконечники, вырезанные заодно с древком, точная имитация бронзовых) и крышка колчана (рис. 10). Были найдены также железный кинжал в деревянных ножнах и боевой железный клевец на крепкой деревянной рукояти (к тому же окрашенной).

В могиле, так же как и на Верхнем Кальджине (Molodin, 1996. Р. 36–41; Молодин, 2000. Р. 86–119), обнаружены три сосуда – деревянный, роговой и глиняный, стоящие на специальных войлочных подставках, а также массивное деревянное блюдо с железным ножом и курдючной частью барана.

Таким образом, Олон-Курин-Гол-10 относится к финалу пазырыкской культуры и является самым южным из исследованных на сегодняшний день комплексов.

Наши исследования имели широкий резонанс как в Монголии, так и в Европе. Достаточно сказать, что раскопки посетил президент Монголии Н. Энхбаяр, Президент Академии наук Монголии академик Б. Чаадра, Посол Германии в Монголии и другие официальные лица. Да это и понятно. Дело не только в уникальных находках. Были успешно продемонстрированы как бы два направления интеграции – международное (совместная российско-германско-монгольская экспедиция) и мультидисциплинарное. Сейчас генетиками, микробиологами, дендрохронологами и мерзлотоведами уже получены определенные результаты. В настоящее

время весь комплекс находится на реставрации в Институте археологии и этнографии СО РАН. По мере обработки и реставрации материалов и мы – археологи приступаем к его изучению. Появились уже и первые предварительные публикации (Молодин и др., 2006. С. 428–433). Итогом исследований (надеюсь, скорым) будет коллективная монография, работа над которой уже началась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др.* Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994.
- Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
- Кызласов Л.Р.* Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // Вестн. МГУ. Историко-филологическая сер. 1958. № 4.
- Молодин В.И.* Надмогильные сооружения пазырыкской культуры (к реконструкции этапов погребальной обрядности) // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992.
- Молодин В.И.* Некоторые итоги археологических исследований на юге Горного Алтая // РА. 1997. № 1.
- Молодин В.И., Воевода М.И., Чикишева Т.А. и др.* Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики) // Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 1. Новосибирск, 2003.
- Молодин В.И., Каен-Делайте А., Массар К. и др.* Исследование памятника Мойнак-2 на плоскогорье Укок // Altaica. 1993. № 2.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. и др.* Мультидисциплинарные исследования российско-германско-монгольской экспедиции в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII. Ч. I. Новосибирск, 2006.
- Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В. и др.* Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск, 2004.
- Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А. и др.* Феномен Алтайских мумий. Новосибирск, 2000.
- Полосьмак Н.В.* Стерегищие золото грифы. Новосибирск, 1994.
- Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. Новосибирск, 2001.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л.* Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск, 2005.
- Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Балакина Г.Г. и др.* Текстиль из “замерзших” могил Горного Алтая IV–III вв. до н.э. (опыт междисциплинарного исследования). // Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 5. Новосибирск, 2006.
- Полосьмак Н.В., Молодин В.И.* Памятники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4.
- Энов М.И., Молодин В.И., Маништейн А.К. и др.* Геофизические исследования археологических памятников в северо-западной Монголии в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Ч. I. Новосибирск, 2005.
- Энов М.И., Молодин В.И., Чемякина М.А.* Итоги и перспективы геофизических исследований археологических памятников Алтая и Западной Сибири // Современные проблемы археологии России. Т. I. Новосибирск, 2006.
- Molodin V.I.* Perspectives and Preliminary results of archaeological investigations of the South-Western Altai (The Ukok Plateau) // Science Policy: New Mechanisms for Scientific Collaboration between East and West. NATO ASI. Ser. 4. Science and Technology Policy. V. 1. Dordrecht; Boston; L., 1995.
- Molodin V.I.* Un Konrgane Gele'D'EpoQue Scythe dans le sud – anes de e'Altai // Dossiers d'Archeologie. 1996. № 212.
- Molodin V.I., Polos'mak N.V.* Die Tatowierung bei der antiken Bevolkerung Sibirien // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. B. CXXXIV/CXXXV. Horn-Wiln, 2005.
- The Anisnt Culture of Nangnang* (на корейск. яз.). Soul, 2001.

Investigations of the Russian-German-Mongolian expedition in Northwestern Mongolia

V. I. Molodin

Summary

The article presents outstanding Early Iron Age finds from ice lenses under barrows in Northwestern Mongolia. Complex investigations of the burials, and of the uniquely preserved items made from organic materials discovered there, became possible due to the cooperation of Russian, German and Mongolian scientists.

ЗОРОАСТРИЙСКИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС БЛИЗ ДЕРБЕНТА

© 2007 г. М. С. Гаджиев

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН, Махачкала

Как известно, Дербент являлся важнейшим административно-политическим и военно-стратегическим центром Сасанидской державы на Кавказе. Здесь размещались не только значительные военные силы, но и гражданское население, в том числе, вероятно, исповедовавшее зороастризм. Косвенные данные позволяли полагать, что Дербент выступал одним из зороастрийских центров региона. На это указывали, в частности, среднеперсидские надписи и немалочисленные знаки строителей на стенах Дербентского оборонительного комплекса. Так, среди имен строителей, упомянутых в среднеперсидских надписях, представлены сугубо зороастрийские, иранские имена (Гаджиев, Касумова, 2006). Многочисленные знаки (Gadžiev, Kudrjavcev, 2001. S. 357–390) – своеобразные “автографы” строителей “стройки века” – находят аналоги не только на памятниках христианской архитектуры VI–VII вв. н.э. Закавказья, но и на памятниках зороастрийского Ирана. Многие из них представляют собой зороастрийские символы.

Позиции “веры Ормазда” сохранялись в Дербенте вплоть до арабских завоеваний. В 630–640-х годах наместником (*шахрийар*) города являлся представитель знатного иранского рода Шахрбараз, получивший в ходе переговоров с арабскими полководцами Абд ар-Рахманом ибн Рабиа и Суракой ибн Амром охранную грамоту, в которой предусматривалась, в частности, безопасность религиозной общины (Шихсаидов, 1986. С. 72, 73). В данном случае речь, очевидно, идет о зороастрийцах и христианах Дербента.

Однако до последнего времени в зоне Дербента не были известны зороастрийские культовые или погребальные памятники, непосредственно свидетельствующие о былом распространении здесь маздаяснийской веры.

ДАХМА

В 2000 г. были предприняты исследования большого грота (рис. 1), расположенного в 650 м к ЮВ от цитадели Нарын-кала, за пределами средневекового города, в верхней части южного, крутого и обрывистого, склона ущелья *Етти гоиляр* (“Семь колодцев”). Очевидно, о нем сообщал А.В. Комаров в своем докладе о пещерах Дагестана на V Археологическом съезде: “На южной сто-

роне Дербента, в двух верстах от города, у выхода ущелья Биюк Каф, на левом берегу, есть в скале открытый грот, в котором может поместиться до 10 человек; грот этот служит постоянно убежищем для пастухов и баранов, а также для горцев, приходящих в город и не желающих тратиться на наем помещения. Скала, составляющая потолок грота, закопчена дымом от костров, раскладываемых для согревания посетителями” (Комаров, 1882. С. 434).

Грот представляет небольшую камеру овально-продолговатой формы, вырубленную в вертикально обработанной северо-западной (обращенной в сторону ущелья) грани изолированной скалы (высота скалы около 5 м, ширина около 7 м). Он имеет низкий (высотой до 1.2 м) сводчатый потолок, ориентирован по линии ЮЗ-СВ, длина грота около 3.6 м, глубина ~1.7 м. Потолок и стенки грота несут следы воздействия огня от разводившихся костров. Посередине его, по диагонали сверху вниз, проходит позже образовавшаяся крупная трещина, шириной до 30 см. В результате этого раскола, очевидно, были разрушены и два существовавших искусственных лаза-входа. Ныне в грот имеется одно входное отверстие шириной до 1.8 м и высотой до 1.2 м, по бокам которого наблюдаются частично сохранившиеся края лазов. Сохранившиеся части лазов, видимые до начала работ и выявленные в ходе раскопок, позволяют реконструировать их форму.

У юго-западного, или “малого”, лаза (рис. 2), до раскопок закрытого грунтом почти полностью, оказалась разрушенной только его верхняя боковая часть. В нижней части он имел подпрямоугольную форму шириной 45 см, высотой 50 см, в верхней – стрельчатую (при ширине около 30 см и высоте около 35 см). Общая высота лаза около 85 см, глубина (ширина порога) 30–32 см. Нижняя часть его по бокам обрамлена двумя вертикальными выемчатыми бордюрами шириной 6–8 см и глубиной соответственно 2 и 6 см.

Рядом с лазом, к ЮЗ от него располагается лестница (рис. 3А), вырубленная в скале и ведущая к ее вершине. До начала работ было видно шесть ступеней. В ходе раскопок прослежены ниже уровня дневной поверхности еще три ступени, нижняя из которых подходила вплотную к “малому” лазу. Длина ступеней 42–58 см, ширина 8–20 см, высота

Рис. 1. Скальный грот-дахма близ Дербента. Вид с СЗ до начала раскопок.

Рис. 2. “Малый” лаз в яму № 1. Вид с СЗ.

14–38 см. Общая высота лестницы около 2.1 м. Над входом в грот на вертикальной плоскости скалы пять небольших пазов, обычно они делались и на оборонительных стенах города для установки балок перекрытия пристраивавшихся помещений.

Северо-восточный или “большой” лаз (рис. 1; 4) почти полностью разрушен, от него остались только двухступенчатый порог и часть стрельчатой арки. Ширина лаза составляла около 1 м, высота – около 1.3–1.45 м, ширина порога 22–28 см.

Внутри грота, до начала раскопок, были видны две подпрямоугольной формы ямы, высеченные в скальной поверхности и расположенные в проти-

воположных частях – в западной (яма № 1) и восточной (яма № 2) (рис. 2; 3А; 4). Обе ямы почти полностью были заполнены грунтом, так что края их возвышались над заполнением на 10–25 см. Между ямами, располагающимися на расстоянии около 1 м, в образовавшейся скальной “перемычке” в центре грота имеется искусственное подквадратное в плане углубление (54–58 × 56–58 см, глубиной 16–19 см) (рис. 3А; 4). Северо-восточная и частично юго-восточная стенки его оказались разрушенными упоминавшейся трещиной. Кроме того, между ямой № 2 и “большим” лазом, через который осуществлялся проход к квадратному углублению в центре грота и яме № 2, на ровной поверхности “пола” грота находится небольшая круглая ($d = 7$ см) лунка глубиной 4 см (рис. 3А). Более крупная лунка ($d = 16$ см, глубина 11–12 см) расположена у южного угла грота, между краем ямы № 1 и сводом (рис. 3А). Возможно, они предназначались для освещения грота. В результате проведенной расчистки в гроте были вскрыты обе ямы.

Яма № 1 (рис. 2; 3А, В). Заполнение ее, мощностью ≈ 70 см, в верхней части на глубине 20–26 см представляло собой рыхлый темно-серый грунт, насыщенный угольками, зольно-угольными прослойками, современным мусором. Ниже шел однородный рыхлый черно-коричневый слой с обильным включением угольков и золы, с небольшим количеством мелкого бута и невыразительной средневековой красноглиняной керамикой. В этом слое была обнаружена сильно стертая средневековая медная монета ($d = 18$ –19 мм) с остатками изображения картуша на одной стороне и арабской (?) надписи на другой. Яма имеет подпрямоугольную форму, размерами 1.12×0.7 м, глубиной 0.86–0.96 м, ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Северо-восточная стенка ее – вертикальная; остальные имеют легкую покатость, так что размеры дна ямы составляют 0.9×0.54 м. Порог “малого” лаза, ведущего в яму № 1 в северо-западной стенке, расположен на 25 см выше дна ямы. В противоположной торцевой юго-восточной стенке имеется неглубокая (3–4 см) ниша стрельчатой формы, шириной по основанию 0.48 м и высотой 0.5 м.

Яма № 2 (рис. 3А; В, 4). Заполнение ее, мощностью 25–30 см, в верхней части имело рыхлый черно-серый грунт, насыщенный угольками, золой и современным мусором, толщина этого слоя ≈ 10 см. Ниже шел рыхлый черно-коричневый слой, также насыщенный угольками, золой, с редкими невыразительными фрагментами красноглиняной керамики. Скальное дно ямы выровненное и слегка покатое. Яма ориентирована длинной осью по линии ЮЗЗ–СВВ, имеет слегка изогнутую, удлиненную форму с закругленными углами и вертикальными северной, западной и южной стенками. Размеры ее (по дну) 1.9×0.6 м, глубина 0.55–0.58 м. В восточ-

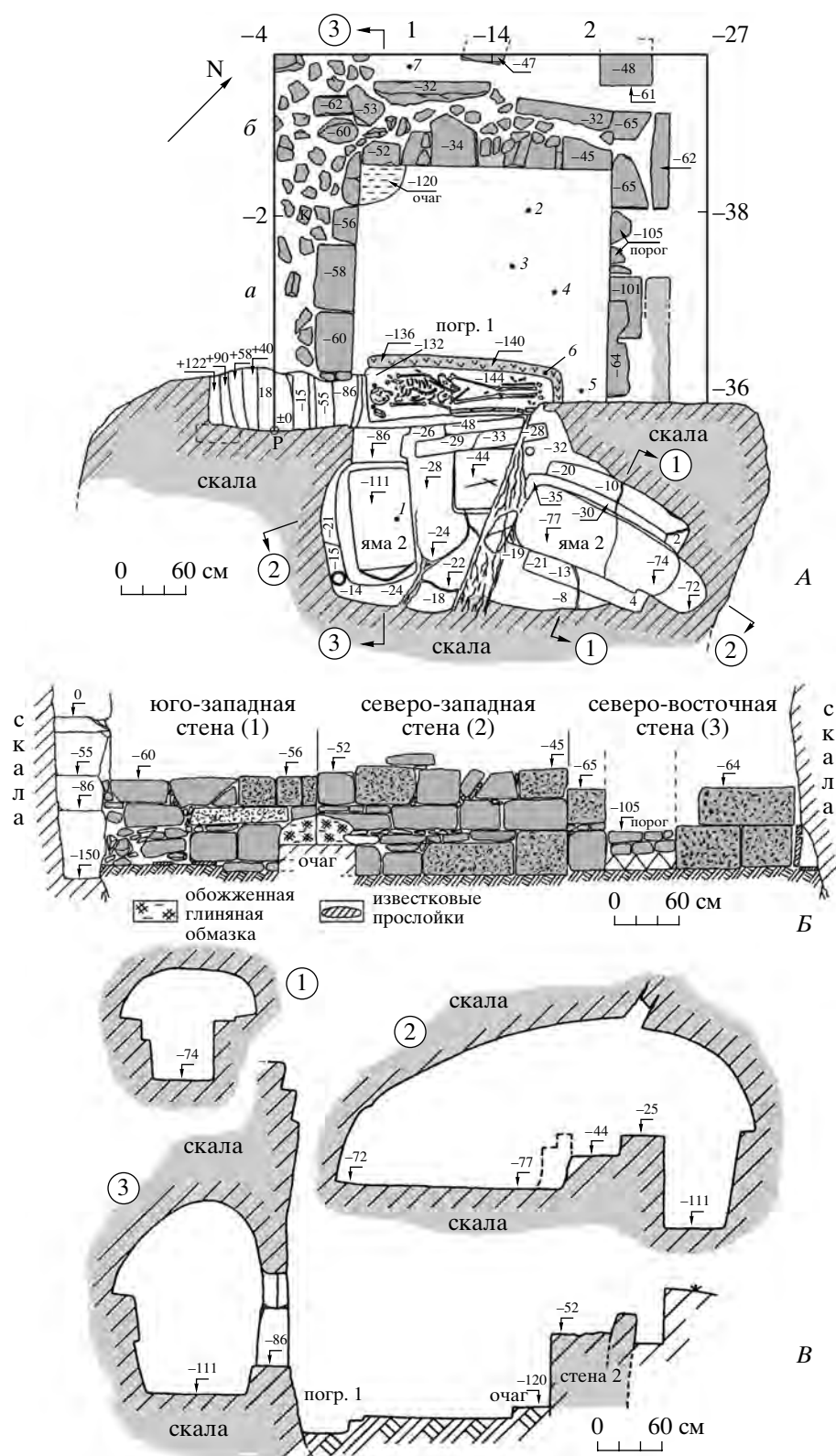

Рис. 3. План раскопа XXI и грота (А), развертка стен помещения (Б) и разрезы 1, 2 и 3 (В).

Рис. 4. Вид с запада на порог “большого” лаза, под-квадратное углубление и яму № 2.

ной части она постепенно сужается до 38–42 см и имеет нишу глубиной 32 см и высотой 72 см, образованную сводом грота, переходящим в поперечную стенку ямы. Вдоль продольных северной и южной стенок ямы, на высоте от 56–57 см (в западной части) до 70–72 см (в восточной части) от дна ямы устроены плечики шириной 18–20 см для установки плиты перекрытия. Поверхность плечиков ровная, имеет уклон с В на З (перепад 22–25 см). Вдоль северной и частично западной стенок ямы проходит еще одна узкая ступень-плечико, шириной 7–8 см и длиной 1.4 м, расположенное на 42–45 см выше дна ямы.

Интерпретация и датировка. Подобные искусственные гроты и ниши, вытесанные в вертикальных плоскостях скал (в том числе отдельных изолированных скальных глыб), как правило немного выше дневной поверхности (как и в Дербенте), хорошо известны на территории Ирана и, в частности, в провинции Фарс. Как считают исследователи, они представляют собой зороастрийские погребальные памятники – *дахмы* (ср.-перс. *daxmag*), предназначенные для выставления трупов, и *астоданы* (ср.-перс. *astodān*) для хранения освобожденных от мягких тканей костей скелета. Как отмечал Р. Фрай, а за ним М.Б. Мейтарчян, в “сасанидское время практика выставления широко практиковалась в Иране, особенно в Фарсе”, (Frye, 1984. Р. 176), “потому что количество высе-

ченных в скалах дахм в сасанидский и раннеарабский периоды было бесчисленным” (Мейтарчян, 1999. С. 89).

Эти скальные *дахмы*, в том числе сопровождающиеся среднеперсидскими надписями, представляют собой “ванны”-ямы и ниши различных размеров. Многие из них также имеют специально обработанные лазы, обычно подпрямоугольной или полуциркулярной формы (Huff, 1988a. S. 156. Abb. 2, 4, 6, 7. Taf. 45–49; 1997. Pl. VIII, a, b) в отличие от стрельчатой в дербентском гроте. Для них характерны и устраиваемые во входных отверстиях, близких размеров ступенчатые пороги, невысокие бордюры, а также неглубокие канавки, предназначенные, вероятно, для закрытия лаза и установки закладной плиты (Huff, 1988a. S. 145–161. Abb. 2, 3, 5, 6; 1995. S. 145–161. Abb. 1). Аналогичные ступенчатые пороги во входном лазе представлены, например, в скальных погребальных камерах сасанидского времени, расположенных в местностях Кух-и Рахмат и Хуссейн Кух около Истахра (Huff, 1988a. S. 156, 160. Abb. 2, 5; 1995. P. 299, 300. Abb. 1) (рис. 4, 4). На этих и других памятниках, также как и у ямы № 2 в гроте близ Дербента, фиксируются плечики для плиты перекрытия по краю ям, имеющих подобные размеры и удлиненную прямоугольную, нередко с закругленными углами форму (Huff, 1988a. S. 163–165. Abb. 8–10; b. S. 49–53. Abb. 2, 4, 5; 1995. Abb. 3) (рис. 4, 1, 2).

Судя по имеющимся публикациям, чаще удлиненные ямы-“ванны” устраивались в открытых горизонтальных плоскостях скал, тогда как в вертикальных стенах скал выдалбливались преимущественно ниши-астоданы для хранения костей. В Дербенте же наблюдается устройство таких ям для выставления трупов внутри грота. В этом ему близок один из памятников в Кух-и Рахмате, где подобная подпрямоугольная яма (ок. 1.9 × 0.6 м, глубина 0.5 м) с плечиками (шириной около 15 см) устроена в скальном гроте (Huff, 1988a. S. 165. Abb. 10. Taf. 51, 3. S. 157–159. Abb. 3, 4) (рис. 5, 1).

Дербентский комплекс отличается тем, что он сочетает в себе две *дахмы* и *астодан*. Если первыми являются две ямы грота, которые, судя по их размерам (0.9 × 0.54 м, глубина 0.86–0.96 м; 1.9 × 0.6 м, глубина 0.55–0.58 м), предназначались соответственно для детей¹ и взрослых, то костехранилищем выступает расположенное между ними небольшое прямоугольное углубление (54–58 × 56–58 см, глубина 16–19 см) (рис. 3А). Весьма близок в этом дербентскому один из погребальных комплексов позднесасанидского времени в местности Хуссейн Кух близ Накш-и Рустама, где насчитыва-

¹ Не исключено, что яма № 1, судя по размерам, могла использоваться и как костехранилище-астодан. Согласно средневековым зороастрийским нормам, умерший человек помещался в дахму в вытянутом положении на спине, с прямыми (у парсов Индии) или перекрещенными (у зороастрийцев Ирана) ногами (Бойс, 1988. С. 227).

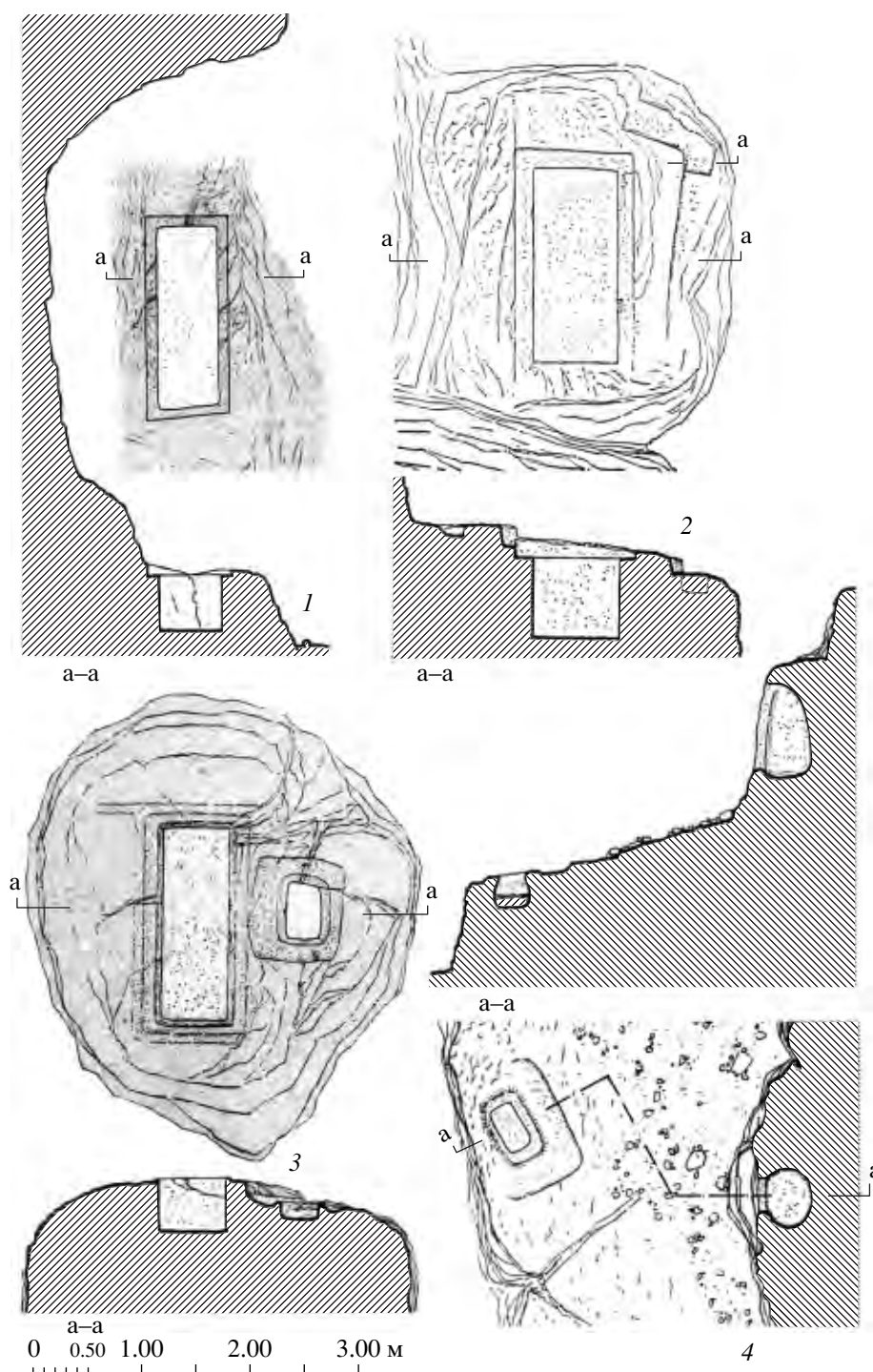

Рис. 5. Зороастрийские дахмы и астоданы в местностях Кух-и Рахмат и Хуссейн Кух близ Истахра (1, 4), Персеполя (2) и Накш-и Рустама (3) (по: Huff, 1988a).

ется свыше 20 скальных ниш (Gropp, 1969b). Он представляет высеченные на поверхности изолированного скального блока, расположенные рядом прямоугольную яму (около 1.8×0.6 м, глубина 0.5 м) и подпрямоугольной формы углубление (около 50×30 см, глубина 15–16 см) (рис. 5, 3), служившие, как считает Д. Хуфф, соответственно для

выставления трупов и для хранения костей (Huff, 1988a. S. 165. Abb. 11; 1997. P. 75–78). Интересно сходство приведенных параметров ям в Дербенте, Кух-и Рахмате и Хуссейн Кухе.

Если небольшие ниши и ямы интерпретируются исследователями как *астоданы*, то ямы-“ванны”, соразмерные телу человека, – как *дахмы*

(Huff, 1988a. S. 155; 1997. P. 75–78). Вместе с тем и те, и другие в сасанидское время были объединены понятием *дахма*, что установлено среднеперсидскими эпитафиями позднесасанидского и раннеарабского времени, в которых этот термин использован и для наименования костехранилищ-*астоданов* (Henning, 1958. S. 47–48; Gropp, 1969a. S. 237; 1970. S. 201; Frye, 1970. P. 152; de Blois, 1993. P. 29; Huff, 1997. P. 76–81; Хисматулин, Крюкова, 1997. С. 217, 218; Мейтарчян, 1999. С. 90, 91).

Отмеченные параллели позволяют интерпретировать исследованный грот с двумя ранее существовавшими лазами как зороастрийский скальный погребальный комплекс – *дахму*, включавшую две ямы для выставления трупов и расположенное между ними костехранилище-*астодан*. Исследователи уже не раз сопоставляли подобные скальные погребальные памятники (особенно ниши для костей) с информацией о зороастрийской погребальной обрядности, содержащейся в позднелехейском сочинении “Дадестан-и дениг” (XVIII, 3, 4) (Grenet, 1984. P. 44; Huff, 1988a. S. 146–148; 1997. P. 75; Хисматулин, Крюкова, 1997. С. 209): “Когда пожирающие трупы птицы не съедают плоть, она становится гнилой, отвратительной и полной вредных созданий, а кости от той плоти, которая бывает съедена, переносят, как следует, в *астодан*, который так должен возвышаться над землей, и крышка которого должна так стоять, чтобы дождь не попал на мертвое тело, чтобы вода не достигла его, чтобы влага не попала на него, чтобы ни собака, ни лисица не могли подойти к нему, а для дневного света, проходящего к нему, должно быть сделано отверстие.

Более авторитетные говорят, что *астодан* делается из цельного камня, и покрывающий его камень также должен быть из цельного камня, имеющего отверстие, и вокруг него камни и известь для закладки его”.

Ряд приведенных в данном пассаже положений соответствует отмеченным выше особенностям, деталям исследованного погребального сооружения. Это такие параллели, как устройство погребальных камер в “цельном камне” (скале), приподнятость их и входных лазов над уровнем древней дневной поверхности, изолированность от возможного попадания осадков, влаги и доступа животных, наличие отверстий (лазов), через которые попадал дневной свет, наличие деталей, фиксирующих плиту перекрытия (плечики по краям ямы № 2) и закладной плиты (ступенчатый бордюр).

Отмечу еще одну деталь. Это наличие в гроте двух лунок около каждой из ям, которые, возможно, использовались для установки светильников или в которые наливали горючую жидкость. В этой связи укажу на важную роль огня в зороастрийской погребальной обрядности, необходимость поддерживать огонь около дахмы у зоро-

астрийцев Ирана (Мейтарчян, 1999. С. 118), использование лампад с горящим и пахнущим сандалом или ладаном после проведения обряда *саг-дид* (“осматривание собакой”), при котором собака, по представлениям зороастрийцев, своим взглядом должна прогнать демона трупного разложения Насу с мертвого тела (Хисматулин, Крюкова, 1997. С. 181). Эту же цель преследовало и использование огня: “в какую бы сторону ветер огня благоухание ни разнес, в эту-то сторону и выходит Огонь Ахура Мазды, тысячеубивающий дэвов бесплотных, тьмы отродье лживое вкупе...” (Видевдат, VII, 80) (Хисматуллин, Крюкова, 1997. С. 246).

Датировка исследованного близ Дербента скального погребального памятника, как и ему подобных комплексов, в силу их специфики, отсутствия собственно погребения и погребального инвентаря сопряжена с понятными трудностями. Опираясь на подобные памятники Ирана, в том числе сопровождающиеся среднеперсидскими надписями VI–VII вв., а также учитывая, что наибольшее влияние зороастризма и существование в Дербенте немалого числа зороастрийцев приходится на позднесасанидский период, когда здесь размещается сасанидская администрация и иранские воинские контингенты, проводятся колоссальные фортификационные и строительные работы, а мастера-зороастрийцы оставляют на стенах свои многочисленные религиозные знаки, я склонен датировать возникновение и время начального функционирования этого комплекса VI – первой половиной VII в. Зороастрийская принадлежность этого памятника и интерпретация его как дахмы, а также использование его в последующее время, как представляется, нашли подтверждение и при исследовании на раскопе XXI, где было выявлено архитектурное сооружение, интерпретируемое как “дом для мертвых”.

“ДОМ ДЛЯ МЕРТВЫХ”

Раскоп (3,5 × 4 м) был заложен вплотную перед входом в грот (рис. 3А; 6, 1, 2) с целью полного выявления описанных лазов, ступеней и обнаружения возможных архитектурных остатков, на вероятность наличия которых указывали балочные пазы в скале.

Ниже слоя гумуса следовал натечно-надувной слой 1, толщиной 15–28 см, содержащий мелкий бут, угольки, зольно-угольные прослойки, а также невыразительные обломки средневековой красноглиняной керамики, водопроводных труб и несколько индивидуальных находок. Последние представлены железными кованым гвоздиком (рис. 7, 1), штырем (рис. 7, 2), круглой бляшкой (рис. 7, 3) и стеклянной светло-голубой поделкой (рис. 7, 4).

Нижележащий слой 2, толщиной 86–112 см, представлял плотный комковатый светло-коричневый грунт, насыщенный мелким и средним бутом, отдельными крупными необработанными и отесанными стеновыми камнями, кусочками извести, фрагментами обожженных кирпичей толщиной 4–5 см, незначительным количеством средневековой красноглиняной посуды и обломков керамических водопроводных труб. В результате вскрытия слоя было выявлено прямоугольное в плане помещение. Слой 2 заполнял помещение до уровня подошвы стен; ниже шел горизонтально эскарпированный при возведении этого сооружения материковый коричневый суглинок с включением известковых фракций. Характер и положение слоя позволяют считать, что он образовался в результате и после разрушения выявленного помещения.

Керамический комплекс слоя немногочислен, но в нем представлены достаточно выразительные образцы. В верхней части слоя обнаружены: обломок чуть утолщенного венчика белоангобированной с зеленой поливой чаши (рис. 7, 5), фрагмент венчика чаши с бортиком с бесцветной прозрачной поливой (рис. 7, 6), обломок венчика кашинной чаши с розовым тестом и голубыми и темносиними орнаментальными линиями на светлом фоне (рис. 7, 7), фрагмент стенки чаши с гравировкой по белому ангобу под зеленой глазурью (рис. 7, 8), обломок кольцевого поддона массивной поливной тарелки с пережженной поливой (рис. 7, 9), фрагмент ленточной ручки белоглиняного кувшина (рис. 8, 10), обломки красноглиняных кувшинов (рис. 7, 11–13).

В средней части слоя найдены фрагмент кольцевого поддона тонкостенной чаши с гравировкой по белому ангобу под зеленой поливой (рис. 7, 14), обломки неполивной керамики (рис. 7, 15, 16, 18, 20), а в нижней части – фрагмент венчика белоангобированной чаши с бортиком и стреловидным венчиком, покрытой зеленой глазурью и марганцевой росписью в виде концентрических окружностей (рис. 7, 17), и обломок венчика котла с коричневым тестом с примесью песка (рис. 7, 19).

Из слоя происходят также две монеты. Одна – медная, $d = 15$ мм, плохой сохранности. Вторая (рис. 7, 21) – серебряная, $d = 0.8–0.9$ см, очевидно, *тенга* ширваншаха Фаррух-Йассара (1462–1501 гг.), обнаружена у восточного угла помещения, на уровне верхней отметки закладных кирпичей. На аверсе эта монета имеет полустертый рисунок; на реверсе сохранился фрагмент арабской надписи: [ду]риба са[на]та 875 “чеканена в году 875 [по хиджре]”, т.е. в 1470–71 г.²

² Выражаю признательность А.Р. Шихсаидову (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН) и Г.А. Пиркулиевой (Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана) за перевод и определение монеты.

Рис. 6. Раскоп XXI. 1 – вид с запада на вскрытое помещение и расчищенный грот; 2 – вид с ЮВ сверху на вскрытое помещение.

Выявленное прямоугольное помещение, с внутренними размерами $1.98(2.12) \times 2.3$ м, было вплотную пристроено к гроту, так что грань скалы составляла его юго-восточную стену (рис. 3А; 6, 1). При этом проем в грот располагался внутри здания. Здание было сооружено в вырытом в материке неглубоком котловане, соответствующем внешним размерам возводимого здания (ок. 3.6×2.8 м). Стены его сложены из средних ($22–36 \times 20–28 \times 14–30$ см) и крупных ($38–88 \times 14–40 \times 14–48$ см) прямоугольных камней и плит с хорошо отесанными лицевой и боковыми поверхностями (рис. 3Б; 6, 1). Некоторые плиты на лицевой грани имеют декоративную насечку. В кладку для выравнивания рядов и швов и большей устойчивости конструкции вставлены небольшие тонкие плиты и камни. В кладке юго-западной и северо-западной стен с этой целью были использованы и обожженные кирпичи формата $21 \times 21 \times 5$ см. Кладка панцирная, с забутовкой из мелкого и среднего бута, редких обломков кирпичей толщиной 4–5 см, на глиняном растворе. Толщина стен 52–56 см; сохранившаяся высота 76–112 см.

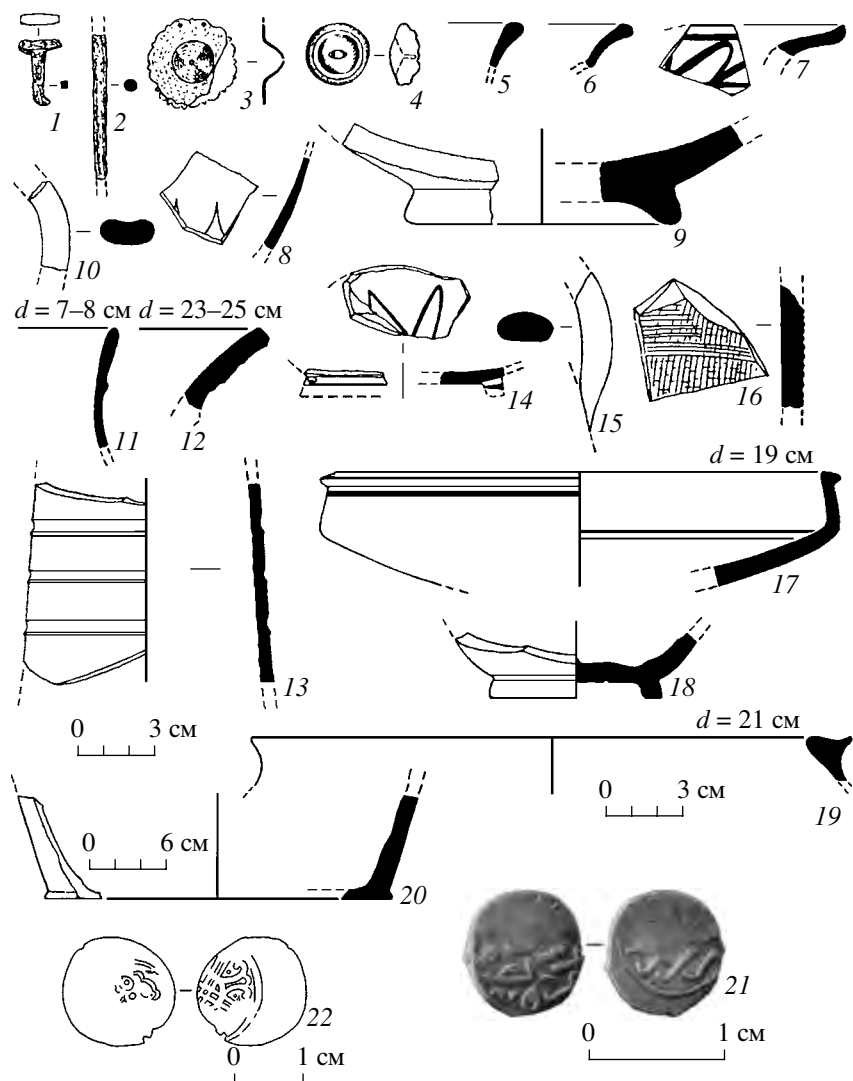

Рис. 7. Раскоп XXI. Индивидуальные находки (1–4, 21, 22) и керамический комплекс (5–20). 1–3 – железо, 4 – стекло, 5–20 – керамика, 21 – серебро, 22 – медь.

На вертикальной грани скалы, являвшей одной из сторон помещения, имеются пять искусственных пазов прямоугольной и полукруглой формы (шириной 13–26 см, высотой 18–28 см и глубиной от 7 до 26 см), расположенных на 14–30 см выше проема в грот (рис. 1). Они располагаются примерно на одном уровне и в площади вскрытого помещения. Разница уровней пазов и подошвы стен помещения составляет 2.35–2.60 м, и можно считать, что они служили для опоры балок плоскостного перекрытия и отмечают примерную высоту здания.

В северо-восточной стене здания расположен узкий (64 см) дверной проем (рис. 3А, Б; 6, 1), порог которого оформлен двухрядной кладкой из небольших частично обработанных плоских камней. В западном углу помещения был устроен глинобитный очаг, имеющий форму 1/4 круга ($d = 37$ –

40 см) (рис. 7А, Б; 6, 2). Глиной были обмазаны на высоту 28 см и непосредственно примыкающие к очагу участки соответствующих стен помещения. Очаг был сильно прокален, обращает внимание полное отсутствие в нем золы, угольков. Это, вероятно, может указывать, что он был специально очищен.

В южном углу помещения расчищены еще три ступени высеченной в скале лестницы (рис. 8, 1), образующие узкий (40 см) выход из здания, к ним перпендикулярно примыкала юго-западная стена помещения. Нижняя ступенька них вплотную подходила к порогу “малого” лаза. В помещении, впритык к скале, вдоль нее располагались поставленные в ряд вертикально на ребро шесть обожженных кирпичей, четыре из которых имели размер 21–22 × 21–22 × 4–4.5 см, один – 23 × 23 × 5 см, один – 24 × 24 × 5 см. При расчистке кирпичей на

уровне их основания и подошвы стен здания было выявлено погребение 1.

Погребение 1 (рис. 8, 1; 9, 1) располагалось вплотную к скале, ниже порога “малого” лаза на 46–58 см. Пятна могильной ямы не зафиксировано. Погребение представляло собой захоронение взрослого мужчины в вытянутом на спине положении, головой на ЮЗ, в расположенной чуть ниже пола помещения неглубокой (20–25 см) узкой грунтовой яме с закругленными углами, длиной 1,8 м, шириной от 58 см в изголовье до 34 см в ногах. У скалы яма частично была обложена тремя кирпичами. С северо-западной продольной и северо-восточной поперечной сторон, т.е. там, где яма не была ограничена скальной поверхностью, погребение на уровне дна было окаймлено светлой глинобитной, с обильной примесью пепла и золы, полосой шириной 10–12 см и толщиной 2–5 см.

Плохо сохранившийся череп погребенного был повернут лицевыми костями на ЮВ, кости левой руки слегка согнуты в локтевом суставе и лежали кистью на тазе; положение правой руки оказалось нарушенным. Ноги в коленных суставах были сведены. Череп сверху перекрыт обломком обработанной подпрямоугольной вторично использованной (фрагмент архитектурной детали?) плиты (38 × 36 × 9 см). По обе стороны черепа лежали две тонкие медные монеты: одна – овальной формы ($d = 13\text{--}16$ мм), без видимых изображений, вторая ($d = 16$ мм) – с неясным изображением (надписью?) на одной стороне и геометрическим плетеным картушем-орнаментом, близким к подобным на восточных монетах золотоордынского и тимуридского времени – на другой (рис. 7, 22). Вскрытые погребение и здание непосредственно связаны между собой и представляют небольшой кубовидной формы мавзолей.

При снятии ряда кирпичей у восточного угла помещения, за ними, была обнаружена вертикально установленная полукруглая плита ($d = 40$ см), закрывавшая небольшую естественную нишу в скале, заполненную рыхлым серым натечным грунтом. Ниша неправильной формы, ширина ее около 65 см, высота до 75 см, глубина до 40 см. При расчистке ниши, у ее дна, было обнаружено вторичное захоронение (*погребение 2*) (рис. 8, 2; 9, 2), в неглубокой яме, сделанной в грунте, покрывавшем на 15–20 см неровное дно скальной ниши. Яма удлиненно-овальная длиной 74 см, шириной 24–28 см и глубиной 10–12 см. В яме были аккуратно уложены без анатомического порядка кости почти полного скелета взрослого мужчины – отсутствовали лишь одна лопатка, некоторые кости кистей рук и стоп ног и несколько мелких позвонков копчика. Все кости, хорошей сохранности, за исключением сломанного пополам таза. Череп лежал у юго-западного края ямы, немного возвышаясь над ней; одна половина таза была положена рядом с

Рис. 8. Раскоп XXI. 1 – погребение 1, вид с СЗ; 2 – погребение 2 в скальной нише у восточного угла помещения, вид с СЗ.

черепом, другая – у противоположного края ямы; здесь же лежала нижняя челюсть. Кости ног и рук уложены вдоль ямы, причем одна берцовая кость была положена верхом к черепу, а другая наоборот. У северо-восточного края ямы, вне ее, зафиксировано известковое пятно (14 × 22 см, толщиной 2–3 см). Погребение 2, как и погребение 1, судя по ситуации, связано с функционированием выявленного здания.

Датировка и интерпретация. Первостепенное значение для датировки данного сооружения и обнаруженных в нем погребений имеет содержащая дату монета (875 г.х./1470–71 г.) из нижней части слоя 2. Эта находка позволяет установить относительное время функционирования здания в рамках XIV–XV вв., хотя нижняя дата может быть опущена и до XI–XII вв. на основании керамического комплекса слоя.

Представленные в слое образцы керамики датируются в целом в диапазоне XI–XV вв. Не вдаваясь в ее детальный анализ, отмечу, что хронологически показательными являются фрагмент розовокашинной чаши, обломки белоангобированных чаш, покрытых зеленой поливой, в том числе с подглазурной гравировкой по ангобу, а также

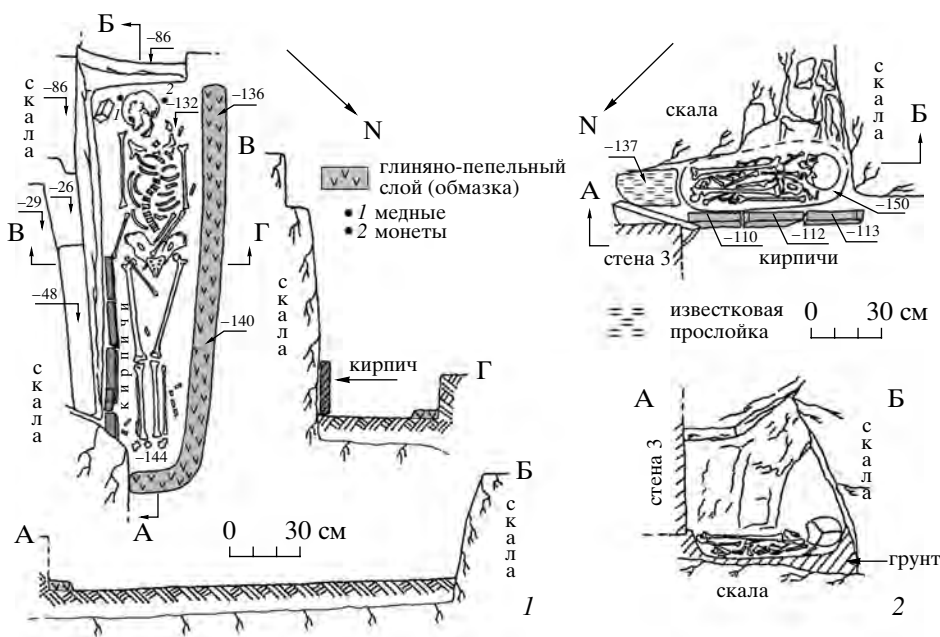

Рис. 9. Раскоп XXI. Планы и разрезы погребения 1 (1) и 2 (2).

фрагмент белоангобированной чаши с бортиком и стреловидным венчиком, покрытой зеленой глазурью и несложной марганцевой росписью, которые характерны для слоев Дербента и в целом Кавказа указанного времени (Кудрявцев, 1981. С. 78–109; Гамзатов, 1981. С. 110–120; Гусев, 1988. С. 78, 79). В предложенные рамки укладываются и обнаруженные в кладке стен помещения и обкладке погребений обожженные кирпичи $21\text{--}22 \times 21\text{--}22 \times 4\text{--}5$; $23 \times 23 \times 5$, $24 \times 24 \times 5$ см), характерные для XI–XVI вв. В частности, подобные кирпичи использованы при строительстве мавзолеев Юсифа, сына Кусейра (1162 г.), Момине-хатун (1186 г.), Гунбад-е Сурх (XII в.), бузханы в Нахичевани (XIV в.), мавзолея в с. Паправенд (XVI в.) (Мамед-заде, 1983. С. 185–190), при возведении и последующем восстановлении в 1662–3 г. мавзолея в с. Мишлеш (Хан-Магомедов, 1974. С. 63, 64) и других архитектурных сооружений Азербайджана и Дагестана, в том числе и Дербента.

Для интерпретации выявленного комплекса важнейшее значение представляют обнаруженные в раскопанном здании погребения. Погребение 1, несмотря на то, что имеет ориентацию и положение погребенного, близкие к исламским нормам, нельзя признать мусульманским. Этому противоречат весьма неглубокая могильная яма, устроенная чуть ниже уровня пола помещения, находки монет, специально положенных по обе стороны черепа, и пепельно-глиняная полоса, частично окаймляющая погребение и, несомненно, имеющая ритуальный характер. Отмеченные детали погребения вместе с тем позволяют характеризовать его как осуществленное по зороастрийскому

обряду и интерпретировать как “временную могилу”.

Обращает внимание, прежде всего, глубина могильной ямы, фактически представляющая углубление в полу. Подобную неглубокую, в несколько дюймов яму делали в полу помещения парсы некоторых городов Гуджарата, когда умирал человек, затем насыпали в нее песок и помещали на это место покойника (Мейтарчян, 1999. С. 136, 137). У зороастрийцев Ирана в доме, согласно новоперсидским ривайатам, выделяли специальное место для умершего, которое очерчивали канавкой. В.Ю. Крюкова сопоставляет эту традицию с хорошо известным в Средней Азии обычаем устройства “временной могилы” в виде неглубокой ямы в доме умершего. Такие ямы изолировали как от земли, так и от пола жилого помещения специальным слоем (Хисматулин, Крюкова, 1997. С. 219–222). В нашем случае подобным изолятором выступает специальная полоса, окаймляющая погребение со стороны пола помещения и изготовленная из глиняного раствора с большой примесью пепла и золы. Обращает внимание наличие золы и пепла (продуктов и символов очистительного и охранительного огня) и то, что эта полоса ограждала могилу только со сторон, где не было скального ограждения и бордюра из кирпича.

Устройство такой “временной могилы” может быть сопоставлено с предписанием, содержащимся в Видевдате (VIII, 8–10): “И вот тогда пусть маздаяспийцы яму выкопают здесь, в этой земле, [глубиной] в полноги – в твердой, в полчеловека – в мягкой; на это место пусть принесут золы или на-

воза, а сверху нанесут кирпича, или камня, или сухой глины, или сора. Здесь пусть положат бесчувственное тело на две ли ночи, на три ли ночи, на месяц ли, — на время, пока не прилетят птицы, не произрастут растения, не растекутся лужи, ветер не высушит землю. И вот когда прилетят птицы, произрастут растения, растекутся лужи, ветер высушит землю, тогда пусть маздаяснийцы в этом доме брешь прорежут. Двое мужчин [из] проворных, умелых — нагие, не одетые — должны, закрепив труп на глиняном кирпиче или камне, положить его на известь в такое место, где будет наверняка признано, [что есть] пожирающие трупы собаки и пожирающие трупы птицы” (Хисматулин, Крюкова, 1997. С. 213, 214, 236).

Вместе с тем, в погребении 1 не было зафиксировано каких-либо следов, свидетельствующих об изоляции трупа от нижележащей земли, что является также важным предписанием, хотя немного ниже (ок. 10 см) дна ямы следовала скальная поверхность. Можно думать, что первоначально труп был обернут в саван, на что, вероятно, указывают сведенные коленные суставы скелета вследствие перевязки савана в этом месте. По описанному в Видевдате (VIII, 24–25) обряду на трупе не полагалось оставлять одежду, и, как считают исследователи, восприятие савана (перс. *kafan*) иранскими зороастрийцами было результатом мусульманского влияния и давления (Хисматулин, Крюкова, 1997. С. 226, 239).

Особый интерес представляет наличие монет в изголовье погребения 1, указывающее на обряд положения монет, который может быть сопоставлен с подобной деталью похоронной церемонии иранских парсов. На третий день после помещения покойника в дахму, в полночь в доме умершего проводят специальные ритуалы *яшти-седуш* и *шаб-гирих* (“служба ночного бдения”) с посвящением умершему специально изготовленной одежды, чтобы душа не была нагой в раю, и освященных во время этих церемоний ритуального шнура *кушти* — символа принадлежности к зороастризму, кусочка серебра, монеты или кольца. Эти предметы, как считают верующие, предназначены для души покойника (Литвинский, 1983. С. 119, 120; Литвинский, Седов, 1984. С. 154, 155; Мейтарчян, 1999. С. 118, 119). Наличие в этом церемониале монеты М. Бойс склонна была связывать с восходящим к селевкидскому времени, греческим по происхождению обрядом хоронить покойника вместе с монетой, предназначенной Харону, и отмечала случаи находок монет в погребениях сасанидского времени на территории Ирана (Боусе, 1975. Р. 154, 155). Наличие монет в погребении 1 можно связать именно с данным обрядом, возможно, с какой-то его вариацией. В зороастрийском понимании монета при погребенном, вероятно, представляла символическую плату богам, которые вершат суд на человеческими душами у моста Чинват: Сро-

ше — божеству-заступнику верующих, Рашну — богу справедливости, и богу Михру (Дадестан-и дениг, XVIII, 3).

Зороастрийская принадлежность погребения 1, как представляется, находит подтверждение в специфике погребения 2. Положение этого захоронения в небольшой скальной нише за закладными кирпичами и плитой, характер самого погребения, представляющего аккуратно уложенные кости человеческого скелета, свидетельствуют о том, что это захоронение является вторичным и было осуществлено после распада мягких тканей скелета. Учитывая этот факт, как и расположение выше в скале искусственного грота с зороастрийскими погребальными ямами (*дахмами*), погребение 2 можно уверенно интерпретировать как зороастрийское костехранилище-*астодан*. Интересно и обнаружение в нише рядом с ним небольшого известкового пятна, ведь известь, наряду с камнем, кирпичами, золой и т.д., выступала, по представлениям зороастрийцев, своего рода стерилизатором, предохраняющим землю от осквернения (Видевдат. VI, 51, VIII, 10).

Интерпретация вскрытых погребений как зороастрийских по своей обрядности предоставляет возможность сопоставить выявленное здание с “домом для мертвых” (авест. *kata*) поздних зороастрийцев — перс. *зад-марг-хане* (“дом рождения и смерти”) иранских зороастрийцев и перс. *наса-хане* (“дом для мертвых”) индийских парсов. В Видевдате (V, 10–11) приводится описание такого помещения: “Вот лето сменилось зимою, что должны делать маздаяснийцы? — ... Дом за домом, род за родом пусть возведут три дома для тех, что мертвые, ... такой [величины], чтобы в полный рост ни головой не упираться, ни ногами впереди, ни руками окрест. Вот положенный дом (*kata*) для тех, что мертвые” (Хисматулин, Крюкова, 1997. С. 214).

Предписанным размерам соответствует распанное здание, имеющее внутри около 2.0 × 2.3 м, при высоте 2.4 м. В такой дом помещался покойник во “временную могилу”, прежде чем он переносился в дахму, на что указывает приводившийся выше отрывок из Видевдата (VIII, 8–10). Как на то обратила внимание В.Ю. Крюкова, “этот отрывок представляет собой едва ли не единственное место в Видевдате, где часто повторяющееся в этом кодексе указание “в этом доме маздаяснийском...” действительно может быть связано с домом, жилищем, поскольку в одной из последующих фраз предписывается прорезать в этом доме отверстие” — “... И вот когда прилетят птицы, произрастут растения, растекутся лужи, ветер высушит землю, тогда пусть маздаяснийцы в этом доме брешь прорежут”. Вместе с тем в Видевдате, в приведенном выше пассаже из 5-го фрагарда, засвидетельствовано и развитие “временной могилы” в доме умершего

в “дом для мертвых” (Хисматулин, Крюкова, 1997. С. 213, 214).

В дербентском погребальном комплексе же видно фактическое совмещение в единый комплекс “дома для мертвых” с “временной могилой” и *дахмы*. И здесь роль бреши, которую должны прорезать маздаяснийцы в доме, очевидно, выполнял проем в грот. С другой стороны, в стене, противоположной входу в помещение, в южном углу здания, рядом с “временной могилой” (погр. 1) расположена вырубленная в скале лестница, ведущая из здания к вершине скалы, где также, возможно, располагалась *дахма* и где “двое мужчин [из] проворных, умелых – нагие, не одетые – должны, закрепив труп на глиняном кирпиче или камне, положить его на известь в такое место, где будет наверняка признано, [что есть] пожирающие трупы собаки и пожирающие трупы птицы” (Видевдат. VIII, 10).

Наконец, обращает внимание и такая деталь, как наличие в раскопанном “доме для мертвых” очага у противоположной погребению 1 стены помещения. Причем, как отмечалось, в очаге полностью отсутствовали зола, угольки, что может указывать на специальное и тщательное очищение его от них. С одной стороны, наличие очага противоречит предписаниям Видевдата (VIII, 7) о том, что труп умершего во “временной могиле” должен находиться на расстоянии 30 шагов от огня, но, с другой, отмечается роль огня в нейтрализации демона трупного разложения Насу и *храфстра* – “вредных” существ, порожденных Ахриманом и которыми, по представлениям зороастрийцев, бывает полон “дом для мертвых”. А согласно пространной версии Бундахишна, в изголовье умершего в течение трех дней и ночей, пока душа еще не покинула тело, должен гореть огонь, согревающий ее, уменьшающий боли и страдания и нейтрализующий демона Визарша, стремящегося утянуть ее в ад (Мейтарчян, 1999. С. 45, 47). Подобные несоответствия не редки, на них не раз обращали внимание исследователи, и они отражают развитие, трансформацию религиозных норм и представлений зороастрийцев на протяжении веков.

В завершение отмечу, что “дом для мертвых” в Дербенте имеет определенные соответствия с полуподземными однокамерными каменными домами-склепами *сэрдабэ* ираноязычного населения Апшерона (Азербайджанская республика, сс. Кала, Сураханы, Мардакян, Маштаги, Говсан и др.), в которых хранятся кости умерших до возможного, по мысли верующих, их погребения в шиитской святыне Кербеле.

Исследованный зороастрийский скальный погребальный комплекс близ Дербента является пока единственным в своем роде известным на территории Кавказа. Первый период функционирования его приходится на время, когда Дербент

являлся одним из оплотов сасанидской власти на Восточном Кавказе, и среди населения города, очевидно, было немало приверженцев религии Заратуштры. Второй период бытования комплекса, судя по имеющимся материалам, относится к XI–XV вв., возможно к более узкой дате – XIII–XV вв., когда на Восточном Кавказе прочно утвердился ислам, а Дербент выступал одним из мусульманских центров региона. Пристроенное в это время к ранее существовавшей *дахме* небольшое здание, сопоставляемое с “домами для мертвых” поздних зороастрийцев, свидетельствует о наличии их общины в Дербенте и включает Восточный Кавказ в ареал расселения маздаяснийцев в это время.

Работы проводились в рамках проекта “Археологические раскопки в Дербенте” РГНФ (проект № 00-01-18084е).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бойс М. *Зороастрийцы*. Верования и обычаи. М., 1988.
- Гаджиев М.С., Касумова С.Ю. Среднеперсидские надписи Дербента VI в. М., 2006.
- Гамзатов Г.Г. Поливная керамика Дербента XIII–XVI вв. (по материалам раскопок 1980 г.) // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981.
- Гусев С.В. Опыт классификации кашинной керамики Дербента // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1988.
- Комаров А.В. Пещеры и древние могилы в Дагестане // Тр. предварительных комитетов V Археологического съезда. Т. 1. М., 1882.
- Кудрявцев А.А. Поливная керамика Дербента X – сер. XIII в. // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981.
- Литвинский Б.А. Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии (к вопросу о парфяно-бактрийских соответствиях) // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983.
- Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984.
- Мамед-заде К.М. Строительное искусство Азербайджана (с древнейших времен до XIX в.). Баку, 1983.
- Мейтарчян М.Б. Погребальный обряд зороастрийцев. М., 1999.
- Хан-Магомедов С. О. Мавзолеи и пиры Южного Дагестана // Зодчество Дагестана. Махачкала, 1974.
- Хисматулин А.А., Крюкова В.Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб., 1997.
- Шихсаидов А.Р. Книга ат-Табари “История посланников и царей” о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. Период феодализма. М., 1986.
- Boyce M. A History of Zoroastrianism. V. I. Handbuch der Orientalistik. Leiden; Köln, 1975.
- de Blois F. Middle-Persian funerary inscriptions from southwestern Iran // Medioiranica. Proceedings of the International Colloquium. Orientalia Lovaniensia Analecta. T. 48. Leuven, 1993.

- Frye R.* Religion in Fars under the Achaemenids // *Acta Iranica*. Deuxieme serie. V. 23. Leiden, 1984.
- Frye R.N.* Funerary inscriptions in Pahlavi from Fars // *W.B. Henning Memorial Volume*. L., 1970.
- Gadžiev M.S., Kudrjavcev A.A.* Steinmetzzeichen des 6. Jahrhunderts n. Chr. in Darband // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Bd 33. Berlin, 2001.
- Grenet F.* Les pratiques funeraires dans l'Asie Centrale sedentaire de la conquete grecque a l'islamisation. Paris, 1984.
- Gropp G.* Die Inschrift von Eqlid // *Hinz W. Altiranische Funde und Forschungen*. Berlin, 1969a.
- Gropp G.* Einige neuntdeckte Inschriften aus sasanidischen Zeit // *Hinz W. Altiranische Funde und Forschungen*. Berlin, 1969b.
- Gropp G.* Eine Reise in West- und Südiran // *Archäologische Mitteilungen aus Iran*. Neue Folge. Bd. 3. Berlin, 1970.
- Henning W.B.* *Mitteliranisch. Handbuch der Orientalistik*. Abt. 1. Bd. IV. Leiden; Köln. 1958.
- Huff D.* Zum problem Zoroastrischer grabanlagen in Fars // *Archaeologische Mitteilungen aus Iran*. Bd. 21. Berlin, 1988a.
- Huff D.* Zoroastrisch-sasanidische Grabanlagen in Fars // *Koldewey-Gesellschaft. Vereinigung für baugeschichtliche forschung E.V. Bericht über sie 35. Tagung für ausgrabungswissenschaft und bauforschung*. Bonn, 1988b.
- Huff D.* "Feueraltare" und astodane: untersuchungen zur zoroastrischen grabarchitektur // *Proceedings of the Second European Conference of Iranian Studies*. Roma, 1995.
- Huff D.* "Fire Altars" and astodans // *The Art and Archaeology of Ancient Persia. New Light on the Parthian and Sasanian Empires*. 1997.

Zoroastrian funeral complex near Derbent

M. S. Gadjev

Summary

In 2000, a rock grotto with two destroyed rectangular-arrowed entries was investigated near Derbent. Two lengthened pits and square dip were revealed in the grotto. The grotto is interpreted as a Zoroastrian rock funeral complex (Mid. Pers. daxmag) with two daxmas (pits for exposing bodies) and astodan (repository for bones). Similar monuments of Sasanian times are known in Iran – in Fars (Kuh-i-Rahmat, Hussein Kuh). Dating of the Derbent daxma (6th–7th cc. AD) is based on analogies. The small building with an entrance and corner hearth was built close to the grotto in the 13th–15th cc. A.D. On the floor level, a grave of an adult male in a shallow pit surrounded by an ashen-clay band was discovered. Two copper coins lay on both sides of the skull. A silver coin was found in the layer of the room (shirwan-shah Farruh-Yasar's tenga of 875 A.H./1470-71 A.D.). The bricked-up grave 2, containing a secondary burial of neatly assembled bones of an adult male skeleton without anatomical order and interpreted as astodan, was discovered in a small natural rock niche near grave 1. The building compared with "house of the dead" (nasaxāne, zād-o-margxāne) of late Zoroastrians indicates the presence of their community in Derbent and allows to include the Eastern Caucasus in the area of settling of Zoroastrians during that time.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ КАМЕННОГО ВЕКА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

А.Н. РОГАЧЕВ И “КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД” В ПАЛЕОЛИТОВЕДЕНИИ

© 2007 г. М. В. Аникович

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ АНАЛИЗА

О том, что А.Н. Рогачев является создателем “конкретно-исторического подхода” (КИП), знает любой российский палеолитовед. Но, по общему мнению, автор так и не дал четкой формулировки указанного понятия в печати. Так что же это, собственно, такое? Прояснить ситуацию можно, ответив на следующие вопросы:

Как возник и чему изначально противопоставлялся КИП в палеолитоведении? Связан ли он с чисто археологической проблематикой, или его значение шире? Насколько КИП был реализован на практике – в трудах А.Н. Рогачева и его последователей?

В отечественной археологической литературе мне известен ряд статей, посвященных понятию КИП (Гиджрати, 1980; Орлова, 1981; Сеницын, 2002). Той же проблеме посвящен и один из разделов весьма содержательной монографии С.А. Васильева (2004). Авторы двух первых работ обошли имя А.Н. Рогачева стороной. В тезисах Л.В. Орловой создание КИП даже было приписано непосредственно классикам марксизма, хотя данное понятие полностью отсутствует в категориальном аппарате Маркса и Энгельса (1981. С. 20). Путь реализации КИП, предложенный Н.И. Гиджрати, основан исключительно на абстракциях, заимствованных из области социальной психологии.

Достоинством статьи А.А. Сеницына является сама попытка рассмотреть проблему КИП в контексте современного палеолитоведения. Но высоко оценивая замысел автора, я категорически не согласен с его выводами. Детальный разбор указанной статьи уже был дан мною ранее (Аникович, 2005а).

Наиболее адекватно взгляды А.Н. Рогачева отражены в монографии С.А. Васильева (2004. С. 117–138). Тем не менее ряд его положений вызывает у меня возражения. Речь о них пойдет в заключительном разделе статьи.

ЗАБЫТЫЕ ТЕЗИСЫ А.Н. РОГАЧЕВА

В 1950-х годах А.Н. Рогачевым были определены новые установки, пришедшие на смену “стадиальной парадигме” в палеолитоведении. В тот период он уже вполне осознал необходимость раз-

работки детальной хронологической шкалы, “соответствующей реальному, сложному и богатому, конкретно-историческому процессу” (Рогачев, 1953. С. 55). Хронологическое значение понятий “ориньяк”, “солютре”, “мадлен” и пр. фактически отрицалось им для территории Русской равнины, зато утверждалась прямая зависимость изменений верхнепалеолитической культуры от “этнографических и этнических особенностей” (Рогачев, 1957. С. 133, 134). Отсюда вытекало повышенное внимание к региональной специфике памятников.

В середине 1960-х годов А.Н. Рогачев обобщил свое понимание КИП в специальной работе, так и оставшейся незамеченной (1967)¹. Вкратце его основные положения выглядели так: КИП неотъемлемо связан с концепцией исторического материализма; КИП противопоставляется концепции стадиялизма, усматривающей в палеолитических артефактах в первую очередь некие “общеисторические” закономерности, якобы постигнутые априорно. «Стадиально-схематическая концепция развития палеолитической культуры... отжила свой век. Теперь уже нет спора о том, существуют или не существуют верхнепалеолитические культуры. Конкретно-исторический процесс “механизма эволюции культуры” не имеет ничего общего со стадияльным ее “вызреванием” от ступени к ступени» (Рогачев, 1967. С. 8); КИП опирается на выделение *локальных закономерностей* – как в организации поселений и жилищ, так и в формах каменных и костяных орудий. Система этих закономерностей иерархична и не сводится к одним лишь АК – при всей важности последних; “Требование конкретно-исторического подхода к проблемам палеолита выражает... коренные задачи науки, заключающиеся в познании производственного, культурного и социального опыта человечества...” (Рогачев, 1967. С. 7, 8). Для познания законов развития культуры и общества в археологии палеолита требуется анализ конкретных комплексов.

Таким образом, КИП с самого начала выступает у А.Н. Рогачева как *познание специфики исторического процесса в разных регионах*. Процесс

¹ Первоначально она называлась: “О принципе конкретно-исторического подхода к исследованиям палеолита Восточной Европы”.

формирования этой концепции имел у него совершенно определенную направленность: не от теоретических посылок к конкретному материалу, а наоборот, от практики, от реалий, выявленных в ходе полевых исследований, к выводам методологического порядка. Впоследствии формулировки А.Н. Рогачева не претерпели коренных изменений, разве что стали более отточенными и короткими (1969; 1973а).

ЧЕМУ ПРОТИВОПОСТАВЛЯЛСЯ КИП?

Изначально КИП противопоставлялся А.Н. Рогачевым стадильной парадигме, утвердившейся в отечественном палеолитоведении с начала 1930-х годов. Согласно этой концепции, “развитие кремневой техники” совершалось как бы само по себе, вне истории конкретных обществ. Технично-типологический анализ инвентаря сводился к констатации его “датирующей роли” по схеме, разработанной для палеолита Франции.

Рубеж 1950–1960-х годов явился периодом особенно ожесточенной полемики, которая велась всецело в рамках археологии палеолита. Стоит отметить: дискуссия вовсе не являлась спором между “догматизированным” и “деидеологизированным” направлениями. С обеих сторон порой выдвигались претензии идеологического порядка, но все-таки это была подлинно научная полемика. И поначалу позиция стадильщиков (П.П. Ефименко, П.И. Борисковского и др.) по ряду вопросов нередко выглядела сильнее, фундированнее.

С конца 1960-х годов ситуация в советском палеолитоведении изменилась. Концепция А.Н. Рогачева одержала верх, и стадильзм уступил место конкретно-исторической парадигме. Была, однако, область, где прежние его позиции оставались неизменными – так называемая история первобытного общества, понимаемая как синтетическая дисциплина, интегрирующая данные археологии, этнографии, антропологии и пр.

Если основой любого отдела истории является совокупность конкретных фактов, локализованных во времени и в пространстве, то в “истории первобытного общества” эту реальную основу подменяли сплошные умозрительные посылки, схемы, лишённые живого содержания. Вот такую “историю вне истории” А.Н. Рогачев справедливо называл “непреодоленной традицией социологического схематизма”. В противовес ей им была выдвинута концепция первобытной археологии, понимаемой как *конкретно-историческая наука* (Рогачев, 1978. С. 18, 19).

В ЧЕМ А.Н. РОГАЧЕВ И ЕГО ОППОНЕНТЫ БЫЛИ СОГЛАСНЫ?

Список общих посылок и выводов, которых придерживались спорящие стороны, весьма велик. Как и его оппоненты, А.Н. Рогачев считал, что

“марксизация” советской археологии 1930-х годов, в конечном счете, открыла перед ней новые горизонты. До конца своих дней он высоко оценивал достижения социологического направления в советском палеолитоведении. Таковым являлся, по его мнению, вывод о раннем возникновении родовой организации (Рогачев, 1972. С. 7).

Некоторые контroversы, возникавшие в ходе дискуссии, носили явно надуманный характер. К примеру, А.Н. Рогачев якобы заменял стройную систему представлений о прогрессивном развитии производительных сил первобытного общества “хаосом археологических культур” и тем самым покушался на святая святых марксистского верования (Черныш, 1977. С. 72). На деле, он и не помышлял о таком отрицании. Он выступал против “схематизма”, против попыток утвердить открытие “социологических закономерностей” до выяснения особенностей исторического процесса на конкретном материале.

Не отрицал Рогачев и принципиальную возможность выделения общих этапов развития палеолитической техники – лишь полагая при том, что до сих пор эти этапы выделялись слишком поспешно, без учета местного своеобразия, отражающего конкретный ход исторического процесса. Попытки обобщений такого рода делались им самим с 1950-х годов. Правда, с позиций стадильзма они выглядели непривычно: не последовательная смена ступеней, отвечающая французской схеме ориньяк – солютре – мадлен, а иерархическая региональная схема, где культурная специфика более низкого уровня “снимается” на более высоком. Так верхний палеолит Костенковско-Борщевского района специфичен по отношению к палеолиту Приднестровья. Но они становятся единым целым по отношению к двум другим основным регионам развития верхнепалеолитической культуры Европейской приледниковой области – средне- и западноевропейскому (Рогачев, 1957. С. 130).

В 1950-х годах это была еще недостаточно обоснованная общая идея. Зато в дальнейшем она все более “обрастала плотью и кровью” (Рогачев, 1969; Рогачев, Аникович, 1984). И чем дальше, тем настоятельнее перед учеными вставала проблема (не решенная до сих пор!): выявить между упомянутыми тремя регионами общие черты, которые позволили бы говорить об общих закономерностях развития культуры верхнего палеолита в пределах всего Европейского континента, или... убедиться в отсутствии таких закономерностей.

В новейшей литературе нередко встречаются призывы рассматривать КИП и стадильный подход как взаимно дополняющие. В связи с этим следует учесть: самим А.Н. Рогачевым предлагалось вовсе не *отрицание общих закономерностей* исторического развития в верхнепалеолитическую эпоху, а *иной путь к их постижению*.

ПРЕДМЕТЫ СПОРА

В ходе дискуссии А.Н. Рогачев упрекал своих оппонентов в “социологическом схематизме”, справедливо связывая последний с марризмом. Противники, в свою очередь, считали важнейшим предметом спора вопросы: “можно ли выделить в позднем палеолите Русской равнины, наряду с чертами местного своеобразия, несколько этапов, повсеместно представленных, сменяющих друг друга в определенной, повторяющейся последовательности?” и “являются ли археологические комплексы датируемыми в пределах позднего палеолита?” (Борисковский, 1963. С. 113).

Пересмотр датирующей роли археологических материалов палеолита воспринимался оппонентами А.Н. Рогачева особенно болезненно. Ведь к началу 1950-х годов стадиялизм настолько утвердился в советской науке, что сторонники его предлагали *датировать геологические отложения по археологическим материалам*, а не наоборот! А.Н. Рогачев реально ставил проблему с головы на ноги, датируя верхнепалеолитические памятники на основе геологической стратиграфии. И вот как комментировал это П.П. Ефименко: “А.Н. Рогачев, отвергая... всякую возможность решения проблемы исторического размещения памятников позднего палеолита, исходя из археологических данных, ищет выход из создавшегося положения в привлечении наблюдений... по стратиграфии четвертичных отложений района Костенок... Вряд ли подобные взгляды, никак не вяжущиеся ни с историей, ни с опытом нашей науки, могут рассчитывать на какое-либо признание...” (Ефименко, 1958. С. 444).

Как видим, здесь П.П. Ефименко ошибся. Представление о том, что именно палеолитические памятники должны датироваться по геологическим условиям их залегания, а не наоборот, ныне является “общим местом” отечественного палеолитоведения.

Особая роль в концепции КИП отводилась понятию археологическая культура – АК. Именно изучение культур, отражающих “этнографические особенности” древних социумов, и обеспечивало, по мнению А.Н. Рогачева, возможность познания первобытного прошлого как конкретно-исторического процесса. Для него проблема соотношения и развития форм хозяйства могла обсуждаться лишь при анализе конкретно-исторической ситуации, с учетом временной и пространственной локализации, природного фактора, а также социальных условий. В 1970–1980-х годах А.Н. Рогачев даже склонен был отождествлять, в той или иной степени, понятия “этнографический” и “социальный”. Так, например, указывая, что нижний и верхний горизонты Александровской стоянки очень близки хронологически, он утверждал: “тип жилищ, кремневый инвентарь и формы хозяйства

этих людей были весьма своеобразны именно в силу *социальных (этнографических) различий племен, оставивших эти поселения*” (курсив мой. – М.А.) (Рогачев, 1973б. С. 140).

Оппоненты А.Н. Рогачева, как правило, и сами не отрицали возможности обнаружения “черт местного своеобразия” в каменном инвентаре палеолитических стоянок. Но такие особенности представлялись им все-таки чем-то третьестепенным по сравнению с характеристиками, якобы отражающими всеобщие этапы последовательного, прогрессивного развития техники. Так, по мнению П.И. Борисковского, накопление материалов по неолиту неизбежно приводит к усложнению общей картины, тогда как в палеолитоведении дело обстоит противоположным образом: накопление материалов нивелирует эту картину (1957. С. 189). Как показало дальнейшее, П.И. Борисковский здесь ошибался.

Считается, что в последние годы жизни П.П. Ефименко признал концепцию АК в палеолите (Васильев, 2004. С. 121). Действительно, этот термин употребляется в его поздних работах. Но его АК очень мало походят на те, что выделял А.Н. Рогачев. Для П.П. Ефименко культуры – это очень крупные единицы. В основе их специфики лежат, в первую очередь, *природные* различия. Так, селетская культура, распространенная, по Ефименко, от Дона до Атлантики, сложилась “в тех особых природных условиях, какие были присущи открытым приледниковым пространствам северного полушария с их хорошо приспособленной к холодному климатическому режиму скудной... растительностью и своеобразным миром животных...” А в южных районах Европы, в иных природных условиях, должен был сложиться иной тип хозяйства, “...которому, как известно, западной археологией присвоено название ориньяка, ориньякской культуры” (Ефименко, 1958. С. 447). Третья “культура” подобного рода, “восточно-средиземноморская”, распространилась, по Ефименко, от Ближнего Востока до Северного Причерноморья. Ее исторический ареал “определялся в какой-то мере и общими ландшафтно-географическими условиями, и одинаковым по своему складу охотничьим хозяйством” (Ефименко, 1960. С. 21).

А.Н. Рогачев, выделяя гораздо менее крупные “этнографические” культуры, усматривал основную причину их различий в социальной сфере. Применительно к *таким* культурам показать несостоятельность предлагаемой П.П. Ефименко интерпретации было несложно: “П.П. Ефименко не придает значения широко известным фактам географической и стратиграфической изменчивости состава инвентаря палеолитических стоянок не только в масштабе материков, но и в пределах очень небольших районов, где часто в одних и тех же ландшафтных условиях, при охоте на одних и

тех же животных и в одно и то же время существовали поселения с инвентарем, несомненно, относящимся к различным культурам” (Рогачев, 1969. С. 184). Во избежание недоразумений, А.Н. Рогачев подчеркивал: данный вывод “не противоречит общеизвестному факту, что окружающая людей природная среда во все времена являлась главным условием их существования... и, несомненно, оказывала влияние на различные стороны их жизни...” (1969. С. 186). Однако, по его мнению, это влияние не могло быть определяющим.

А.А. Сеницын резко противопоставил взгляды А.Н. Рогачева взглядам его оппонентов. В первом случае культурная специфика определялась якобы социальными причинами “ретрансляции мира производства” (? – М.А.). Во втором – “природными условиями и историческими традициями” (Сеницын, 2002. С. 36). На мой взгляд, А.А. Сеницын не заметил главного: употребляя термин “культура”, П.П. Ефименко и А.Н. Рогачев имели в виду *разные* явления. Не существует культурной специфики “вообще”. Есть лишь *разные уровни определения культурных сходств/различий*. В различиях между треугольными наконечниками стрелецкого типа и наконечниками типа “лист тополя” природная среда совершенно не повинна. А вот, например, при объяснении специфики Южной историко-культурной области (“степная зона” П.И. Борисковского) или Днепро-Донской историко-культурной области охотников на мамонтов (Аникович, 1998) без обращения к природной среде никак не обойтись. Тем более это относится и к “культурам” (по сути, именно обширным историко-культурным зонам!), выделявшимся П.П. Ефименко.

На основе всего, сказанного выше, можно дать ответ на первый из вопросов, поставленных в начале статьи: *в понимании А.Н. Рогачева КИП означал рассмотрение и анализ археологических источников в их конкретных временных, пространственных и социальных границах (последнее условие обеспечивалось выделением АК)*. Он изначально противопоставлялся стадийному подходу, который предполагал прямое и непосредственное выведение из археологических источников закономерностей общеисторического (социологического) порядка.

КИП КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Существо и принципиальную правоту позиции А.Н. Рогачева я вижу в том, что, по его мнению, полноценные социологические обобщения могут быть сделаны только на фундаменте конкретно-исторических исследований. Разумеется, это относится не только к первобытной археологии, но и к историческому познанию как таковому. В целом, это познание можно рассматривать в виде трех соподчиненных ступеней: источниковедческой, конкретно-исторической и социологической (Анико-

вич, 1988; 2005б). Каждая из них включает целый ряд дисциплин и обладает “своими” эмпирическим и теоретическим уровнями. В процессе исторического познания любая предшествующая ступень, рассматриваемая как целое, выступает эмпирической базой для последующей: источниковедческая – для конкретно-исторической, конкретно-историческая – для социологической. Между тремя ступенями существуют взаимные связи – прямые и обратные. Нарушение этой последовательности в процессе исторического познания неизбежно ведет к грубым искажениям результатов. Примером тому служит, кстати, и пресловутый “социологический схематизм”.

В этой системе археология как самостоятельная дисциплина со своими специфическими целями и задачами (“чистая археология” или “археология в узком смысле”) относится к базовой, источниковедческой ступени, т.е. *является источниковедческой дисциплиной*. В 1960–1970-х годах подобные взгляды не вызывали сочувствия среди большинства отечественных археологов, занимавшихся методологическими проблемами. Сейчас страсти по поводу места археологии в системе наук поутихли, и источниковедческая версия пользуется явным приоритетом (Клейн, 1992; Аникович, 2005б).

Необходимо лишь одно уточнение: нельзя смешивать *логику научного познания*, выражающуюся в системе наук, и *деятельность познающего субъекта*, ученого, который может, но вовсе не обязан строго ограничиваться рамками одной дисциплины (Аникович, 1988; 2005б). Кстати, в общественно-исторических науках подобное случается крайне редко. Историк, всерьез занимающийся какой-то проблемой, просто не может не быть одновременно и источниковедом – в противном случае это просто плохой историк. Соответственно, историю первобытного общества как конкретно-историческую дисциплину могут и должны создавать именно археологи – то есть те, кто профессионально владеет, по существу, единственным видом источников, содержащих информацию о дописьменном прошлом. В этом смысле, действительно, “первобытная археология является такой же конкретно-исторической наукой, как и вся последующая история” (Рогачев, 1978. С. 18).

Так мы получаем ответ на второй вопрос, поставленный вначале: *КИП является одним из всеобщих методологических принципов исторического познания, требующим рассматривать предмет исследования в его конкретных временных, пространственных и культурно-исторических границах*. Для эпох, охватываемых письменными источниками, этот принцип реализуется естественным путем: все три параметра заданы изначально, хотя и уточняются в процессе исследования (“история средневековой Франции”, “история Второй мировой войны”, “история КПСС” и т.п.). То же можно сказать о разделах археологии, изучающей соот-

ветствующие периоды и социумы (“античная археология”, “археология древнего Востока”, “археология Древней Руси” и пр.). Однако первобытная археология имеет дело с периодами, от которых не осталось ничего, кроме археологических остатков и их контекста. Здесь установление “культурно-исторических границ” представляет собой особую, очень сложную проблему (о чем будет речь далее).

Но прежде рассмотрим другой вопрос: связан ли указанный принцип с философией исторического материализма?

КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Будучи убежденным марксистом, А.Н. Рогачев воспринимал свой подход, возникший на базе археологической практики и перешедший затем в методологические разработки, именно как преодоление “вульгарного” марксизма (“социологический схематизм”) и обращение к марксизму “истинному”. В СССР десятилетиями утверждалось, что только советская (= марксистская) археология является “подлинно исторической наукой”, в противовес “буржуазному вещеведению”.

Несостоятельность этого постулата в наше время уже вполне очевидна. На деле, между КИП и историческим материализмом нет никакой зависимости. Первый – это методологический принцип, направленный на *адекватное выявление исторических фактов*. Второй – лишь одно из возможных направлений *интерпретации* фактов. Если обществоведы по тем или иным причинам важно именно последнее, если он заранее “знает”, как должен протекать исторический процесс, – он прекрасно обойдется ограниченным набором фактов. И тогда любые методологические принципы, направленные на выявление новых фактов, будут не только излишни, но даже вредны. Подобные тенденции особенно усиливаются при тоталитарных режимах. Но... даже в самые скверные времена находятся люди, органически не способные заниматься проституцией от науки. Одним из таких людей был А.Н. Рогачев².

Кстати, и стадиализм в палеолитоведении был связан с марксизмом лишь опосредованно. В основе его лежало не что иное, как добрый старый эволюционизм Г. де Мортилье, обряженный, по необходимости, в марксистские (и “марристские”) бармы. Социологическая направленность археологических исследований не может считаться исключительно марксистской прерогативой. И вопрос не в том, хорошо или плохо данное направле-

ние само по себе! Важно понять, можно ли реализовать его как *научное*, а не чисто идеологическое направление – применительно к эпохе палеолита? На мой взгляд, главные “достижения” отечественной социологической школы палеолитоведения заслуживают куда более сдержанных оценок, чем те, что давал им А.Н. Рогачев. На каком основании мы должны напрямую связывать появление жилищ с возникновением родовой организации? Женские статуэтки – с материнским счетом родства? Собственно *научных* оснований для заключений такого рода нет. И никогда не было.

О РЕАЛИЗАЦИИ КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Стоит задаться вопросом: повлияло ли новое направление на работу с массовым археологическим материалом, и если да, то как? По мнению А.А. Сеницына, оппоненты А.Н. Рогачева считали типологический метод “самодостаточным” для “непосредственного прочтения источника”, тогда как при КИП “типологические категории... как средство анализа удовлетворительными признаны быть не могут” (Сеницын, 2002. С. 34, 35).

На деле представление о том, что типология пригодна, как средство фиксации, но недостаточна для анализа орудий труда как важнейшей части производительных сил – это представление было свойственно обеим спорящим сторонам. Но если для реализации стадиального подхода было вполне достаточно самых общих характеристик (например, “солнотрейской техники”, сводившейся к плоской двусторонней ретуши), то для реализации КИП этого было мало. Для выявления “этнографической” специфики требовалось выделять и сравнивать *конкретные формы* тех же двусторонне обработанных острий. Да, сам А.Н. Рогачев не увлекался детальными типологическими штудиями. Но нетрудно заметить: именно КИП – по самой своей направленности – открывал прямую дорогу штудиям такого рода.

Проблема выделения и интерпретации АК имеет тут особое значение. Именно через них А.Н. Рогачев и его последователи пытались и пытаются реализовать важнейшее требование КИП: изучение первобытного прошлого *в его конкретных “социальных” (культурно-исторических) границах*. Но можно ли на практике установить эти границы для первобытности? Рассмотрим вопрос подробнее.

Историческое познание имеет дело не с “объективной реальностью”, которую можно увидеть, услышать, пощупать, а только с ее остатками. Прошлое нельзя повторить во всей его полноте. Над ним нельзя вести наблюдения и ставить эксперименты, как в естественных дисциплинах. На первый план выступает принцип актуализма: из прошлого реконструируется лишь то, что уже

² Мировоззренческие установки и наука – две *разные* формы духовной жизни и интеллектуальной деятельности. Можно быть агностиком, христианином, марксистом, национал-социалистом и т.д., оставаясь при этом хорошим (или плохим) ученым.

является неотъемлемой частью настоящего. “Мертвое прошлое” невосстановимо в принципе. Из этого и следует исходить историку (в широком смысле) – вне зависимости, имеет он дело с памятниками письменности, фотодокументами и т.д. или с источниками археологическими.

Отсюда следует очень серьезный вывод. Задачи археологии как источниковедческой дисциплины в принципе невозможно решить, оставаясь в рамках “чисто археологических” понятий и методов. Чтобы информация, извлеченная при источниковедческой работе археолога, согласовалась в конечном счете с языком историка, необходимо соответствующим образом организовать и систему понятий, и аналитическую работу. Необходимы *понятия-интеграторы*, широко применяемые в археологической практике. Таких понятий великое множество: “культура”, “традиция”, “стиль”, “орудие”, “жилище”, “техника” и т.д. Список можно продолжить.

Указанные понятия применялись и применяются в археологической работе – зачастую интуитивно и бессистемно. Наши “пуристы” всячески стремятся доказать, что, например, “археологическое” жилище есть не то, что жилище “этнографическое” и т.д. Но смысл употребления этих понятий состоит именно в установлении *связей* между разными историческими дисциплинами, в реализации единства исторического познания.

Для перехода от первой ступени исследования ко второй, конкретно-исторической, археологу недостаточно понятий-интеграторов, заимствованных из чужих дисциплин. Свои собственные важнейшие выводы и обобщения – итоги “чисто археологической” работы – тоже необходимо сформулировать на языке, употребляемом на втором уровне исторического познания. Иными словами, *чисто археологические* понятия сами должны выступать понятиями-интеграторами, соотносимыми с культурно-историческими явлениями.

Археологические обобщения базируются на установлении сходств/различий между археологическими источниками, которые, в свою очередь, основаны на анализе признаков. Но эти сходства/различия весьма многообразны. В рамках “чистой” археологии можно лишь условно задать меру, отделяющую существенное от несущественного – “договориться” о различных допусках в разграничении таких дефиниций, как “АК”, “культурная группа”, “технокомплекс” и пр. (Каменецкий, 1970. С. 29, 30).

Обратившись к понятиям, употребляемым в общественно-исторических дисциплинах, мы сможем определить, *какого рода* сходства нам нужно установить – и далее разрабатывать соответствующие методики. Разумеется, следует правильно выбирать само понятие-интегратор. Иначе в процессе работы может выясниться: ошибочное определение не способно повлиять на процедуру исследова-

ования, оно существует само по себе. Так этническая версия определения АК плоха вовсе не потому, что не является чисто археологической. Просто невозможно предложить методику, которая позволила бы устанавливать по археологическим данным такие важнейшие свойства этноса, как единство языка и этнического самосознания.

В настоящий момент АК определяется мной, как *система традиций, выработанных в определенных социальных группах под влиянием определенных исторических условий и нашедшая свое материальное выражение в тех результатах человеческой деятельности, которые смогли стать археологическими источниками*. Эта “археологизированная” система традиций раскрывается посредством анализа указанных источников.

Детальное обоснование этому, равно как и методам, призванным обеспечить выделение АК как системы традиций, содержится в моих специальных статьях (Аникович, 1989; 2005б). А сейчас подчеркну: АК – важнейшее, хотя и не единственное понятие-интегратор, обеспечивающее в первобытной археологии реализацию КИП. Другими обобщающими понятиями-интеграторами, направленными на выявление иных сторон человеческой деятельности в первобытности, выступают у меня “технокомплекс” и “историко-культурная область”. Отмечу особо: они не находятся в простом иерархическом соподчинении ни с АК, ни друг с другом.

Таким образом, на третий из поставленных вопросов можно дать ответ: *КИП не только был реализован А.Н. Рогачевым на практике, но и продолжает развиваться ныне*. Примером тому является целый ряд монографических и диссертационных исследований (Рогачев, Аникович, 1984; Попов, 1989; Аникович, 2004; Анисюткин, 2005; Сапожников, 2005).

Огромное влияние, оказанное КИП на отечественное палеолитоведение, проявилось не только в повальном увлечении выделением новых АК в 1960–1970-х годах. Помимо того, оно сказалось в стимулировании детальных типологических исследований, в нормализации проблем хронологии палеолита, в устойчивом стремлении не “вообще”, а конкретно рассматривать такие проблемы, как климат, хозяйство, охота и т.п.

КИП: СОВРЕМЕННЫЕ МИФЫ

Вокруг понятия КИП и отдельных его аспектов ныне сложилось немало научных мифов. Обратим внимание на некоторые из них.

КИП – контрроверза “культурно-историческому подходу”?

На этом постулате построена статья А.А. Сеницына. По его мнению, культурно-исторический подход был характерен для главных оппонентов А.Н. Рогачева, якобы признававших культуру “са-

моценным феноменом”, а АК – “прямым отражением реальных культурных различий прошлого”. А.Н. Рогачев, по Сеницыну, объяснял возникновение культурной специфики и ее изменения социальными причинами, а в культуре видел лишь “средство фиксации и анализа различий человеческих образований” (Сеницын, 2002. С. 34, 35).

На мой взгляд, объявлять стадиалистов проводниками культурно-исторического подхода по меньшей мере некорректно. Нет оснований приписывать П.П. Ефименко и П.И. Борисковскому представление о культуре как “самоценном феномене”, тем более в 1940–1950-х годах термин “культура” – в различных смыслах и контекстах – использовался обеими сторонами. Но в качестве движущих сил исторического процесса ими всегда выдвигались социально-экономические отношения.

В свою очередь А.Н. Рогачев не только не противопоставлял свой подход требованию познавать культурно-историческую сферу прошлого, но и подчеркивал, что КИП обеспечивает успешное решение этой задачи.

Верхнепалеолитические АК: все в прошлом?

Так думают многие коллеги, старающиеся заменить этот термин чем-то неопределенным, типа “культурная группа”, “вариант” и пр. В связи с этим приведу цитату: “Стремление к субъективному выделению сосуществующих и независимых культур позднего палеолита является... модой, которая в известной степени напоминает моду 30-х годов датировать большую часть позднепалеолитических памятников ориньяком” (Черныш, 1977. С. 72). В определенном смысле А.П. Черныш прав: любая мода преходяща. Позавчера было модно распределять памятники по стадиям и даже датировать по ним геологические слои. Вчера стало модным выделять АК, даже в ашеле, сегодня – их отрицать.

В чисто археологическом (источниковедческом) контексте – это проблема установления и дифференциации сходств/различий археологических материалов. Конечно, она не сводится ни к установлению общезначимых “ступеней”, ни к выделению обособленных “культур”. В конкретно-историческом плане это задача, стоящая перед всей преисторией, изучающей дописьменное прошлое: *воссоздание древних социальных (культурно-исторических) границ на базе анализа археологических источников*. От проблематики этой не отмахнуться, от нее не укрыться за наспех придуманными “новыми” терминами. Ее нужно разрабатывать. В этом смысле понятие АК, действительно, является основополагающим (хотя не единственным) для всей первобытной археологии.

АК = “локальная культура”?

Многие современные исследователи склонны видеть в АК исключительно “локальную культуру”. После такого отождествления нетрудно показать “ущербность”, а то и неправомерность выде-

ления АК в верхнем палеолите. Однако не все сторонники выделения палеолитических АК усматривают их важнейший признак в “локальности”. В середине 1960-х годов Г.П. Григорьев априорно устанавливал пространственные границы АК от 200 до 400 км в поперечнике. Но сам А.Н. Рогачев был далек от таких крайностей. Расстояние от Дуная до Среднего Дона весьма велико, однако это не помешало ему объединить в одну АК расположенные там памятники с женскими статуэтками и наконечниками с боковой выемкой.

С.А. Васильев справедливо замечает, что в моих работах понятие АК утратило “жесткую пространственную привязку” (Васильев, 2004. С. 133, 134). Но к таким представлениям я пришел вовсе не в 1990-х, а в середине 1970-х годов – и, конечно, не без влияния моего учителя. С ним мы не раз говорили о том, что для АК эпохи верхнего палеолита – уже в силу их необычайного “долголетия” (10000 лет и более!) – характерны не четкие локальные границы, а культурная чересполосица.

Был ли А.Н. Рогачев сторонником “этнической версии” АК?

Утверждая, что А.Н. Рогачев до конца жизни “оставался верен уравнению культурного и этнического начал”, С.А. Васильев ссылается на статью, где ни о каких этнических характеристиках нет ни слова (Рогачев, 1973; Васильев, 2004. С. 128). Да, термин “этнический” использовался А.Н. Рогачевым в ранних работах. Но уже с конца 1950-х годов речь у него идет только об “этнографических” характеристиках, которые, судя по контексту, сводятся к культурным или социальным. Именно эту сторону концепции КИП я попытался усилить в своем определении АК через понятие “культурной традиции”.

Мой уважаемый оппонент не заметил главного. Вслед за моим учителем я отказался от привычной последовательности: чисто археологическое обобщение – историческая интерпретация. Задача целенаправленной исторической интерпретации заложена в самом определении понятия. В результате уже сейчас можно сказать с уверенностью: верхнепалеолитические социумы, скрывающиеся за системами традиций, выявленными в АК, при всей своей расплывчатости явно не похожи ни на один из типов социумов, выявленных этнографически. Именно этот путь, намеченный А.Н. Рогачевым, открывает возможность для выдвижения хоть сколько-нибудь обоснованных гипотез о культурогенезе, культурных влияниях, миграциях и т.д. Подведем итог. КИП является одним из общеметодологических принципов исторического познания, направленным на изучение исторического процесса в его конкретных пространственных, хронологических и социальных (культурно-исторических) границах. Тем самым он обеспечивает связь источниковедческих дисциплин с дисциплинами общесоциологического уровня. Заслуга

А.Н. Рогачева состоит в раскрытии и сознательном применении этого принципа в первобытной археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникович М.В. “Три уровня археологического исследования” или три ступени исторического познания? // СА. 1988. № 1.
- Аникович М.В. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // СА. 1989. № 4.
- Аникович М.В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от “восточного граветта” к “восточному эпиграветту” // Восточный граветт. М., 1998.
- Аникович М.В. Повседневная жизнь охотников на мамонтов. М., 2004.
- Аникович М.В. О конкретно-историческом подходе А.Н. Рогачева // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского р-на и сопредельных территорий. СПб., 2005а.
- Аникович М.В. Принципы археологии и основные обобщающие понятия: “археологическая эпоха”, “археологическая культура”, “технокомплекс”, “историко-культурная область” // SP 2003–2004. 2005б. № 1.
- Анисюткин Н.К. Палеолитическая стоянка Стинка 1 и проблема перехода от среднего палеолита к верхнему на Юго-Западе Восточной Европы. СПб., 2005.
- Борисковский П.И. Некоторые вопросы развития позднепалеолитической культуры Русской равнины // МИА. 1957. № 59.
- Борисковский П.И. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костёнках // МИА. 1963. № 121.
- Васильев С.А. Изучение палеолита в России: прошлое, настоящее и перспективы на будущее // SP 2001–2002. 2004. № 1.
- Гиджраты Н.И. Об одном из возможных путей конкретно-исторического подхода в первобытной археологии // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
- Ефименко П.П. Костёнки 1. М.; Л., 1958.
- Ефименко П.П. Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья // СА. 1960. № 4.
- Каманецкий И.С. Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2.
- Клейн Л.С. Методологическая природа археологии // РА. 1992. № 4.
- Орлова Л.В. Учение К. Маркса и Ф. Энгельса о предпосылках всякого человеческого существования и конкретно-исторические исследования // Марксистско-ленинская философия и вопросы методологии истории и археологии. Ашхабад, 1981.
- Попов В.В. Развитие позднепалеолитической культуры Восточной Европы по материалам многослойной стоянки Костёнки 11. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989.
- Рогачев А.Н. Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточно-Европейской равнины // МИА. 1953. № 39.
- Рогачев А.Н. Многослойные стоянки Костёнковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. 1957. № 59.
- Рогачев А.Н. Некоторые проблемы изучения палеолита Европы // Тез. Всесоюз. сессии, посвящ. итогам археол. и этнограф. исслед. 1966 г. Кишинев, 1967.
- Рогачев А.Н. Значение и роль социальной среды в развитии культуры первобытного общества // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969.
- Рогачев А.Н. П.П. Ефименко и вопросы социологии первобытного общества (краткий историографический очерк) // КСИА. 1972. № 131.
- Рогачев А.Н. Каменные орудия как исторический источник // КСИА. 1973а. № 137.
- Рогачев А.Н. Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973б.
- Рогачев А.Н. О предмете и методе первобытной археологии // КСИА. 1978. № 152.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. М., 1984.
- Сапожников И.В. Поздний палеолит степей юго-запада Украины: хронология, периодизация, хозяйство. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киев, 2005.
- Синицын А.А. Конкретно-исторический подход А.Н. Рогачева. Современное состояние // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб., 2002.
- Черныш А.П. Многослойная стоянка Кормань IV и ее место в палеолите // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV на Среднем Днестре. М., 1977.

A.N. Rogachev and the fundamental historical approach in Paleolithic studies

M. V. Anikovich

Summary

The article analyzes fundamental historical approach, a general methodological principle of historical research which aims at studying the historical process in its definite spatial, chronological and social limits. Application of specific historical approach allows to connect source studies with general sociological disciplines. A.N. Rogachev's achievement is in the discovery and conscious application of this approach to Paleolithic studies. Without denying the possibility of finding general historical patterns in prehistorical times, A.N. Rogachev protested against attempts at sociological generalizations which were not preceded by clarifying the peculiarities of the historical process on the basis of specific material. His concept doubtlessly had enormous influence on modern Paleolithic studies.

К РАДИОКАРБОНОВОЙ ХРОНОЛОГИИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СРЕДНЕДНЕПРОВСКОГО ТИПА

© 2006 г. В. Я. Сергин

Институт археологии РАН, Москва

В бассейне Среднего Днепра, по сходству кремневых и костяных изделий, произведений искусства и жилищ, И.Г. Шовкопляс выделил мезинскую археологическую культуру. На Дону к ней отнесены Костенки 2 и 11 (слой 1а) (Шовкопляс, 1965. С. 297–303). В дальнейшем исследователи по-разному интерпретировали вариации сходства указанных И.Г. Шовкоплясом, а также и новых памятников данной области, но положение о близости подавляющей их части по инвентарю сохранилось (Гладких, 1973. С. 19, 20; Гаврилов, 1994. С. 22–24; Абрамова, Григорьева, 1997. С. 105, 106; Григорьева, 2002. С. 63–67; Нужный, 2002. С. 58–61, 77).

С вопросом о жилищах обстояло несколько иначе, чем писал И.Г. Шовкопляс. На стоянках убедительные свидетельства их существования не обнаруживались, а на части относительно долговременных поселений определялись жилища нескольких типов, в том числе на Мезинском – трех типов (Шовкопляс, 1965. С. 39–74). Однако вскоре выяснились ошибочность реконструкции в Тимоновке 1 жилищ в виде больших прямоугольных землянок и одновременно присутствие в Тимоновке 1 и 2 наземных сооружений из крупных костей мамонта (Величко и др., 1977). Пересмотр сведений по Юдинову, Мезину и Супоневу привел к выводу о наличии на них и, в целом на относительно долговременных поселениях, жилищ лишь одного типа (Сергин, 1979), что придало этой группе поселений значительно большее сходство.

Данные поселения объединяет ряд существенных черт: присутствие массовых скоплений костей мамонта; отмеченная однотипность жилищ с разнообразием деталей их строения; наличие на ряде поселений иных сооружений из костей мамонта и сходно спланированных комплексов, состоящих из жилищ, окружающих их хозяйственных ям, а также очагов, кострищ, производственных участков. С этими же поселениями связаны основные коллекции кремня и почти все произведения искусства. Ввиду достаточной обособленности отмеченной группы памятников, они были выделены как поселения среднеднепровского типа (Сергин, 1979).

В исследовании сложной проблематики, относящейся к данным памятникам, многое зависит от разработки хронологии. Коснемся ее в связи с радиокарбонowymi датировками поселений. Почти у

всех памятников, имеющих более 4–5 определений, наблюдается значительное их расхождение (таблица). Подходы к интерпретации этого явления различны. Л.В. Грехова, рассмотрев датировки и стратиграфию Елисеевичей, пришла к следующему заключению: “Возникший разброс дат по одному памятнику, видимо, должен заставить исследователя рассматривать стоянку-поселение не как единое целое, законченное, одновременное, а как сумму объектов динамичных, развивавшихся в древности и имевших в своем развитии определенные этапы. Уловить и выделить эти этапы, их вехи, при помощи радиокарбонowych дат, как нам кажется, наиболее перспективный путь исследования палеолитических поселений” (Грехова, 1990. С. 115).

В приведенном отрывке речь идет как будто бы о динамике элементов одного поселения. Однако ее исследование не доступно с использованием радиокарбонowego метода. Судя по рассмотрению Елисеевичей, здесь в фигуральной форме выражена мысль о том, что разброс дат свидетельствует о смене на памятнике нескольких поселений, объекты которых составляли этапы общего развития. Применение данного подхода, очевидно, возможно на памятниках, содержащих слои, преемственные по культуре.

В другой работе на основе обобщенного рассмотрения радиокарбонowych определений интересующей нас группы памятников указывается на распространение датировок по крайней мере в двух диапазонах. Датировки, как отмечено, свидетельствуют о сравнительно позднем возрасте поселений (Радиоуглеродная хронология..., 1997. С. 34, 37, 38). Тем не менее, на взгляд авторов, предпочтительнее определение возраста среднеднепровских памятников на уровне нижней границы их датировок или верхней границы времени граветских памятников той же территории (Авдеево, Хотылево 2, Бердыж), в пределах 21–19 тыс. лет (Радиоуглеродная хронология..., 1997. С. 34, 37, 38).

Мысль эта основана на предположении о том, что сходство конструкций на поселениях Среднего Днепра и в Костенках 11 (сл. 1а) свидетельствует о большой сближенности их во времени, а при определении этого времени основным репером служит, по-видимому, наиболее ранняя дата Костенок 11

Радиоуглеродные даты поселений*

Дата	Материал, положение в слое	Индекс
Елисеевичи 1		
12630 ± 360	Зуб мамонта. Яма 1, глубина 1.3 м	ГИН-4137
12970 ± 140	Костный уголь. Глубина 1.6–1.7 м	ЛУ-102
14080 ± 70	Костный уголь из зольника с глубины 1.0 м	ГИН-4135
14100 ± 400	Зуб мамонта. Раскоп 1948 г. Глубина 1.5 м	ГИН-4139
14240 ± 120	Костный уголь. Глубина 1.6–1.7 м	ГИН-5475
14470 ± 100	Зуб мамонта. Глубина 1.6–1.7 м	ЛУ-126
14590 ± 140	Зуб мамонта. Раскоп 1965 г., глубина 1.0 м	ГИН-4186
15600 ± 1350	Костный уголь из мерзлотного клина	QC-889
16850 ± 120	Зуб мамонта. Яма 1	ГИН-4138
17340 ± 170	Зуб мамонта. Скопление 5, глубина 1.9 м	ЛУ-360
Елисеевичи 2		
15620 ± 200	Зуб мамонта. Верх клина на раскопе 1980 г.	ИГАН-556
Юдиново		
12300 ± 200	Карбонатный осадок на кости	ОхА-696
13300 ± 200	Гумусная фракция костного угля	ОхА-695
13650 ± 200	Фрагменты зуба мамонта	ЛУ-153
13720 ± 210	Минерализованная кость	ЛЕ-3303
13830 ± 850	Костный уголь. Очажный слой на глубине 2.8 м	ЛУ-103
13980 ± 110	Кость мамонта	ISGS-2085
14300 ± 110	Обожженная кость из зольника	ISGS-2084
14470 ± 160	Кость	АА-4801
14500 ± 200	Костный уголь из зольника	ГИН-5588
14610 ± 60	Костный уголь из зольника	ГИН-5661
14650 ± 105	Кость из раскопа 1 З.А. Абрамовой	АА-4802
14870 ± 150	Зуб мамонта	ЛЕ-3835
15660 ± 180	Кость мамонта. Очажный слой на глубине 2.8 м	ЛУ-127
15790 ± 320	Кость	ЛЕ-3301
17800 ± 810	Костный уголь	ЛЕ-3302
18630 ± 320	Костный уголь из зольника	ЛЕ-3401
Супонево		
13500 ± 100	Зуб мамонта	ГИН-3381
13920 ± 140	Кость мамонта	ГИН-7729а
14260 ± 120	Зуб мамонта	ГИН-3719
Тимоновка 1		
12200 ± 300	Зуб мамонта	ИГАН-82
14530 ± 120	Кость мамонта	ГИН-8414
14750 ± 120	Кость мамонта	ГИН-8413
15300 ± 700	Кость из раскопа 1932 г.	ГИН-2003
Тимоновка 2		
15110 ± 530	Эмаль зуба мамонта	ЛУ-358
Мезин		
15100 ± 200	Зуб мамонта. Жилище 1	ОхА-719
21600 ± 2200	Зуб мамонта	ГИН-4
27500 ± 800	Зуб мамонта из раскопок 1953 г.	Ки-1051

Таблица. Окончание

Дата	Материал, положение в слое	Индекс
29 100 ± 700	Раковины моллюсков из раскопок 1953 г.	Ки-1052
29 700 ± 800	Раковины моллюсков из раскопок 1953 г.	Ки-1053
Кирилловская		
19 200 ± 250	Зуб мамонта	ОхА-718
Межирич		
11 700 ± 800	Костный уголь	ГИН-2597
12 900 ± 200	Кость мамонта. Жилище 1	ОхА-709
14 300 ± 300	Костный уголь. Жилище 4	ГИН-2596
14 320 ± 270	Костный уголь. Жилище 1	QC-897
14 400 ± 250	Зуб мамонта. Жилище 2	ОхА-712
14 420 ± 190	Зуб мамонта. Жилище 3	АА-1317
14 530 ± 300	Костный уголь. Жилище 2	ГИН-2595
14 700 ± 500	Зуб мамонта. Жилище 3	ГИН-2593
15 245 ± 1080	Костный уголь	QC-900
17 855 ± 950	Костный уголь. Жилище 4	Ки-1054
18 020 ± 600	Обожженный зуб мамонта	Ки-1055
18 470 ± 550	Костный уголь	Ки-1056
19 100 ± 500	Костный уголь	Ки-1057
19 280 ± 600	Кость мамонта. Жилище 1	Ки-1058
Добраничевка		
12 700 ± 200	Зуб мамонта	ОхА-778
Гонцы		
13 200 ± 270	Костный уголь. Яма на раскопе 1985 г.	ISGS-1740
13 400 ± 185	Костный уголь. Хозяйственная яма	QC-898
13 700 ± 100	Обугленные кости мамонта	ГИН-8410
14 350 ± 190	Костный уголь	ISGS-1739
14 400 ± 110	Кость	ОхА-5933
14 550 ± 150	Кость	ОхА-5932
14 600 ± 200	Зуб мамонта	ОхА-717
Костенки 2		
11 000 ± 200	Кость	ГИН-93
16 190 ± 150	Кость	ЛЕ-1599
17 300 ± 160	Кость мамонта	ГИН-8570
23 800 ± 150	Тазовая кость мамонта	ГИН-7992
37 900 ± 900	Кость мамонта	ГИН-7993
Костенки 11 (сл. 1а)		
12 000 ± 100	Кость мамонта	ЛЕ-1403
14 610 ± 120	Кость мамонта	ЛЕ-1637
16 040 ± 120	Кость	ЛЕ-1704а
17 310 ± 280	Кость	ЛЕ-1704б
18 700 ± 80	Кость мамонта	ГИН-8079
19 900 ± 350	Костный уголь	ГИН-2532

* Источники: Арсланов и др., 1972; Величко и др., 1977; Soffer, 1985; Абрамова, 1995; Величко и др., 1997; Радиоуглеродная хронология..., 1997; Яковлева, 2003.

(сл. 1а) (Радиоуглеродная хронология..., 1997. Рис. 1. С. 34). Но синхронность конструкций сама должна быть подкреплена близостью датировок поселений, содержащих конструкции. Что же касается относительно раннего возраста Костенок 11 (сл. 1а), его трудно чем-либо обосновать. Акцент на ранние датировки данных поселений, вероятно, связан с тем, что он ставит в более близкие отношения граветские памятники и памятники среднеднепровского типа. Однако массив более поздних дат вряд ли может пользоваться меньшим доверием, чем косвенные построения на базе единичных датировок.

Получив исключительно плотную серию дат по Гонцовскому поселению, Л.А. Яковлева, в отличие от предыдущих авторов, относит функционирование днепровских памятников ко времени 15–14 тыс. лет. В подтверждение своей точки зрения она указывает на сходство планиграфической структуры и произведений искусства на этих памятниках (Яковлева, 2003. С. 34, 35). Но в работе, посвященной данным предметам (Iakovleva, 1999), не рассматривается вопрос о том, каким образом могут быть переведены в единую хронологическую плоскость памятники с широким диапазоном датировок.

По радиокарбоновой датировке на основе палеогеографических данных в бассейне Среднего Днепра рассматриваемые поселения относятся ко времени 17–13 тыс. лет. На многих из них лишь 16 тыс. лет назад завершилось формирование аллювия (Грибченко, Куренкова, 1997. С. 136). С большим основанием можно предположить, что период существования памятников ограничивается 15–14 тыс. лет (Величко и др., 1997. С. 170). Стратиграфическое положение части памятников все же остается недостаточно ясным (Грибченко и др., 2002. С. 288).

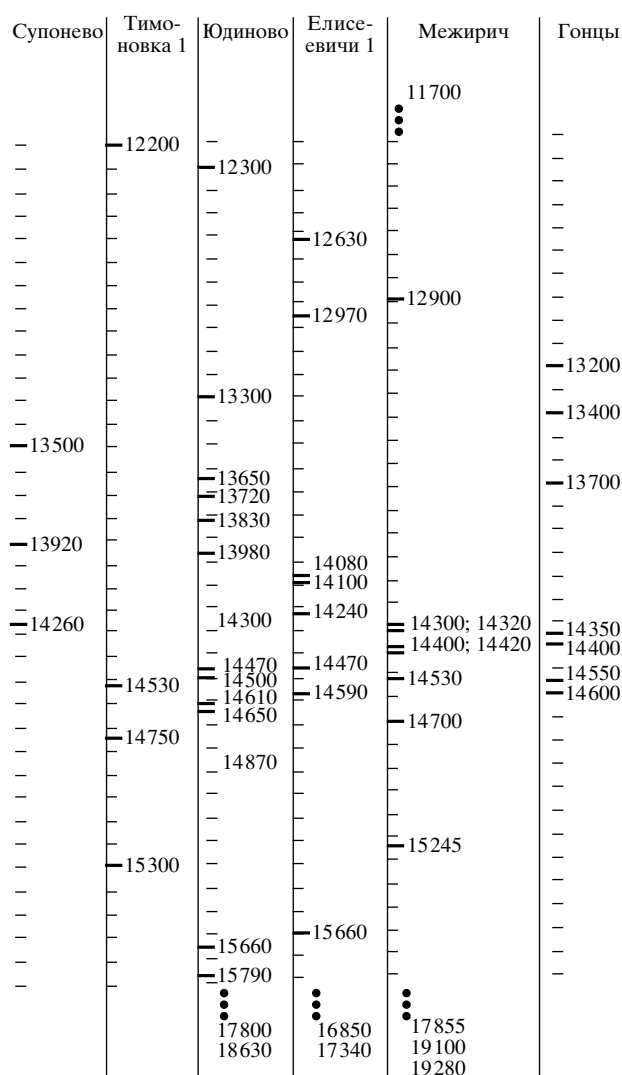
В качестве образцов для датировки памятников среднеднепровского типа использованы костный уголь, зубы мамонта и кости мамонта и неуказанных животных, а в единичных случаях раковины моллюсков. В спектрах датировок определения, полученные в разных лабораториях и по разным материалам, находятся в более или менее равномерном чередовании. Это позволяет полнее использовать имеющиеся даты.

Радиокарбонové определения, относящиеся к достаточно мощному культурному слою, могут иметь разное значение для установления возраста памятника. Если в культурном слое удастся выявить лишь разрозненные кострищные линзы, скопления однородных материалов, пятна краски и иные простые объекты, возможность сузить датировку слоя, отбросив какие-либо определения, кроме заведомо сомнительных, отсутствует. Положение наших памятников в этом отношении более благоприятно в связи с наличием на них

сложных объектов и комплексов. Занимавшие обширную площадь жилищно-хозяйственные комплексы, остатки которых составляли всю толщу культурного слоя, несомненно, являлись единственным функционально связанным объектом, существовавшим тот или иной отрезок общего времени обитаемости комплексов. Не установлено перекрывание одного жилищно-хозяйственного комплекса другим. При плотном смыкании комплексов, как в Мезине и в Гонцах, не наблюдалось наложения края какого-либо комплекса на соседний.

Такое расположение комплексов можно определить как свободное. В нем можно видеть проявление относительно одновременного сооружения и развития комплексов. В Добраничевке одновременность комплексов в некоторой мере подтверждается и не вполне четкой планировкой их по дуге (Шовкопляс, 1971. Рис. 1). В Межириче наблюдалась резкая диспропорция некоторых костей мамонта (нижних челюстей, больших берцовых) в конструкциях жилищ 1–3, что связано, по-видимому, с распределением костей в процессе их сооружения (Пидопличко, 1976. Табл. 3. С. 59). Одновременность жилищ 1 и 2 подкрепляется также хорошо выраженным культурным слоем между ними (Soffer et al., 1997. S. 59). Подобных разноплановых, и поэтому усиливающих друг друга, свидетельств синхронного бытования комплексов пока немного. Возможно, свой вклад внес бы поиск связей подбирающихся предметов из разных комплексов в Добраничевке и Межириче, хотя значительные расстояния между комплексами сокращают надежды на четко выраженный результат.

При рассмотрении вопроса о том, составляли ли жилищно-хозяйственные комплексы единое поселение, необходимо учесть и следующие общие соображения. Первое – культурно и территориально близкие общины с одним и тем же типом хозяйства не должны были значительно различаться по величине, а их поселения – по количеству жилищ. И действительно, на наиболее полно раскопанных памятниках число жилищ близкое: в Межириче, Добраничевке и Юдинове соответственно 4, 4 и 5. Наличие четырех жилищ вероятно и на Гонцовском поселении (Сергин, 2003). Второе – базирование хозяйства на охоте на крупных животных было связано с необходимостью коллективных действий в доставке на поселение забитых животных и разнообразного сырья, в устройстве и поддержании различных сооружений. Учитывая также риск, которому подвергались охотники, трудоспособное мужское население 1–3-х жилищ не могло бы служить опорой устойчивой жизнедеятельности соответствующих общин. Возможно, и четыре жилища на одном поселении, если они не столь велики, как в слое 1а Костенок 11, – результат не полных раскопок, а не выражение реального состава поселения.

Расположение радиокربоновых датировок поселений на хронологической шкале. Деление шкалы равно 100 годам.

Мы исходим из относительной одновременности бытования жилищ или жилищно-хозяйственных комплексов на поселениях, т.е. полагаем, что, как правило, они возникали в близкие сроки, и основное время их использования совпадало. При этом не имеют значения такие детали, не нарушающие целостности поселений, как заселение жилищ постоянно или периодически, полным или переменным составом людей. Известно, например, что в жилище 4 Межирича зафиксированы два уровня пола (Soffer et al., 1997. P. 60). Будучи связаны с определенной жилой конструкцией, полы могут относиться лишь к тому же поселению, что и сама конструкция.

Длительность жизни поселений, входящих в круг памятников среднеднепровского типа, предполагается многолетней (Шовкопляс, 1965. С. 94), равной примерно десяти годам: Кирилловское,

Мезин, Добраничевка, Гонцы, 20 годам – Межирич (Пидопличко, 1969. С. 154; 1976. С. 226), холодной части года (Soffer, 1985. Tab. 5, 43), несколькими годам (Сергин, 2001. С. 352, 353). В любом случае это только один очень краткий промежуток времени на шкале датировок памятника. На поселениях с наибольшим количеством датировок представляется возможным наметить более или менее узкий диапазон, внутри которого он должен находиться.

Для Мезина ранние даты получены по раковинам моллюсков. Но и следующая за ними дата по зубу мамонта (таблица) принципиально не отличается от них, заходя за любые мыслимые пределы датировки рассматриваемых памятников. Возраст Мезина, превышающий 20 тыс. лет, маловероятен и с геологической точки зрения (Грибченко и др., 2002. С. 288), по которой в качестве опорной принята дата 15100 ± 200 лет (Величко и др., 1997. Рис. 3).

Межиричское поселение по ряду существенных черт документировано полнее других. Оно располагает и довольно значительным числом радиокарбонных датировок. При этом следует отметить следующее: 1) все ранние даты по памятнику получены той же киевской лабораторией, что и указанные даты по Мезину. Как уже замечено, во время их производства лаборатория не имела большого опыта определения возраста палеолитических памятников (Soffer, 1985. P. 131); 2) материалом одного или двух образцов были зубы мамонта. По зубу, как упоминалось, получена и одна из чрезмерно удревненных мезинских дат; 3) датирование межиричских образцов, судя по их номерам, проводилось непосредственно после мезинских, т.е., по всей вероятности, в том же технологическом режиме. Учитывая сказанное, использовать отмеченные датировки Межирича в определении времени бытования памятника не представляется возможным.

Остается восемь дат, более половины которых образует плотную концентрацию в пределах 230 или 400 лет (рисунок). Диапазоном 14700–14300 лет, преимущественно верхней его частью, и может быть определено в настоящее время место Межирича в радиокарбонной хронологии. Даты, не вошедшие в концентрацию, – естественный отсев, обусловленный различными трудноуловимыми причинами, воздействующими на получение определений с момента попадания образца в культурный слой до завершения лабораторного анализа. Связанных с этим вопросов (Археология и радиоуглерод. 1996. С. 7–17) мы касаться не будем.

Елисеевичи, в силу негативных обстоятельств, сопутствующих растянутому спорадическим исследованиям и значительной поврежденности культурного слоя мерзлотными процессами, памятник менее ясный, чем Межирич. При установлении его возраста, как ни по какому другому памятнику, скрещиваются разнородные подходы. Один из них

связан с признанием датирующего значения за всеми имеющимися определениями. Ему будет уделено основное внимание. Второй подход – уже отмеченное отнесение Елисеевичей наряду с другими памятниками в бассейне Среднего Днепра к нижней границе их датировок. Но предполагается также, что возраст Елисеевичей мог быть и древнее этой границы.

Согласно М.В. Аниковичу, так называемые венеры и стилизованные миниатюрные фигурки животных из мягких пород камня датируются в Восточной Европе в пределах 24–21 тыс. лет. Женская статуэтка из бивня и мергелевая фигурка мамонта из Елисеевичей позволяют соответствующим образом датировать и этот памятник (1994. С. 155). Вместе с тем автор указывает, что значение таких показателей на обширной территории может меняться, и их применение требует многократной проверки (Аникович, 1994. С. 155, 156). К этому призывает также стиль елисеевической статуэтки, отличный от исполнения граветтских “венер”.

Геологическими наблюдениями в Елисеевичах зафиксированы три уровня залегания археологических остатков. Нижний обнаружен в зачистках вдоль бровки берегового уступа. Обломки костей, костного угля и кремня размерами до 10 мм, вероятно, следы размытого и переотложенного культурного слоя, попали в алевритовую толщу задолго до основного периода заселения (Величко и др., 1997. С. 38, 39). Остатки последнего образуют единственный геологически выделяемый культурный слой памятника, а отдельные археологические находки составляют верхний уровень (Величко и др., 1997. С. 50). Верхний и нижний уровни не датированы, так что все радиокарбонные определения выполнены по образцам из культурного слоя.

Достоверность этих определений, по мнению Л.В. Греховой, не вызывает сомнения благодаря совпадению дат разных лабораторий. Остается только предполагать наличие в Елисеевичах трех разновозрастных групп археологического материала: 17–16, 14 и 12 тыс. лет (Грехова, 1990. С. 113, 114). Поскольку четких критериев для их выделения нет, серия радиокарбонных дат “заставляет еще и еще раз пересматривать архивные материалы, чтобы приблизиться к пониманию памятника как суммы разновозрастных стоянок” (Грехова, 1990. С. 114).

В качестве одного из архивных указаний фигурирует сообщение В.Д. Будько об обнаружении им “нижнего основного горизонта” культурного слоя в раскопе 1965 г. (Величко и др., 1997. С. 94). Согласно В.Д. Будько, в юго-западном углу раскопа на глубине 1.7–1.8 м от поверхности в основании светло-серой супеси был вскрыт мощный культурный слой с большим количеством кремня, костей разных животных и с углем. От основного куль-

турного слоя он отделялся стерильным суглинком толщиной до 1 м. Этот слой не был разобран (1965. Л. 14, 15). Не был он и описан и хотя бы схематически изображен. На профиле южной стенки раскопа в кв. С, Т на глубине 1.4–1.6 м от поверхности изображены бивень, трубчатая кость, эпифиз трубчатой кости и несколько мелких обломков костей (Будько, 1965. Рис. 5). Они залегают в верхней и нижней части супеси, но в соответствии с глубиной и стратиграфической приуроченностью являются единственными наглядно представленными деталями слоя, указанного В.Д. Будько.

Ограниченное пространство, на котором были сделаны наблюдения и общая неопределенность ситуации, – не являются достаточной базой для выделения на памятнике нового культурного слоя. Возможно, явление, отмеченное В.Д. Будько, найдет свое объяснение в связи с мерзлотными деформациями, затронувшими памятник. В Елисеевичах на уровне культурного слоя зона просадок в деформации имела ширину до 2.5 м, а в месте пересечения трещин еще больше (Грехова, 1978. Л. 3). Сложная мерзлотная структура была обнаружена и в восточной части раскопа 1965 г. Причем одно из трех ее ответвлений направлено к интересующему нас участку (Величко и др., 1997. С. 60. Рис. 16). Не наткнулся ли В.Д. Будько на смещенные остатки? Это предположение в некоторой мере подкрепляется тем, что в юго-западном углу раскопа на уровне культурного слоя археологические материалы отсутствовали (1965. Рис. 3).

Верхний слой прослежен по двум указаниям К.М. Поликарповича. Одно из них касается обнаружения значительно выше слоя с костями (т.е., единственного палеолитического культурного слоя, зафиксированного геологически) горизонта находок расщепленного кремня, отнесенного К.М. Поликарповичем к азиль-тарденуазу (Величко и др., 1997. С. 94). Сведения о нем кратки. В 1936 г. находки обнаружены в верхних слоях лесса по всей вскрытой площади. В 1948 г. удалось установить, что кремни, предположительно тарденуазского возраста, залегают в самом низу современной почвы и в самом верху лесса, лежавшего над палеолитическим слоем. Слой лесса толщиной в 1 м, исключая его верхнюю часть, не содержал археологических материалов (Поликарпович, 1968. С. 43, 47). Второе указание касается “верхнего горизонта над мадленским слоем с костями” в раскопе 1935 г. Горизонт не описан. Сведения о нем получены Л.В. Греховой из описей кремня и фауны. Горизонт содержал зольные прослойки, краску, кремневые изделия, кости песка, волка, обломки костей мамонта. Видовой состав фауны и кремневые орудия идентичны встреченным в культурном слое (Грехова, 1990. С. 112; Величко и др., 1997. С. 94).

Представленные участки с культурными остатками, отнесенные Л.В. Греховой к верхнему культурному слою, залегают в разных стратиграфиче-

ских условиях: на контакте почвы с лессом и в лесе. Состав остатков в них разнороден: в первом случае лишь кремь, во втором – основной набор материалов палеолитического культурного слоя. Относить участки к единому стратиграфическому и культурному образованию, видимо, нельзя. Нет также оснований считать, что К.М. Поликарпович ошибочно определил в итоговой работе в качестве мезолитического горизонт кремня, не отличимого от палеолитического елисеевического.

По-видимому, К.М. Поликарпович наблюдал простираение того же горизонта, который был изучен в непосредственной близости от работ 1948 г. в раскопе 1970 г. Культурные остатки и здесь ограничивались кремнем и залегали под дерном с глубины 20 см. Изделия напоминали коллекцию Песочного Рва. Резко выделялись несколько пластин и отщепов, идентичных материалам из культурного слоя (Грехова, 1970. Л. 2–4). Верхний горизонт находок, восстанавливаемый на маленьком раскопе 1935 г., являлся, вероятно, свидетельством повторного использования участка на нижнем краю террасы в период существования поселения. Подобные локализованные явления характерны для рассматриваемых памятников.

Следующий пункт, в котором Л.В. Греховой указано наличие верхнего горизонта или слоя культурных остатков, это кв. У, Т-73.74 со скоплением костей и зольники на раскопе 1965 г. (Величко и др., 1997. С. 94). В отчете В.Д. Будько остатки на данных участках не выделены в особый горизонт. Они описаны как часть единого культурного слоя, что согласуется с разрезом и фотографиями (1965. Рис. 6, 7, 10, 18). В отчете не приведены глубинные отметки. Поэтому выделение на раскопе верхнего горизонта, видимо, связано с тем, что при установлении уровней залегания предметов приходилось ориентироваться на нулевую поверхность в раскопе 1963 г. (Грехова, 1978. С. 4, 5). На полевом плане раскопа 1965 г., имеющемся в неразобранной части архива Института археологии РАН, уровень находок в указанных квадратах и зольников следует общим изменениям уровня слоя на раскопе.

Таким образом, попытки выделения верхнего и нижнего горизонтов культурного слоя в Елисеевичах, а вернее, еще двух культурных слоев, связаны со слабо или неполно документированными старыми раскопками и не имеют достаточного подтверждения. В многолетних раскопках экспедиции ГИМ с участием специалистов Института географии РАН, как уже отмечено, наблюдался единственный культурный слой.

В Елисеевичах пока не обнаружено жилищ, характерных для аналогичных поселений, но, несомненно, наличие единого четко спланированного комплекса на южном участке раскопок, слабее изученного северного и, вероятно, края еще одного – западного комплекса (Величко и др., 1997. С. 119–

121. Рис. 2, 37). В целом проявляются особенности, свойственные и другим поселениям среднеднепровского типа.

Даты по поселению демонстрируют распределение, очень близкое наблюдающемуся в Межириче (рисунок). Поскольку убедительных оснований в пользу наличия на памятнике верхнего слоя нет, находящиеся в отрыве поздние датировки не могут быть отнесены на его счет. Это невозможно и потому, что одна ранняя дата (ЛУ-102) получена по образцу костного угля, взятого из очажной массы на глубине 1.6–1.7 м от поверхности (Арсланов и др., 1972. С. 162), а вторая (ГИН-4137) – по зубам мамонта из ямы 1 (Величко и др., 1997. Табл. 1). Ранние датировки также относятся к образцам из углублений в культурном слое. По материалам из углублений получены все отклоняющиеся даты, кроме ЛУ-102. Вероятно, и причины отклонений могли быть обусловлены условиями залегания образцов в углублениях. Так или иначе, но это проблемные датировки, и мы не можем опираться на них при определении места Елисеевичей на хронологической шкале.

Радиоуглеродные определения центральной группы, напротив, заслуживают доверия. Все они получены по образцам, отобранным из культурного слоя, залегавшего на древней поверхности. Значения их сходны, несмотря на разный материал образцов, принадлежность образцов к разным комплексам (северному и южному), использование материала из коллекции старых раскопок (ГИН-4139) и получение дат в двух лабораториях (Арсланов и др., 1972; Величко и др., 1997. Табл. 1). Диапазон определений центральной группы (14590–14080 лет), видимо, может считаться хронологическим промежутком, внутри которого находится искомая дата жизни поселения.

В настоящее время памятником среднеднепровского типа, имеющим наибольшее количество жилищ, является Юдиново 1, где раскопаны 5 жилищ. Исследователи поселения не ставили вопрос о многослойности памятника (Поликарпович, 1968. С. 140–166; Абрамова, 1995). Лишь у В.Д. Будько после раскопок 1966 г., когда была вскрыта основная часть остатков третьего жилища, появилось иное мнение. Он писал, что это жилище отделено от жилища в раскопе 1947 г. большим очагом и стерильной прослойкой лесса мощностью 0.7 м (1967. С. 29). В следующей публикации толщина той же “прослойки” дана равной 0.3–0.4 м (Будько, Вознячук, 1969. С. 17).

План культурных остатков на раскопе 1966 г. и разрезы не публиковались. Возможно, не существует и отчет. В дневнике раскопок, хранящемся в Отделе археологии Института истории НАН Беларуси, упоминание о двуслойности содержится только в отношении кв. У-39 в начальный период его расчистки. При продолжении работ на квадра-

те эти наблюдения не подтвердились. В публикациях речь идет о гораздо более масштабном явлении – к нижнему слою отнесена уже вся площадь раскопок 1966, 1967 гг. Однако совпадение границы распространения выделенного В.Д. Будько нижнего слоя с границей между раскопами 1961–1962 гг. и 1966 г., два разных указания на глубину залегания нижнего слоя и отсутствие в дневнике работ 1966 г. указаний на какие-либо остатки верхнего слоя свидетельствуют об ошибочном соотношении уровней одного и того же культурного слоя на смежных раскопах.

Согласно заключению палеогеографов, геоморфологическая позиция поселения дает основание усомниться в достоверности наиболее ранних датировок (более 17 тыс. лет). Датировки и стратиграфическое положение говорят о функционировании его около 14 тыс. лет назад, а более древние даты связаны с возможным использованием в качестве топлива древних костей (Грибченко и др., 2002. С. 285). По Юдинову, имеются две группы кучно расположенных датировок (таблица, рисунок). В определении времени жизни на поселении эти группы не равнозначны. В нижней группе две даты лаборатории ГИН по костному углю очень близки. То же повторяется у двух определений лаборатории АА по кости. Немного дальше друг от друга отстоят даты лаборатории ISGS по кости мамонта и обожженной кости. В этих случаях подкрепляют друг друга не только парные определения каждой лаборатории, но и даты разных лабораторий.

Датировки остальных лабораторий, в том числе слагающие почти всю верхнюю группу, показывают разброс до 4 тыс. лет. Причем лишь одна из этих дат (ЛЕ-3835) вписывается в хронологию нижней группы. Даты лаборатории ОхА, когда они делались, насколько можно судить об этом по более определенным случаям, имели дрейф к современности. Таковы обе юдиновские даты, одна межричская, дата Бердыжа (ОхА-716 15100 ± 250 – Радиоуглеродная хронология..., 1997. Табл. 1), реже проявлялось удревание (Кирилловское поселение).

Как видим, устойчивой взаимосвязью обладают только датировки нижней группы. На них и следует основывать хронологию поселения. Предварительно промежуток времени, в рамках которого существовало поселение, определяется в пределах 14650–14470 л.н., а с большей осторожностью – от 14870 до 14300 л.н.

Известное Гонцовское поселение связано со слоем I в обозначении, данном И.Ф. Левицким (1947). К нему и относятся приведенные в таблице датировки. Расхождение их сравнительно с другими памятниками небольшое. Три даты лаборатории ОхА и одна дата лаборатории ISGS образуют плотную концентрацию. В ее пределах (14600–14350 л.н.) и может быть датировано поселение;

12 новых дат по образцам в основном из слоя I с разных участков и объектов памятника убедительно показали, что он функционировал около 14500 л.н. (Яковлева, 2003. С. 34, 35). К сожалению, зарубежные издания, в которых опубликованы даты, оказались недоступными для нас.

В Тимоновке 1, широко раскопанной В.А. Городцовым, также имелись участки слабонасыщенного культурного слоя и утолщения его на месте объектов и иных концентраций остатков (1935). Л.В. Грехова выделила на памятнике четыре комплекса, один из которых вместе с Тимоновкой 2, отнесен ею к ранней хронологической группе, а три остальных – к несколько более поздней (Величко и др., 1977. С. 108, 109). По другой точке зрения если комплексы и разновременны, их различия скорее объяснимы не хронологией, а особенностями хозяйственной деятельности на них (Гаврилов, 1994. С. 13).

Из четырех имеющихся по памятнику радиокарбонových дат поздняя относится к первым определениям лаборатории ИГАН, касающихся палеолита. Для них характерно значительное омоложение (Авдеево ИГАН-78 13900 ± 200 и ИГАН-151 11950 ± 310) или удревание (Хотылево 2 ИГАН-73 24960 ± 400 ; Гагарино ИГАН-83 30000 ± 1900) возраста памятников (Радиоуглеродная хронология..., 1997. Табл. 1). Ориентироваться можно, видимо, по двум сближенным датам лаборатории ГИН (таблица).

Умеренное расхождение дат по Супоневу, полученных в одной лаборатории (ГИН), но в разное время и по разному материалу, предполагает возможный возраст памятника где-то в пределах датировок. По Мезинскому поселению, после сказанного о его датировке в начале статьи, приниматься к рассмотрению может только одна наиболее поздняя дата. Фактический радиокарбонový возраст памятника еще предстоит выяснить. Тимоновка 2, Елисеевичи 2 и Кирилловское поселение имеют по одной дате и их хронологическое положение столь же неопределенно.

Географически наиболее обособленные памятники среднеднепровского типа Костенки 2 и 11 (сл. 1а) значительно отличаются по кремневому инвентарю. А.Н. Рогачев и М.В. Аникович считают, что по этому показателю Костенки 2 не связаны с памятниками Среднего Поднепровья в культурном отношении, а материалов Костенок 11 (сл. 1а) недостаточно для культурной атрибуции (1984. С. 214, 215). Кремень Костенок 2 и 11 (сл. 1а) существенно отличен, также по мнению К.Н. Гаврилова (1994. С. 22). Согласно З.А. Абрамовой, особенности кремневого инвентаря Костенок 2 и наличие на памятнике жилища из костей мамонта позволяют говорить лишь о каких-то общих, очень широких чертах сходства его с днепровскими памятниками, при этом коллекция кремня Ко-

стенки 11 (сл. 1а) еще более отлична от них (Абрамова, Григорьева, 1997. С. 108, 109).

Жилища Костенок 2 и 11 (сл. 1а) крупнее жилищ на поселениях бассейна Среднего Днепра. По другим особенностям (Борисковский, 1963. С. 11–30; Рогачев, Попов, 1982. С. 120–125) они не столь существенно отличаются от них. В Костенках 11 (сл. 1а) имеются и хозяйственные ямы, окружавшие жилища. Детальных совпадений с днепровскими памятниками слишком много, чтобы считать их случайностью или результатом влияния. Наличие в Костенках 2 (Борисковский, 1963. Рис. 29) костяной пластинки со специфическим орнаментом и композицией, характерных для кирилловского бивня (Борисковский, 1953. Рис. 82), может указывать на связь костенковских памятников с южными днепровскими. Но исключительно большой разброс датировок по Костенкам 2 и 11 (сл. 1а) не позволяет судить об их возрасте до получения серий более точных определений.

Таким образом, имеются основания полагать, что поселения среднеднепровского типа, наиболее обеспеченные радиоуглеродными определениями, существовали в промежутке времени около 14700–14100 лет. В этот диапазон заходят основные датировки Тимоновки 1. Елисеевичи, Юдиново, Межирич и Гонцы находятся на окраинах днепровского ареала рассматриваемых поселений. Можно думать, что и остальные памятники, рассеянные на том же пространстве и столь же близкие в культурном отношении, но с неопределенной датировкой, существовали в тот же промежуток времени или в непосредственной близости от него. Костенки 2 и 11 (сл. 1а), залегающие в суглинке непосредственно под современной почвой (Борисковский, Дмитриева, 1982. С. 67; Рогачев, Попов, 1982. С. 116, 119), если и выходили за пределы датировки днепровских памятников, то едва ли сколько-нибудь значительно. Хотя концентрации датировок Юдинова, Межирича, Гонцов и Елисеевичей несколько смещены относительно друг друга, до получения новых дат судить о хронологическом соотношении этих памятников преждевременно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова З.А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 1. СПб., 1995.
- Абрамова З.А., Григорьева Г.В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. СПб., 1997.
- Аникович М.В. Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы // Археологические вести. Вып. 3. СПб., 1994.
- Арсланов Х.А., Вознячук Л.Н., Калечиц Е.Г., Колесников В.С. Радиоуглеродные датировки палеолитических стоянок Поднепровья // БКИЧП. 1972. № 39.
- Археология и радиоуглерод. Вып. 1. СПб., 1996.
- Борисковский П.И. Палеолит Украины. М.; Л., 1953.

- Борисковский П.И. Очерки по палеолиту бассейна Дона. М.; Л., 1963.
- Борисковский П.И., Дмитриева Т.Н. Костенки 2 // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Л., 1982.
- Будько В.Д. Елисеевичское верхнепалеолитическое поселение // Архив ИА РАН. 1965. Р-1. № 3110.
- Будько В.Д. Юдиновское верхнепалеолитическое поселение // АО–1966. 1967.
- Будько В.Д., Вознячук Л.Н. Палеолит Белоруссии и смежных территорий // Древности Белоруссии. Минск, 1969.
- Величко А.А., Грехова Л.В., Губонина З.П. Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок. М., 1977.
- Величко А.А., Грехова Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М., 1997.
- Гаврилов К.Н. Специфика кремневых комплексов среднеднепровских стоянок поздневалдайского времени. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- Гладких М.И. Поздний палеолит лесостепного Приднепровья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973.
- Городцов В.А. Тимоновская палеолитическая стоянка. М.; Л., 1935.
- Грехова Л.В. Отчет о работе Деснинской экспедиции ГИМ в 1970 году // Архив ИА РАН. 1970. Р-1. № 4340.
- Грехова Л.В. Отчет о работе Деснинской экспедиции ГИМ в 1978 году // Архив ИА РАН. 1978. Р-1. № 8020.
- Грехова Л.В. Археологический аспект радиоуглеродных дат стоянки Елисеевичи // БКИЧП. 1990. № 59.
- Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Условия обитания и расселения позднепалеолитического человека в Восточной Европе // Человек заселяет планету Земля. М., 1997.
- Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Тимирева С.Н. и др. Особенности позднепалеолитического освоения равнин Восточной Европы // Пути эволюционной географии М., 2002.
- Григорьева Г.В. К вопросу о существовании Днепродонской историко-культурной области // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2002.
- Левицкий И.Ф. Гонцівська палеолітична стоянка // Палеоліт та неоліт України. Т. 1. Київ, 1947.
- Нужний Д.Ю. Верхньопалеолітичні пам'ятки типу Межирич та їхнє місце серед епіграветтських комплексів Середнього Дніпра // Кам'яна доба України. Київ, 2002.
- Пидопличко И.Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969.
- Пидопличко И.Г. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев, 1976.
- Поликарпович К.М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968.
- Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб., 1997.

- Рогачев А.Н., Аникович М.В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М., 1984.
- Рогачев А.Н., Попов В.В.* Костенки 11 // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Л., 1982.
- Сергин В.Я.* Палеолитические поселения среднеднепровского типа и их историко-культурное значение // КСИА. 1979. № 157.
- Сергин В.Я.* Охота и собирательство как источник поступления костей мамонта на позднепалеолитические поселения Центра Русской равнины // Мамонт и его окружение. 200 лет изучения. М., 2001.
- Сергин В.Я.* Вероятный состав Гонцовского поселения // Кам'яна доба України. Вип. 4. До 130-річчя відкриття Гінцівської стоянки. Київ, 2003.
- Шовкопляс И.Г.* Мезинская стоянка. Киев, 1965.
- Шовкопляс И.Г.* Господарсько-побутові комплекси пізнього палеоліту // Археологія. 1971. № 3.
- Яковлева Л.А.* Основні етапи досліджень поселень з житлами та іншими конструкціями з кісток мамонта басейну Дніпра // Кам'яна доба України. Вип. 4. До 130-річчя відкриття Гінцівської стоянки. Київ, 2003.
- Soffer O.* The Upper Paleolithic of Central Russian Plain. Orlando, 1985.
- Soffer O., Adovasio J.M., Kornietz N.L. et al.* Cultural stratigraphy at Mezhirich, an Upper Palaeolithic site in Ukraine with multiple occupations // Antiquity. 1997. V. 71. № 271.
- Yakovleva L.* L'art dans les habitats du Paleolithique superieur d'Europe orientale // L'Anthropologie. T. 103. № 1. Paris, 1999.

Radiocarbon chronology of Paleolithic settlements the Middle Dnieper type

V. Ya. Sergin

Summary

The method used in the article is based on the particularities of Paleolithic monuments of the Middle Dnieper type, thanks to which the correspondence between a cultural stratum and remains of one settlement is ascertained relatively well. A life-time of a settlement, regardless of its duration (from part of a year to a few decades), is a singular short moment on the scale of radiocarbon datings of a monument. It is reasonable to connect it with a range of the most approached datings. For Eliseevichi, Judinov, Mezhirich, Gontcov it equals about 14700–14000 years from contemporaneity. It is possible that other settlements of the same type are dated within the same bounds or within bounds that are close to them.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В БАССЕЙНЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА (РОССИЯ)

© 2007 г. А. Е. Матюхин

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

В данной статье мы намерены дать краткую характеристику памятников бассейна Северского Донца (рис. 1), исследованных сотрудниками отдела палеолита ИИМК РАН, в том числе автором. Рассматриваемые, как, впрочем, и другие памятники Юга Русской равнины, имеют ключевое значение для решения ряда злободневных вопросов первобытной археологии, в частности перехода от мустье к позднему палеолиту, времени и места появления индустрии ранней поры позднего палеолита, зарождения новых технологических тенденций в обработке камня. Не менее важными нужно признать вопросы о взаимосвязи типов памятников и индустрий, а также экологического и производственного факторов в развитии материальной культуры и др.

Дадим краткую характеристику каждого из памятников. Начнем с самых ранних. Таковыми являются домустьерские местонахождения Хрящи и Михайловское. Они расположены на территории Константиновского р-на Ростовской обл. близ хуторов с одноименными названиями. Памятники приурочены к обрывистым берегам Северского Донца, высота которых достигает 30–35 м. Открыты Г.И. Горецким (1952. С. 302–309) в начале 50-х годов XX в. На обоих памятниках в 1960–1980-е годы проводились частичные археологические и естественно-научные исследования (Праслов, 1968. С. 22–56; 1984. С. 96–98; 2001. С. 13–22; Praslov, 1995. Р. 61–66). Полевые наблюдения привели Н.Д. Праслова к выводу о том, что основная часть изделий в Хрящах залегает в аллювиальных отложениях Пра-Донца (галечнике), а в Михайловском – в нижней ископаемой почве. Гораздо меньшее число предметов связано со средней и верхней (по Н.Д. Праслову) ископаемыми почвами. С опорой на данные собственных исследований, а также с учетом результатов геологического исследования Н.Д. Прасловым (2001. С. 17–21) сделан вывод о том, что аллювиальные отложения в Хрящах и Михайловском могут быть увязаны с донским (доминдельским) оледенением. Нижняя и средняя ископаемые почвы относятся к лихвинскому (миндель-рисскому), а верхняя – к микулинскому (рисс-вюрмскому) межледниковью.

Собранная в Хрящах коллекция каменных изделий разделена Н.Д. Прасловым (2001. С. 18, 19) по степени сохранности на два комплекса: 1) древний, 2) более молодой. В первом комплексе изделия заметно окатаны и повреждены. Они изготовлены из кремня и кварцита. Отметим, что их обломки находятся непосредственно в галечнике. В первом комплексе находки представлены отщепами, а также орудиями типа скребел и чопперов (рис. 2, 10–18). Во втором, более молодом комплексе изделия малочисленны. Среди орудий примечательны боковые скребла.

Практически все изделия (более 200 экз.) из Михайловского изготовлены из кремня, реже – из кварцита (рис. 2, 1–9). Изделия со вторичной обработкой составляют более 9% от общего количества предметов. Это скребла, остроконечники, рубящее орудие. Н.Д. Праслов (1984. С. 98; 2001. С. 20) сопоставляет эти находки с изделиями, обнаруженными в позднепалеолитических памятниках на юге Франции и в Закарпатье.

В 2005–2006 годах автором на Михайловском местонахождении проведены полевые работы с целью изучения полной стратиграфии отложений и связи археологических изделий с теми или иными геологическими горизонтами. В зачистке обрыва высотой 27 м выявлено несколько ископаемых почв, одна из которых ранее не фиксировалась. В заложенном раскопе встречено около 70 кремневых и кварцитовых изделий. Основная их часть происходит из нижней ископаемой почвы (рис. 3, 1, 5, 6, 9, 12). Кроме того, в ней обнаружены также кости крупных животных. Отдельные изделия залегали во всех ископаемых почвах и в суглинках под ними (рис. 3, 4, 8, 10, 11, 14). Таким образом, не все изделия происходят из нижней ископаемой почвы. Укажем еще на одно важное обстоятельство. На участке обрывов, отстоящем от раскопа на 600 м к югу, в верхней части обнажения в осыпи найдены кремневые пластины явно позднепалеолитического облика (рис. 3, 2, 3, 7). Около 10 изделий обнаружено в галечнике, т.е. в самом нижнем литологическом горизонте. Интересны изготовленные из кварцита параллельный плоскостной нуклеус (рис. 3, 15) и орудие типа скребла (рис. 3, 13). Не исключено, что это изделие служило и как нуклеус. По нашему мнению,

на обоих местонахождениях значительная часть находок может происходить из верхних литологических горизонтов. В итоге, оправданно выделять находки раннего, среднего и позднего палеолита. Сделаем некоторые добавления к описанным индустриям обоих памятников. Что касается техники первичного расщепления, то фиксируются следующие ее способы: параллельный плоскостной, радиальный, бессистемный и грубопризматический (рис. 2, 3, 7–9). Интересны два нуклеуса, происходящие из двух нижних ископаемых почв (рис. 3, 5, 11), выполненные на отщепках. Ударные площадки подготовлены путем удаления таковых на отщепках-заготовках. Скалывание – торцовое. Это сложные нуклеусы. Показательны пластины из галечника. Едва ли уместно говорить об архаизме техники расщепления и ее резком отличии от таковой мустьерской эпохи. Что касается орудий, то отметим такие выразительные формы, как лимасы (рис. 2, 11), мелкую двустороннюю проколку из нижней ископаемой почвы Михайловского местонахождения (рис. 3, 6).

Рассмотрим теперь мустьерские памятники. В первую очередь это мастерские по обработке кварцита, расположенные в устье реки Большой Калитвенец, притока Северского Донца на территории Каменского р-на Ростовской обл. Памятники исследовались автором в 1970–80-е годы прошлого века. Они приурочены к богатым выходам кварцита, залегающего в коренных песках палеогенового возраста. Изделия на памятниках связаны главным образом с коренными песками, реже – перекрывающими их суглинками и супесями (Калитвенка 1, 1а, в и 2). На других памятниках (Калитвенка 1б, 10) находки имеют поверхностное залегание.

На памятнике Калитвенка 1 изделия из кварцита залегают в песке и суглинке над ним (Матюхин, 1987. С. 83–88). Нуклеусы имеют небольшие и относительно крупные размеры. Они заметно или умеренно сработаны. В основном это параллельные плоскостные нуклеусы. Однако есть и полуобъемные, в том числе торцовые нуклеусы для снятия пластин (рис. 4, 2). Среди отщепов и пластин отмечены, наряду с грубыми, выразительные экземпляры. Орудий мало. Это скребла, скребки, мелкие бифасы и атипичные макроорудия. Последние обычно имеют элементарную, но целесообразную обработку и грубый облик. На дистальных концах отдельных экземпляров фиксируются макроследы использования. Вероятнее всего, речь идет о выкапывании кварцитовых валунов из песка. Интересно, что на данном памятнике обнаружено небольшое углубление, заполненное кварцитовыми предметами с обработкой и без нее. Возможно, это хранилище сырья. Калитвенку 1 следует рассматривать как мастерскую по первичной обработке кварцита с целью

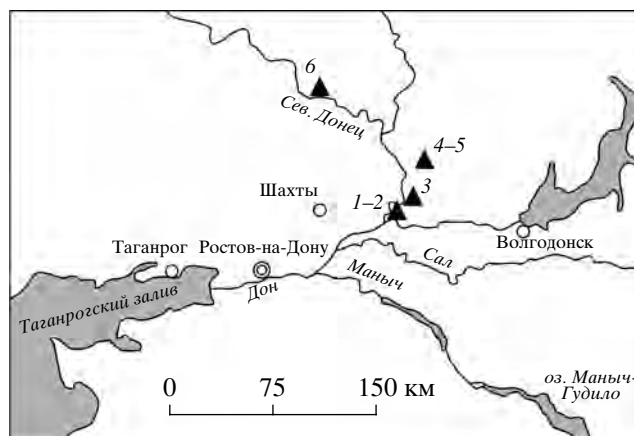

Рис. 1. Расположение памятников на части карты Ростовской области. 1, 2 – Михайловское местонахождение и Михайловская балка; 3 – Хрящи; 4, 5 – памятники в Бирючей и Кременской балках; 6 – памятники у станции Калитвенской.

получения сколов-заготовок (отщепов и пластин).

Памятник Калитвенка 1в исследован на довольно большой площади (Матюхин, 1995. С. 24–44; 2003. С. 6–11). Находки имеют близкие с Калитвенкой 1 условия залегания. Многие изделия обнаружены в неповрежденном состоянии. Памятник приурочен к богатым выходам кварцита. В ходе раскопок собрано большое количество целых валунов и обломков кварцита без обработки и с единичными сколами, а также нуклевидных обломков, нуклеусов, отщепов и пластин. Многие нуклеусы имеют крупные размеры и оставлены на начальной стадии расщепления. Умеренно и заметно сработанные нуклеусы единичны (рис. 4, 7, 11). Выделены нуклеусы с параллельным плоскостным и объемным расщеплением. Много торцовых нуклеусов, в том числе на отщепках. Несмотря на крупные размеры, пластины имеют правильные очертания и огранку (рис. 4, 3, 8). Орудия составляют менее 1% от общего числа изделий: скребла, остроконечники, скребки, атипичные макроорудия (рис. 4, 4, 9). Последние представлены крупной и разнообразной серией. Калитвенка 1в – это мастерская по первичной обработке кварцита с целью получения заготовок нуклеусов, а также отщепов и пластин (Матюхин, 1999. С. 273). На данной мастерской проводился полный производственный цикл: от добычи сырья до получения конечных продуктов расщепления.

Близкой по составу изделий к Калитвенке 1в, и особенно Калитвенке 1, является мастерская Калитвенка 1б. Здесь на восточном участке памятника выявлены скопления кварцитов, представленные необработанными валунами и валунами с единичными сколами, нуклевидными обломками, пробными нуклеусами и грубыми отщепами.

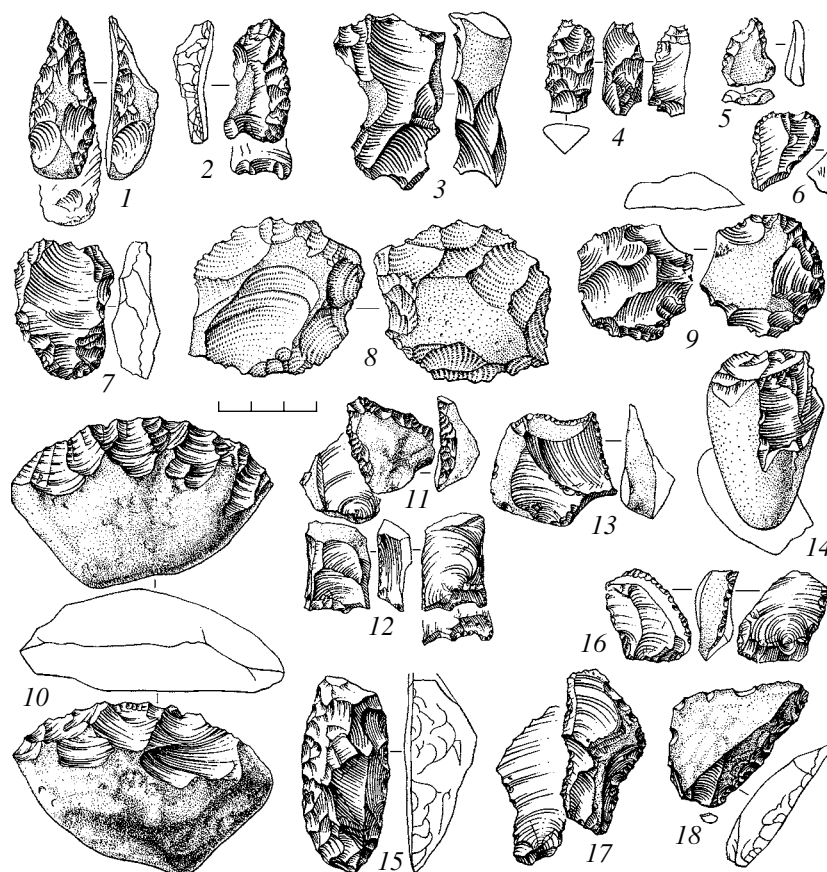

Рис. 2. Каменные изделия Михайловского (1–9, 14) и местонахождения Хрящи (10–13, 15–18). 1, 5 – остроконечники; 2, 15, 18 – скребла; 3, 7–9, 14 – нуклеусы; 4 – нуклевидное орудие; 6 – скребок; 11–13, 17 – отщепы.

Калитвенка 1а и участок 2 Калитвенки 1 являются мастерскими по изготовлению двусторонних наконечников (Матюхин, 2000а. С. 177–209; 2003. С. 11, 12). Эти памятники (в первую очередь Калитвенка 1а) несколько удалены от выходов кварцита. На Калитвенке 1а часть изделий перетолжена. На участке 2 Калитвенки 1 изделия располагались на поверхности песков. В инвентаре Калитвенки 1а почти все нуклеусы имеют небольшие размеры и сильно сработаны. Они отражают преимущественно параллельный плоскостной и радиальный способы расщепления. Объемные и полуобъемные нуклеусы отсутствуют. Редко встречаются выразительные отщепы и пластины. Нуклеусы предназначались для скалывания отщепов-заготовок двусторонних наконечников. В коллекциях обоих памятников отсутствуют типичные скребла и остроконечники. Выделены многочисленные орудия с двусторонней обработкой, главным образом незавершенные, нуклевидные орудия, бифасы, атипичные двусторонние формы и др. (рис. 4, 1, 5, 6, 10). Это – незаконченные наконечники. Найдено несколько готовых листовидных острий небольших размеров (рис. 4, 1, 6).

Хронология Калитвенских мастерских вызывает затруднения. Уже отмечалось, что основная масса изделий связана с коренными песками палеогенового возраста. Нет пока возможности продатировать перекрывающие их белесые суглинки, содержащие находки. Исходя из данных геологического изучения памятников, а в равной мере археологии, оправданно оценивать возраст горизонтов в пределах 50–40 тыс. лет от наших дней.

Все перечисленные выше мастерские по первичной обработке кварцита в типологическом отношении близки к аналогичным мастерским, расположенным на территории Луганской обл. Украины: Деркул, Чугинка и Титовка (Колесник, 1992. С. 11, 12). По наличию двусторонних орудий материалы Калитвенки 1а сближаются с инвентарем стоянок-мастерских в Донбассе: Антоновка 1 и 2.

Теперь обратимся к многослойным памятникам в окрестностях хут. Кременской Константиновского р-на Ростовской обл. Из всех памятников (всего их восемь), расположенных в балке Бирючей, наиболее изученным является Бирючья балка 2. Памятник получил широкое освещение в литературе (Матюхин, 1994. С. 25–37; 2002б. С. 31–52; 2003. С. 12–22; 2006. С. 142–161; Ма-

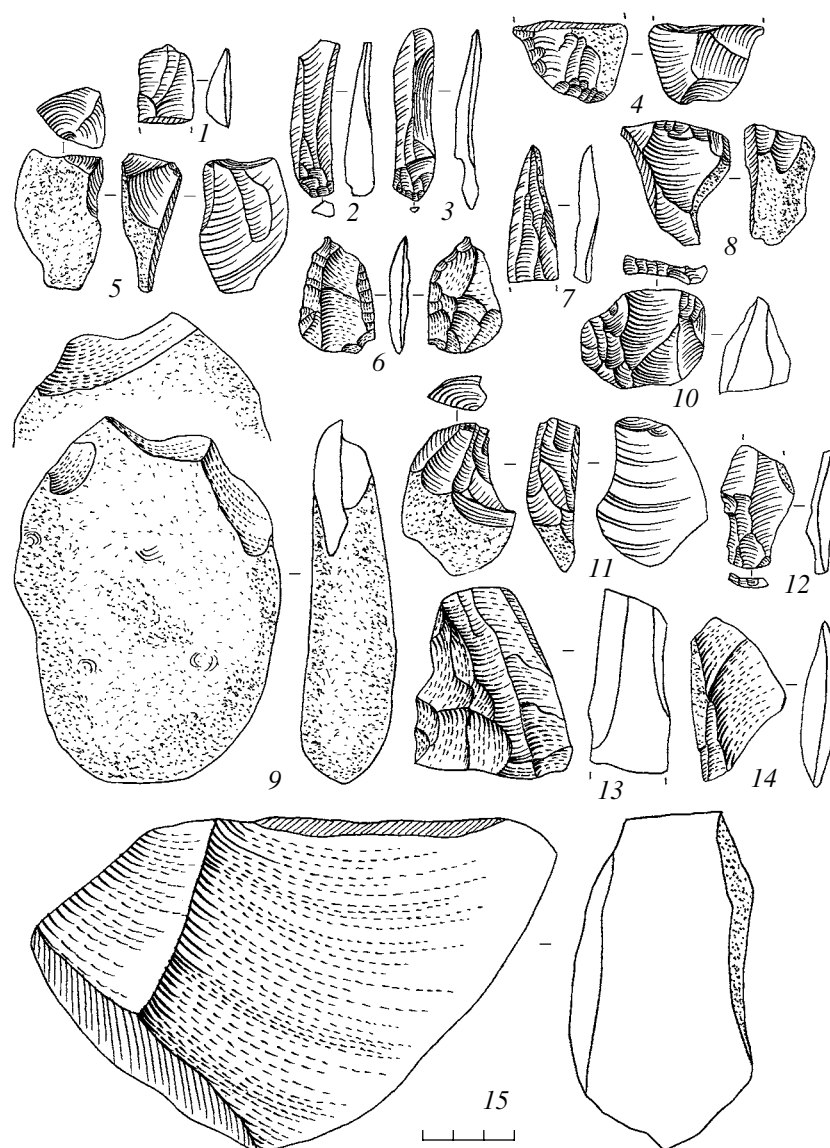

Рис. 3. Каменные изделия Михайловского местонахождения. 1, 5, 6, 9, 12 – первая снизу ископаемая почва; 2, 3, 7 – осыпь у вершины обрыва; 4, 11, 14 – вторая снизу ископаемая почва; 8 – суглинок под второй снизу ископаемой почвой; 10 – третья ископаемая почва; 13, 15 – галечник. 1–3, 7, 12 – пластинчатые сколы; 4 – обломок орудия с частичной двусторонней обработкой; 6 – орудие типа проколки; 5, 8, 10, 15 – нуклеусы; 9 – галька с единичными сколами; 14 – отщеп.

tioukhine, 1998a. Р. 410–422; б. Р. 71–75). Общая площадь памятника около 5000 м². Раскопки проводились на трех участках, отстоящих друг от друга на небольшом расстоянии. Общая мощность покровных отложений, слагающих левый борт балки, составляет 9–10 м. Стратиграфия данного участка следующая. Базальный слой представлен глыбово-щебнистой толщей, содержащей находки горизонта 6. Она перекрывается мощной пачкой разных по цвету и структуре суглинков, разделенных ископаемыми почвами. С ними связаны горизонты находок 4, 3в, 3 и 3а. В коричневато-зеленоватом суглинке, который налегает на глыбово-щебнистую толщу, обнаруже-

ны находки горизонтов 5, 5б и 5в. Находки горизонта 4¹ выявлены в коричневатом суглинке, а горизонта 2 – в светло-буром суглинке. Наконец, современная почва содержит находки неолита-энеолита. Таким образом, всего выделено 7 мустьерских (6, 5в, 5б, 5, 4, 4¹, 3в) и 4 позднепалеолитических (3б, 3, 3а, 2) горизонта. Находки нижних горизонтов (6, 5в, 5б, 5) имеют непотревоженный характер. То же следует сказать и в отношении горизонтов 3б, 3а и 2. Изделия горизонтов 4, 4¹ и 3в выявлены в переотложенном состоянии. В нижних мустьерских горизонтах обнаружено много костей животных, главным образом зубра. В верхних мустьерских, а также

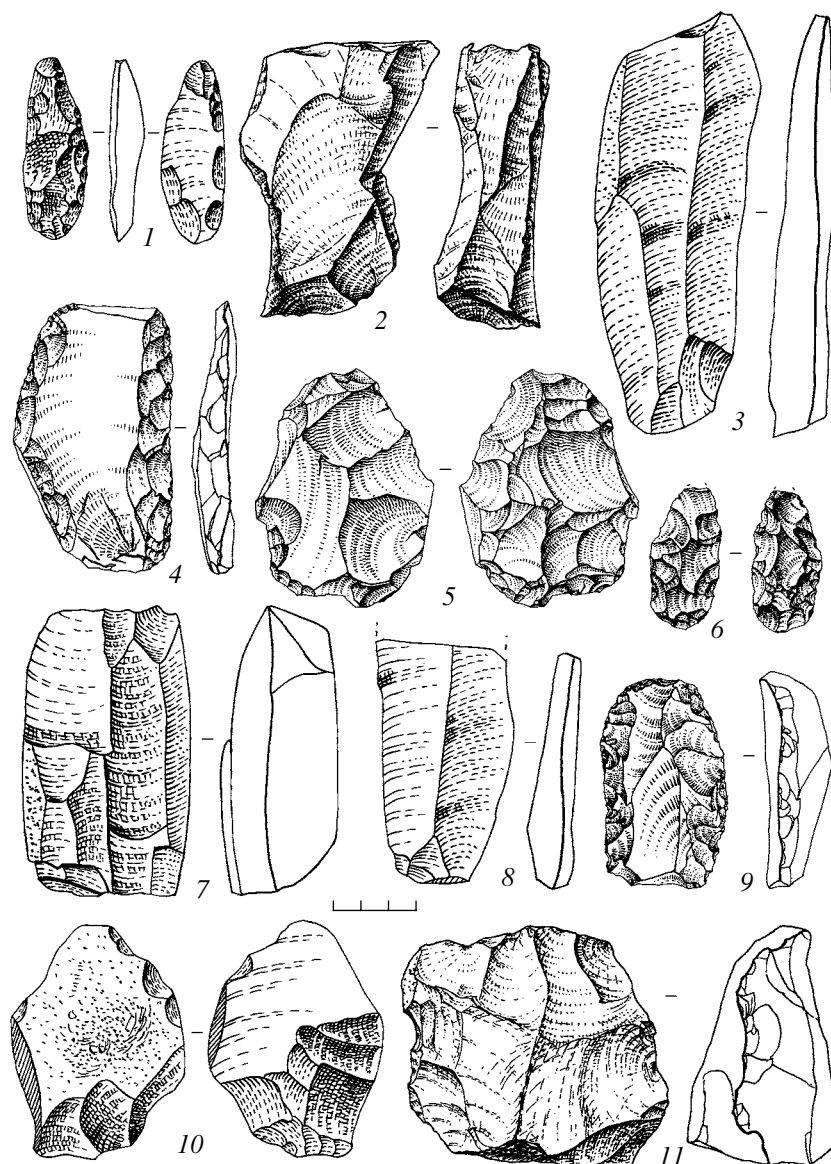

Рис. 4. Кварцитовые изделия из Калитвенки 1а (1, 5, 6, 10), Калитвенки 1 (2), Калитвенки 1в (3, 4, 7–9, 11). 1, 6 – двусторонние острия; 2, 7, 11 – нуклеусы; 3, 8 – пластины; 4 – скребло; 5 – бифас; 9 – скребок; 10 – орудие с частичной двусторонней обработкой.

позднепалеолитических горизонтах встречаются лишь редкие кости животных.

Палинологическое изучение отложений показывает, в частности, что в мощной пачке коричнево-зеленоватых суглинков присутствует пыльца древесных растений, в том числе широколиственных, а также трав, что в целом указывает на холодный климат. Нижняя ископаемая почва (горизонт 4) свидетельствует о перегляциальном характере растительности. В палиноспектрах средней ископаемой почвы (горизонт 3в) заметно преобладает пыльца древесных пород, что указывает на интерстадиальное потепление. Верхняя ископаемая почва (горизонты 3 и 3а) содержит пре-

имущественно пыльцу трав. Следует говорить, как считает палинолог Т.В. Сапелко, о степной растительности с влажными участками, занятыми островными лесами, и аридном климате.

Костные остатки в полном объеме изучены палеозоологом В.В. Титовым (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону). Из примечательных находок в горизонте 3 укажем на зубы акулы, которые, судя по всему, были принесены на место обитания преднамеренно. Обнаруженные в мустьерских горизонтах кости принадлежат главным образом древнему зубру (Титов, Тесаков, 2005. С. 96, 97). Кроме того, найдены немногочисленные кости первобытного быка, гигантского

оленья и лося. Преобладание костей зубра, видимо, неслучайно и указывает на наличие у мустьерских сообществ предпочтительной охоты на этих животных.

Вопросы хронологии мустьерских и позднепалеолитических горизонтов памятника Бирючья балка 2 по-прежнему остаются актуальными. В радиоуглеродной лаборатории во Флориде получено несколько AMS дат (Отте *et al.* В печати). Для мустьерского горизонта 4¹ получена дата 40730±970 BP (Beta 183590), для горизонта 3 есть две даты: 26390±200 BP (Beta 177776) и 31560±200 BP (Beta 183589), для горизонта 3а – 26630±230 BP (Beta 183588). Вторая дата для горизонта 3 представляется нам более реальной.

Четкая запись экскурсов, характерных для последнего оледенения (Каргаполово и Моно), не выявлена. Однако несколько образцов, отобранных из подошвы северной стены (уровень находок горизонта 5), указывают на вероятность экскурсии Каргаполово, который, по оценке некоторых авторов (Кочегура, 1992. С. 20), имеет хронологические рамки в пределах 44–42 тыс. лет от наших дней.

Нет абсолютных дат для верхнего мустьерского горизонта 3в. Принимая во внимание даты для залегающего под ним горизонта 4¹ а также позднепалеолитического горизонта 3, оправданно определять его хронологический диапазон в пределах 37–35 тыс. лет от наших дней. Не известен абсолютный возраст нижних мустьерских горизонтов (6, 5в, 5б и 5).

Дадим краткую характеристику индустрии мустьерских и позднепалеолитических горизонтов памятника. Основная масса изделий изготовлена из кремня, залегающего в непосредственной близости, в кровле меловых мергелей в виде желваков. Последние нередко содержат пустоты, инородные включения и трещины. Мустьерские люди использовали более качественный кремнь, черного, серого и желтого цветов. Изделия позднего палеолита изготовлены преимущественно из серого кремня, который хуже поддается обработке.

В горизонтах 2 и 3б изделий в целом мало. Среди орудий примечательны скребла и двусторонние треугольные острия (рис. 5, 27). В горизонте 3 в общей сложности за все годы раскопок на трех участках собрано более 200 тыс. изделий. Большим количеством представлены отщепы, осколки и чешуйки. Пластин – не более 3.5% от общего числа предметов. По своей морфологии они мало отличаются от аналогичных мустьерских экземпляров (рис. 5, 13, 18, 21, 22). Полуобъемных и объемных нуклеусов мало. Явно преобладают нуклеусы параллельного плоскостного расщепления (рис. 5, 28, 29). Среди орудий выделены преимущественно скребла, реже – остроконечники,

скребки и разнообразные орудия с двусторонней обработкой (рис. 5, 1–13, 20, 23, 25, 26). К последним отнесены собственно бифасы, а также законченные и незаконченные треугольные острия. Листовидные формы острий крайне редки. Резцы, долотовидные орудия, проколки и другие типичные позднепалеолитические формы единичны. Треугольные острия преобладают над всеми типами орудий, в том числе скребками (около 400 экз.). У большинства наконечников укороченные и слабо удлинённые пропорции (рис. 5, 9, 10, 23, 25, 26). Показательны орудия удлинённых, треугольных и копьевидных очертаний (рис. 5, 11, 19, 20). У многих удлинённых наконечников копьевидной формы отмечена подпрямоугольная нижняя часть (рис. 5, 11, 19). Подобного рода острия являются отличительной чертой двусторонних орудий Бирючьей балки 2. Многие наконечники имеют правильные очертания, тонкое сечение и тщательную обработку. Многие из них обработаны мягким отбойником. Отжим (частичный) отмечен лишь у единичных экземпляров. Обращают на себя внимание мелкие треугольные острия (рис. 5, 9, 10, 12, 23). Речь может идти о наконечниках стрел. Иным в типологическом отношении является инвентарь горизонта 3а. Здесь преобладают продукты первичного расщепления, в том числе полуобъемные и объемные нуклеусы, выразительные пластины, пластинки и микропластинки (рис. 5, 14–17). Треугольные двусторонние острия отсутствуют. Среди орудий больше всего скребков (рис. 5, 24). В горизонте 3а отмечены, кроме кремневых изделий, кости животных, охристые и зольные пятна.

Отдельные треугольные острия напоминают предметы, собранные на таких стоянках, как Костенки 1 (слой 5), Костенки 12, 11, 6, Сунгирь под Владимиром и Гарчи 1 в Приуралье. Примечательны скребки веерообразные и с вентральной обработкой, которые отмечены в ряде названных памятников. Мы не склонны причислять индустрии горизонтов 2, 3 и 3б к стрелецкой культуре. Не согласны мы с использованием самого термина “культура” и его толкования отдельными авторами (Аникович, 2000. С. 25–28; 2003. С. 19–21; 2005. С. 38–39).

В верхнем мустьерском горизонте 3в преобладают продукты первичного расщепления. Пластины представлены фрагментами. Среди орудий выделены редкие скребла, остроконечники, а также обломки двусторонних острий зауженных пропорций (рис. 6, 19). По-видимому, некоторые из них следует называть наконечниками. Инвентарь указывает на мастерскую по изготовлению двусторонних наконечников.

Нижележащий горизонт 4¹ содержит в целом немного изделий. Находки этого горизонта (как и горизонта 3в) заметно окатаны и повреждены.

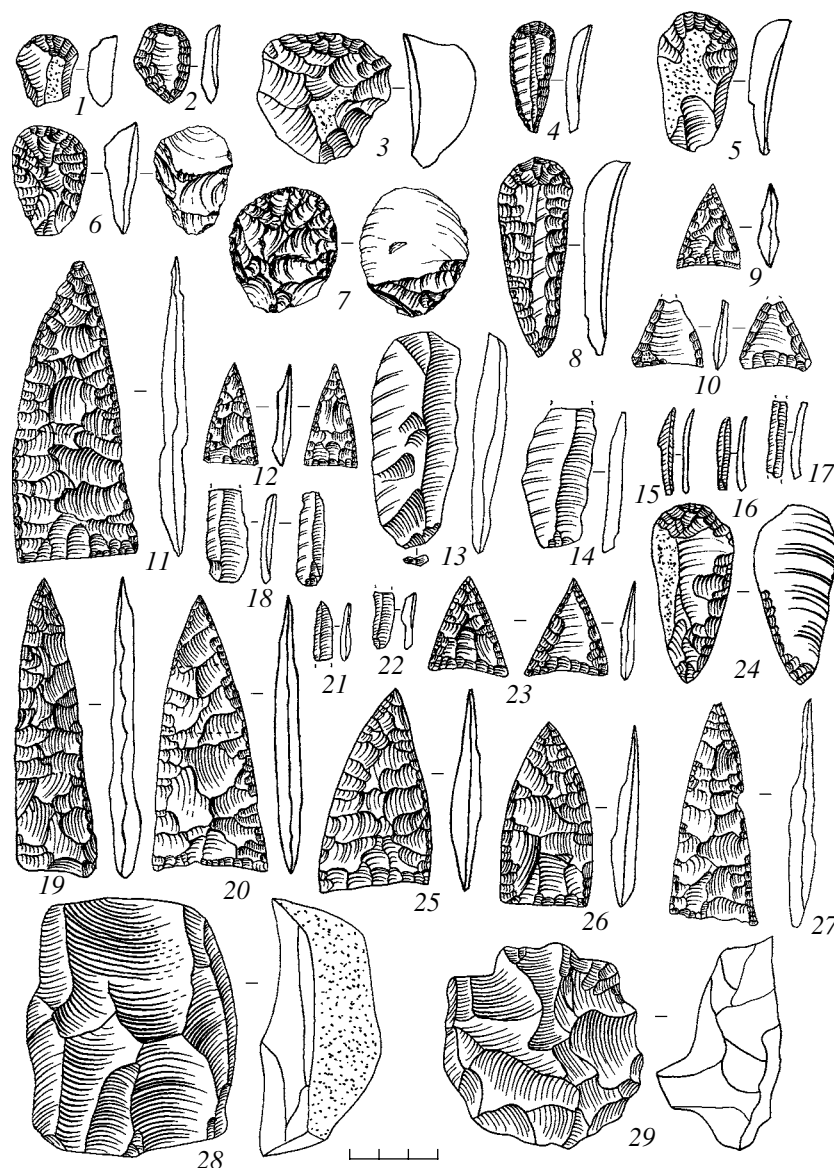

Рис. 5. Кремневые изделия из позднепалеолитических горизонтов 3 (1–13, 18–23, 25–29) и 3а (14–17, 24) Бирючьей балки 2. 1–8, 24 – скребки; 9–12, 19, 20, 23, 25–27 – двусторонние острия; 13–18, 21, 22 – пластинчатые сколы; 28, 29 – нуклеусы.

Однако в ряде мест отмечены небольшие скопления кремневых изделий и костей животных. Среди изделий много отходов производства. Орудия представлены скребками (рис. 6, 21). Двусторонние формы единичны.

Самым насыщенным из верхних мустьерских горизонтов является горизонт 4. В большинстве случаев находки переотложены, хотя встречены непотревоженные участки слоя, в том числе зольные пятна. Среди изделий преобладают продукты первичного расщепления. Помимо параллельных плоскостных выделены выразительные полуобъемные и объемные нуклеусы (рис. 6, 23). Многие пластины и пластинки отличаются правильной

огранкой. Примечательны орудия. Кроме скребел и остроконечников в горизонте найдены различные типы скребков, в том числе: веерообразные, высокой формы и с “рыльцем” (рис. 6, 2, 16). Стоит обратить внимание на двусторонние формы (рис. 6, 15). Это не только мелкие бифасы, но также, по-видимому, наконечники.

Индустрии нижних мустьерских горизонтов (6, 5в, 5б, 5) близки между собой. Во всех горизонтах выявлены кости животных и зольные пятна. В каждом из горизонтов собрано большое число кремневых изделий (Матюхин, 2003. С. 14–22; 2006. С. 142–161). Судя по нуклеусам и многочисленным сколам, преобладающим является парал-

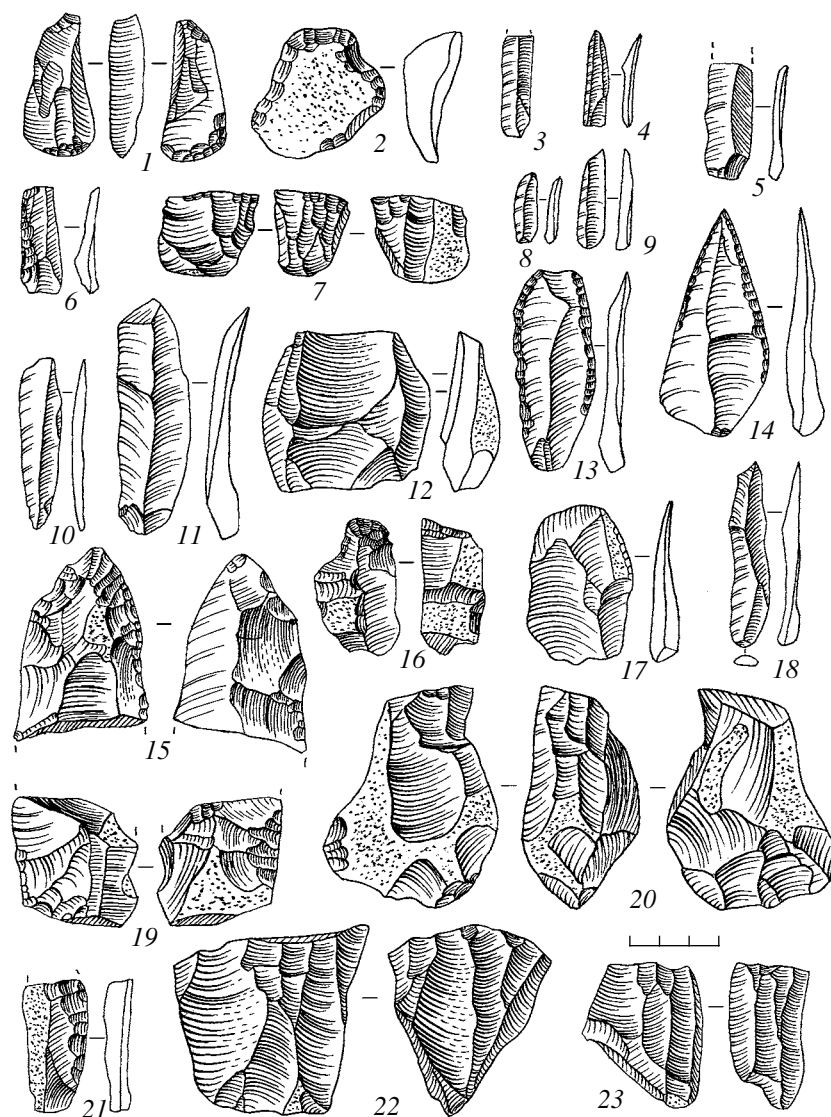

Рис. 6. Кремневые изделия из мустьерских горизонтов 6 (1, 8, 9, 18), 5в (17), 5б (3–5, 22), 5 (6, 7, 10–14, 20), 4 (2, 15, 16, 23), 4¹ (21) и 3в (19) Бирючей балки 2. 1 – орудие, близкое к долотовидному; 2, 16 – скребки; 3–5, 8–11, 18 – пластинчатые сколы; 6 – пластина с ретушью; 7, 12, 20, 22, 23 – нуклеусы; 13, 21 – скребла на пластине; 14 – остроконечник; 15, 19 – обломки орудий с двусторонней обработкой; 17 – отщеп.

лельный плоскостной способ расщепления (рис. 6, 12). Нуклеусы полуобъемного и объемного расщепления, хотя в целом малочисленны, но весьма выразительны (рис. 6, 7, 20, 22). Выделены торцовые и клиновидные нуклеусы (рис. 6, 20, 22). Следует отметить применение элементарных способов раскалывания желваков, в частности на наковальне. Причем в равной степени это характерно для мустьерских и позднепалеолитических комплексов. Немало качественных сколов (рис. 6, 17). Многие пластины и пластинки имеют правильную огранку (рис. 6, 3–5, 8–11, 18). Нельзя не отметить, что некоторые пластинчатые сколы могли быть сняты мягким отбойником. В самом нижнем горизонте (6) найдены единичные резцевидные и

долотовидные орудия (рис. 6, 1), а в горизонте 5 – пластины и пластинки с ретушью (рис. 6, 6). Это не случайные формы. Учитывая типологический состав индустрии нижних мустьерских горизонтов, а также верхнего горизонта 4, присутствие костей животных и зольных пятен, уместно ставить вопрос о стоянках-мастерских. Индустрии указанных горизонтов технологически (по наличию пластинчатых сколов) близки индустриям Шляха в Поволжье (Нехорошев, 1999; 2002. С. 109–113), Белокузьминовки и Курдюмовки в Донбассе (Колесник, 1992. С. 124–126; 2003. С. 110–155, 168–219), Марьевой горы в Северо-Восточном Приазовье (Ромащенко, 1997. С. 11–13). То же можно сказать и в отношении таких мустьерских памят-

ников Северного Кавказа, как Баракаевская (Любин, Аутлев, 1994. С. 104–107) и Монашеская (Беляева, 1999. С. 82–87) пещеры.

Весьма любопытно, что мустьерские индустрии Бирючьей балки 2, существовавшие примерно в течение 8 тыс. лет, не свидетельствуют прямо о прогрессе, например, пластинчатого расщепления. Напротив, пластины нижних мустьерских горизонтов более выразительны, чем таковые из верхних горизонтов. Мало чем отличаются они и от позднепалеолитических пластин (из горизонтов 3б, 3, 3а и 2). Мы объясняем этот факт различием в целевых установках древних мастеров, т.е. различными видами деятельности, по Л. Бинфорду. Так, материалы мустьерского горизонта 3в и позднепалеолитических горизонтов 3 и 2 указывают на преимущественное изготовление двусторонних наконечников, а материалы нижних мустьерских горизонтов – на получение сколов-заготовок (отщепов и пластин). Возможно, таким же образом следует объяснять производственный профиль индустрии горизонта 3а.

Расположенные рядом с Бирючьей балкой 2 памятники Бирючья балка 2а, 2б и 3 относятся к позднепалеолитическим мастерским по первичной обработке кремня. Орудий (как и изделий в целом) всюду мало: скребла, скребки. В позднепалеолитических горизонтах двусторонние наконечники не определены.

К западу от памятника Бирючья балка 2, в устье балки Бирючьей располагаются другие памятники: Бирючья балка 1, 1а, 1б и 1в. В инвентаре памятника Бирючья балка 1 присутствуют редкие скребки и скребла (Матюхин, 2001. С. 26–36). Среди орудий преобладают двусторонние формы (рис. 7, 9, 10). Некоторые из них можно определить как наконечники (рис. 7, 10). На Бирючьей балке 1а выделено 3 мустьерских и 6 позднепалеолитических горизонтов (Матюхин, 2002б. С. 11–28). В инвентаре мустьерских горизонтов примечательны пластинчатые сколы, в том числе с редуцированными кромками ударных площадок. Во всех позднепалеолитических горизонтах обнаружены, наряду с многочисленными отщепами и чешуйками, двусторонне обработанные орудия. Среди последних выделены листовидные и подтреугольные наконечники, листовидные орудия с желобчатыми усеченными концами и собственно бифасы (рис. 7, 4–8, 13–15). Последние следует рассматривать как незаконченные двусторонние наконечники. Скребла, скребки и резцы всюду единичны. Пластин и нуклеусов также мало. Во всех случаях кремневые изделия представлены в виде отдельных скоплений. Это мастерские по изготовлению двусторонних орудий. Для основного позднепалеолитического горизонта 3 получена AMS дата (Otte et al. В печати): 35900 ± 280 BP (Beta 183587).

Иной типологический облик выявлен у инвентаря памятника Бирючья балка 1б (Матюхин, 2000в. С. 5–14). Здесь представлены исключительно продукты первичного расщепления: нуклеусы, отщепы и пластины (рис. 7, 11, 12). Орудия единичны. Основная часть изделий образует небольшое скопление. Здесь же обнаружено зольное пятно. Среди орудий нет ни одного двустороннего наконечника. Это мастерская по первичной обработке кремня с целью получения пластин (Матюхин, 2000в. С. 14).

На памятнике Бирючья балка 1в установлено три уровня находок (Матюхин, 2000б. С. 27–44). Нижний, самый насыщенный уровень содержит, кроме многочисленных отщепов и пластин, скребки (рис. 7, 3), скребла и двусторонние орудия (Матюхин, 2002б). Среди последних выделены бифасы и подтреугольные наконечники (рис. 7, 1, 2). Последние напоминают аналогичные орудия, обнаруженные на Бирючьей балке 2, хотя и не столь выразительны. Речь идет о мастерской смешанного профиля: изготовление треугольных наконечников и пластин (Матюхин, 2002б. С. 43, 44).

В соседней с балкой Бирючьей Кременской балке в настоящее время известно два пункта находок. Раскопочные работы здесь начались в 2006 г. На памятнике Кременская балка 2 в раскопе выявлено несколько горизонтов находок. Во всех горизонтах преобладают продукты первичного расщепления: нуклеусы, отщепы, осколки, чешуйки. В зачистке на Кременской балке 2 зафиксировано скопление кремневых изделий: нуклеусы, пластины, сколы оформления (рис. 8, 14–16, 17, 19, 22). В шурфе № 2 на глубине около 10 м от поверхности найдено несколько сколов. Возможно, это мустьерские изделия. Наконец, на Кременской балке 1 в разных горизонтах обнаружены: треугольное острие (рис. 8, 20), отщепы и пластины (рис. 8, 18).

В балке Михайловской, расположенной в 2 км к югу от описанного выше домустьерского местонахождения, открыт и частично исследован позднепалеолитический памятник Михайловская балка (Матюхин, 2002а. С. 34–40). На памятнике выявлен один культурный слой, содержащий кремневые и кварцитовые изделия, а также кости животных. Явно преобладают продукты первичного расщепления, в том числе объемные нуклеусы и призматические пластины и пластинки (рис. 8, 4–6, 10–13). Орудия составляют всего 2.77% от общего числа изделий: скребки и резцы (рис. 8, 1, 7–9, 15). Скребки изготовлены преимущественно на отщепах. Резцы типологически невыразительны. Микроинвентарь не обнаружен. Михайловская балка по условиям залегания и типологии инвентаря в определенной степени похожа на расположенную рядом стоянку Золотовка 1, исследовавшуюся в 1970–1990-е годы (Праслов, Ще-

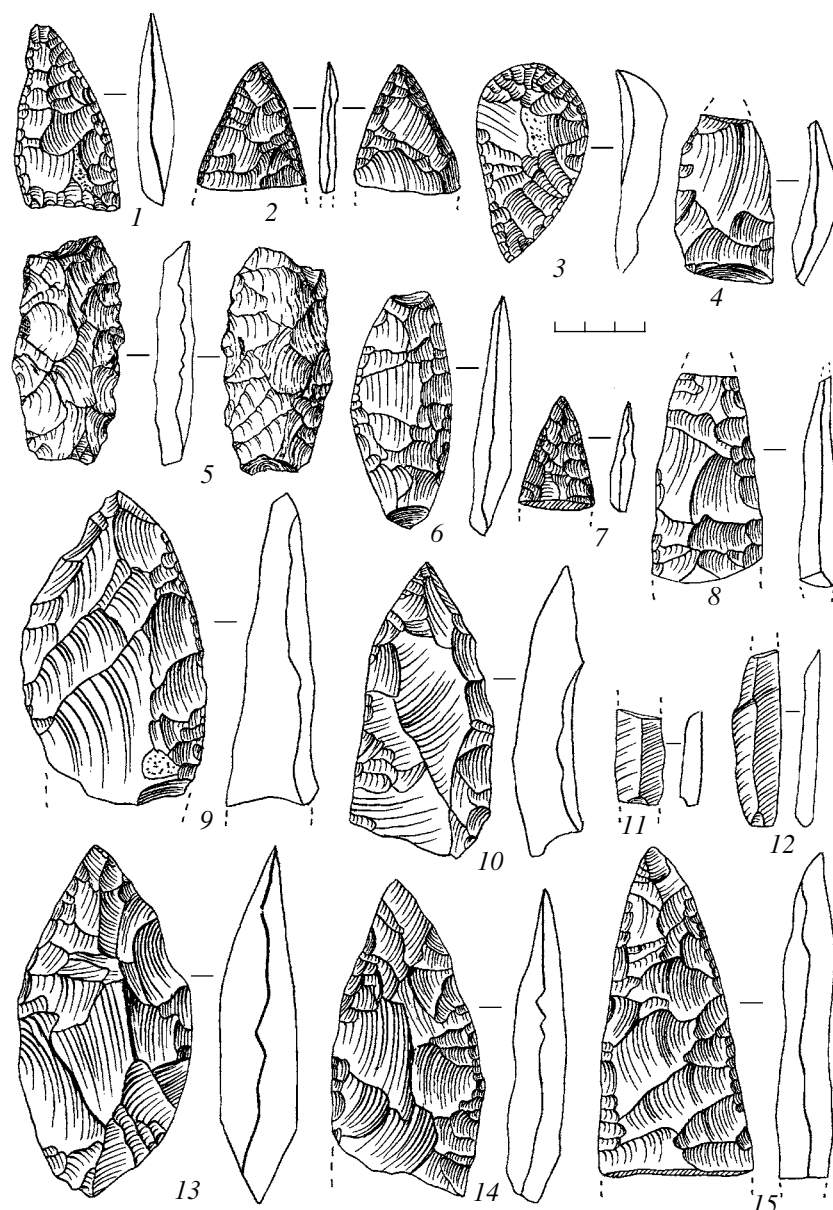

Рис. 7. Кремневые изделия из позднепалеолитических мастерских Бирючья балка 1в (1–3), 1а (4–8, 13–15), 1 (9, 10), 16 (11, 12). 1, 2, 4, 7, 8, 15 – двусторонние острия; 3 – скребок; 5, 6 – листовидные острия с удлиненными концами; 9, 10, 13, 14 – бифасы; 11, 12 – пластинчатые сколы.

линский, 1996). Однако в индустрии Золотовки 1 представлен микроинвентарь. Для Михайловской балки нет аналогий с индустриями стоянок в Каменной балке.

Подведем некоторые итоги. Как следует из описанного, в долине Северского Донца (Россия) располагаются палеолитические памятники, имеющие широкий хронологический диапазон: от домустье до финальной поры позднего палеолита. Практически все памятники приурочены к выходам сырья. Река Северский Донец, занимая выгодное (археологическое) положение на территории Русской равнины, на протяжении многих тысячелетий в каменном веке служила не только

источником сырья, но также важнейшим ориентиром на пути продвижения древних людей в разные эпохи каменного века. При этом речь идет не только о самой долине реки, но также реках и балках, впадающих в нее.

Сейчас трудно ставить вопрос об истоках домустьерских индустрий Хрящей и Михайловского. Индустрии обоих памятников, используя аналогии, имеют клектонский характер. Более конкретные аналогии провести затруднительно. Вообще, фиксируя сходство индустрии разных эпох палеолита, тем более ранних, в пределах обширных территорий, едва ли оправданно ставить вопрос о ми-

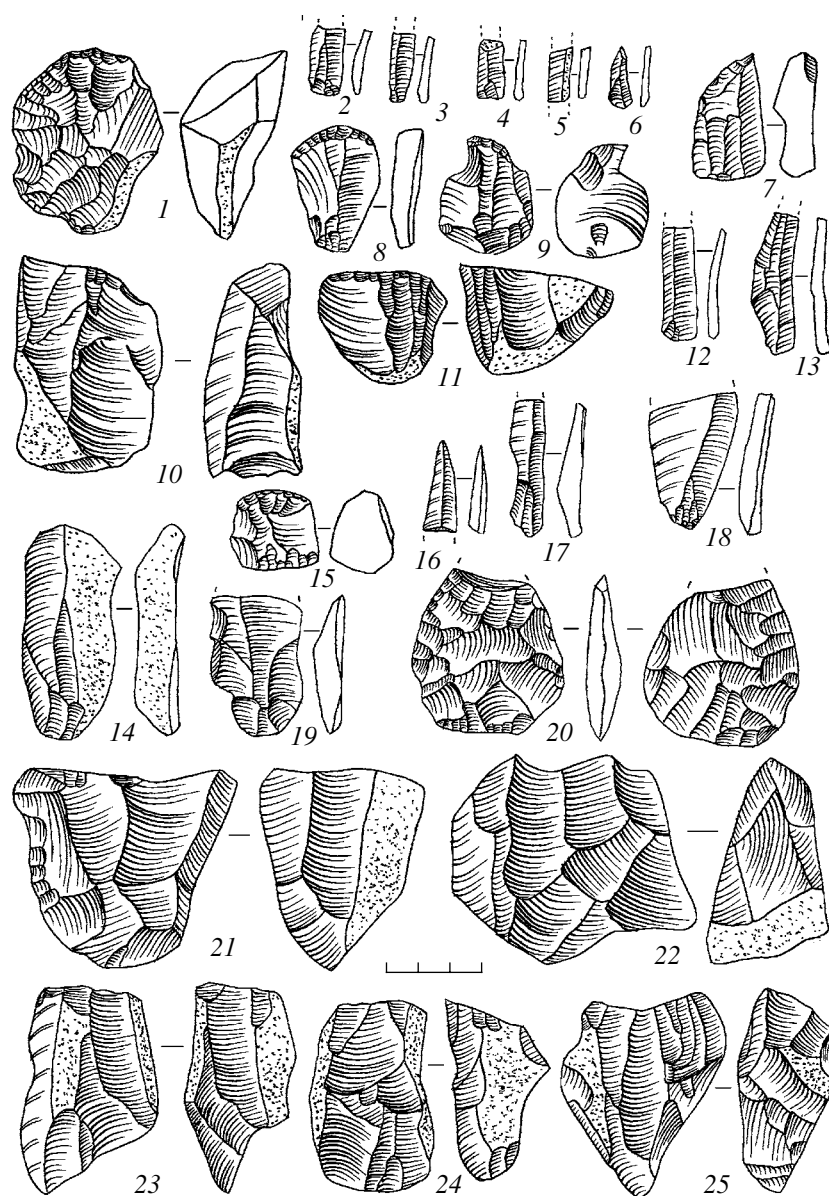

Рис. 8. Кремневые изделия из памятников Михайловская балка (1–13, 15), Кременская балка 2 (14, 16, 17, 19, 21–25) и Кременская балка 1 (18, 20). 1, 8, 9, 15 – скребки; 2–6, 12–14, 16–19 – пластинчатые сколы; 7 – двустороннее орудие; 21–25 – нуклеусы.

грациях и культурной близости их носителей. Последнее является всего лишь допущением.

Имеющиеся в настоящее время данные по Западной, Центральной и Восточной Европе указывают на то, что пластинчатое расщепление в течение ранней поры позднего палеолита было объективным и закономерным, а не случайным явлением. Кажущийся “застой” в его развитии в течение ранней поры позднего палеолита, как это видно по материалам горизонта 3 Бирючьей балки 2, может быть объяснен в первую очередь определенным характером деятельности, целевыми установками, связанными с изготовлением двусторонних наконечников, а не отщепов или пластин.

Широкое распространение как заготовок орудий, так и самих готовых орудий на обширной территории Русской равнины указывает на значительный и закономерный сдвиг в первичной обработке камня, приходящийся на позднее мустье. Заметное изменение орудийного набора индустрии произошло уже в начале позднего палеолита. Таким образом, орудийный и технологический факторы развития материальной культуры не совпадали. В этом заключается суть, логика ее развития. Переход к новым (позднепалеолитическим) типам орудий, по-видимому, происходил не постепенно, а скачкообразно. Это может означать, что медленного обновления мустьерских индустрий мы никогда не зафиксируем, особенно с

учетом разорванности линии развития индустрии позднего мустье и ранней поры позднего палеолита. Показательно, что призматические пластины присутствуют в тех среднепалеолитических памятниках, где выявлены богатые выходы сырья, хорошего или удовлетворительного качества. Определенное значение могла иметь и сезонность последнего, а также климатические условия. Мы неоднократно отмечали, что пластинчатое расщепление хорошо представлено на мастерских и стоянках-мастерских, где в полном объеме могли проявляться технологические способности и возможности древних мастеров. Показательно и то, что среднепалеолитические индустрии с пластинами распространены в основном в степных и лесостепных районах (кроме Юга Восточной Европы), что хорошо видно на примере Западной (Tuffreau, 1992. Р. 59–73; Revillon, Tuffreau, 1994. Р. 21–43) и Центральной (Schmitz, Thissen, 1998. Р. 483–498) Европы. Однако сюда следует относить и некоторые пещерные стоянки, расположенные в горных районах, например Монашеская, Губский навес 1, Баракаевская.

Позднепалеолитические индустрии с треугольными острями, скребками веерообразными и с центральной обработкой и другими подобными орудиями уместно относить не к стрелецкой культуре, а к индустрии стрелецкого типа. На стадии типологического анализа более оправданно использовать соответствующие ей термины, а не сложные (интерпретационные) понятия, каковым является понятие “культура”. Это, например, означает, что объединенные в одну (стрелецкую) культуру индустрии таких памятников, как Костенки, Гарчи 1, Сунгирь, Бирючья балка 2, обнаруживают прежде всего типологическое сходство, что вовсе не свидетельствует об их родстве, миграциях и т.п. Это сходство может иметь конвергентный характер.

Применительно к позднему палеолиту Бирючей балки 2 и 1в мы используем определение северо-донецкий вариант этого типа индустрии. Материалы памятников Бирючья балка 1 и 1а указывают на существование другого типа индустрии, с листовидными острями и орудиями с желобчатыми концами.

Происхождение позднего палеолита Юга Русской равнины нужно связывать с местным динамично развивавшимся средним палеолитом. Были использованы внутренние материальные и интеллектуальные ресурсы. В этой связи вопрос об аккультурации среднего палеолита поздним (Аникович, 2003. С. 29) представляется неубедительным. Напротив, можно ставить вопрос о преемственности двух эпох по некоторым технологическим и орудийным элементам. Неполнота источников, несомненно, создает трудности для решения всякого рода вопросов генезиса и оказывает влияние на наши выводы.

В любом случае, на больших территориях Западной, Центральной и Восточной Европы (особенно в степных и лесостепных районах) происходил технологический (в технике расщепления) переход от среднего палеолита к позднему. Открытие новых оригинальных памятников среднего палеолита и ранней поры позднего палеолита будет способствовать решению этой проблемы. Однако имеющиеся в настоящее время факты дают основание для оптимистической постановки данного вопроса. Памятники Юга Русской равнины могут сыграть здесь решающую роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникович М.В. Начальная пора верхнего палеолита Восточной Европы // *Stratum plus*. 2000. № 1.
- Аникович М.В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 2 (14). Новосибирск, 2003.
- Аникович М.В. Сунгирь в культурно-историческом контексте и проблема становления современного человечества // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 2 (22). Новосибирск, 2005.
- Беляева Е.В. Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ). СПб., 1999.
- Гладилин В.Н. Новые находки на Деркуле // *Археология*. № 18. Киев, 1965.
- Горецкий Г.Н. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье // *СА*. 1952. № XVI.
- Колесник А.В. Курдюмовка – памятник раннего палеолита Донбасса // *История и археология Слободской Украины*. Киев, 1992.
- Колесник А.В. Средний палеолит Донбасса. Донецк, 2003.
- Кочегура В.В. Применение палеомагнитных методов при геологической съемке шельфа. СПб., 1992.
- Любин В.П., Аутлев П.У. Каменная индустрия // Неандертальцы Губского ущелья. Майкоп, 1994.
- Матюхин А.Е. Палеолитическая мастерская Калитвенка 1 // *КСИА*. 1987. Вып. 189.
- Матюхин А.Е. Палеолитические мастерские в бассейне Нижнего Дона // *Археологические вести*. № 3. СПб., 1994.
- Матюхин А.Е. Палеолитическая мастерская Калитвенка 1в // *Донские древности*. Вып. 5. Азов, 1995.
- Матюхин А.Е. О структуре, типах и принципах изучения палеолитических мастерских // *Археологические вести*. № 3. СПб., 1999.
- Матюхин А.Е. Палеолитическая мастерская Калитвенка 1а // *Историков археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону*. Вып. 16. Азов, 2000а.
- Матюхин А.Е. Позднепалеолитическая мастерская Бирючья балка (Бирючья балка 1в) // *Донская археология*. № 1. Ростов н/Д., 2000б.
- Матюхин А.Е. Позднепалеолитическая мастерская Бирючья балка 1б (предварительное сообщение) // *Археологические записки*. Вып. 1. Ростов н/Д., 2000в.
- Матюхин А.Е. Позднепалеолитическая мастерская Бирючья балка 1 // *Донская археология*. № 1–2. Ростов н/Д., 2001.

- Матюхин А.Е.* Михайловская балка – новый палеолитический памятник в устье Северского Донца (предварительное сообщение) // Археологические вести. № 9. СПб., 2002а.
- Матюхин А.Е.* Многослойная палеолитическая мастерская Бирючья балка 1а // Археологические записки. Вып. 2. Ростов н/Д., 2002б.
- Матюхин А.Е.* Позднепалеолитические горизонты многослойного памятника Бирючья балка 2 (по материалам раскопок 2000–2002 гг.) // Донская археология. № 3–4. Ростов н/Д., 2002в.
- Матюхин А.Е.* Мустьерские комплексы долины Северского Донца // Археологические записки. Вып. 3. Ростов н/Д., 2003.
- Матюхин А.Е.* Особенности среднего палеолита Юга Русской равнины и проблема перехода к позднему палеолиту // Археологический альманах. № 16. Донецк, 2004.
- Матюхин А.Е.* Мустьерские горизонты многослойного палеолитического памятника Бирючья балка 2 // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 21. Азов, 2006.
- Нехорошев П.Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.
- Нехорошев П.Е.* Развитие каменной индустрии финала среднего палеолита на Русской равнине (по материалам стоянки Шлях) // Верхний палеолит – верхний плейстоцен (динамика природных событий и периодизация археологических культур). СПб., 2002.
- Праслов Н.Д.* Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л., 1968.
- Праслов Н.Д.* Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М., 1984.
- Праслов Н.Д.* Палеолит бассейна Дона (проблема стратиграфии, хронологии и развития культуры). Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2001.
- Праслов Н.Д., Щелинский В.Е.* Верхнепалеолитическое поселение Золотовка 1 на Нижнем Дону. СПб., 1996.
- Ромащенко Н.И.* Марьева Гора – новый мустьерский памятник в Северо-Восточном Приазовье // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 14. Азов, 1997.
- Титов В.В., Тесаков А.С.* Фауна мустьерской эпохи низовий Северского Донца // Проблемы палеонтологии и археологии Юга России и сопредельных территорий. Матер. Междунар. конф. Ростов н/Д., 2005.
- Цвейбель Д.С., А.В. Колесник.* Техника расщепления кремня на стоянке Белокузьминовка в Донбассе // СА. 1987. № 1.
- Matioukhine A.E.* Les ateliers du Paléolithique supérieur de la vallée du Donets Severski (région de Rostov, Russie) // L'Anthropologie. 1998. T. 102. № 4.
- Matioukhine A.E.* Les ateliers paléolithiques de taille du silex dans la vallée du Donets Severski (région de Rostov, Russie) // Préhistoire Européenne. 1998b. T. 13.
- Otte M., Matioukhine A.E., Flas D.* La chronologie de Biryuchya balka (région de Rostov, Russie) // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Матер. Междунар. конф. к 125-летию открытия палеолита в Костенках. В печати.
- Praslov N.D.* The earliest occupation of the Russian plain: a short note // The earliest occupation of Europe. Leiden, 1995.
- Revillon S., Tuffreau A.* Valeur et signification du débitage laminaire du gisement Paléolithique moyen de Seclin (Nord) // Les industries laminaires au Paléolithique moyen. Dossier de documentation archéologique. T. 8. Paris, 1994.
- Schmitz R.W., Thissen J.* Vorbericht über die grabungen 1995–1997 in der Mittelpaläolithischen B-1-fundschicht der Ziegeleigrube dreesen in Rheindahlen // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1998. Bd. 28.
- Tuffreau A.* Middle Palaeolithic settlement in Northern France // The Middle Palaeolithic: adaptation, behaviour and variability. Philadelphia, 1992.

Paleolithic sites in the Severskiy Donets basin

A. E. Matiukhin

Summary

The article considers Paleolithic sites located in the basin of Severskiy Donets. The abundance of Paleolithic sites on the territory of both the Ukraine and Russia can be explained by flintstone and quartzite deposits. The Severskiy Donets valley contains sites starting from pre-Moustier and ending with the terminal stage of Late Paleolithic. The most ancient finds (Khriashchi, Mikhailovskoye) may be dated from Mindel to Mindel-Riss. The article covers finds from various seasons. The sites near the Kalitvinskaya stanitsa were workshops for primary treatment of quartzite and manufacturing of tools. The sites at Biruch'ya Balka are stratified. At Biruch'ya Balka, a large amount of archeological and natural science investigations were carried out, allowing to reconstruct the environment and determine the age of Moustier and Late Paleolithic horizons at 45 to 25 thousand years before the present time. Besides traditional items, the industries of Moustier horizons contain expressive prismatic nuclei and plates. Late Paleolithic horizon 3 contains a large amount of triangular points. The other monuments at Biruch'ya Balka are Late Paleolithic. These are workshops where bifacial tools were produced. At the nearby Kremenskaya Balka, 2 workshops for preliminary working of flint were discovered. At Mikhailovskaya Balka, preliminary investigations yielded a limited number of tools: scrapers and side-scrapers, with little typological differentiation. Middle Paleolithic sites in the Severskiy Donets valley and the South of the Russian Plain allow to presume the transition from Middle to Late Paleolithic on the territory.

ЧУРИНГА ИЗ ШАХТЕРСКА (Донецкая область, Украина)

© 2007 г. А. Ф. Горелик*, М. Л. Швецов**

* Институт горной археологии, Немецкий музей горного дела, г. Бохум, ФРГ

** Донецкий центр Института востоковедения НАН Украины

Опыт изучения памятников каменного века свидетельствует, что доступный археологу традиционный баланс различных видов археологических источников является важной предпосылкой разительного перевеса исследований проблем первобытного производства и технологии, культурно-хронологической классификации комплексов каменного инвентаря над анализом всех прочих аспектов функционирования общества. Изучение духовной его составляющей тормозится, как правило, отсутствием или недостаточностью соответствующей источниковой базы, сложностью интерпретации уже имеющихся скудных данных. В силу этого каждая находка, проливающая свет на духовный мир человека каменного века, представляет большой научный интерес.

Одна из таких находок была сделана в 1998 г. участником Донецкой Средневековой археологической экспедиции (руководитель М.Л. Швецов) Андреем Киселевым на южной окраине г. Шахтерска (хутор Ревы) Донецкой области. Речь идет о ретушере из карбонового сланца с абстрактным рисунком, выполненным на его поверхности при помощи многочисленных гравированных линий (рис. 1). Такие изделия, как правило, относят к разряду чуринг, которые хорошо известны по этнографическим материалам австралийского племени Аранда (Spencer, Gillen, 1899; Strehlow, 1947).

Чуринга была обнаружена в топографических условиях, типичных для размещения памятников каменного века в Центральном Донбассе. Место находки приурочено к изрезанному оврагами левому берегу степной горной речушки Орловка (приток р. Крынки) высотой 10–12 м, при впадении в нее безымянной обводненной балки. С правого берега этот участок прикрыт от ветров мощными выходами горных пород.

Обнаружению чуринги «поспособствовала» хозяйственная деятельность человека. В 90-е годы минувшего столетия в 200 м ниже по течению балки от окраины хутора Ревы производилось строительство дачных домиков, что сопровождалось рытьем траншей для закладки фундамента. В отвале одной из таких траншей и была найдена чуринга. Рядом с этим местом были подняты еще две плитки из карбонового сланца со следами шлифовки, но без гравировки. В августе 2005 г. мы об-

следовали место находки с целью уточнения ее стратиграфии и поиска сопровождающего археологического материала. К сожалению, следует констатировать, что на обследованном участке маломощные, как правило, размытые антропогенные отложения (покровный чернозем и опесчаненный суглинок с обломками сланца) лежат непосредственно на скальной породе, а зачастую вообще отсутствуют. Надежды обнаружить в таких условиях непотревоженный культурный слой оказались неоправданными. По словам А. Киселева, ему удалось найти несколько кремневых сколов, сопровождавших чурингу. Эта коллекция, которую мы осмотрели, включает два нуклеидных обломка и резец на углу слома базальной части пластинчатого отщепы (рис. 2, 2). Указанные артефакты непатинизированы, изготовлены из кремня серого цвета с мергелевыми включениями. Нами было поднято с поверхности склона левого берега балки, недалеко от места находки патинизированное сечение правильной микропластинки (рис. 2, 1). Использование кремня серого цвета с пятнистыми мергелевыми включениями характерно для неолитических индустрий Донбасса (Борисковский, 1957. С. 137). Впрочем, мезолитическая датировка патинизированного сечения микропластинки также вероятна.

Сырье, использованное для изготовления ретушера-чуринги, по-видимому, местное, поскольку карбоновый сланец в Центральном Донбассе выходит на поверхность повсеместно. Сланцевая галька вытянуто-овальной формы, полукруглая в сечении, с естественно образовавшимся выступом с одной стороны, удобным при захвате рукой или упоре пальцем, размерами 13.5 × 4.3 × 2.5 см. Поверхность изделия залощена, очевидно вследствие длительного использования, покрыта серо-зеленоватой патиной, в изломе антрацитово-черная. Существенными элементами для целостной наглядно-образной и технологически-функциональной архитектоники изделия представляются его стержневидная вытянутость с некоторым боковым выступом-расширением, наличие двух закругленных концов и двух смыкающихся поверхностей одной выпуклой и второй ей субпараллельной плоской. Характер, последовательность следов сработанности и дизайна свидетельствуют, что

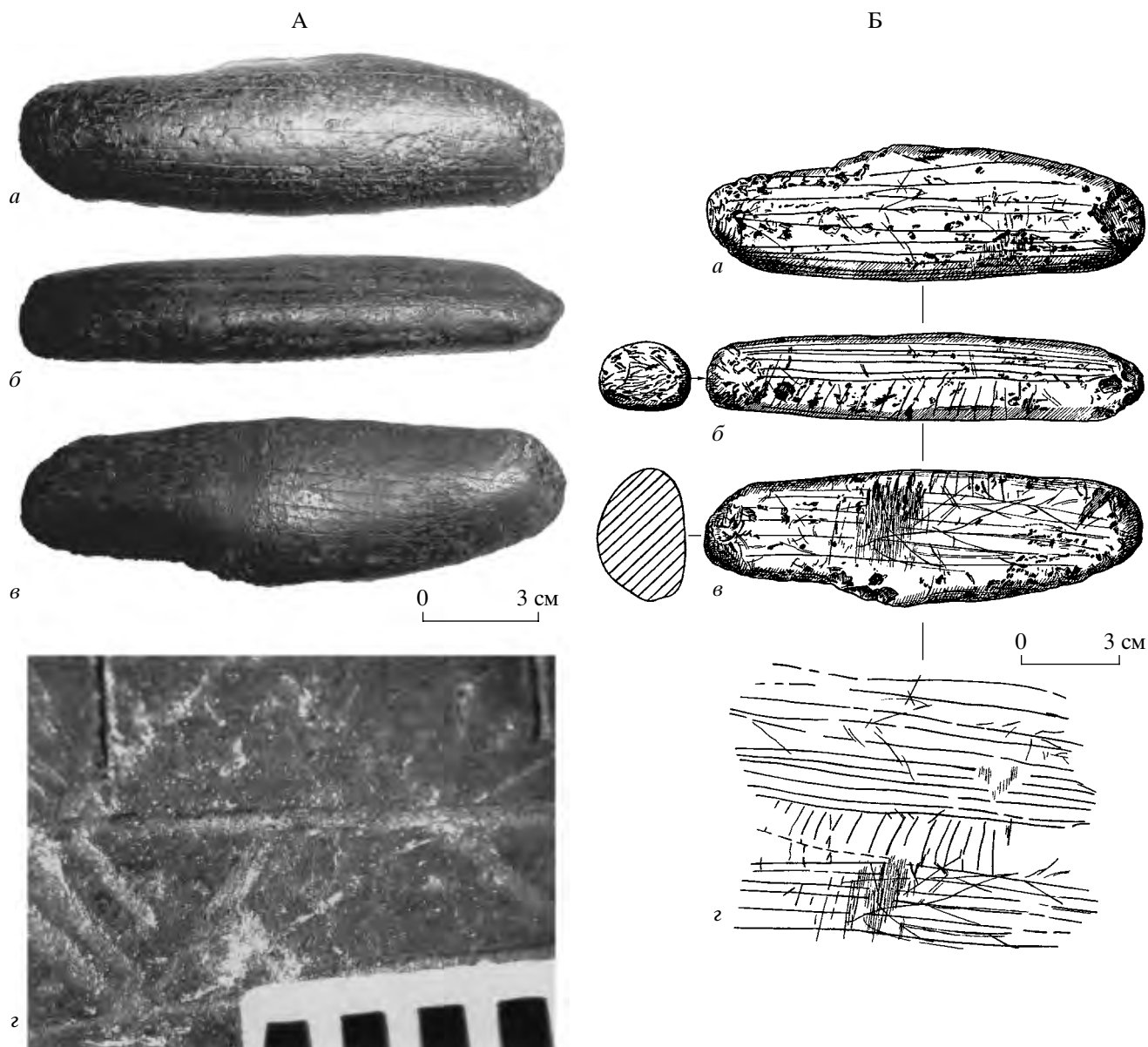

Рис. 1. Чуринга-ретушер, Шахтерск, хутор Ревы: а – выпуклая, б – боковая, в – плоская гравированные поверхности; з – следы гравировки на плоской стороне под макроувеличением. А – фото, Б – прорисовка.

первоначально на предмет была нанесена гравировка, а затем он стал использоваться в качестве ретушера.

В этой последовательности рассмотрим трансформацию изделия. Гравировка прослеживается на двух широких поверхностях, выпуклой и плоской, а также по одной боковой грани. Начиная от боковой грани, покрытой поперечными нарезками (мотив “лесенка”), по выпуклой поверхности нанесены 11 вертикально прочерченных линий (рис. 1, а). Обращает на себя внимание, что у этого края гравированного поля линии нанесены гуще и правильнее, чем в центре и с противоположного края. Возможно, такая композиция преследовала

эстетическую цель, так как позволяла отчетливее передать объемность выпуклой поверхности. Линии нанесены в основном параллельно, однако одна пара линий, расположенных в центре изделия, плавно сближается до пересечения в одной точке у одного из его концов. Линии у бокового края изделия, противоположного гравированному, процарапаны не по всей длине поверхности гальки, с меньшей геометрической строгостью, небрежно, не столь плотно – они то сближаются, то расширяются.

На плоской стороне изделия гравированное поле располагается вдоль и вокруг его центральной оси, отступая от краев гальки на 0.5–1 см (рис. 1, в). Вместе с тем оно несколько скошено по диагона-

ли. Это поле образуют шесть более или менее параллельных линий, вертикально прочерченных на близком, но не одинаковом расстоянии. Обращают на себя внимание две диагональные, симметрично расположенные линии, пересекающие гравированное поле, ответвляющиеся по середине от одной из центральных вертикальных линий. В центральной части гравированного поля между основными линиями процарапаны параллельные им черточки.

На боковой грани прослеживаются горизонтальные или слегка скошенные, в основном параллельные насечки (в общей сложности можно различить 17–18 насечек), которые заполняют не полностью, а частично примерно 3/4 пространства по длине между гравированными полями на выпуклой и плоской сторонах гальки (рис. 1, б). Частично фриз с горизонтальными насечками заходит на гравированное поле, расположенное на плоской стороне (рис. 1, в). Изучение технологии гравировки под микроскопом показывает, что линии, имеющиеся на широких поверхностях, нанесены одним и тем же предметом, в сходной манере исполнения, как правило, с одинаковым заглублением, по-видимому, одновременно. В сечении борозды имеют полукруглую форму (рис. 1, г). На плоской широкой стороне на отдельных участках прослеживается соскальзывание режущего инструмента за пределы борозды, отмечены черточки, сопровождающие основные линии. Эти произвольно возникающие царапины, называемые некоторыми исследователями “паразитами” (D’Erigo, 1994. Р. 27), вызваны соприкосновением выступов нерабочей части орудия-гравера с поверхностью. Насечки на боковой грани выполнены, очевидно, иным орудием. Здесь борозды заметно уже, имеют асимметрично-щелевидный характер (рис. 1, б). Они были нанесены позже.

При небольшом увеличении на поверхности чуринги с гравировками можно различить отдельные участки с цветовыми красителями – синий, коричневый, черный. Краска сохранилась на поверхности борозд поперечных насечек на боковой грани. Создается впечатление, что раскраска гальки, так же как это имело место с азийскими гальками (D’Erigo, 1994. Р. 238), предшествовала по времени нанесению гравировки. Как правило, в продольных бороздах гравировки следы краски не были замечены. Присутствие следов краски в бороздах поперечных насечек, по-видимому, объясняется воздействием вторичных факторов. На боковую грань, которая имеет при захвате предмета рукой более плотное сцепление с поверхностью кожи, краска могла переноситься с других окрашенных участков изделия. Следы красителей были прослежены на двух других плитках карбонового сланца, которые в силу неизвестных нам причин не имеют гравировки.

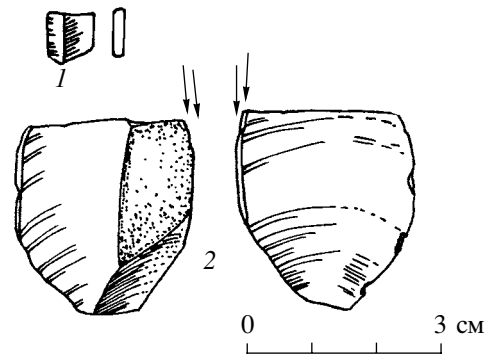

Рис. 2. Шахтерск, хутор Ревы: 1 – сечение микропластинки; 2 – резец на углу слома пластины.

Поверхность со следами цветовых красителей, а также внутренняя часть образца были подвергнуты Н.И. Мезиным качественному химическому анализу методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии на спектрометре ElvaX. Этот метод позволяет различать химические элементы, занимающие в периодической таблице положение от Са до U. По данным этого анализа, на поверхности изделия присутствуют до 1% с плавным убыванием по толщине образца химические элементы (рубидий и титан), которые отсутствовали внутри образца. По мнению Н.И. Мезина, поскольку некоторые природные соединения рубидия имеют светло-коричневый цвет, можно предположить, что он входит в состав красителей. Основу пробы с поверхности предмета составляет железо (94.183%), присутствуют также в количествах 0.5–1.5% цинк, стронций, иттрий, цирконий и серебро. Они, особенно железо, могли также входить в состав красителей.

Как уже отмечалось выше, гравировки на поверхности сланцевой гальки перекрываются следами использования ее в качестве ретушера, а также, вероятно, лощила. Эти следы концентрируются главным образом на противоположных концах гальки и в ее центре с плоской стороны. Следы использования на концах гальки представляют собой относительно глубокие выщербины, вмятины, уничтожившие серо-зеленый патинизированный слой вместе с гравировкой и обнажившие антрацитово-черный материал подковки. На плоской поверхности гальки следы использования имеют иной характер. Это очень плотная концентрация поверхностных царапин, поперечных длиной оси изделия, размерами 2.5×2 см, повредивших гравированное поле. Такие следы использования могли быть связаны с монотонными однонаправленными движениями по какому-либо материалу, содержащему в себе абразивные частицы (например, шкура животного, засоренная песком). Царапины, выщербины, однако, не столь концентрированно, присутствуют и на других местах изделия.

Хотя археологический контекст нашей находки явно недостаточен для определения ее культурно-хронологической принадлежности, техника исполнения гравировки, характер следов сработанности ретушера, выбор самого исходного материала являются существенными аргументами в пользу научной достоверности этого предмета. Территориально близкие и дальние аналогии чуринге из Шахтерска еще в большей степени убеждают нас в этом мнении. Находки каменных плиток с гравировками из культурного слоя археологических памятников каменного века юга Украины, прилегающих районов России уже достаточно известны. Можно вспомнить четыре орнаментированных изделия из кусков глинистого сланца и окатанной гальки из мезолитической стоянки Балин-Кош в горном Крыму (Бадер, 1940. С. 97. Рис. 4), гравировки на поверхности гальки из лимонитовой корки и плиток из карбонового сланца на финально-палеолитических стоянках Роголикско-Передельского района вблизи г. Луганска (Горелик, 2001), многочисленные чуринги из песчаника с гравировками мезо-неолитического возраста из урочища Каменная Могила вблизи г. Мелитополя (Даниленко, 1986), неолитические амулеты, плитки, утюжки из сланца, алевролита, аргиллита, песчаника, филлита с гравировками со стоянок Ракушечный Яр и Раздорская-2 (Белановская, 1995. С. 136–144; Кияшко, Ромашенко, 1994. С. 184, 185; Кияшко, Цибрий, 2003. С. 127–133), неолитические утюжки с орнаментикой со стоянок сурской и днепро-донецкой культуры (Телегин, 1968).

Мезолитом и неолитом датируются гальки с гравировками, которые обнаружены в районах Восточной Европы, расположенных в лесной зоне. Среди них следует упомянуть обломок кремневой конкреции из мезолитической стоянки Песочный Ров с прочерченным на корке грубым сетчатым орнаментом и орнаментированный утюжок из талькового сланца из неолитической стоянки Студенок (Зализняк, 1986. Рис. 51, 21; 58, 11), обломок сланцевой плитки с гравировкой из ранне-неолитического слоя стоянки Сахтыш VIII в Верхневолжье (Костылева, 1986. Рис. 6, 6), материалы других памятников верхневолжской культуры (Ошибкина и др., 1992), двухсторонне орнаментированный доломитовый обломок из ранневоло-совского слоя поселения Польцо (Никитин, 1975. Рис. 9, 10), трехгранный кусок песчаника, орнаментированный по трем граням, из погребения № 44 Оленеостровского могильника (Гурина, 1956. Рис. 121), обломок гальки с гравировкой с южноуральской раннемезолитической стоянки Ильмурзино (Матюшин, 1972). Пожалуй, самый яркий набор гравированных галек (65 экз.) из мягких пород камня в выразительном археологическом контексте на территории лесной зоны Восточной Европы был получен из мезолитических

и неолитических слоев стоянки Замостье-2 (Лозовский, 1997. С. 33–51).

Не менее интересны для сопоставления материалы Западной Европы: к примеру, гравированные и расписанные красками гальки из азильских памятников Франции и сопредельных стран (Couraud, 1985; D'Errico, 1994; Abelanet, 1986). Сопоставление гравированного изображения из Шахтерска с этими материалами свидетельствует, что в целом оно относится к тому же ряду объектов, имевших в конце палеолита, мезолите чрезвычайно широкое распространение на территории Европы.

Вместе с тем результаты сравнения говорят о том, что при всей незатейливости гравировки артефакта из Шахтерска она не имеет точных соответствий ни среди территориально ей близких, ни среди отдаленных объектов. Имеющиеся более или менее близкие аналогии не приурочены к какому-либо региону, а территориально рассеяны. Создается впечатление, которое следовало бы проверить при дальнейшем накоплении материалов, что гравированные композиции на каменных плитках не имеют той локальности, которая обнаруживается при сопоставлении некоторых традиций в обработке камня или изготовлении и орнаментации керамики. Из замеченных аналогий можно выделить мотив тонких продольных параллельных линий, прослеженный на одном из сланцевых ретушеров со стоянки Роголик IV, а также на женском изображении, нанесенном на сланцевом ретушере из Роголика XI (Горелик, 2001). Отсутствие гравированной человеческой фигуры не должно быть абсолютным препятствием для такого сопоставления, так как форма предмета без специальной намеренной обработки могла в восприятии первобытного человека нести такую же изобразительную сущность, как нанесенное на нем изображение. Не исключено, что и в данном случае сланцевая галька ассоциировалась с человеческим телом или его частью.

Мотив из групп параллельных линий отмечен на некоторых чурингах стоянки Замостье-2 (Лозовский, 1997. С. 34). К сожалению, автор публикации описание этой разновидности чуринг не сопровождает соответствующими иллюстрациями, поэтому трудно судить, насколько они близки чуринге из Шахтерска.

Из известных нам материалов, опубликованных на сегодняшний день, наиболее близки чуринге из Шахтерска несколько гравированных азильских галек из навеса Мюра (юго-восток Франции), которые переключаются с несколько видоизмененным, но также в целом аналогичным гравированным изображением на плитке из Шенамбо (D'Errico, 1994. S. 252. Fig. 293, 2–4). Здесь наличествует почти вся композиция, знакомая по изображению на гальке из Шахтерска. Она включает се-

рию продольных параллельных линий, к которым примыкает бахрома из скошенных параллельных поперечных линий, которая в отличие от чуринги из Шахтерска не с одной, а с двух сторон окаймляет поле продольных линий. Автор монографии видит сомнительные, на наш взгляд, параллели гравировкам на гальках из Мюра и Шенамбо в изображении набедренной повязки на гравированном женском изображении на гальке из аренсбургской стоянки Гелдроп. Порой подобные гравированные композиции можно встретить на кости. К примеру, двухсторонние изображения на небольшом обломке кости животного, который впоследствии был использован как ложило (шпатель), из финально-плейстоценового слоя грота Тоссал де ла Рока на средиземноморском побережье Испании (Lopez, Quesada, 1987. S. 286-293).

В целом гравированные гальки относятся к редкой категории находок, они встречаются, как правило, единично лишь на некоторых памятниках, чаще всего на стоянках, иногда в погребениях в качестве сопровождающего инвентаря. Этот факт может иметь различные объяснения. Возможно, что они тщательно сохранялись, чаще всего в стороне от мест традиционной хозяйственно-бытовой деятельности человека. Их роль могли выполнять предметы, изготовленные из материалов, не хранящихся долго в земле. Оба эти предположения могут быть подкреплены этнографическими параллелями (Spencer, Gillen, 1899. P. 133; Munn, 1986. P. 50). Вместе с тем археологии известны редкие уникальные памятники, где счет этим предметам идет на десятки, где они сопровождаются другими артефактами, явно не утилитарного предназначения, где они концентрируются в помещениях ритуально-религиозного назначения, подобных тем, что были найдены в Торгажак или Каменной Могиле.

По поводу роли, которую выполняли схематически нанесенные гравированные знаки и символы на мобильных предметах из камня и кости в культуре населения Европы в конце палеолита, мезолите и неолите, в современной литературе существуют разные мнения: историю вопроса можно увидеть у Кл. Куро (Couraud, 1985) или в более широком семиотическом контексте – у Ж. Сове (Sauvet, 1987). Для построения гипотезы существенны как суждения, собственно вытекающие из скрупулезного археологического анализа, так и, несомненно, данные этнографии. Одним из наиболее корректных и аргументированных исследований близкой по объекту и предмету анализа темы, по нашему мнению, является работа Д.Г. Савинова (Savinov, 2003). Опираясь на большую коллекцию гравированных галек из 220 предметов, происходящих с одного из наиболее крупных исследованных поселений бронзового века Южной Сибири Торгажак (финальная стадия карасукской культуры, 1000–800 гг. до н.э.), он проанализировал как

обширные археологические материалы, так и данные локальной этнографии, тесно смыкающиеся в Сибири с отрезком истории, изучаемым при помощи археологии. По мнению исследователя, гравированные гальки использовались как медиатор, материальный посредник во время церемоний, посвященных культу предков, женского оплодотворения, реинкарнации душ. Судя по тому что они очень часто случайно или намеренно были сломаны, изображения на них сошлифовывались, иногда поверх старых наносились новые гравировки, после окончания этих церемоний гальки утрачивали свое действие.

Некоторые композиции гравировок на поверхности галек из поселения Торгажак аналогичны многим гравировкам мезо-неолитической стоянки Замостье-2. Существенно, что исследователь последнего памятника В.М. Лозовский, исходя в первую очередь из археологического контекста находок, приходит к выводу "...о явно не утилитарном назначении этой категории находок" (Лозовский, 1997. С. 36). Он рассматривает чуринги Замостья-2 "как гальки с преднамеренно нанесенными на них символами с определенной смысловой нагрузкой" (Лозовский, 1997. С. 44). Вместе с тем В.М. Лозовский обращает внимание на то, что "большая часть всех чуринг фрагментированы, а остальные целые предметы повреждены. Планиграфически они найдены в водных отложениях, т.е. данная серия явно состоит из отслуживших свое предназначение и оказавшихся в воде вещей" (Лозовский, 1997. С. 36).

Некоторые западноевропейские ученые неоднократно отмечали сочетание сакрального и утилитарного в течение относительно непродолжительного периода использования гравированных галек. Так, например, Ф. Дерикко, склонявшийся к версии символической роли самих галек и гравированного изображения на них как вспомогательного средства для общения с недоступным человеческому пониманию архетипическим образом (D'Errico, 1994. S. 289), отмечал, что многие гравированные гальки были использованы позднее как ретушеры и даже чопперы, на нескольких гальках документирована обратная последовательность (D'Errico, 1994. S. 238). А в одном случае гравировка была нанесена между двумя эпизодами использования гальки в качестве ретушера. Известный немецкий исследователь каменного века В. Тауте, написавший обобщающую статью по теме "Ретушеры из кости, зубов и камня", указывал, что степень сохранности всевозможных гравированных изображений на некоторых ретушерах каменного века Западной и Центральной Европы не позволяет утверждать, что древний человек стремился их сберечь (Taute, 1965. S. 85).

Наши материалы, включающие ретушер из Шахтерска, выполненный на гравированной галь-

ке, а также ретушер, выполненный на гравированном женском изображении из Рогалика XI, перекликающиеся с данными других исследователей по близлежащим памятникам (см. материалы Раздорской-2 и Ракушечного Яра), свидетельствуют, что гравированным изображениям на камнях не была уготована судьба длительного хранения и поклонения. В этом отношении, пожалуй, заключается их главное видимое отличие, как, очевидно, и многих других гравированных галек первобытной Евразии, от известных австралийских чуринг. Последние как важнейший сакральный объект, связанный с тотемами, тщательно сберегались в специальной сокровищнице, местном тотемном центре (Spencer, Gillen, 1899. P. 133). Чуринги наследовались при смене поколений. Утеря чуринги являлась наибольшим злом, которое могло произойти с группой. В случае вымирания членов локальной группы, которой принадлежал тотемный центр, он вместе с местностью, в которой была расположена сокровищница, переходил в собственность соседей. Последние могли передать чуринги другой локальной группе того же тотема (Spencer, Gillen, 1899. P. 152, 153).

Однако сакральность, связь с тотемом, хранение души человека не исчерпывали значение чуринги. Каждая чуринга, помимо сакральной функции, выполняла роль медиа. Она несла через ее форму и художественное оформление закодированную определенным образом информацию, адресованную другим членам племени. Информацию, представленную языком символов, могли передавать у австралийских аборигенов, а равно любых других первобытных народов, другие разновидности медиа. У австралийцев это *message sticks*, татуировки тела и прически, орнаментация и форма вооружения, наскальные рисунки, рисунки на песке и т.п. Согласно исследованиям графического языка австралийского племени Валбири, проведенным Н. Мунн (Munn, 1986), один визуальный элемент, характеризующийся некоторой образностью, сходством с реальным предметом, мог передавать огромное множество значений, имеющих разную социальную природу, но так или иначе связанных с космологией этого народа. Этот образно-семантический ряд взаимосвязанных, чаще всего простейших знаков (линия или круг) существовал, как правило, как зрительный каркас определенного повествования, церемонии, песнопения и зависел от вербального контекста. Например, прямая линия могла передавать значение мужского начала, движения, прямой дороги, жерди. Группа прямых линий могла олицетворять копья, руки и ноги, ребра, действующих лиц того или иного повествования, лежащих на земле, определенное число (Munn, 1986. P. 153–166).

По всей вероятности, чуринга из Шахтерска относилась к числу подобных медиа позднекаменного века, которые после выполнения указанной

символической функции могли играть прозаическую производственную роль в жизни человека.

Выражаем глубокую признательность А. Киселеву, оказавшему большую практическую помощь в подготовке материалов статьи; сотруднику Донецкого физико-технического института НАН Украины, кандидату физико-математических наук Н.И. Мезину за проделанный химический анализ и любезно предоставленную информацию; заведующему отделом археологии Донецкого областного краеведческого музея С.М. Дегерменджи за изготовленные им фото чуринги и участие в обсуждении статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О.Н. Изучение эппалеолита Крымской яйлы // СА. 1940. № 5.
- Белановская Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. СПб., 1995.
- Борисковский П.И. Некоторые местонахождения каменного века в Приазовье // Краеведческие записки Таганрогского музея. 1957. Вып. 1.
- Горелик А.Ф. Памятники Рогаликско-Передельского района // Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Киев; Луганск, 2001.
- Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник // МИА. 1956. Вып. 47.
- Даниленко В.М. Кам'яна могила. Київ, 1986.
- Зализняк Л.Л. Культурно-хронологическая периодизация мезолита Новгород-Северского Полесья // Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев, 1986.
- Кияшко В.Я., Ромащенко Н.И. Раздорское 2 – новое местонахождение каменного века на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 13. Азов, 1994.
- Кияшко В.Я., Цыбрий В.В. Три амuleта каменного века из станицы Раздорская // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Вып. 19. Азов, 2004.
- Костылева Е.Л. Ранненеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. 1986. № 4.
- Лозовский В.В. Искусство мезолита-раннего неолита Волго-Окского междуречья (по материалам стоянки Замостье-2) // Древности Залесского края. Матер. к Междунар. конф. "Каменный век европейских равнин". Сергиев Посад, 1997.
- Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1972.
- Никитин А.Л. Многослойное поселение Польцо // СА. 1975. № 3.
- Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимина М.П. Искусство каменного века. М., 1992.
- Телегин Д.Я. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.
- Abelant J. Signes sans Paroles. Cent siecles d'art rupestre en Europe occidentale. Hachette, 1986.
- Couraud Cl. L'Art azilien origine survivance. Paris, 1985.
- D'Errico Fr. L'Art grave Azilien. De la technique a la signification. Paris, 1994.

- Lopez S.R., Quesada C.C.* Art Mobilier du Paleolithique Med-iterraneen Espagnol. Quelques Nouvelles Decouvertes // L'Art des Objets au Paleolithique. T. 1. Paris, 1987.
- Munn N.D.* Walbiri iconography. Graphic Representation and Cultural Symbolism in a Central Australian Society. Chicago; L., 1986.
- Sauvet G.* Les signes dans l'art mobilier // L'Art des Objets au Paleolithique. T. 1. 1987.
- Savinov D.G.* The Torgazhak Pebbles: principal aspects of their study and interpretation // Archaeology, Ethnology&Anthropology of Eurasia. 2003. № 2 (14).
- Spencer B., Gillen F.J.* The native tribes. L., 1899.
- Strelow T.G.H.* Aranda Traditions. Melbourne, 1947.
- Taute W.* Retoucheure aus Knochen, Zahnbein und Stein vom Mittelpaläolithikum bis zum Neolithikum // Fundberichte aus Schwaben. Neue Folge 17. Stuttgart, 1965.

“Churinga” from Shakhtersk (Ukraine, Donetsk region)

A. F. Gorelik, M. L. Shvetsov

S u m m a r y

The authors publish a unique object of Stone Age art engraved on the surface of a slate pebble found in the dump of a construction trench on a bank of Orlovka, a small steppe river in the central part of the Donetsk ridge. No cultural layers were discovered, since the site was destroyed in the process of construction works. Despite the lack of datable layers, the artifact may be tentatively dated to the Neolithic on the basis of the style of engraving, of secondary use as a retoucher and of flint tools found in the same area. The engraved composition consists of vertical parallel lines incised from both lateral sides of the artifact and of transversal parallel lines from one side (“stairs” motif) which join the two main ornamental fields on the lateral sides. It should be noted that different kinds of colours were used to create the images and that slight traces of them could still be found on the surface of the artifact. Like other similar objects of Stone Age art all over Eurasia, the pebble may have served as a kind of media. Later use of engraved pebbles as retouchers (changing from the sacred to the profane) was proved. We assume that the engraved pebble from Shakhtersk was used in the same way.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ, БИВНЯ И РОГА С ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ В ГРОТЕ БОБЫЛЕК

© 2007 г. Р. Б. Волков*, В. Н. Широков*, А. И. Улитко**

* Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

** Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург

Грот Бобылек находится в Красноуфимском районе Свердловской области, на северо-восточном участке Уфимского плато, в современной контактной зоне темно-хвойного леса и лесостепи. Грот имеет вид просторной карстовой полости с двумя входами, площадь пола около 250 м². Основной вход в виде арки размерами 10 × 3 м обращен на восток и дислоцируется на высоте около 7 м над ручьем Безыманным (рис. 1). Второй вход в виде провальной воронки находится в противоположном конце грота (рис. 2).

Грот открыт в 1987 г. спелеологом С. Матрениным, археологический памятник в гроте обнаружен Н.Г. Смирновым, В.Н. Широковым и А. Некрасовым в 1989 г. Исследовался в 1989–1991, 2004 гг. экспедициями Института истории и археологии и Института экологии растений и животных УрО РАН (Екатеринбург, руководители Н.Г. Смирнов, Н.Р. Тихонова, В.Н. Широков). Отложения грота содержат культурные остатки от эпохи верхнего палеолита до средневековья. За три года работ внутри грота и за пределами капельной линии вскрыто 100 м² рыхлых отложений, в том числе 30 м² – плейстоценовых (из них 15 – за пределами грота и 15 – внутри полости).

На глубине около 1 м встречен щебнистый горизонт мощностью до 2 м с глинисто-суглинистым заполнением, в котором найдены преимущественно изделия из камня и кости верхнепалеолитического облика, обильные фаунистические остатки. Заметно воздействие на слой солифлюкционных процессов. Среди остатков крупных млекопитающих представлены кости северного оленя (*Rangifer tarandus*), донского зайца (*Lepus tanaiticus*) (доминируют), лошади (*Equus uralensis*), песца (*Alopex lagopus*), бизона (*Bison priscus*), сайги (*Saiga tatarica*), пещерного медведя (*Ursus spelaeus*), мамонта (*Mammuthus primigenius*), шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis*), овцебыка (*Ovibos sp.*), куных (*Mustellidae*) и др. Среди остатков мелких млекопитающих определены узкочерепная полевка (*Microtus gregalis*), полевка эконома (*Microtus oeconomus*), копытный лемминг (*Dicrostonyx guiliemi*), степная пеструшка (*Lagurus lagurus*), серый хомячок (*Cricetulus migratorius*), рыжая и красная полевки (*Clethrionomys ex. gr. Rutilus-rufocanus*), пищуха (*Ochotona sp.*), сибирский лемминг (*Lemmus cf.*

sibiricus), большой суслик (*Citellus major*) и хомячок Эверсмманна (*Allocricetullus evermanni*). В спорово-пыльцевом спектре отложений споры папоротников составили более 50%, 40 из них приходится на долю травянистых растений, а на долю древесных только 4.3%. Такое соотношение растительных остатков свидетельствует о практически безлесных условиях времени формирования культурного слоя (Смирнов, 1993). Период накопления щебнистого слоя оценивается радиоуглеродными датами. По тазовой кости носорога из раскопа внутри грота получена дата 14200 ± 400 л.н. Даты, также полученные по тазовым костям носорога из этого же слоя из раскопа на склоне, оказались равными 23700 ± 140 л.н. и 23470 ± 150 л.н. (поздний валдай). По костям из раскопа 2004 г. получены две даты ¹⁴C: с глубины 0.3–0.4 м – 8690 ± 66 л.н. (ИЭМЭЖ-1366), вторая с глубины 1.9–2.1 м – более 34490 л.н. (ИЭМЭЖ-1374). Горизонты обитания не маркируются угольками, артефакты залегают во “взвешенном” состоянии. В этот период грот использовался для оборудования временных охотничьих лагерей. Один из сезонов присутствия верхнепалеолитических людей в карстовой полости устанавливается по костям эмбрионов лошади и северного оленя – зима – ранняя весна.

Коллекция каменных изделий верхнего палеолита состоит из более 600 предметов. В качестве сырья использовались кремневый известняк серого цвета, серая яшма, черная кремнистая порода, халцедон. Орудия изготовлены преимущественно на пластинах. Имеются выемчатые и зубчато-выемчатые орудия, пластины с ретушью, пластинки с притупленным краем, в том числе с обработанным или усеченным концом, резцы, ножи с естественным обушком, скребки, провертки, усеченные формы. По своему облику каменная индустрия грота Бобылек более всего близка индустрии Каповой пещеры (Scelinskij, Sirokov, 1999).

В голоценовых отложениях на площади раскопа на разных уровнях были зафиксированы следы прокаливания и зольники различной конфигурации, мощностью до 0.1 м. Обнаружены кости животных и культурные остатки неолита, энеолита, бронзового и железного веков (Смирнов, 1993; Волокитин и др., 1994; Волокитин, Широков, 1997).

Рис. 1. Грот Бобылек. Общий вид основного входа. Фото С.Е. Чаиркина.

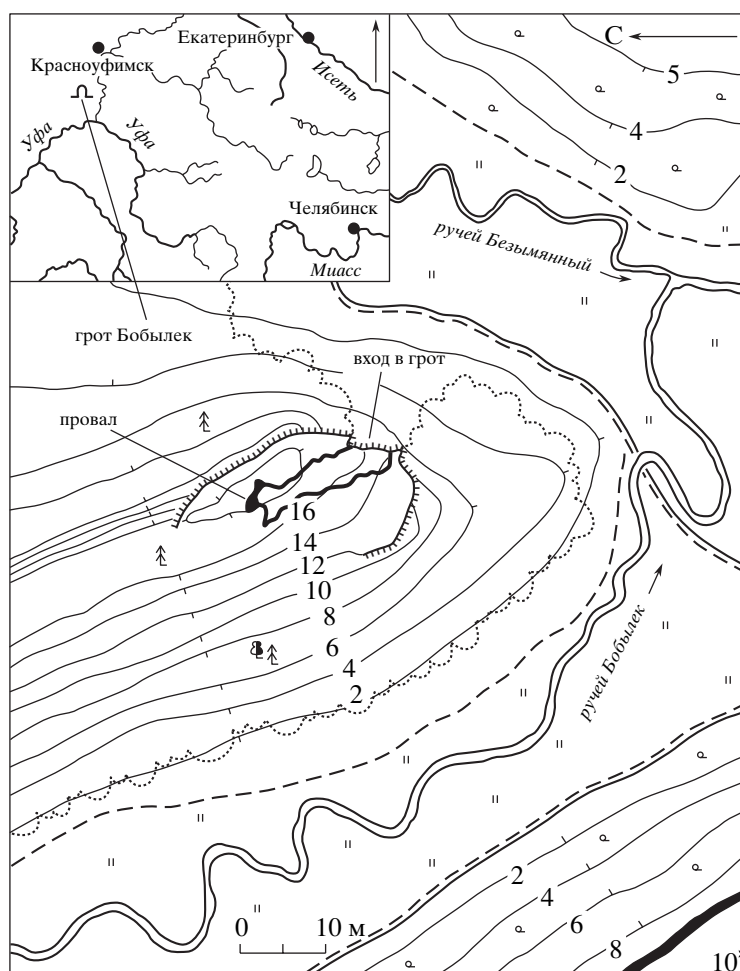

Рис. 2. Схема дислокации, топографический план грота Бобылек и его окрестностей. Масштаб 1: 1000.

Данная публикация посвящена верхнепалеолитическим материалам только из кости, рога и бивня, найденным в раскопах 1990 и 2004 гг. (общая площадь 15 м²), расположенных внутри грота (рис. 2), главным образом аспектам их функционального назначения.

Всего в коллекции 31 экземпляр. Сохранность изделий неоднородна, большинство артефактов имеют повреждения (люстраж, механические повреждения), связанные с условиями залегания и процессом раскопок, что очень затрудняет проведение анализа.

Предметов со следами обработки – семь, из них три фрагмента костей с нарезками и сколами. У четырех предметов на поверхности фиксируются следы использования, но их идентификация затруднена вследствие плохой сохранности костей.

Изделий из рога северного оленя – 4 экз. Все они достаточно невыразительны. Первый предмет – фрагмент отростка рога молодой особи, уплощен с одной стороны шлифовкой. Его длина всего лишь 1.8 см, с одного конца заметно небольшое округлое углубление (рис. 3, 1). Второй предмет – кусок штанги – имеет искусственно(?) уплощенный отросток, но из-за многочисленных следов погрызов животных установить способ его обработки и использования трудно (рис. 3, 26). Возможно, предмет служил ретушером. Третий экземпляр представляет собой отпиленный с одного конца крупный фрагмент рога годовалого оленя. Профиль легко изогнут (рис. 3, 18). Четвертый артефакт – кусок штанги с одним отростком. На проксимальном конце виден неглубокий пропил по всей окружности, который был сделан перед выломом рога из черепа (рис. 3, 19).

Орудийный набор представлен девятью экземплярами. Выразительно скребло из продольно расколотовой дорсальной части диафиза левой метатарзальной кости лося (*Alces alces*) (13.3 × 3.4 × 1.3 см). По одной латерали обработана ударной, преимущественно вентральной, ретушью (размер фасеток 2–3 см), фасетки с дорсала – единичны. Один конец усечен крупной ретушью. На кромке изделия фиксируются следы использования в виде коротких поперечных бороздок, создающих некое подобие “гофрированной” поверхности (рис. 3, 29).

В плане установления функции использования большой интерес представляет левая метакарпальная кость лошади. На ее поверхности фиксируются самые разнообразные, часто взаимоналагающиеся следы. Их можно разделить на несколько групп: 1) эпифизы кости утончены ударным способом, возможно одна из функций орудия ударная; 2) части, прилегающие к эпифизам, и сами эпифизы покрыты следами погрызов, но кроме этих следов фиксируются линейные следы искусственного происхождения; 3) по всей длине кости, за исключением эпифизов, фиксируются тонкие поперечные линейные следы и направленная заполировка. Вероятная функция – разминание ремней (рис. 3, 30).

Землекопных орудий два. Первое, размерами 15.3 × 4.6 × 1.5 см, изготовлено на диафизе плечевой кости дикой лошади (*Equus sp.*) (рис. 3, 7), второе (14 × 4.4 × 1.7 см) – на трубчатой кости крупного млекопитающего (рис. 3, 8). Оба изделия имеют выпуклый рабочий край на одном из концов заготовок, обработанный односторонней ретушью. Зафиксированы следы использования в виде нитевидных и прямых царапин, расположенных перпендикулярно, под углом и иногда параллельно кромке.

Два однотипных орудия на осколках трубчатых костей крупного млекопитающего служили в качестве колюще-режущих инструментов. Оба имеют подтреугольное поперечное сечение, оформленный насад, выпуклый рабочий край, на котором фиксируются линейные следы, расположенные под углом и параллельно кромке. У одного изделия – острый кончик, использовался как перфоратор, у второго он обломлен. Длина предметов 4 см (рис. 3, 2).

Из фрагмента ребра дикой лошади изготовлено ложило (разглаживатель швов?). Рабочий край подшлифован, на нем фиксируются субпараллельные линейные следы (рис. 3, 6).

Особенно интересны два фрагмента вкладышевых кинжалов. Первый изготовлен из вентральной части диафиза правой лучевой кости северного оленя. Орудие обработано строганием и шлифовкой, паз шириной 0.2 см и глубиной 0.4, по-видимому, производился при помощи двух орудий – резца и резчика (рис. 3, 28). Второй кинжал изготовлен из бивня мамонта, тщательно заполирован и орнаментирован двойными параллельными линиями по краям с обеих плоскостей. Паз шириной 0.2 см и глубиной 0.5 изготовлен резцом (рис. 3, 27).

Предметов неутилитарного назначения 11 экземпляров. Отметим артефакты, связанные с изготовлением бус из бивня мамонта. Нам удалось получить сведения практически обо всех стадиях производства. Начальный цикл представлен кусками сырья: двумя необработанными пластинами, размерами 5.7 × 1.6 × 0.7 см и 12 × 2.8 × 0.6 см, специально принесенными на памятник (рис. 3, 5). Подобные полуфабрикаты расчленились на узкие пластины, шириной от 0.6 до 1 см и толщиной от 0.06 до 0.1. Пластины тщательно обрабатывались скоблением/строганием и шлифовкой, после чего путем двухстороннего прорезания от них отделялись крайние фрагменты (рис. 3, 12). Далее пластина тщательно размечалась короткими нарезками по одному из краев. По этой разметке, на глубину от 1/3 до 2/3 толщины заготовки, по одной из плоскостей прорезались канавки, делившие ее на квадратные сектора (рис. 3, 11, 14, 15). Работы производились орудием с тонким острым лезвием (резчик или угол пластины/отщеп). После этого односторонним сверлением в центре квадратов делалось отверстие (рис. 3, 10, 13). Оставалось лишь отделить сектор от пластины и придать ему округлую форму. Всего в коллекции 6 предметов,

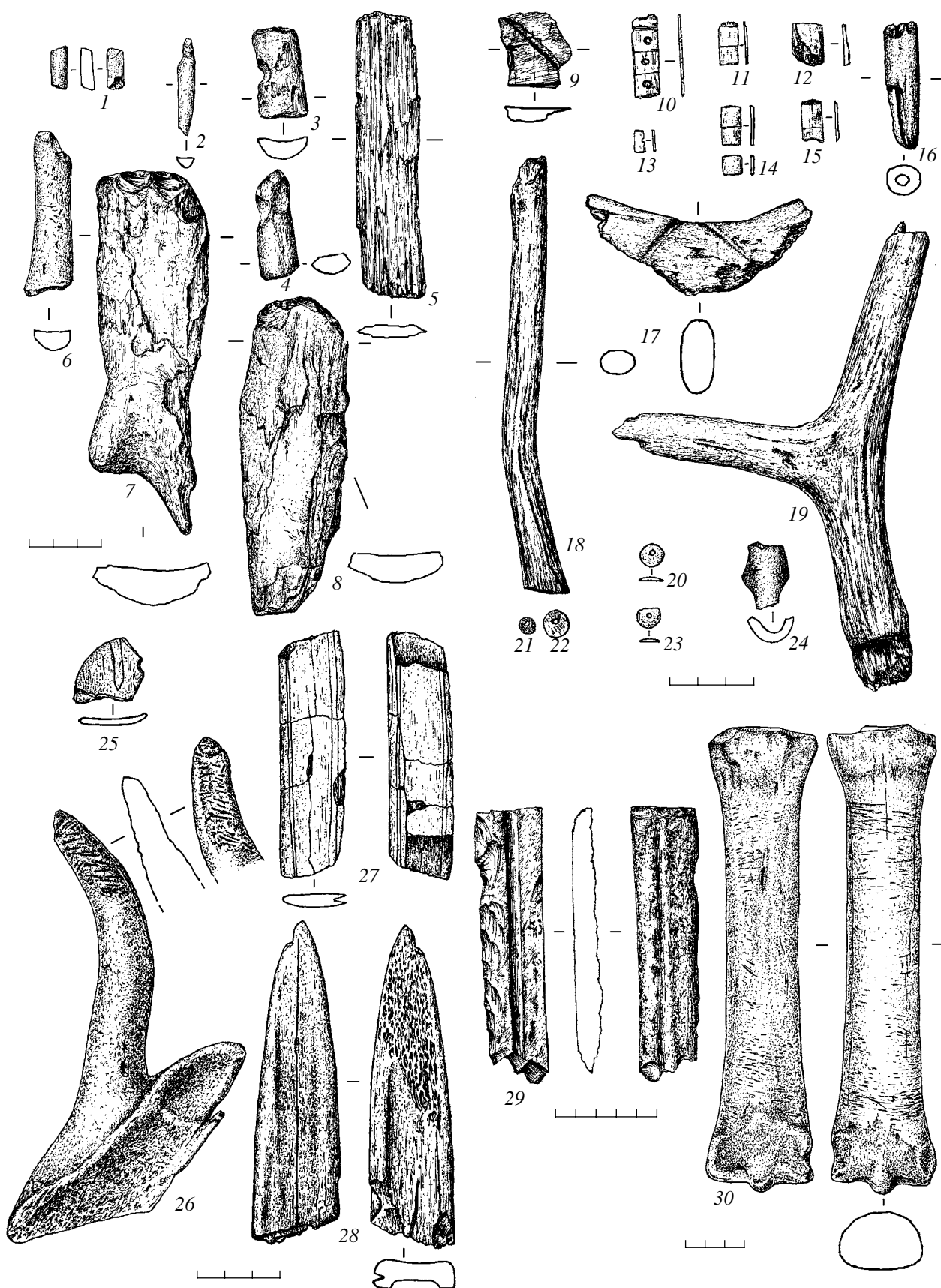

Рис. 3. Изделия из кости, рога и бивня из грота Бобылек.

связанных с производством бус но, среди них нет ни одного законченного изделия.

Бусы, в том числе и плоские, округлой и четырехугольной формы для данного периода известны на очень широкой территории. В погребениях стоянки Сунгирь их до 10 тыс. экземпляров. Но они заметно отличаются от найденных в гроте Бобылек (рис. 3, 20–23). Как правило, это бусы более крупного размера и толщины. Из 10 тыс. бус с Сунгирской стоянки лишь около сотни напоминают по размерам бусы со стоянки Бобылек (Бадер, 1978. С. 169). Ближайшие аналоги – заготовки бус из пещерной стоянки Байсланташ (Котов, 2003. С. 52), бусы из Игнatieвской (Петрин, 1992) и Каповой (Scelinskij, Sirokov, 1990) пещер.

В коллекции имеется еще один предмет из бивня мамонта. Это отщеп с выступающей на плоскости фигурой треугольника. Интересен он технологией изготовления. Сначала вдоль одного из краев прорезан паз и по нему произведен разлом, затем с другой стороны, примерно на 2/3 толщины заготовки прорезан еще один паз и отжимом от этого паза (или наоборот, встречным отжимом, ударом?) удалена часть плоскости. Предмет фрагментирован; вероятно, испорчен в процессе изготовления, его окончательную форму и назначение установить не возможно (рис. 3, 9).

Особенное внимание привлекает изделие из фрагмента диафиза малой берцовой кости пещерного медведя. Предмет фрагментирован, его размеры $4.6 \times 1.2 \times 1.3$ см. С одного конца имеется продольный скол, обработанный шлифовкой (рис. 3, 16). Его внутренний канал искусственно подработан. Возможно, перед нами обломок какого-то духового инструмента (свисток, манок, “флейта”). Данная находка – единственная в своем роде среди костяных изделий в верхнепалеолитических коллекциях Урала.

На фрагменте таза или лопатки северного оленя, на одной из плоскостей имеется гравировка. К сожалению, изделие фрагментировано (рис. 3, 25).

Любопытна “подвеска” (?) из ребра дикой лошади. Она имеет прямоугольную в плане форму и две фасетки (перехват) по длинным противоположным сторонам изделия. Размеры изделия – $3.9 \times 2 \times 0.8$ см (рис. 3, 3). Имеется также фрагмент трубчатой кости северного оленя с нарезкой (рис. 3, 24).

Последний из обсуждаемых здесь предметов – фрагмент ребра носорога ($8.2 \times 2.6 \times 1.5$ см), на одной из плоскостей которого фиксируются две канавки (паза), расположенные почти под прямым углом друг к другу (рис. 3, 17). Вопрос о природе их происхождения остается открытым.

В заключение отметим, что коллекция верхнепалеолитических артефактов из кости, рога и бивня, обнаруженных в гроте Бобылек, в настоящее время самая представительная по категориям изделий из всех, найденных при раскопках стоянок древнекаменного века на Урале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О.Н. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М., 1978.
- Волокитин А.В., Тихонова Н.Р., Широков В.Н. и др. Археологический памятник в гроте Бобылек (Средний Урал) // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.
- Волокитин А.В., Широков В.Н. Верхнепалеолитическая стоянка в гроте Бобылек // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург, 1997.
- Котов В.Г. Пещерная стоянка Байсланташ – новый палеолитический памятник на Южном Урале // Междунар. (XVI Уральское) археол. совещ. Пермь, 2003.
- Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.
- Смирнов Н.Г. Мелкие млекопитающие Среднего Урала в позднем плейстоцене и голоцене. Екатеринбург, 1993.
- Scelinskij V.E., Sirokov V.N. Hohlenmalerei im Ural. Kapova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichen Ural. Thorbecke, 1999.

Bone, tusk and horn artifacts from the Upper Paleolithic site in Bobyliok grotto

R. B. Volkov, V. N. Shirokov, A. I. Ulitko

Summary

Bobyliok grotto is located in the south-west of Middle Urals, in the current contact zone of dark coniferous forest and forest-steppe. The materials of the Upper Paleolithic site are located in late Valdai deposits. The collection of bone artifacts is unique for the region and consists of 30 items. They can be divided in 3 groups: items with traces of treatment (7), tools (9) and non-utilitarian items (11). Group 1 consists of fragments of reindeer horns and remnants of tubular bones of mammals. Their surface has traces of sawing, cutting, wasting and abrasion. Group 2 includes two fragments of insert daggers (of reindeer horn and mammoth tusk). They were manufactured with cutting and planing tools and polished. The item made of tusk has double lines engraved on the sides, on both planes. The item made of horse bone, with overlying marks on the surface, was used for pommelling belts and as a strike tool. There is also one digging tool, two piercing and cutting tools, one side-scraper and one polisher. Group 3 includes details of necklaces from mammoth tusk. The technology of their manufacturing can be reconstructed. Four items (of bone, horn and tusk) were polished, chipped and cut. One bone fragment has traces of engraving.

ДРЕВНЕЙШЕЕ ОРУДИЕ С ЮЖНОГО УРАЛА

© 2007 г. В. С. Мосин, В. Н. Широков

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

В 1997 г. при обследовании стоянки неолита–энеолита Краснокаменка, расположенной на левом берегу р. Увелька в Челябинской области, В.С. Мосиным было обнаружено изделие, по технико-типологическим характеристикам отличающееся от всех ранее встреченных на Южном Урале артефактов. Изделие найдено в небольшом овражке, на границе гумуса и глины в левом борту долины р. Увелька, вблизи бровки уступа (эрозионной) цокольной террасы. Река Увелька наследует древнюю мезозойскую структурно-эрозионную депрессию. Долина хорошо выражена в рельефе, широкая, V-образная с пологими задернованными и залесенными бортами, имеет субмеридиональное направление.

В региональном плане территория расположена в пределах Зауральского пенепплена, основание которого сложено разнообразным комплексом осадочных, вулканогенных и метаморфических пород широкого возрастного диапазона, прорванных многочисленными интрузиями гранитной и габбро-перидонитовой магмы.

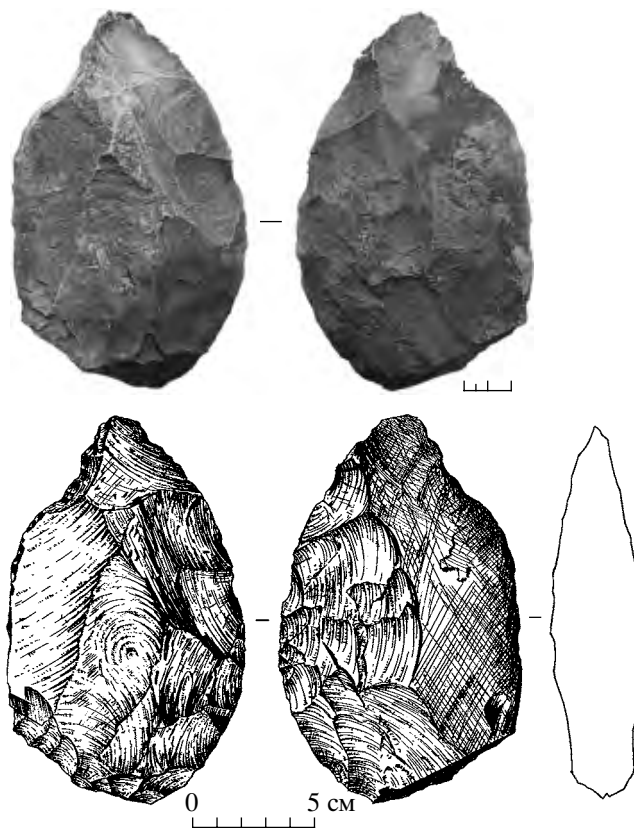
Непосредственно на месте находки развиты гранитоиды разной степени расщепления (тектоника), выветрелости (от глинистой до щебнисто-дресвяной коры выветривания). В бортах долины наблюдаются многочисленные выходы линзовидных кварцевых жил, к которым приурочены возвышенные формы микрорельефа в виде небольших полого-выпуклых холмов.

Изделие выполнено на леваллуазском сколе желтовато-коричневой, интенсивно окварцованной и окремненной породы, поверхность которого покрыта патиной. Структура тонкозернистая, текстура массивная. На одной из плоскостей артефакта наблюдается участок более окремненный, с четко выраженной границей, с более тонкой структурой (микрозернистой), вероятно это линзочка.

Порода слабо патинизирована в виде тонкой пленки желтовато-бурого цвета. Иногда наблюдаются тонкие пленочки окислов марганца черного цвета натечной мелкопочковидной формы. Поверхности сколов (негативов) неровные, мелкобугристые и “оспелые”, что связано со структурой породы. На остром конце артефакта наблюдается тонкая пленочка халцедона светлого до белого цвета, с натечной почковидной поверхностью, покрытой окислами марганца черного цвета. По класси-

фикации, породу можно отнести к обломочным силицитам. При обследовании прилегающей территории подобного сырья не обнаружено.

Ребра граней сглажены, в местах включения в основную породу кремня наблюдается люстраж. Скол массивный, листовидной формы максимальными размерами 15,5 × 9,4 × 3,6 см. Огранка заготовки продольная. Площадка двугранная, скошенная. Правый край предмета равномерно выпуклый, левый выпукло-вогнутый. Вогнутая часть образована намеренным крупным снятием возле дистала. После этого снятия почти весь левый край был обработан краевой субпараллельной ретушью. Правый край подвергся двусторонней оббивке, негативы которой покрывают более половины поверхности вентрала и как минимум треть дорсала. Примерно две трети этого края подправлены нерегулярной чешуйчатой ретушью средней и крупной размерности (рисунок).

Орудие с Южного Урала (фото и его прорисовка).

Поскольку предмет находился длительное время на поверхности и покрыт патиной, невозможно подвергнуть его трасологическому анализу. Однако наличие двух удобных упоров-обушков – скошенной площадки и выемки на левом краю, а также асимметрия изделия позволяют предполагать его использование в качестве ножа. Он напоминает изделия типа *keilmesser*, однако в отличие от них не имеет спинки.

На основании технологии расщепления и вторичной отделки возраст изделия можно определить в широких пределах среднего или даже раннего палеолита.

В настоящее время на Урале известно две разновидности ранне-, среднепалеолитических индустрий: включающие двусторонне обработанные изделия и без них. К первым на Южном Урале относится стоянка Мысовая (Бадер, Матюшин, 1973. С. 135–142), ко вторым – стоянка Богдановка (Широков, Волков, 2001. С. 13–19). Кроме них, в Мугоджарах открыты комплексы изделий, включающие двусторонне обработанные формы – “ашель с бифасами” (Деревянко и др., 2001. С. 25). Характерной чертой архаичных комплексов индустрий памятников Мугоджары 4–6 является сочетание леваллуазской техники расщепления и наличие бифасов и двусторонне обработанных изделий. Авторы датируют их в широких пределах второй половины среднего плейстоцена (Деревян-

ко и др., 2001. С. 27, 28). Некоторые артефакты мугоджарских памятников, особенно Мугоджары 6 (Деревянко и др., 2001. С. 123, 124. Рис. 49, 50), наиболее близки публикуемому орудию не только типологически, но и по характеру сырья. Учитывая отсутствие подобного кремнистого материала на Южном Урале, можно предположить, что данное орудие попало на Южный Урал в результате непосредственного продвижения населения с Мугоджар. Вероятно, данное изделие является одним из древнейших, найденных на Урале, и связано со второй миграционной волной движения древнего человека с Ближнего Востока в Евразию около 450–350 тыс. л.н. (Деревянко, 2005. С. 22–36).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О.Н., Матюшин Г.Н. Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале // СА. 1973. № 3.
- Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. Вып. 2 (22).
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А. и др. Ашельские комплексы мугоджарских гор. Новосибирск, 2001.
- Широков В.Н., Волков Р.Б. Каменные орудия стоянки Богдановка I (Южный Урал) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург, 2001.

Prehistorical tool from the South Urals

V. S. Mosin, V. N. Shirokov

Summary

The article publishes a tool which differs from all those previously found in the South Urals. Its main distinguishing feature is exceptional antiquity. On the basis of the starting material (such flint is not found in the South Urals), the artifact may be dated to the second wave of migration of prehistorical man from the Near East to Eurasia about 450–350 000 years ago.

ТЕХНОЛОГИЯ ПОЛУЧЕНИЯ КРЕМНЕВЫХ ПЛАСТИН НА МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ ПОСТ II (северо-восточное побережье Кольского полуострова)

© 2007 г. А. И. Мурашкин

Санкт-Петербургский государственный университет

Обнаружение большой серии правильных призматических пластин в Северной Фенноскандии – явление уникальное. Считается, что в условиях использования кварца и низкокачественного кремня в качестве основного поделочного материала массовое изготовление подобных изделий затруднительно. Большую часть кварцевых и, реже, кремневых пластин (трехгранных в сечении, с неровными краями, укороченных пропорций) скорее надо относить к “неправильным пластинам” (Шумкин, 1984. С. 28), или даже к пластинчатым отщепам.

Стоянка Пост II, в коллекции которой представлена серия кремневых правильных призматических пластин, может считаться эталонной среди памятников каменного века северо-восточного побережья Кольского п-ва. При этом необходимо отметить, что изделия получены из местного низкокачественного моренного кремня.

Памятник открыт в 1983 г. разведочным отрядом Кольской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР. Раскопки проводились в 1984–1986 гг. Кольским отрядом Заполярной археологической экспедиции ЛОИА под руководством Л.Г. Шаяхметовой (1996. С. 43)¹.

Стоянка расположена на правом берегу р. Дроздовки в 2 км от ее устья, на первой надпойменной террасе. Высота террасы – 8 м над уровнем реки и более 20 м над уровнем моря. Общая площадь стоянки составляет около 4500 м² (150 × 30 м). Раскопами и шурфами была вскрыта площадь 416 м².

Для памятника характерна следующая стратиграфия (Шаяхметова, 1996. С. 43):

<i>Слой</i>	<i>Мощность</i>
Дерн	0.05–0.13 м
Белесый песок	0.06–0.18 м
Желтый песок с большим количеством камней (глубже 0.25 м ожелезнен, более темного оттенка с коричнево-бурыми пятнами ортзанда)	Глубже

Культурный слой не выражен и маркируется лишь продуктами расщепления камня и орудиями, которые связаны со слоем белесого и верхней частью желтого песка.

Судя по публикации, коллекция каменных предметов со стоянки Пост II насчитывает 5168 предметов из кремня, кварца и сланца. Из них 203² имеют вторичную обработку. По мнению автора раскопок, “наблюдается единство технологических приемов обработки всех видов сырья: направленность техники расщепления на получение пластин или пластинчатых отщепов; при изготовлении орудий – частичное ретуширование” (Шаяхметова, 1996. С. 46).

Нужно отметить, что находки залегали не сплошь, а образовывали в раскопе семь отдельных скоплений, различающихся по площади и составу. Расстояние между участками концентрации материала варьирует от 4–6 м до 25–28 м, в этом пространстве встречаются лишь единичные находки (Шаяхметова, 1996. С. 43. Рис. 1Б).

Несмотря на типологическую однородность материалов скоплений, бросаются в глаза их отличия друг от друга по категориальному составу и количеству находок. Так скопления I, III и VI содержат фактически все категории артефактов, скопления II, V и VII – лишь половину (или меньше) от всех выделенных категорий, скопление IV – две трети категорий. Также и количество артефактов в скоплениях сильно варьирует от нескольких десятков (скопление VII) до полутора тысяч (скопление VI) (Шаяхметова, 1996. Табл. 1).

На мой взгляд, существенная разница в категориальном составе орудий и количестве продуктов расщепления свидетельствует о функциональной дифференциации между участками поселения.

О функциональном назначении стоянки косвенно могут свидетельствовать несколько фактов. Во-первых, незначительное количество орудий среди артефактов. По подсчетам Л.Г. Шаяхметовой, они составляют около 4% от общего числа на-

¹ Благодарю Л.Г. Шаяхметову за предоставленные мне для работы материалы.

² В публикации материалов стоянки в тексте указана цифра 203 (Шаяхметова, 1996. С. 46), в табл. 1 их количество – 208 (Шаяхметова, 1996. Табл. 1. С. 45, 46).

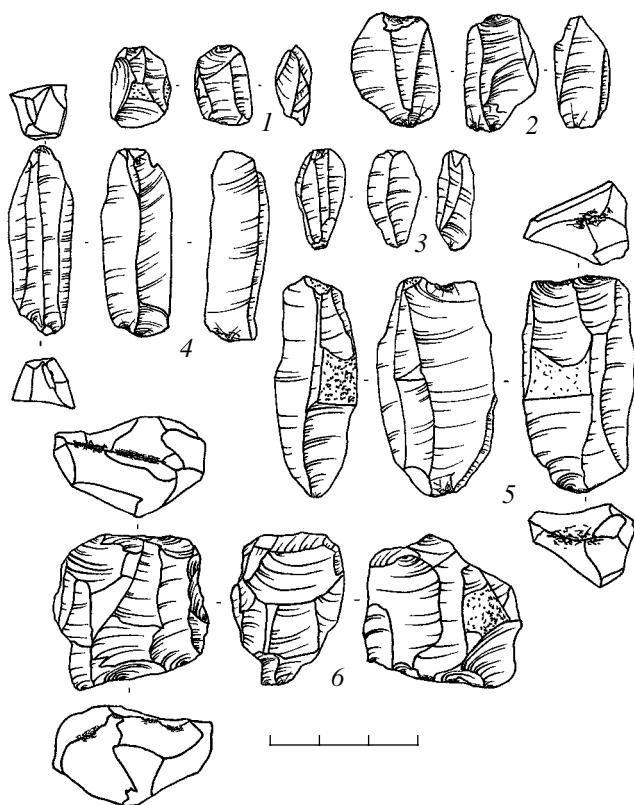

Рис. 1. Пост II. Продукты контрударного расщепления на наковальне: 1, 3 – биконические остаточные осколки; 2, 5, 6 – нуклеусы контрударного расщепления на наковальне; 4 – стержневидный осколок (1–6 – кремнь).

ходок (1996. С. 46). Второе интересное наблюдение связано с тем, что, несмотря на существенное преобладание кремневых предметов расщепления – 49% (кварц – 35%, сланец – 16%), среди орудий подавляющее большинство сделано из кварца – 69% (Шаяхметова, 1996. Табл. 2. С. 51). При этом среди кремневого инвентаря в коллекции широко представлены первичные и технические сколы, такие как сколы подправки площадок нуклеусов, реберчатые сколы, сколы, устраняющие ошибки расщепления (заломы) и др. По всей видимости, существенное значение в деятельности на стоянке принадлежало подготовке и срабатыванию нуклеусов для получения пластин. Сырьем для них могли служить кремневые гальки, встречающиеся в русле небольшого ручья, впадающего в р. Дроздовка напротив стоянки.

Одновременно, количество нуклеусов для снятия пластин в коллекции стоянки не велико. Из указанных 149 предметов подавляющее большинство относится к нуклевидным кускам и обломкам нуклеусов, причем зачастую они имеют миниатюрные размеры и морфологически больше походят на продукты биполярного расщепления на наковальне (стержневидные осколки, конические

осколки, биконические остаточные осколки) (рис. 1). На мой взгляд, к категории нуклеусов и продуктов биполярного расщепления относятся и 18 “долотовидных скобелей”, представленных в коллекции.

Н.Н. Гурина в ходе работ 1946–1948 годов обратила внимание на своеобразие этих предметов в коллекциях памятников Кольского полуострова. В публикации 1951 г. исследователь отнесла их к скребкам, выделив их в отдельный тип. Описывая один из артефактов, она отмечала, что “по выполнявшейся им функции правильнее было бы назвать [его] скобелем, если бы не его миниатюрные размеры” (Гурина, 1951. С. 152). Одновременно Н.Н. Гурина считала долотовидные скобели отличительной чертой кварцевых индустрий на территории Севера СССР и предполагала, что эти изделия имеют хронологическое и культуроопределяющее значение (1951. С. 152). В более поздних работах использовались термины “скребок Кольского типа” (Гурина, 1951) и “скобель-струг кольского типа” (Гурина, 1997. С. 24).

Термин “долотовидный скобель” был впервые предложен В.Я. Шумкиным (1984. С. 30, 31). Автор подчеркивал широкий хронологический и территориальный диапазон существования этой категории орудий и разнообразие суждений археологов о функции этих предметов. Он предположил, что “в каждом отдельном случае, учитывая территориальную и хронологическую ситуацию, назначение их было различным”. В отношении памятников Северной Европы был сделан вывод об использовании “долотовидных скобелей” для работы “по мягкому (кость? дерево?) материалу с небольшим поперечным сечением” (Шумкин, 1984. С. 31). Помимо этих часто используется термин “долотовидные орудия” (Археология Карелии, 1996. С. 55, 74).

В рамках экспериментального и технологического подхода, западноевропейскими (в основном) археологами эти артефакты были определены как продукты “биполярного расщепления” – “биполярные нуклеусы” (*bipolar-on-anvil или bipolar core*) и “биполярные отщепы” (*bipolar-on-anvil или bipolar flakes*) (Callahan, 1987. Р. 19, 20; Knutsson, 1988. Р. 89–94; Тарасов, 2004. С. 80–83). Как подчеркивают эти авторы, “биполярная” техника раскалывания “связана... с ослаблением контроля за расщеплением и ожиданием почти случайного получения более-менее подходящих сколов” (Тарасов, 2004. С. 81). Основной признак “биполярного нуклеуса” – забитость и выкрошенность двух противоположащих ребер или вершин, выступающих в роли “ударных площадок”, и уходящие внутрь тела нуклеуса неглубокие трещины (Callahan, 1987. Р. 19, 20; Тарасов, 2004. С. 81, 82; 2006. С. 74–77).

Для биполярных сколов характерны специфические признаки: выкрошенность проксимального, а часто и дистального конца, разрушенность ударной площадки и ударного бугорка, точечная

или коническая форма проксимального конца и др. (Knutsson, 1988. Р. 91–94). Среди продуктов “би-полярного” расщепления, особенно кварца, выделяются своеобразные сколы, не имеющие аналогов среди продуктов расщепления в других техниках: биконические остаточные осколки (*biconical residual products of bipolar-on-anvil core collaps*) (их часто принимают за биполярные нуклеусы, но их размеры обычно не превышают $20 \times 10 \times 10$ мм), конические осколки (*conical fragments*). Гораздо чаще, чем в других техниках, в ходе “би-полярного” раскалывания образуются стержневидные осколки (*rod-like splinters*) (Knutsson, 1988. Р. 91–94).

Термин “би-полярный” является, по мнению некоторых российских археологов, неудачным, иногда такая техника раскалывания вообще не признается. Зачастую под термином “би-полярное расщепление” понимается встречное расщепление. По моему мнению, во избежание путаницы, термин “*bipolar-on-anvil*” имеет смысл переводить с английского как “контрударное расщепление на наковальне”.

При кажущейся “регрессивности” такой техники раскалывания, она оказывается очень эффективной в отношении галечного сырья, когда размер конкреций не позволяет подготовить “правильный” нуклеус, а также позволяет продолжать срабатывание испорченного, в связи с ошибкой расщепления, нуклеуса другого типа (Тарасов, 2004. С. 81). В отношении же кварца, именно эта техника дает наименьшее количество случаев поперечного разлома сколов (16,5% при контрударном раскалывании на наковальне, против почти 50% при раскалывании на весу) и позволяет получать большое количество тонких кварцевых отщепов (толщиной 1–2 мм) (Knutsson, 1988. Р. 91, 94).

Высказанное предположение о функциональном использовании нуклеусов и сколов с характерными признаками контрударного расщепления в качестве деревообрабатывающих инструментов до сих пор не нашло подтверждения в экспериментально-трасологических исследованиях. Наиболее достоверной представляется возможность использования некоторых из них в качестве клиньев для раскалывания кости или расслаивания сланца (Callahan, 1987. Р. 24; Тарасов, 2004. С. 82). К. Кнутссон, проводивший трасологический анализ нескольких коллекций памятников неолита Средней Швеции, ничего не пишет о следах сработанности на предметах со следами контрударного расщепления (Knutsson, 1988. Р. 123–141).

Учитывая все сказанное выше, я отношу категорию “долотовидных скобелей” к продуктам контрударного расщепления, разделяя на собственно нуклеусы контрударного расщепления на наковальне, отщепы и другие продукты расщепления (стержневидные осколки, конические осколки, биконические остаточные осколки). Выделе-

ние последней категории оказывается важным при проведении планиграфического анализа, поскольку скопления этих осколков (с учетом некоторых других признаков) маркирует участки, на которых проводилось первичное расщепление сырья.

В последние десятилетия, с развитием технологического подхода расширился список признаков, используемых при описании артефактов, заготовок орудий и, особенно, дебитаж. Помимо характеристик длины, ширины, толщины скола и их соотношений бóльший вес имеет морфология ударной площадки и ударного бугорка. Весь комплекс признаков в некоторых случаях может иметь культуроопределяющее значение (Madsen, 1996; Лисицын, 2004). Поэтому мне представляется интересным дать подробную характеристику серии кремневых пластин (132 экз.) из коллекции стоянки Пост II.

В основу описания пластин была положена схема, предложенная Г. Н. Поплевко (2003. С. 143–162). Некоторые характеристики не учитывались из-за субъективности их определения (изогнутость профиля пластин), отсутствия экспериментальных данных (угол схождения боковых граней пластин) или необходимости специальных навыков и оборудования (наличие микроследов на ударной площадке).

Описание проведено по следующим характеристикам:

- 1) наличие желвачной корки; 2) длина; 3) ширина; 4) толщина сечения; 5) соотношение длины к толщине сечения; 6) форма сечения; 7) распределение фрагментов пластин (проксимальных, медиальных, дистальных); 8) размеры ударной площадки; 9) профиль ударного бугорка; 10) наличие карниза и обработки края ударной площадки; 11) угол схождения ударной площадки и поверхности расщепления; 12) наличие карниза-ободка с брюшка (“губа”); 13) наличие изъямца на ударном бугорке.

К пластинам были отнесены предметы, отвечающие следующим критериям:

- 1 – длина минимум, в 2 раза превосходит ширину;

- 2 – соотношение максимальной ширины к максимальной толщине меньше 1 (в противном случае они относились к стержневидным осколкам), кроме сколов с “ныряющим” окончанием;

- 3 – желвачная корка покрывает меньше 100% поверхности спинки (такие предметы относились к первичным сколам).

Надо отметить, что к пластинам не были отнесены краевые сколы (сколы подправки ударной площадки нуклеуса), но “реберчатые” сколы, отвечающие вышеназванным критериям, были включены в число пластин.

Для исследования использовалось 132 предмета. Из них – 33 целых пластины и 69 фрагментов

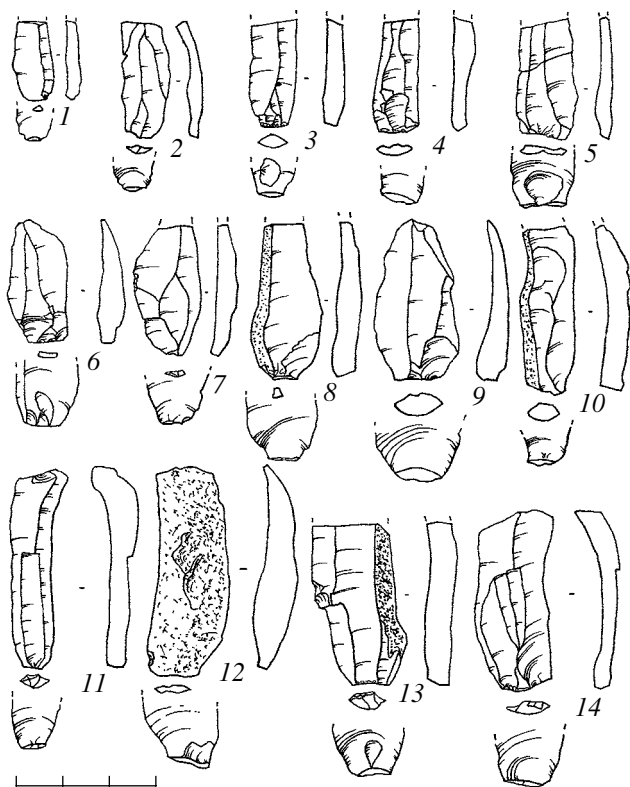

Рис. 2 Пост II. Пластины и их фрагменты (1–14 – кремь).

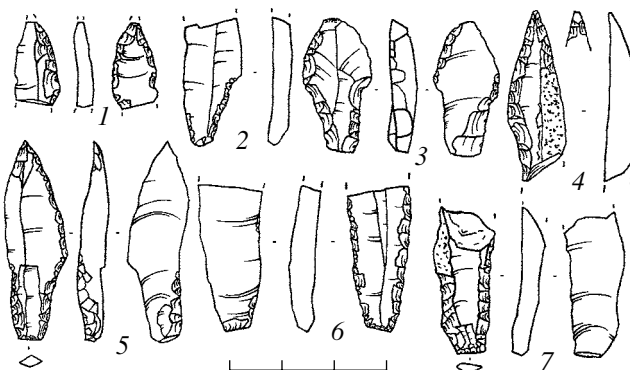

Рис. 4 Пост II. Изделия и их фрагменты, изготовленные на пластинах и пластинчатых отщепах: 1 – острие (наконечник?); 2, 6, 7 – фрагменты черешковых наконечников (пластины с ретушью); 3–5 – черешковые наконечники (1–7 – кремь).

(рис. 2; 3, 6–8). Были учтены изделия, имеющие ретушь – всего 19 экз. (4 целых и 15 обломков), и имеющие следы использования в виде мелких нерегулярных выколов или фасеток – 8 экз. (4 целых и 4 обломка). Также учитывались четыре формальных орудия, изготовленные на пластинчатых заготовках – два острия и два черешковых наконечника (рис. 3; 4). Группу орудий на пластинах, пластин с ретушью и следами использования я условно именую “использованные пластины”.

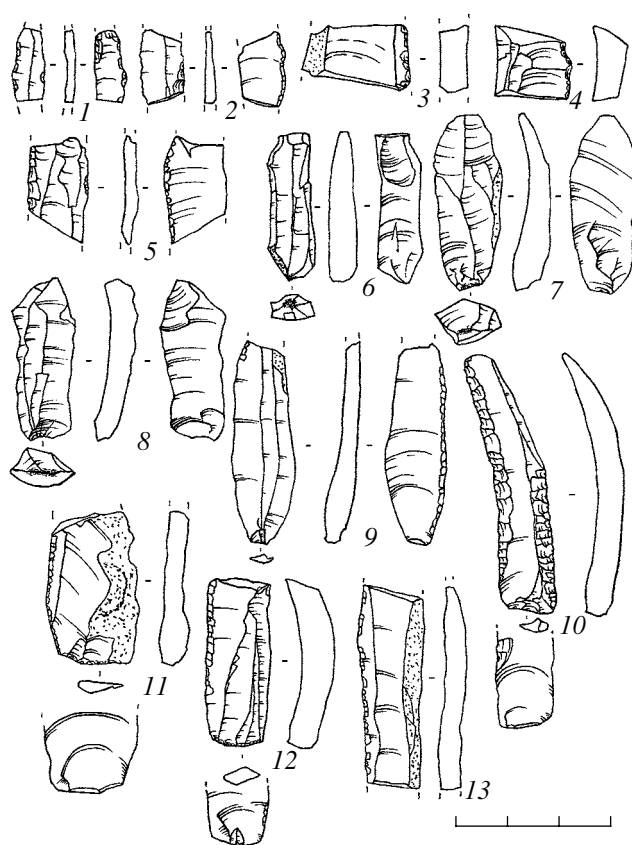

Рис. 3 Пост II. Пластины и их фрагменты: 1–5, 9–13 – пластины с ретушью; 6–8 – пластины, полученные в технике контрударного расщепления на наковальне (1–13 – кремь).

1. Наличие желвачной корки

Желвачную корку, покрывающую больше одной трети поверхности, имеют всего 19 пластин и обломков и 3 “использованные пластины” (из них 6 полупервичных и 3 технических скола). 15 пластин и обломков имеют незначительную желвачную корку, 68 экз. фактически не имеют ее. Из “использованных пластин” 5 экз. имеют незначительную корку, 23 экз. – не имеют корки.

2. Длина пластин и фрагментов

Чтобы составить представление о длине пластин и их обломков в коллекции и о том, каким из них при использовании отдавалось предпочтение, была составлена следующая таблица (табл. 1).

Хотя количество “использованных пластин” невелико, все они были приняты за 100%. Подсчитано, какие фрагменты использовались чаще всего и как это согласуется с размерами “неиспользованных” пластин и фрагментов.

Из табл. 1 видно, что наиболее значимыми были пластины и фрагменты от 11 до 40 мм. На эти предметы приходится 81.2% всех пластин и обломков, а среди “использованных” их доля составляет

Таблица 1

Длина, мм	Целые, экз.	Обломки, экз.	%	“Использованные”				% орудий от общего кол-ва пластин и обломков
				целые	обломки	всего	%	
0–10	–	9	6.7	–	–	–	–	–
11–20	3	35	28.6	–	8	8	25.8	6
21–30	13	33	34.6	3	9	12	38.7	9
31–40	13	11	18	2	5	7	22.6	5.2
41–50	6	4	7.5	1	1	2	6.4	1.5
>51	6	–	4.5	2	–	2	6.4	1.5
Всего	41	92	100	8	23	31	100	23.2

87.1%. Интересно, что, несмотря на значительное количество пластин длиннее 41 мм – 12% от общего числа (16 экз.), многие из них остаются формально не использованными – только два таких предмета ретушированы и на двух есть следы сработанности. Возможно, это объясняется тем, что среди них велико количество технических и полупервичных сколов (4 экз. из 10 учтенных). Абсолютно неиспользованными остаются фрагменты пластин размером меньше 10 мм.

3. Ширина пластин

Изменения ширины пластин в коллекции представлены в табл. 2.

Считается, что ширина пластин является одним из главных критериев определения техники скалывания. Особенно важным он оказался при разграничении техник ручного отжима пластин и ударных (удара через посредник или прямого удара) (Поплевко, 2003. С. 145; Волков, Гирия, 1990. С. 44, 45). П.Е. Волков и Е.Ю. Гирия в результате экспериментов пришли к выводу, что средняя ширина пластин, которую можно получить отжимом, составляет 8–10 мм при толщине 1.5–2.5 мм. Для отжима более массивных сколов требовались такие усилия, что “производство большего количества таких изделий не представлялось возможным” (Волков, Гирия, 1990. С. 44, 45). К сходным выводам пришла Г.Н. Поплевко, работая с коллекцией стоянки Кременная III. Границу между ручным отжимом и ударными техниками она проводит примерно по ширине пластины 10–11 мм (Поплевко, 2003. С. 145, 146).

На стоянке Кременная III на графике распределения пластин по их ширине отчетливо видны два пика, связанные с применением двух техник скалывания. Первый приходится на пластины шириной 7–11 мм (с максимумом на 10 мм) и связан с ручным отжимом. Второй пик соотносится с шириной 12–15 мм (максимум на 12–13 мм) и Г.Н. Поплевко связывает его с ударом через посредник (Поплевко, 2003. С. 145, 146. Рис. 1).

Отжимные пластины, использовавшиеся для изготовления вкладышей с мезолитической стоян-

ки на о-ве Жохова, имеют ширину в пределах 5–9 мм (Гирия, 1997. С. 105).

Для пластин со стоянки Пост II характерны пластины шириной в основном в пределах от 9 до 14 мм. Это составляет 61.7% пластин, а максимум приходится на показатели в 12–14 мм. Среди “использованных” пластин большая часть приходится на предметы с такой же шириной и чуть большей (9–15 мм) – 74.3%. Можно утверждать, что на стоянке Пост II пластины получали ударной техникой раскалывания.

4. Толщина сечения пластин

Измерение толщины сечения пластин мной производилось с точностью до 1 мм (если величина

Таблица 2

Ширина, мм	Общее количе- ство	в %	“Используй- ванные”	в %
до 5	2	1.5	–	–
6	6	4.5	1	3.2
7	2	1.5	1	3.2
8	5	3.6	–	–
9	14	10.5	3	9.7
10	12	9	1	3.2
11	11	8.3	4	12.9
12	19	14.3	7	22.6
13	11	8.3	2	6.5
14	15	11.3	3	9.7
15	10	7.5	3	9.7
16	8	6	1	3.2
17	7	5.3	2	6.5
18	2	1.5	–	–
19	3	2.6	1	3.2
20	4	3	1	3.2
больше 20	2	1.5	1	3.2
Всего	133	100	31	100

Таблица 3

Толщина сечения, мм	Общее кол-во	%	“Использованные”	%
≤1	2	1.5	–	–
>1–2	21	15.8	3	9.7
>2–3	34	25.6	7	22.6
>3–4	37	27.8	11	35.5
>4–5	22	16.5	6	19.4
>5–6	12	9	3	9.7
>6–7	4	3	1	3.2
>7	1	0.8	–	–
Всего	133	100	31	100

была больше целого числа, ставилась отдельная пометка). П.В. Волков, Е.Ю. Гиря и Г.Н. Поплевко использовали измерения с точностью до 0.5 мм.

Результаты измерений представлены в табл. 3.

Как видно из приведенной таблицы, больше половины пластин обладают толщиной сечения в пределах от 2 до 4 мм – 53.4% (71 экз.), с максимумом около 4 мм 27.8% (37 экз.). Количество пластин с толщиной сечения больше 1 мм и меньше 2 мм и с толщиной больше 4 мм и меньше 5 мм примерно одинаково (15.8 и 16.5%). По всей видимости, нет оснований говорить о разнице в технике скола пластин в коллекции.

“Использованными” оказались пластины с такими же и чуть большими показателями толщины сечения – 77.5% их приходится на показатель от больше 2 и до 4 мм (24 экз.).

Границей техники ручного отжима и ударных является толщина сечения около 2.5–3 мм. П.В. Волков и Е.Ю. Гиря на основании экспериментов пришли к выводу, что постоянно получать ручным отжимом сколы толщиной 3 мм и больше невозможно (1990. С. 44). В коллекции стоянки Пост I 57.1% пластин имеют толщину сечения больше 3 мм. Это можно рассматривать как свидетельство использования ударной техники скалывания.

5. Соотношение длины пластины к толщине ее сечения

Этот параметр часто используется при технологическом анализе заготовок как критерий техники скалывания. Учитывая небольшое количество целых пластин в коллекции (41 экз.), было решено увеличить выборку за счет обломков пластин (в том числе “использованных”), длина которых превышает 30 мм. Общее количество учтенных пластин и обломков составило 56 экз.

В ходе обработки коллекции особо отмечались сколы, полученные в технике контрударного расщепления на наковальне. Они выделялись по следующим основным признакам: 1 – выкрошенность

проксимального и дистального конца; 2 – разрушенная ударная площадка, которая может выглядеть как выкрошенное ребро; 3 – плоский и разрушенный ударный бугорок (на его месте часто образуется глубокая коническая в сечении трещина). Иногда поверхность брюшка бывает вогнутой, такие сколы Е.Ю. Гиря называет “антисколами” или сколами-нуклеусами (1997. С. 42. Рис. 5, 2); 4 – точечная или коническая форма проксимального конца; 5 – прямой угол скалывания.

Было выделено 12 целых и 9 фрагментов пластин, полученных контрударным расщеплением на наковальне. Несколько таких сколов сложились в складни, что дополнительно подтвердило правильность отобранных критериев.

Длина пластинчатых сколов, полученных контрударным расщеплением на наковальне, не отличается от этого параметра призматических пластин. Из 12 целых пластин один экз. имел длину от 11 до 20 мм; пять экз. – от 21 до 30 мм; пять экз. – от 31 до 40 мм; один экз. – >40 мм. По ширине эти сколы также не отличались от призматических пластин: три имели ширину 13 мм, по одному приходится на показатели в 4, 6, 8 мм, 9, 11, 14, 15, 16 и 20 мм. Максимум распределения по этому параметру у этого типа сколов приходится на общий максимум в пределах от 9 до 14 мм.

По толщине сечения пластины, полученные в технике контрударного расщепления на наковальне, распределяются следующим образом: шесть имеют толщину от 4 до 5 мм, четыре – от 2 до 3 мм, два – >5 мм. При сравнении этих данных с табл. 3 (толщина сечения пластин) заметно, что пластинчатые сколы контрударного расщепления выделяются своей массивностью, но находятся в пределах, характерных и для призматических пластин.

В табл. 4 пластины контрударного расщепления были выделены в отдельный столбец. Все они демонстрируют “пониженные” показатели соотношения длины к толщине сечения – от >4 до 10 с максимумом на >6–8. Для призматических пластин, наоборот, характерны большие показатели – от >6 до >14 с максимумом на >6–10.

Среди “использованных” пластин и фрагментов, полученных в технике контрударного скола, не выделено.

Для сравнения в отдельной графе был приведен коэффициент отношения длины к толщине у первичных и технических сколов. Они показали больший разброс значений – от <4 до >10–12 – чем сколы контрударного расщепления.

В целом для коллекции характерны очень небольшие показатели соотношения длины к толщине сечения. 66.7% пластин имеют коэффициент в пределах >6–10, и лишь единичные экземпляры имеют коэффициент 14–15. Причем добавление к целым пластинам крупных обломков и “использо-

Таблица 4

Длина/толщина	Целые				%	Обломки >30 мм		“Использованные”		Всего	
	всего	призматические	КУН*	технические и полупервичные		призматические	КУН	целые	обломки	экз.	%
≤4	2	–	–	1	6.1	–	–	–	–	2	3.6
>4–6	2	–	1	2	6.1	1	–	1	–	4	7.1
>6–8	15	5	8	2	45.5	2	1	3	2	23	41.1
>8–10	7	5	2	–	21.2	4	–	–	3	14	25
>10–12	4	2	–	2	12.1	1	–	2	–	7	12.5
>12–14	2	2	–	–	6.1	–	–	–	1	3	5.4
>14	1	1	–	–	3	–	–	2	–	3	5.4
Всего	33	15	11	7	100	8	1	8	6	56	100

* КУН – здесь и далее “контрударное расщепление на наковальне”.

ванных” пластин и обломков фактически не изменило общей картины.

6. Форма сечения

По форме поперечного сечения все пластины разделены на две группы – с трапециевидным и треугольным сечением. “Использованные” пластины также были учтены.

Подавляющее большинство пластин (66.7%) имеет трапециевидное сечение. Этот факт может говорить о регулярном получении “правильных” призматических пластин. При этом среди “использованных” пластин распределение принципиально такое же, хотя доля “использованных” пластин с треугольным сечением возрастает до 40%. Можно сделать предположение, что для использования пластины важность ее сечения не играла большой роли.

Для примера, в коллекции стоянки Кременная III можно отметить, что количество пластин с треугольным сечением составляет 28.3%, а следы использования имеют еще меньше пластин – 23% от общего числа использованных (Поплевко, 2003. Табл. 5). Г.Н. Поплевко делает вывод, что “основной заготовкой для орудий служили пластины с трапециевидным сечением. Пластины с треугольным сечением получались, видимо, в результате подправки поверхности скалывания или при ее выравнивании” (Поплевко, 2003. С. 147–148).

Интересно, что большинство пластин и фрагментов, полученных в технике контрударного расщепления на наковальне (17 экз. из 21), имеют трапециевидное сечение.

7. Распределение фрагментов пластин

Чтобы проследить количественное соотношение фрагментов пластин и каким из них отдавалось предпочтение при “использовании”, была составлена табл. 6. Характерно, что проксимальные фрагменты пластин составляют больше половины

от числа всех фрагментов пластин, и их число больше числа целых пластин. Количество дистальных фрагментов – незначительно. Доля медиальных фрагментов в два раза больше доли дистальных, но в два раза меньше доли проксимальных. Считается, что небольшой и примерно равный процент содержания дистальных и проксимальных фрагментов пластин может свидетельствовать о случайной их фрагментации (Поплевко, 2003. С. 148). Однако в случае с коллекцией пластин стоянки Пост II можно предположить, что большое количество проксимальных указывает на фрагментацию пластин в процессе расщепления при чрезмерной силовой нагрузке.

Среди “использованных” фрагментов пластин треть принадлежит медиальным фрагментам, доля проксимальных фрагментов и доля целых пластин равны и немного уступают доле медиальных фрагментов. Из таблицы видно, что дистальные и проксимальные фрагменты и целые пластины “использованы” в равной пропорции к числу полученных в ходе расщепления. А медиальным фрагментам явно “отдавалось предпочтение” – процент “использованных” частей намного превосходит процент полученных. (Для трех “использованных” предметов невозможно определить тип фрагмента.)

Таблица 5

Форма сечения	Всего		“Использованные”*	
	экз.	%	экз.	%
Трапеция	88	66.7	18	60
Треугольник	44	33.3	12	40
Всего	132	100	30	100

* У одного “использованного” фрагмента форму первоначального сечения определить невозможно.

Таблица 6

Фрагменты	Всего		“Неиспользованные”		“Использованные”	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Дистальные	14	10.8	11	10.8	3	10.1
Медиальные	28	21.5	19	18.6	9	32.1
Проксимальные	47	36.2	39	38.2	8	28.6
Целые	41	31.5	33	32.4	8	28.6
Всего	130	100	102	100	28	100

Таблица 7

Длина, мм	Дистальные		Медиальные		Проксимальные		Целые		Всего	
	всего/исп.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
0–10	–	–	7/–	5.4/–	2/–	1.5/–	–	–	9/–	6.9/–
11–20	8/2	6.2/1.5	12/5	9.2/3.8	14/–	10.8/–	3/–	2.3/–	37/7	28.5/5.4
21–30	4/1	3.1/0.8	7/3	5.4/2.3	21/4	16.2/3.1	13/3	10/2.3	45/11	34.6/8.5
31–40	2/–	1.5/–	1/1	0.8/0.8	7/3	5.4/2.3	13/2	10/1.5	24/6	18.5/4.6
41–50	–	–	1/–	0.8/–	2/1	1.5/0.8	6/1	4.6/0.8	9/2	6.9/1.5
>51	–	–	–	–	–	–	6/2	–/1.5	6/2	4.6/1.5
Всего	14	10.8	28	21.5	47	36.2	41	31.5	130	100

Чтобы проследить, как распределяются фрагменты пластин по длине, была составлена еще одна таблица (табл. 7).

Из данных табл. 7 следует, что фрагменты меньше 10 мм представлены в незначительном количестве и “не использовались”. Количество фрагментов и пластин от 10 до 20 мм резко увеличивается, и среди них “использованными” оказалась значительная часть медиальных фрагментов, и некоторые дистальные. Фрагменты и пластины от 20 до 30 мм составляют чуть больше трети от всего количества пластин, и начиная с этого показателя, используется фактически каждая четвертая пластина. Среди “использованных” фрагментов дистальных почти нет, значительно число медиальных и половина проксимальных, которые до этого не использовались. Во всех остальных метрических группах фрагментов пластин (>30 мм и длиннее) доля проксимальных фрагментов велика, но уступает проценту целых пластин. Остальные фрагменты пластин фактически отсутствуют.

8. Размеры ударной площадки

Размер ударной площадки является одним из главных для разграничения различных техник расщепления. Точечные, незначительные по площади ударные площадки, по мнению Г.Н. Поплевко, свидетельствуют о применении посредника с тонким рабочим краем. Большая площадь ударной площадки характерна для ударных техник, когда требуется большая поверхность для передачи силового импульса в тело нуклеуса (Поплевко, 2003. С. 151).

При измерении ударных площадок пластин из стоянки Пост II точечных экземпляров не отмечено. Но заметную группу (около одной пятой части) составляют пластины, у которых ударная площадка отсутствует и представлена выкрошенным ребром. По этому и некоторым другим признакам эти пластины были определены как продукты контр-ударного расщепления на наковальне.

Распределение данных измерений в таблице показывает, что для пластин из коллекции стоянки Пост II характерны крупные, длинные ударные площадки. Большинство площадок имеют длину в пределах 4–8 мм (на эти показатели приходится 46.4% площадок) и ширину от 1 до 4 мм (70.7% площадок). Такие размеры ударных площадок могут свидетельствовать о применении техники прямого удара.

9. Профиль ударного бугорка

Этот параметр определялся субъективно. Выделялись три градации: плоский, слабо-выпуклый, выпуклый.

Г.Н. Поплевко в своей работе использовала метрические параметры. Большая часть ударных бугорков имела толщину от 1.5 до 4 мм и длину от 2 до 6 мм. Распределение на графике выглядело в виде одного пика (с показателем максимума длины на 3 мм) с несколько растянутой правой стороной, на которой располагались большие значения (Поплевко, 2003. Табл. 11. Рис. 11, 12). Несмотря на такое распределение, автор предположила, что значение длины ударного бугорка является пограничным для двух разных техник расщепления –

Таблица 8

Длина, мм	Всего		“Использованные”		Ширина, мм	Всего		“Использованные”	
	экз.	%	экз.	%		экз.	%	экз.	%
1	—		—	—	1	8	9.8	1	1.2
2	1	1.2	—	—	2	21	25.6	5	6.1
3	4	4.9	—	—	3	17	20.7	7	8.5
4	9	11	—	—	4	12	14.6	4	4.9
5	10	12.2	3	3.7	5	5	6.1	—	—
6	11	13.4	4	4.9	6	2	2.4	—	—
7	8	9.8	3	3.7	7	—	—	—	—
8	9	11	2	2.4	8	1	1.2	—	—
9	4	4.9	1	1.2	9	—	—	—	—
10	5	6.1	1	1.2	10	—	—	—	—
11	3	3.7	2	2.4	11	—	—	—	—
12	1	1.2	1	1.2	12	—	—	—	—
14	1	1.2	—	—	14	—	—	—	—
Ребро	16	19.5	—	—	Ребро	16	19.5	—	—
Всего	82	100	17	20.7	Всего	82	100	17	20.7

ручного отжима и удара через посредник (Поплевко, 2003. С. 152).

В случае с коллекцией пластин со стоянки Пост II нет оснований предполагать использование двух разных по силе и длительности силовых импульсов, т.е. разных техник расщепления. Поэтому параметр выраженности ударного бугорка был взят для возможности сравнения.

Плоский ударный бугорок определялся в рамках от 0 до 1 мм, слабо-выпуклый – от 1 до 2 мм, выпуклый – 2 мм и более.

Было просмотрено 79 пластин и фрагментов с ударными бугорками, из них: плоских – 33 экз. (41.8%), из них два у “использованных” пластин и фрагментов; слабо-выпуклых – 23 экз. (29.1%), из них пять у “использованных” пластин и фрагментов; выпуклых – 23 экз. (29.1%), из них девять у “использованных” пластин и фрагментов.

На мой взгляд, важным оказывается не только длина и толщина самого бугорка, но и соотношение его к толщине и ширине пластины. Возможно, необходимо учитывать характер сырья, поскольку в породах с разной степенью кремненности распространение силового импульса будет проходить неодинаково и размер ударного бугорка будет варьировать.

Серия пластинчатых сколов, полученных в технике контрударного расщепления на наковальне с определенными проксимальными фрагментами, насчитывает 17 экземпляров. Из них девять имели плоский ударный бугорок (часто он вовсе отсутствует), три – слабо-выпуклый бугорок, три имели выпуклый бугорок (из них один фактически являл-

ся ребром – сечение пластины в проксимальной части имело подчетырехугольную форму). Еще два экземпляра имели вогнутую поверхность брюшка в проксимальной части.

10. Наличие карниза и обработки края ударной площадки

Из всей коллекции были отобраны 82 пластины с сохранившимися ударными площадками. Подправка карниза осуществлялась в двух плоскостях: вертикально – параллельно поверхности расщепления, и горизонтально – в плоскости ударной площадки нуклеуса. По этим показателям была составлена табл. 9.

Большая часть пластин имеет подработку карниза – 62.1%, при этом довольно часто используется одновременно и горизонтальная и вертикальная подправка. Среди “использованных” пластин почти все имеют подправку.

Все пластины, полученные в технике контрударного расщепления на наковальне – 17 экземпляров – попадают в группу пластин без подправки карниза. Но при этом все они карниза как такового не имеют, так как удар при таком расщеплении наносится в основном не по ударной площадке, а по ребру нуклеуса. Только пять контрударных пластин имеют ударные площадки (размер от 4 × 1 до 6 × 2 мм), ни одна из них не имеет следов подправки карниза.

11. Угол схождения ударной площадки и поверхности расщепления

В выборке представлены 84 пластины с сохранившимися проксимальными частями. Из табл. 10 видно, что одинаковое количество пластин имеют

Таблица 9

Обработка	Общее количество	%	“Неиспользованные”		“Использованные”	
			экз.	%	экз.	%
Вертикальная	15	18.3	10	12.2	5	6.1
Горизонтальная	23	28	13	15.9	10	12.2
Верт. + гор.	13	15.9	8	9.8	5	6.1
Без обработки	31	37.9	30	36.6	1	1.2
Всего	82	100	61	74.4	21	25.6

Таблица 10

Угол	Все		“Неиспользованные”			“Использованные”	
	экз.	%	экз.	из них КУН, технические и полупервичные экз.	%	экз.	%
50	5	6	4	1	7.8	1	1.2
60	11	13.4	9	2	10.7	2	2.4
70	23	27.4	18	2	21.4	5	6
80	20	23.8	13	2	15.5	7	8.3
90	23	27.4	21	16	25	2	2.4
100	2	2.4	2	1	2.9	—	—
Всего	84	100	67	24	79.8	17	20.2

угол скалывания 70 и 90°. Но подавляющее большинство пластин с углом скалывания 90° относится к сколам контрударного расщепления на наковальне (13 экз.) и, в меньшей степени, полупервичным и техническим сколам. Таким образом, подавляющее большинство “призматических” пластин имеют угол скалывания в пределах 60–80°. Из “использованных” пластин (17 экз.) около двух третей имеют углы скалывания 70–80°.

12. Наличие карниза-ободка с брюшка (“губа”)

Данный параметр оценивался субъективно. Г.Н. Поплевко, используя микроскоп, выделила целую серию пластин с выраженным карнизом-ободком (2003. С. 154). Специалисты, занимающиеся расщеплением кремня и проводящие технологический анализ продуктов расщепления, считают выраженную “губу” характерным показателем использования мягкого (чаще рогового) отбойника.

Карниз-ободок учитывался как отсутствующий, слабо и хорошо выраженный.

Всего учтено 83 пластины. На большинстве из них присутствовал карниз-ободок с брюшка. У 42.2% он отсутствовал, но больше половины из них составляли пластины, полученные в контрударной технике расщепления (17 экз.), технические (3 экз.) и полупервичные (2 экз.). Среди “использованных” пластин две трети имеют хорошо выраженную губу.

13. Наличие изъянца на ударном бугорке

Наличие мелкой фасетки на поверхности ударного бугорка, по мнению Г.Н. Поплевко, свидетельствует об ударной технике скалывания. Отсутствие его, однозначно говорит о технике отжима (Поплевко, 2003. С. 155).

У подавляющего большинства (61%) пластин из коллекции стоянки Пост II изъянец на ударном бугорке отсутствует. Эти данные противоречат предположению, высказанному Г.Н. Поплевко, так как большинство других параметров убедительно свидетельствуют о получении этих пластин в технике прямого удара мягким отбойником.

При этом две трети изъянцев, которые встречаются на ударных бугорках, имеют форму неглубоких и широких снятий. И лишь небольшое количество изъянцев имеют значительную глубину и небольшую площадь. Это может объясняться, на мой взгляд, несколькими причинами. С одной стороны – возможно, разным техникам скалывания соответствует разная форма изъянцев? К примеру, обращает на себя внимание такая особенность продуктов контрударного расщепления, как очень глубокий, конусовидный изъянец, который фактически уничтожает ударный бугорок. С другой стороны, форма изъянцев может быть обусловлена качеством кремнистой породы. Также нельзя отрицать появления одного признака на продуктах расщепления нескольких близких техник расщепления. В таком случае для определения техники

Таблица 11

“Губа”	Все		“Неиспользованные”			“Использованные”	
	экз.	%	экз.	из них КУН, технические, полупервичные экз.	%	экз.	%
Отсутствует	35	42.2	33	22	39.8	2	2.4
Слабо выражена	20	24.1	16	1	19.3	4	4.8
Хорошо выражена	28	33.7	18	1	21.7	10	12
Всего	83	100	67	24	80.8	16	19.2

Таблица 12

Изъянец	Все		“Неиспользованные”		“Использованные”	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Отсутствует	50	61	38	46.3	12	14.6
Широкий плоский	23	28	20	24.4	3	3.7
Глубокий	9	11	8	9.8	1	1.2
Всего	82	100	66	80.5	16	19.5

скалывания необходим анализ по нескольким параметрам.

В результате анализа коллекции пластин со стоянки Пост II можно сделать вывод, что большая часть пластин получена в технике прямого удара мягким отбойником. Некоторая часть пластин была получена в технике контрударного расщепления на наковальне.

По распределению признаков можно предположить, что для расщепления в технике мягкого отбойника характерно сочетание слабо-выпуклого или выпуклого ударного бугорка, хорошо выраженного карниза-ободка с брюшка, длинной и широкой ударной площадки, угла скалывания, близкого к 60–80° и отсутствия или наличия широкого и плоского изъянца.

Для техники контрударного расщепления оказались характерны помимо изначально предложенных признаков (см. выше) такие, как: небольшой коэффициент (6–8) соотношения длины к толщине сечения, наличие глубокого конического изъянца, разрушающего ударный бугорок, отсутствие ударной площадки.

Надо подчеркнуть, что количество изученных пластин очень невелико и предложенные выводы требуют проверки на массовом материале с применением методов статистической обработки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

Волков П.В., Гиря Е.Ю. Опыт исследования технологии скола // Проблемы технологии древних производств. Новосибирск, 1990.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб., 1997.

Гурина Н.Н. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова // Поселения эпохи неолита и раннего металла на Севере Европейской части СССР. МИА. 1951. № 20.

Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.

Лисицын С.Н. Технология расщепления кремня на финально-палеолитической стоянке-мастерской Аносово I // Тверской археол. сб. Вып. 5. Тверь, 2003.

Поплевко Г.Н. Методический аспект комплексного исследования пластинчатых индустрий (на материалах поселения Кременная III) // Археологические записки. Каменный век. Вып. 3. Ростов н/Д., 2003.

Тарасов А.Ю. Изменчивость каменного инвентаря на территории Карелии в неолите – раннем железном веке. Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2004.

Тарасов А.Ю. Нуклеусы и бифасы: некоторые особенности первичной обработки окремненных пород и кварца на поселениях Карелии (неолит – ранний железный век) // Тверской археол. сб. Вып. 6. Тверь, 2006.

Шаяхметова Л.Г. Пост II – мезолитическая стоянка на северо-восточном побережье Баренцева моря // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.

Шумкин В.Я. Каменная и костяная индустрия мезолита – раннего металла Кольского полуострова. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.

Шумкин В.Я. Мезолит Кольского полуострова // СА. 1986. № 2.

Callahan E. An evaluation of the lithic technology in middle Sweden during the Mesolithic and Neolithic. Uppsala, 1987.

Knutsson K. Making and using stone tools: the analysis of the lithic assemblages from middle Neolithic sites with flint in Vasterbotten, Northern Sweden. Uppsala, 1988.

Madsen B. Late Paleolithic cultures of south Scandinavia – tools, traditions and technology // The earliest settlement of Scandinavia and its relations with neighbouring area. Stockholm, 1996.

Flint plate manufacturing technology at the Mesolithic site of Post II (North-East coast of the Kola Peninsula)

A. I. Murashkin

S u m m a r y

The article gives a detailed characteristic, in 13 features, of a series of plates (132 items) from the Post II Mesolithic site. After analysis of the items, the author concludes that the majority of the plates were manufactured in the technique of direct stroke with soft hammer. Some of the plates may have been manufactured in the bipolar technique (counterstroke knapping on anvil). Knapping in the soft hammer technique is characterized by a combination of subtly prominent or prominent bulb of applied force, well-marked ledged rim on the ventral side, long and wide striking platform angle of flake close to 60–80°, and absence or presence of a small wide and flat defect. Flakes of counterstroke knapping have been initially identified according to five main characteristics: 1. – Chipped proximal and distal end; 2. – broken striking platform which may look as a chipped rib; 3. – flat and broken bulb of applied force or concave surface of the ventral side; 4. – punctiform or conical proximal end; 5. – right angle of flaking. In the course of the work, additional features were determined: small length to width of section ratio (6–8), presence of a deep conical defect which breaks the bulb of applied force, absence of striking platform.

КЛАССИФИКАЦИЯ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ И ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ МИКРОЛИТОВ ИЕНЕВСКОЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2007 г. К. Е. Агеева

Институт археологии РАН, Москва

Для мезолита Волго-Окского бассейна различают несколько культурных явлений. Культуроразличение основано на чертах сходства наконечников стрел и геометрических микролитов. Различными исследователями были выработаны подходы к описанию этих категорий орудий, созданы хронологические схемы (Koltsov, 1983. Р. 271–276; Истомин, 1998. С. 27; Кольцов, 1989; Кравцов, 1992; Сорокин, 1991. С. 3–27; Кравцов, Спиридонова, 1996. С. 99–107; Сорокин, 2004. С. 69–91; Жилин, 2004. С. 92–139). Но классификации как таковой, с описанием методики, создано не было, за исключением классификации К.Э. Истомина, который опирался на функциональное назначение предмета, а не на его морфологию.

Цель настоящей работы морфологическая классификация наконечников стрел и геометрических микролитов мезолита Волго-Окского междуречья. В задачи исследования входит: 1 – описание наконечников и геометрических микролитов с помощью морфологически значимого набора признаков; 2 – выделение устойчивых и неустойчивых сочетаний признаков; 3 – выделение характерных для памятников иеневской культуры форм наконечников и геометрических микролитов; 4 – сравнение их сочетаемости на памятниках.

Для решения поставленных задач наиболее эффективно, на мой взгляд, применение открытой системы классификации. Так как открытые классификации представляют собой системы, заключающие в себя не типы, а признаки, образующие типы. Количество таких признаков может быть неограниченным, новые признаки могут быть включены в систему при необходимости в любой момент. Это так называемая естественная классификация, которая выявляет свойства, естественно присущие предметам и объектам классификации.

Основными единицами данной классификации являются наконечники стрел и геометрические микролиты иеневской культуры. Чтобы не употреблять функциональное наименование “наконечник”, я предпочитаю использовать, как мне кажется, наиболее корректный термин “острие”.

По сложившейся в историографии традиции, однозначно интерпретируются как наконечники

стрел только черешковые, т.е. наконечники, у которых насад по двум краям оформлен ретушью, образующей выемки и/или уплощающей предполагаемый насад. Асимметричные наконечники с боковой выемкой так однозначно не определяются. В связи с отсутствием органических остатков, восстановить их функциональную принадлежность – вкладышевое орудие или же наконечник стрелы невозможно. Поэтому, не обозначая его функцию, можно определить его как *асимметричное острие подтреугольных или подтрапециевидных очертаний, с двумя ретушированными крутой или вертикальной ретушью сторонами и одним или двумя естественными (неретушированными) краями. Проекция короткого естественного края или точки пересечения ретушированных сторон лежит вне длинного естественного края.*

Наименование геометрических микролитов связано с внешней формой и никак не отражает функцию. Геометрические микролиты определяются как *мелкие орудия геометрических очертаний, как правило, на пластинах, пластинках и микропластинках, у которых ретушью (вертикальной или крутой) усечены оба конца и хотя бы один из краев необработан* (Tixier, 1963).

Естественно, возникает вопрос, как различать, например, острия и треугольники или где грань между трапецией и “косолезвийным” или “поперечнолезвийным” иеневскими наконечниками. В данном случае, я предлагаю использовать признак, выделенный Е.В. Леоновой, по которому геометрическим микролитом является предмет, у которого ортогональная проекция короткого естественного края или точки пересечения ретушированных сторон, опущенная на длинный естественный край, обязательно, хотя бы отчасти совпадает с последним (Леонова. В печати).

Выделяют также такую категорию орудий, как поперечнолезвийные наконечники, близкие по форме к высоким трапециям (Кольцов, 1989. С. 81). В статье А.Е. Кравцова, К.Е. Агеевой, отказываясь от функционального названия изделия, авторы предлагают отделять эту категорию от других предметов, относящихся к охотничьему вооруже-

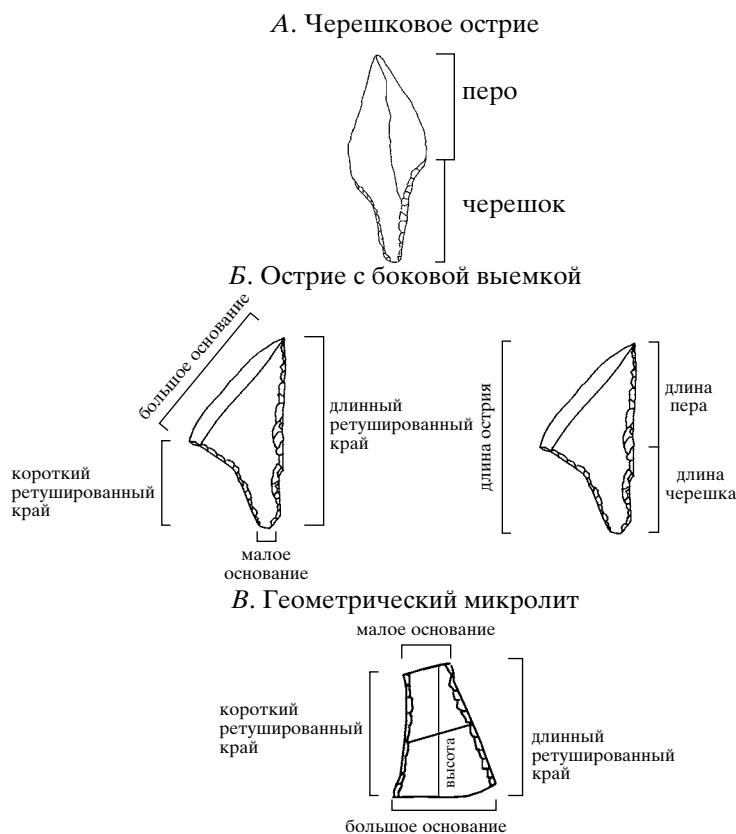

Рис. 1. Схема выделенных элементов острий и геометрических микролитов.

нию (2006. С. 200–216). Разделение поперечнолезвийных наконечников и высоких асимметричных трапеций проводится визуально, критерии различения не выработаны, нет признаков, по которым бы они отличались от трапеций. Поэтому в моей работе такая категория не выделена.

Для морфологической классификации и сравнительной характеристики острий и геометрических микролитов был выделен 21 признак, которые наиболее полно характеризуют форму предмета: 13 качественных и 8 количественных. Острия с боковой выемкой и геометрические микролиты рассматриваются вместе, для черешковых острий выделена другая система признаков.

Для *черешковых острий* (рис. 1, А) было выделено два конструктивных элемента: *черешок*, для которого основным морфологическим признаком является оформление ретушью (вертикальной или крутой), и *перо*, края которого могут быть полностью обработаны, частично или вообще не обработаны ретушью.

Для *острий с боковой выемкой и геометрических микролитов* выделены следующие конструктивные элементы: *длинный ретушированный край* (далее *дрк*) (в случае, если оба края одинаковы по размеру, *дрк* выбирается произвольно, что не влияет на результаты исследования, поскольку

учитываются все измерения), *короткий ретушированный край* (далее *крк*), *малое основание*, которое в некоторых случаях равно нулю и *большое основание* (рис. 2, Б, В).

В работе использовались материалы 29 памятников иеневской культуры (таблица). Общее количество рассмотренных предметов 356.

Авсергово 2: черешковых острий нет, три острия с боковой выемкой: два средние по величине от 3.1 до >4.0 см, одно острие достаточно крупное > до 6.8 см. Геометрические микролиты представлены трапециями (15, в том числе и обломков): средними и крупными.

Алтыново: черешковых острий три: два без ретуши пера, одно с одним полностью ретушированным краем. Острия средние по размерам от 2.5 до 4.5 см. Три острия с боковой выемкой: средние по размерам от 3.2 до 3.6 см. Геометрические микролиты представлены трапециями (четыре): средними (две) и крупными (две).

Альба 1: обломок черешкового острия; острий с боковой выемкой два: средние по величине 3.2 и 4.4 см. Геометрические микролиты представлены трапецией крупной.

Беливо 4А: черешковых острий четыре: два без ретуши на пере, одно со скошенным концом и одно

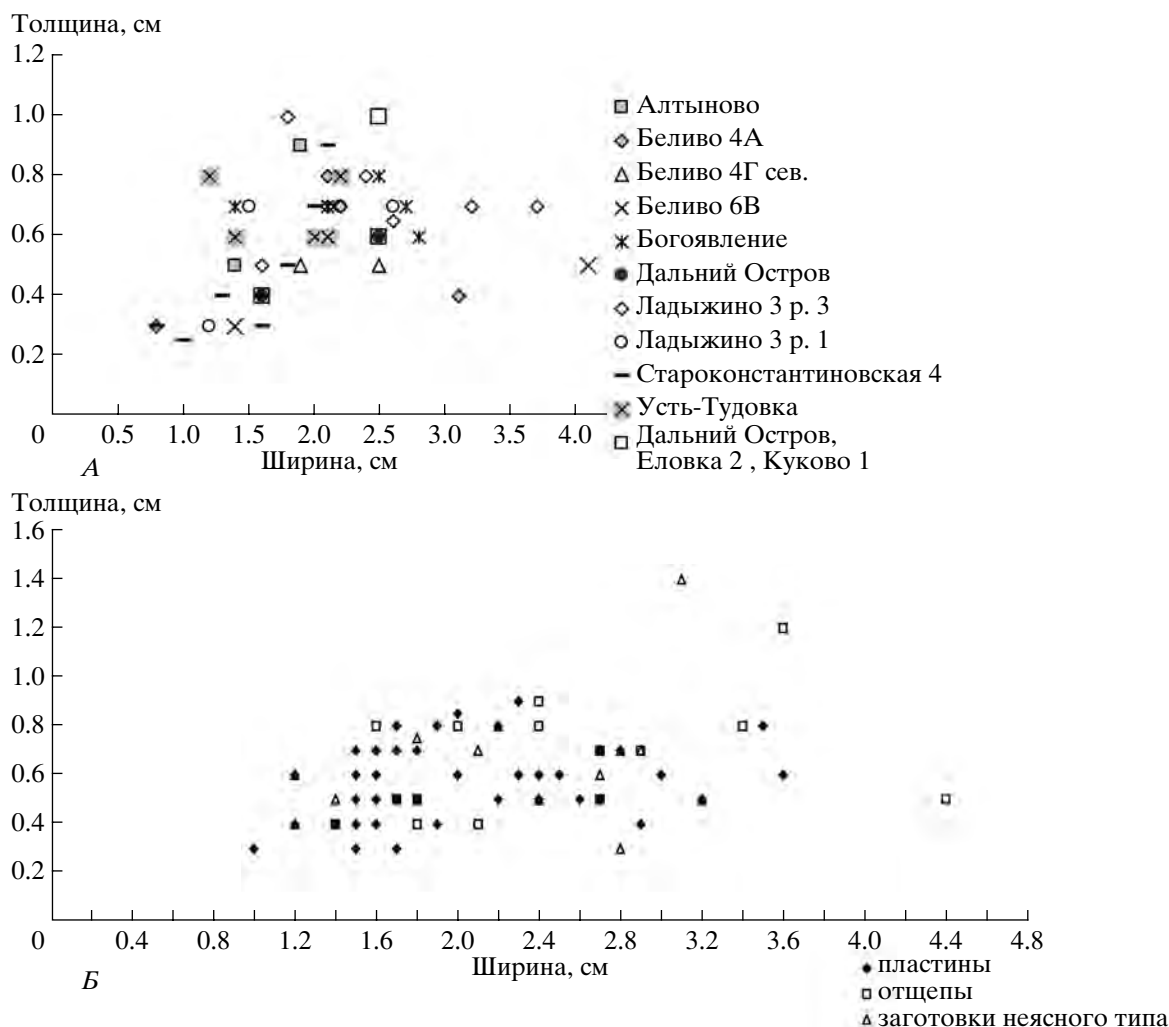

Рис. 2. А – отношение ширины заготовки черешковых острий к толщине; Б – отношение ширины заготовок острий с боковой выемкой к толщине.

со скошенным краем, средние по размерам от 2.4 до 4.9 см. Острие с боковой выемкой одно, среднее по размерам – 2.5 см. Геометрические микролиты представлены тремя средними трапециями.

Беливо 4Г северное: черешковых острий два: без ретуши пера и со скошенным краем, одно мелкое – 2.5 см, другое средних размеров 4.1 см. Острий с боковой выемкой четыре: от 4.1 до 5.4 см. Геометрические микролиты представлены двумя трапециями: средней и крупной.

Беливо 4Г южное: черешковое острие одно без ретуши на пере, мелкое – 2.5 см. Острие с боковой выемкой одно, среднее по длине – 4.0 см. Геометрические микролиты представлены трапециями (две) мелкими.

Беливо 6В: черешковое острие одно со скошенным краем, среднее по размеру. Острий с боковой выемкой четыре: одно острие крупное, остальные

сильно фрагментированы. Геометрические микролиты представлены мелкой трапецией.

Беливо 6В: черешковых острий: одно без ретуши на пере, одно мелкое – 2.3 см, второе среднее по величине – 3.9 см. Острий с боковой выемкой семь, крупные от 4.0 до 6.4 см. Геометрические микролиты представлены трапецией (одной), средней.

Богоявление: черешковых острий семь: четыре без ретуши пера, два с ретушью конца пера, одно с ретушью конца пера с двух сторон, средние по размеру от 3.3 до 4.7 см. Острий с боковой выемкой 13 (+1 обл.), средние по размерам от 2.1 до 4.2 см. Геометрические микролиты представлены двумя средними трапециями.

Брагино: черешковых острий три: без ретуши пера одно, средних размеров – 2.9 см, остальные сильно фрагментированы. Острий с боковой выемкой три: два средних по размерам от 3.8 до 4.3 см, одно крупное 5.2 см. Геометрические мик-

Таблица 1. Памятники иеневской культуры

Памятник, публикация	Местоположение	Кем и когда открыт	Кем исследовался	Площадь (м ²)	Датировка
Авсерьгово 2 (Леонова, 2002. С. 137–150)	Калязинский р-н Тверской обл. (между д. Авсерьгово и с. Никитское) на мысу первой надпойменной террасы р. Волга.	В 1978 г. М.В. Воробьевым	В 1983 г. Л.В. Кольцовым, в 1995 г. А.Е. Кравцовым был заложен шурф и произведен отбор образцов для палинологич. анализа	95	Начальная фаза пребореального времени, т.е. интервал 9800–9600 л.н.
Алтыново (Кольцов, 1972. С. 81–90)	На левом берегу р. Волга, в 1 км к СВ от совхоза Алтыново Углического р-на Ярославской обл., на краю второй надпойменной террасы Волги.	Л.В. Кольцовым и А.А. Величко в 1962 г.	В 1963–1964 гг. отрядом Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР под руководством Л.В. Кольцова. А.Е. Кравцовым в 1995 г. на памятнике была отобрана колонка образцов для спорово-пыльцевого анализа	Нет данных	Нет данных
Альба 1 (Археологическая карта, 1995. С. 40)	Дмитровский р-н Московской обл., в 600 м к ЗЮЗ от деревни Рыбаки, правый берег протоки Альба, соединяющей озеро Долгое и Круглое, в 500 м от ее устья.	А.В. Трусовым в 1977 г.	А.В. Трусовым в 1977 г.	104	Нет данных
Беливо 4А Кравцов, Луньков, 1994. С. 112–117)	Орехово-Зуевский р-н Московской обл. Расположен на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Нерская, при впадении в нее р. Радомки.	В 1984 г. А.Е. Кравцовым	Раскопки 1984–1985, 1987 гг. – А.Е. Кравцова, 1994 г. – Е.В. Леоновой	245	Радиоуглеродная дата: в интервале 9000–9600 тыс. л.н., что соответствует концу пребореального – началу бореального периодов. Но ни одна из полученных дат не может быть точно определена как иеневская
Беливо 4Г сев. (Кравцов, Жилин, 1995; Кравцов, Леонова, 2001; Леонова, 1994; 1998)	Боровая терраса левого берега р. Нерская и правом берегу ее притока – р. Радомка, в 200 м от ее устья к югу от д. Беливо Орехово-Зуевского р-на Московской обл.	Открыт А.Е. Кравцовым в 1986 г.	В 1986–1989, исследован А.Е. Кравцовым совместно с Е.В. Леоновой	347	Нет данных
Беливо 4Г юж. (Кравцов, Жилин, 1995)	Боровая терраса левого берега р. Нерская и правом берегу ее притока – р. Радомка, в 200 м от ее устья к югу от д. Беливо Орехово-Зуевского р-на Московской обл.	А.Е. Кравцовым в 1986 г.	В 1986–1989, исследован А.Е. Кравцовым совместно с Е.В. Леоновой	420	Нет данных
Беливо 6Б (Кравцов, 1987)	Орехово-Зуевский р-н Московской обл. На краю боровой террасы левого берега р. Нерской, в 650–750 м к югу от южной окраины д. Беливо.		В 1986–1988 гг. А.Е. Кравцовым и Е.В. Леоновой	224	Нет данных

Таблица 1. Продолжение

Памятник, публикация	Местоположение	Кем и когда открыт	Кем исследовался	Площадь (м ²)	Датировка
Беливо 6В (Жилин и др., 1998. С. 88–108; Леонова, 1996. С. 141–147).	В 0,7 км к югу от д. Беливо Орехово-Зуевского р-н Московской обл. Расположен на пологом склоне левого берега р. Нерской в периферийной части мыса при впадении р. Радомки в р. Нерскую на высоте 2–2,5 м над уровнем заболоченной поймы.	В 1989 г. А.Е. Кравцовым	В 1989–1991, 1994 гг. А.Е. Кравцовым и Е.В. Леоновой	344	Радиоуглеродная дата: 8750 ± 100 л.н. Спорово-пыльцевой анализ: заключительная фаза пребореала, что сопоставимо с хронологическим диапазоном 9300–9000 л.н.
Богоявление (Крайнов, 1970)	На правом берегу р. Волга в 11 км от г. Углича около д. Васильки. Расположена у впадения ручья Богоявление в Волгу, на первой надпойменной террасе.	В 1954 г. Д.А. Крайновым	Д.А. Крайновым в 1950-е, 1960-е гг.	Около 250	Нет данных
Брагино (Кравцов, 1999. С. 79–108; Сорокин, 2006. С. 158, 159)	Перемышльский р-н Калужской обл. Располагается на мысовом участке надпойменной террасы левого берега р. Ока при впадении р. Передут.	И.К. Фроловым в 1980 г.	Исследовалась А.С. Смирновым и раскапывалась А.Н. Сорокиным в 1982 г.	150	В 1992 г. А.Е. Кравцовым была отобрана колонка образцов для спорово-пыльцевого анализа, который позволяет датировать иеневские и бутовские материалы на памятнике началом бореала, а возможно и более ранним временем
Высокино 6 (Кольцов, 1989. С. 68–86)	Зубовский р-н Калининской обл. (ныне под водой Вазузского водохранилища). Располагается на мысу высокого уровня первой надпоймы правого берега р. Вазузы, в 100 м к западу от д. Высокино.	Открыт и исследовался Л.В. Кольцовым и М.Г. Жилиным в 1971 г.		80	Нет данных
Дальний Остров (Кравцов, 1989; Кравцов, Леонова, 1992. С. 3–13)	Моренное всхолмление среди заторфованной котловины оз. Тростенского Рузского р-на Московской обл.	В.В. Сидоровым в 1972 г.	В.В. Сидоровым в 1972 г., в 1989; 1997 гг. А.Е. Кравцовым	106	Нет данных
Дмитровское 1 (Кравцов, 1999. С. 79–108)	В 250 км к западу от с. Дмитровское Калининского р-на Тверской обл. Расположена на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Волга.	В 1950-х гг. Ф.И. Ивановым	В 1968 и 1970 гг. Л.В. Кольцовым	260	Спорово-пыльцевой анализ: начало бореала (приблизительно к 8900–8800 л.н.), а также есть основания предполагать наличие на памятнике еще одного горизонта с находками более раннего времени (9500–9300 л.н.)

Таблица 1. Продолжение

Памятник, публикация	Местоположение	Кем и когда открыт	Кем исследовался	Площадь (м ²)	Датировка
Еловка 2 (Кравцов, 1999. С. 79–108)	Александровский р-н Владимирской обл., расположен на правом берегу р. Малый Киржач.	В 1992 г. М.Г. Жилиным	В 1992 г. М.Г. Жилиным; в 1994 г. работы продолжены А.Е. Кравцовым, помимо этого в 1992 г. был заложен шурф (1 × 1 м), а в 1994 г. – небольшой раскоп 3 × 4 м, соби- рался подъемный материал	Нет дан- ных	Спорово-пыльцевой анализ: пре- бореал, что соответствует интер- валу 9500–9300 л.н.
Иенево 2 (Кравцов, 1999. С. 79–108; Леонова, 1998)	На левом берегу р. Волга, в трех километрах ниже по течению от г. Твери, на небольшом останце первой надпойменной террасы.	В 1974 г. Е.В. Бодуно- вым	В 1975–1976 гг. Л.В. Кольцовым	Более 460	Спорово-пыльцевой анализ: вто- рая половина бореала, что соот- ветствует хронологическому диа- пазону от 8600 до 8200 л.н.
Исток 1 (Сорокин, 1991. С. 3–27)	В 250 м западнее д. Исток на мысу второй надпойменной террасы левого берега р. Пра.	А.Н. Сороки- ным в 1983 г.	В 1983, 1984 и 1986 гг. А.Н. Соро- киным	Нет дан- ных	Нет данных
Коприно (Кравцов, 1999. С. 79–108)	В Рыбинском р-не Ярославской обл., располагался на надпой- менной террасе правого берега р. Волга, близ устья р. Петровка.		В 1935 г. П.Н. Третьяковым, в 1959 г. Л.В. Кольцовым	280	Нет данных
Куково 1 (Археологическая карта, 997. С. 46; Трусов, 2000а. С. 7–14)	На северо-западной окраине с. Куково, в 6.5 км к югу от г. Зарайска, на правом берегу р. Осетр при впадении в нее р. Осетрик. Стоянка занимает мыс, образованный берегом р. Осетра прорезавшей этот берег р. Осетриком.	А.В. Трусовым в 1990 г.	А.В. Трусовым в 1998 г.	Нет дан- ных	Нет данных
Ладыжино 3 р. 1	В Тарусском р-не Калужской обл. Расположен на первой над- пойменной террасе р. Ока.	А.С. Фроловым в 1975 г.	А.С. Фроловым в 1975–1977, 1979 гг., А.Е. Кравцовым в 1999–2002 гг.	105	Нет данных
Ладыжино 3 р. 3 (Кравцов, Коннов, 2002. С. 127–136; Кравцов, Агеева, 2006. С. 200–216)	В Тарусском р-не Калужской обл. Расположен на первой надпойменной террасе р. Ока.	А.С. Фроловым в 1975 г.	А.С. Фроловым в 1975–1977, 1979 гг., А.Е. Кравцовым в 1999–2002 гг.	100.25	Нет данных
Митино 5 (Кравцов, 1999. С. 99)	Заокский р-н Тульской обл., рас- положен на высокой надпоймен- ной террасе правого берега р. Ока.		В 1987 и 1989 гг. Т.М. Кузнецовой	60	Нет данных
Пеньково (Кольцов, 1989. С. 68–89)	В 500 м к югу от д. Пеньково Рыбинского р-на Ярослав- ской обл.	Л.В. Кольцовым и К.И. Комаро- вым в 1974 г.	1976–1977 гг. Д.А. Крайновым и Л.В. Кольцовым	350	Нет данных

Таблица 1. Окончание

Памятник, публикация	Местоположение	Кем и когда открыт	Кем исследовался	Площадь (м ²)	Датировка
Поречье (Трусов, 2000б)	В 100 восточнее села Поречье Рузского р-на Московской обл., на левом высоком берегу р. Москва, на уровне второй надпойменной террасы, в 120–140 м от реки, по левому берегу ручья, впадающего в р. Москва.	А.В. Трусовым в 1988 г.	В 1988–1989 гг. А.В. Трусовым	10	Нет данных
Сельцо 3 (Леонова, 1998)	В 7 км ниже по течению р. Волга от г. Костромы. Расположен на мысу, который образован правым берегом Волги и правым берегом р. Кубань	К.И. Комаровым и М.Г. Жилиным в 1979 г.	В 1980 г. М.Г. Жилиным, а в 1981–1982 гг. Л.В. Кольцовым	Нет данных	Нет данных
Староконстантиновская 4	В 3 км ниже от г. Твери. Расположен на высоком мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Волга.	В начале 1950-х гг. Ф.И. Ивановым	В 1956 г. Ф.И. Ивановым, а в 1970–1971, 1975 гг. Д.А. Крайновым и Л.В. Кольцовым	400	Нет данных
Тростенковская 7 (Археологическая карта, 1995. С. 122)	Рузский р-н Московской обл., в 300 м к ЮЮВ от южной окраины д. Городище, расположенной на южном склоне моренного всхолмления северного берега древней котловины оз. Тростенское (ныне частично заторфовано).	В 1969 г. В.В. Сидоровым	Исследовалась В.В. Сидоровым в 1970–1974 гг.	Нет данных	Нет данных
Умрышенка 3 (Археологическая карта, 1995. С. 122; Сорокин, 2006)	В 600 м к ССВ от деревни Умрышенки. На мысу правого берега ручья Завальский, в 3 км от долины р. Ока.	В 1990 г. А.В. Трусовым	В 1992–1993 гг. В.В. Сидоровым	700	Нет данных
Усть-Тудовка 1 (Жилин, Кравцов, 1991. С. 3–18)	Ржевский р-н Тверской обл., расположен на правом берегу р. Волга, близ устья р. Тудовка.	В 1976 г. М.Г. Жилиным	М.Г. Жилиным в 1985–1987 гг.	Р. 1-367 Р. 2-270	Спорово-пыльцевой анализ: конец позднего дриаса, что соответствует для Верхнего Поволжья, по мнению Е.А. Спиридоновой, интервалу 10200–10000 л.н.
Черная Грязь 1 (Жилин, Кравцов, 1991. С. 3–18)	Тверской р-н Тверской обл. Находится на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Волга при выходе в волжскую пойму р. Черная Грязь.	Открыт Д.А. Крайновым	Д.А. Крайновым в 1968–1969 гг.		Спорово-пыльцевой анализ начало бореала, приблизительно 9000–8900 л.н. Но соотнести эти данные с какой-либо определенной группой находок из раскопок 1960-х гг. невозможно
Шильцева Заводь 5 (Кравцов, Сорокин, 1991; Кравцов, 1999. С. 102–103)	Спас-Клепиковский р-н Рязанской обл. Расположен на возвышенном мысу надпойменной террасы левого берега р. Пра.	В 1982 г. А.Н. Сорокиным	В 1982, 1987–1989 гг. А.Н. Сорокиным	63	

ролиты представлены трапециями (шестью): пять средних, одна крупная.

Высокино 6: черешковых острий три: одно без ретуши на пере, одно с одним полностью ретушированным краем, одно сильно фрагментировано; по размеру одно среднее – 3.6 см, другое крупное – 5.6 см. Острие с боковой выемкой одно, крупное – 5.1 см. Геометрических микролитов нет.

Дальний Остров: черешковых острий два: одно без ретуши на пере, одно со скошенным концом, средние по размеру – 3.9 и 4.0 см. Острий с боковой выемкой шесть: одно мелкое – 2.7 см, средние от 3.2 до 4.0 см (три) и крупные 5.2 (два) см. Геометрические микролиты представлены трапециями (одиннадцать): семь мелких, одна средняя, две низкие.

Дмитровское 1: черешковое острие одно: без ретуши на пере, среднее по размеру – 3.6 см. Острий с боковой выемкой два (одно сильно фрагментировано): одно среднее по размеру – 4.5 см. Геометрические микролиты представлены трапециями (двумя): одна мелкая, одна средняя.

Еловка 2: черешковое острие одно со скошенным краем, крупное по размеру – 5.7 см. Острий с боковой выемкой четыре (в том числе два обломка), средние по размеру – 3.1 и 4.0 см.; Геометрические микролиты представлены средней трапецией.

Иенево 2: черешковых острий нет, острий с боковой выемкой нет. Геометрические микролиты представлены трапециями (22): мелкими (19) и средними (двумя) (одна трапеция сильно фрагментирована).

Исток 1: черешковых острий нет. Острий с боковой выемкой два, средние по размеру – 2.5 и 4.3 см. Геометрические микролиты представлены трапециями (двумя): одна крупная, одна мелкая.

Коприно: черешковых острий нет. Острий с боковой выемкой два, средних размеров 3.2 и 3.5 см. Геометрические микролиты представлены трапециями (тремя): две мелкие и одна крупная.

Куково 1: черешковых острий два: одно без ретуши пера, одно фрагментировано, средние по размеру 4.4 см. Острие с боковой выемкой одно, крупное по размеру – 6.2 см. Геометрических микролитов нет.

Ладыжино р. 1: черешковых острий – пять: со скошенным краем (одно), с полностью ретушированным одним краем (три), с ретушью трети, прилегающей к черешку (одно); одно мелкое – 1.9 см и два средние по величине – 3.0 и 4.0 см. Два остальных сильно фрагментированы. Острий с боковой выемкой нет. Геометрические микролиты представлены трапециями и треугольником: трапеция средняя по величине (одна сильно фрагментирована), треугольник низкий.

Ладыжино 3 р. 3: черешковых острий одиннадцать: шесть без ретуши на пере, два со скошен-

ным краем, три с одним полностью ретушированным краем. Острия и средние по величине от 2.8 до 4.0 см, и крупные от 5.5 до 8.2 см. Острий с боковой выемкой два: среднее – 3.1 см и крупное – 5.9 см. Геометрические микролиты представлены трапециями (тремя): крупными.

Митино 5: черешковых острий нет. Острие с боковой выемкой одно, среднее по размеру – 4.4 см. Геометрических микролитов нет.

Пеньково: черешковых острий три без ретуши на пере, одно мелкое – 2.5 см, два средних – 3.0 и 3.4 см. Острие с боковой выемкой одно, мелкое по размеру – 2.7 см. Геометрические микролиты представлены трапециями (43): 33 мелкие, четыре средние, две крупные.

Поречье: черешковое острие одно без ретуши на пере, среднее по размерам – 4.0 см. Острий с боковой выемкой пять, все фрагментированы. Геометрических микролитов нет.

Сельцо 3: черешковых острий нет, острий с боковой выемкой три, мелкие – 2.7 и 2.5 см и среднее 4.0 см. Геометрические микролиты (пять): мелкий (один), средний (один), крупные (три).

Старокопнинская 4: черешковых острий 17: четыре без ретуши пера, два со скошенным концом, четыре со скошенным краем, семь с одним полностью ретушированным концом, по размеру средние от 3.1 до 4.6 см. Острий с боковой выемкой 24: средние от 3.1 до 4.5 см, крупные от 4.8 до 5.3 см. Геометрические микролиты представлены трапецией (одной) крупной.

Тростенковская 7: черешковых острий нет. Острий с боковой выемкой пять: одно среднее – 3.2 см, четыре крупных – от 4.9 до 7.5 см. Геометрические микролиты представлены тремя средними трапециями.

Умрышенка 3: черешковых острий два без ретуши пера, средние по размеру – 3.7 и 4.3 см. Острий с боковой выемкой 15: средние по размеру от 3.7 до 4.9 см. Геометрические микролиты представлены трапециями (семь): три средние + две низкие, остальные фрагментированы.

Усть-Тудовка 1: черешковых острий пять: три без ретуши пера, одно со скошенным краем, одно с полностью ретушированным одним краем и скошенным другим, крупные от 5.3 до 7.2 см. Острие с боковой выемкой одно, среднее >4.1 см. Геометрические микролиты представлены одной средней трапецией.

Черная Грязь 1: черешковых острий нет. Острий с боковой выемкой два, средние >3.5 до 4.3 см. Геометрические микролиты представлены трапецией, крупной.

Шильцева Заводь 5: черешковых острий нет. Острий с боковой выемкой два: средних от >3.7 до 4.7 см. Геометрические микролиты представлены крупной трапецией.

МОРФО-МЕТРИЧЕСКИЕ СРАВНЕНИЯ

Параметры заготовки черешковых острий: из 74–58 на пластинах и только 2 на отщепе. Для 13 предметов заготовка неопределенного типа.

Отношение ширины заготовки к толщине 3 : 1 (10 предметов из 32) и 4 : 1 (8 из 32), меньше предметов с отношением 2 : 1 (6 из 32). Большая часть предметов по ширине заготовки группируется в интервале от 1.3 до 2.7 см, а по толщине заготовки от 0.3 до 0.8 см. Пик – 0.7 см (рис. 2, А).

Параметры заготовки острий с боковой выемкой: из 110 предметов – 59 на пластине, 18 на отщепе, 32 – заготовки неясного типа.

По метрическим показателям заготовки острия с боковой выемкой имеют отношение ширины заготовки к толщине 3 : 1 (11 предметов из 39) и 4 : 1 (11 предметов из 39), в меньшей степени 5 : 1 (9 предметов из 39). Ширина заготовки колеблется от 1 до 4.4 см. По ширине заготовки острия группируются в интервале от 1.5 до 1.8 и 2.4 см. Толщина колеблется от 0.3 до 0.9 см. Наибольшая концентрация предметов в интервале от 0.4 до 0.8 см (рис. 2, Б).

Таким образом, для острий с боковой выемкой и черешковых отношение толщины заготовки к ширине 1 : 3 и 1 : 4. По ширине заготовки большая часть острий (и черешковых, и с боковой выемкой) группируются в интервале от 1.2 до 3.0 см и по толщине заготовки от 0.3 до 0.7 см.

Параметры заготовки геометрических микролитов: практически все геометрические микролиты были сделаны на пластинах (119 предметов из 150), для некоторой части предметов тип заготовки неясен (31). Отношение ширины заготовки к толщине 5 : 1 (14 предметов из 38) и 4 : 1 (11 из 38), в меньшей степени 6 : 1 (7 из 38).

По ширине заготовки большая часть предметов группируется в интервале от 0.6 до 2.6 см и по толщине заготовки от 0.1 до 0.7 (рис. 3, А).

При измерении параметров острий измерялась длина самого орудия (для геометрических микролитов высота) с тем, чтобы попытаться выделить закономерность и предпочтения в размерах этих предметов.

По длине черешковые острия разнообразны – от 1.9 до 8.2 см. Наибольшая концентрация предметов в интервале от 3.8 до 4.3 см.

Отношение длины орудия к ширине черешковых острий 2 : 1 (21 предмет из 39), в меньшей степени 3 : 1 (12 предметов из 39). Крупные острия в коллекции памятника Усть-Тудовка 1, у которых большая длина (5.3 см, 6.3 см, 7.2 см), и на памятнике Ладыжино 3 р. 3 очень крупные черешковые острия (от 5.5 до 8.2 см), на памятнике Еловка 2 черешковое острие также отличается своей длиной – 5.7 см (рис. 3, Б).

Отношение длины острия с боковой выемкой к ширине 2 : 1 (40 предметов из 65), в меньшей степени представлены предметы, имеющие отношение 3 : 1 (21 предмет из 65). По длине орудия большинство предметов группируется в интервале от 2.6 до 5.2 см. Пик 3.1–3.7 см, 4.0–4.5 см, (рис. 4, Б).

У черешковых острий и острий с боковой выемкой измерялась также длина пера и длина черешка (рис. 1). Были выделены две группы: острия, у которых черешок больше или равен перу, и острия, у которых перо больше, чем черешок.

Острия бывают удлинённых и укороченных пропорций. Но на всех предметах длина черешка немногим превышает длину пера, и наоборот. Нет ни одного случая, где длина черешка превышала бы длину пера в два раза и более. Ярво выраженных коротко/длинночерешковых наконечников не выделено.

По высоте геометрические микролиты находятся в диапазоне от 0.6 до 4.1 см. Для группировки микролитов по высоте был выбран шаг 1 см: 0.5 – 1.5 см – мелкие, 1.51–2.5 – средние, 2.51 – >3.5 см – крупные (рис. 5).

Исключение составляют геометрические микролиты на памятниках Авсерьгово 2 (1 : 1.4), Дальний Остров (1 : 2; 1 : 2.6), Умрышенка 3 (1 : 1.8; 1 : 3), где встречены очень низкие трапеции, а на Ладыжино 3 р. 1 низкий треугольник (1 : 4).

Отношение высоты к длине большого основания в преобладающем числе случаев (114 из 124) 1 : 1 (рис. 4, А). Для мелких и средних геометрических микролитов практически во всех случаях отношение 1 : 1, у крупных – отношение высоты к длине большого основания от 1 : 1.5 до 1 : 2; отношение 1 : 1 отмечено в единичных случаях.

Вторичная обработка острий с боковой выемкой.

1. Ретушь *дрк*: в 103 случаях – ретушь вертикальная, в пяти случаях – крутая. В пяти случаях вертикальная ретушь *дрк* комбинировалась с крутой ретушью *крк*, в одном случае с плоской, в двух случаях с полукрутой.

2. Ретушь *крк*: в 93 случаях вертикальная (89%). При этом в трех случаях вертикальная ретушь *крк* сочетается с крутой ретушью *дрк*. В 3 (3%) случаях *крк* имеет полукрутую ретушь, в семи (7%) случаях *крк* имеет полукрутую ретушь, в одном (1%) случае плоскую ретушь.

Сочетание вертикальной ретуши на спинке *дрк* с вертикальной ретушью на спинке *крк* – 64 случая из 110. В остальных – наблюдаются следующие сочетания ретуши *дрк* с ретушью *крк*: вертикальная/крутая (6), вертикальная/полукрутая (2), крутая/крутая (1), крутая/вертикальная (1), крутая/полукрутая (1). Редкое сочетание вертикальной и плоской ретуши (Богоявление (1)).

В 80 случаях из 110 ретушь длинного ретушированного края нанесена с брюшка на спинку. В ше-

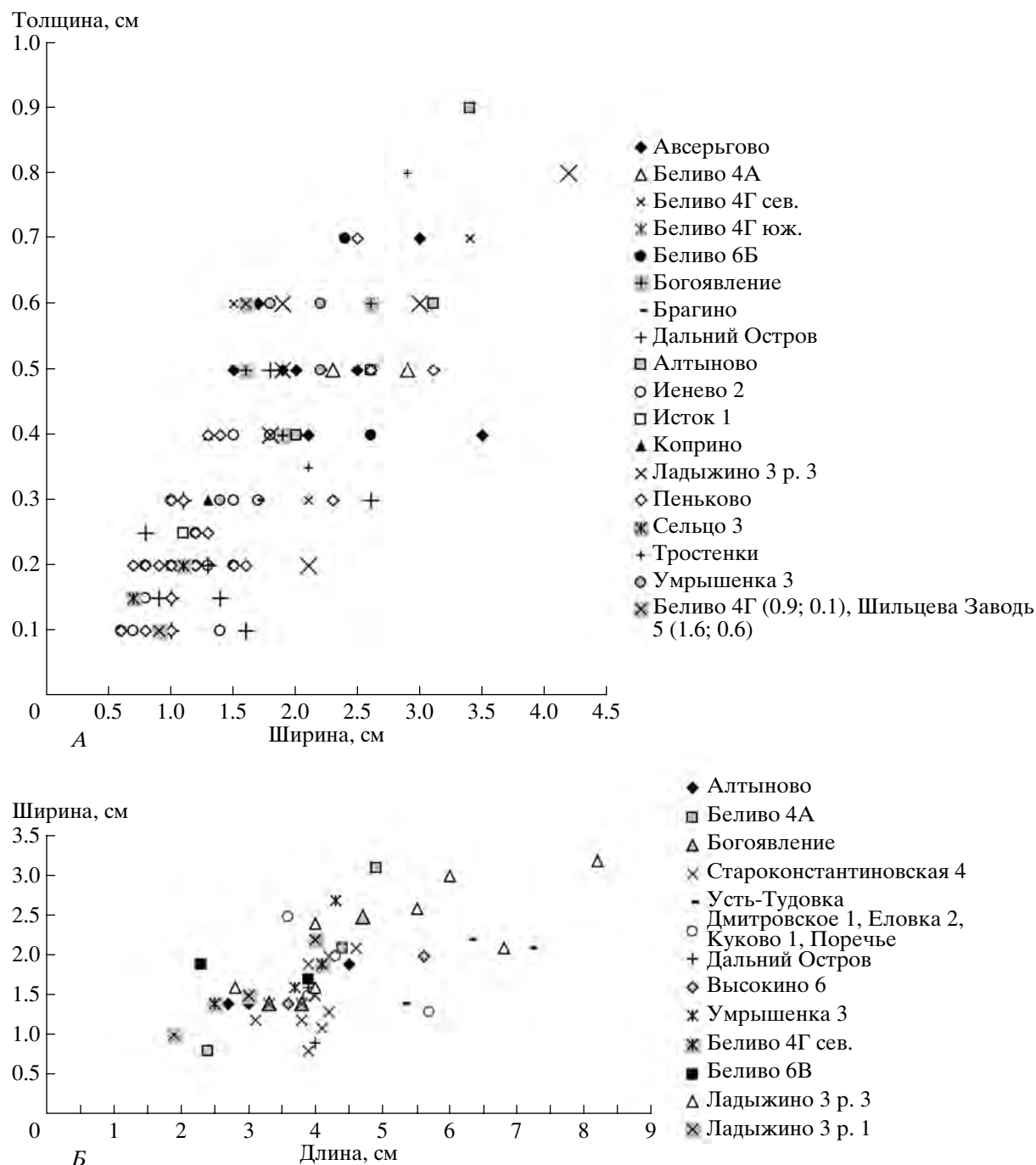

Рис. 3. А – отношение ширины к толщине заготовок геометрических микролитов; Б – отношение длины к ширине черешковых острий

сти случаях такая ретушь *дрк* комбинируется с ретушью *крк* со спинки на брюшко. В семи случаях встречная ретушь *крк* комбинируется с такой ретушью *дрк*. В 3 случаях ретушь короткого ретушированного края не определена.

В 71 случае из 99 ретушь *крк* нанесена с брюшка на спинку. При этом в одном случае ретушь с брюшка на спинку *крк* комбинируется с ретушью

дрк со спинки на брюшко и в семи – со встречной ретушью *дрк*.

3. Ретушь основания. Встречена на 27 остриях с боковой выемкой. Ретушь семи предметов вертикальная с брюшка на спинку, семи – с крутой с брюшка на спинку, с плоской ретушью девять предметов, в одном случае – ретушь с брюшка на спинку; все остальные со спинки на брюшко.

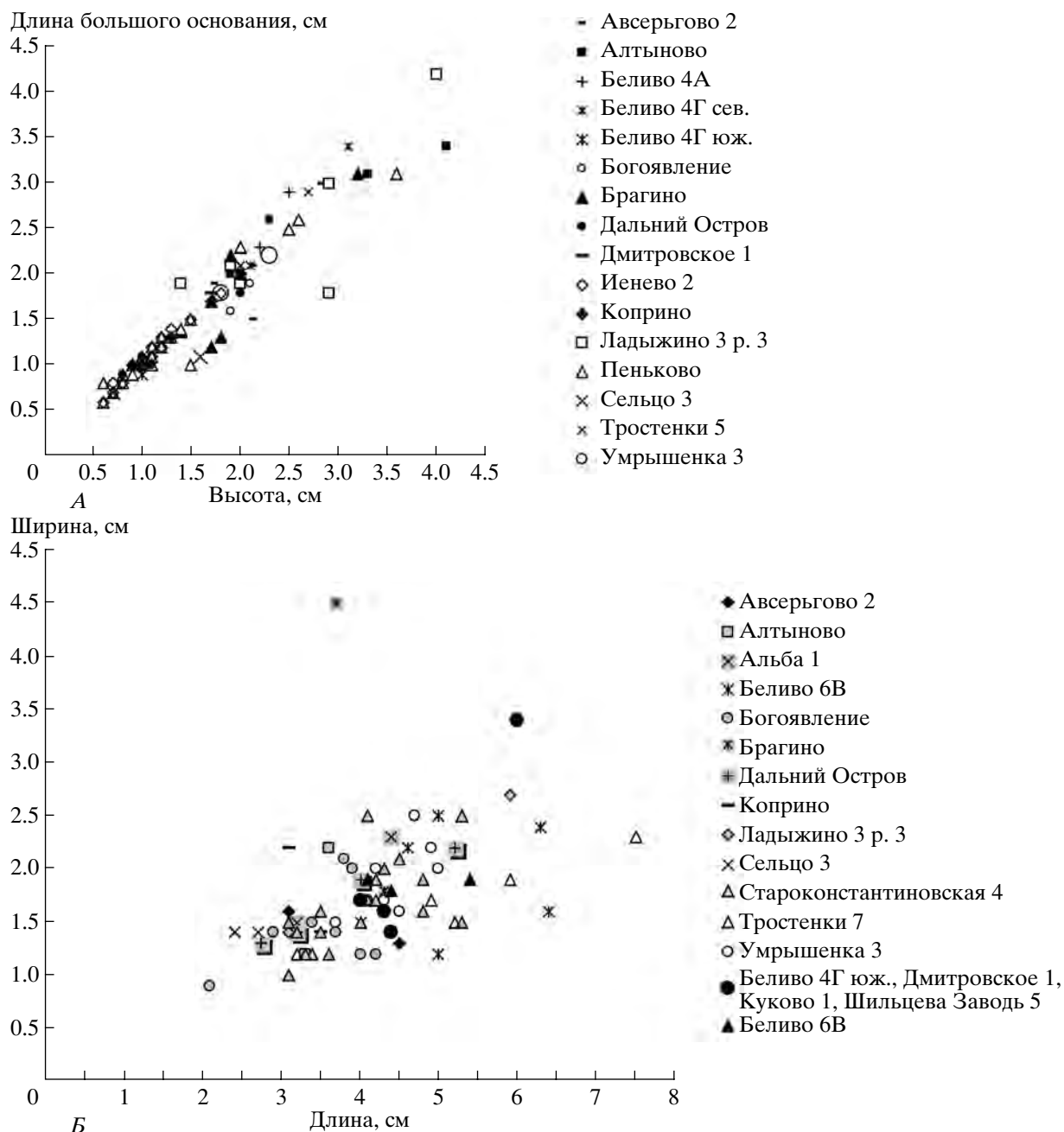

Рис. 4. А – отношение высоты геометрического микролита к длине большого основания; Б – отношение длины к ширине острия с боковой выемкой.

Вторичная обработка черешковых острий

1. Характер ретуши выемок: вертикальная по спинке на обоих выемках 43 предмета из 74. В остальных случаях сочетание ретуши выемок следующее: крутая/вертикальная – (13), крутая/крутая – (4), вертикальная/плоская – (1), вертикальная/полукрутая – (2).

2. Расположение ретуши: 15 предметов – со спинки на брюшко, девять – встречная, девять – с брюшка на спинку.

Сочетание ретуши на выемках: в 50 случаях из 73 ретушь на обеих выемках с брюшка на спинку, три случая – со спинки на брюшко на обеих выемках, противоположащая ретушь – девять; встречная спинка/встречная – семь случаев, один случай сочетания встречная/встречная.

Отмечается явное преобладание вертикальной ретуши (82%) по спинке (83 %). Ретушь по брюшку выделена только на 17 предметах (12%), а встречная на 7 (5%). Двухсторонняя и перемежающаяся

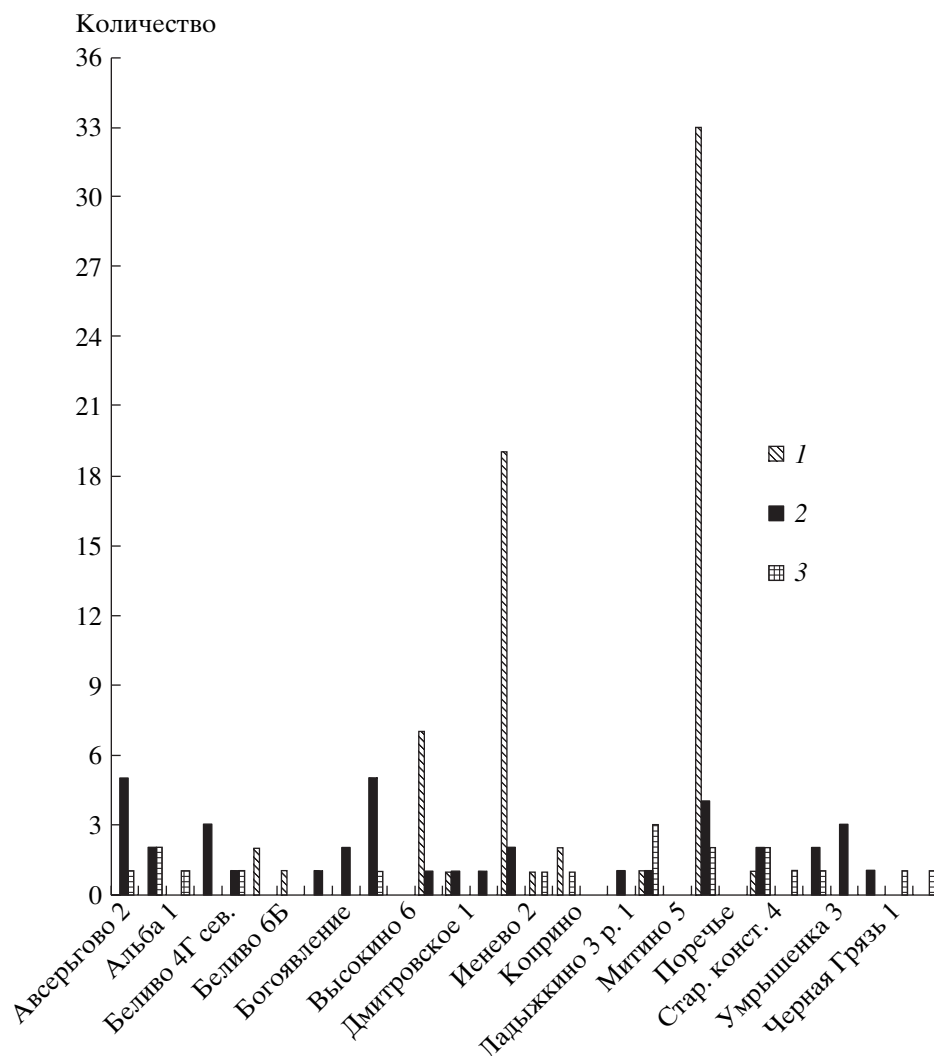

Рис. 5. Геометрические микролиты: 1 – мелкие, 2 – средние, 3 – крупные.

ретушь не встречены. Крутая ретушь встречается нередко (16%). Предметы, обработанные полукрутой ретушью единичны (2%).

На стоянках Староконстантиновская 4, Алтыново, Еловка 2, Богоявление отмечены единичные случаи противоположащей ретуши. В материалах некоторых памятников на черешке черешковых острий зафиксирована плоская ретушь на брюшке: Белово 4А, Богоявление, Ладыжино 3 р. 1, Ладыжино 3 р. 3, Пеньково, Староконстантиновская 4. В материалах Усть-Тудовки 1: полукрутая ретушь на спинке.

3. По размещению ретуши на пере черешковых острий выделились следующие комбинации: без ретуши на пере; наконечники со скошенным концом (ретушью обработана первая треть пера наконечника); наконечники со скошенным краем (ретушью обработано не меньше двух третей изделия); наконечники с ретушированной третьей

частью пера, прилегающей к черешку; наконечники с полностью ретушированным одним краем; наконечник с одним полностью ретушированным краем и другим скошенным концом; наконечник со скошенным по двум краям концом; наконечник с одним полностью ретушированным и другим скошенным краем.

В большинстве случаев, у черешковых острий есть ретушь на пере (62%), но процент острий с необработанным пером велик (38%). Среди острий с ретушированным пером выделяются острия с ретушированным по одному краю пером и острия с пером, ретушированным по двум краям. Острия с пером, ретушированным по одному краю, преобладают (36 предметов из 41, т.е. 88%); перо ретушировано по спинке – 90%, по брюшку – 7% и встречаемая – 2%. Ретушь пера острия вертикальная и крутая (соответственно 57 и 43%). случаев ис-

пользования полукрутой или пологой ретуши – нет.

4. У большинства черешковых острий *ориентировка оси орудия* совпадает с осью заготовки. Из 64 предметов (для остальных определить ось заготовки оказалось невозможно) у 43 ориентировка совпадает (67, 2%). Значителен процент орудий, ориентированных под углом к оси заготовки, – 23, 4% (15 предметов). Орудия, ориентированные перпендикулярно к оси заготовки (3,1%), и орудия с осью, противоположной оси орудия (6,3%), представлены незначительным процентом.

Вторичная обработка геометрических микролитов

1. Оформление ретушированных краев. Большинство геометрических микролитов оформлено вертикальной ретушью по спинке (102). Вертикальная ретушь характерна для всех 150 предметов. Различия наблюдаются лишь в расположении ретуши. Выделены следующие комбинации: брюшко/брюшко (5), противоположная (11), брюшко/встречная (2), встречная/встречная (4), встречная/спинка (16).

2. Выпуклость ретушированных краев. Комбинации: прямой/прямой (53), выпуклый/выпуклый (1), вогнутый/вогнутый (21), прямой/выпуклый (7), прямой/вогнутый (31), выпуклый/вогнутый (9).

У всех геометрических микролитов *угол между длинным ретушированным краем и большим основанием* находится в интервале от 45 до 90° (включительно). Исключение составляет один треугольник на Ладыжино 3 р. 1, у него угол меньше – 32°.

Таким образом, для иеневской культуры характерны: 1. Черешковые острия, черешок которых обработан вертикальной, реже крутой ретушью с брюшка на спинку, реже со спинки на брюшко или вертикальной ретушью. Плоская ретушь на черешке – уникальный признак, являющийся особенностью памятника. Перо либо не обрабатывалось, либо ретушью был скошен конец или край. Другое местоположение ретуши на пере встречается редко. Ретушь одного края полностью встречается редко и показательна для нескольких памятников: Ладыжино 3 р. 1, р. 3, Старокопниновская 4, для Коприно и Алтыново – это единичные вещи.

2. Острия с боковой выемкой, у которых *дрк* и выемка оформлены вертикальной, реже крутой ретушью с брюшка на спинку. Использование приема ретуширования основания связано, мне кажется, в случае вертикальной или крутой ретуши с затупливанием тонкого или чересчур острого основания острия, а плоская ретушь связана, вероятно, наоборот, с уплощением заготовки. В трех случаях (Беливо 4А, Беливо 6В, Еловка 2) плоская ретушь на малом основании сочетается с встречной ретушью по длинному ретушированному краю (в двух

случаях и с коротким ретушированным краем), т.е. достаточно толстую или неудачную заготовку модифицировали подобным образом.

3. Геометрические микролиты, главным образом трапеции, у которых вертикальной ретушью оформлены края (*дрк* и *крк*) с брюшка на спинку, реже со спинки на брюшко, встречной или противоположащей ретушью.

По метрическим показателям более крупные черешковые острия и с боковой выемкой отмечены на таких памятниках, как Ладыжино 3 р. 1, р. 3, Усть-Тудовка. Геометрические микролиты, особенно мелкие – на Иенево 2.

Можно заключить, что острие с боковой выемкой в иеневской культуре и является ведущим типом этой культуры, одним из тех типов орудий, наличие которого на памятнике определяет его принадлежность к иеневской культуре. Для него есть четкие характеристики: это вертикальная или крутая ретушь с брюшка на спинку по длинному ретушированному краю и при обработке выемки. Исключения являются особенностью памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическая карта России. Московская обл. Ч. 2. М., 1995.
- Археологическая карта России. Московская обл. Ч. 4. М., 1997.
- Жилин М.Г., Кравцов А.Е. Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Археология верхнего Поволжья. Н. Новгород, 1991.
- Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской Равнины. М., 2004.
- Жилин М.Г., Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Мезолитическая стоянка Беливо 6В // Тр. ГИМ. Вып. 96. М., 1998.
- Истомин К.Э. Классификация кремневых наконечников стрел эпохи мезолита лесной зоны Восточной Европы. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
- Кольцов Л.В. Мезолитический слой стоянки Алтыново // КСИА. Вып. 131. М., 1972.
- Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.
- Кравцов А.Е. Отчет о работах Подмосковского отряда Археологической экспедиции МИРМ в Егорьевском, Воскресенском и Орехово-Зуевском р-не Московской обл. в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11878.
- Кравцов А.Е. Отчет о работах Подмосковского отряда Археологической экспедиции МИРМ в Воскресенском и Орехово-Зуевском р-не Московской обл. в 1988 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 12529.
- Кравцов А.Е. Отчет о раскопках стоянки Дальний Остров в Рузском р-не Московской обл., раскопках и разведках на р. Нерской в Орехово-Зуевском р-не Московской обл. в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14300.
- Кравцов А.Е. К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур // СА. 1991. № 2.

- Кравцов А.Е.* Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по матер. сер. 1980-х – 1990-х гг.) // Тр. ГИМ. Вып. 103. М., 1999.
- Кравцов А.Е., Леонова Е.В.* Новые исследования стоянки Дальний Остров в Подмоскowie // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 2. Рязань, 1992.
- Кравцов А.Е., Луныков В.Ю.* Новая мезолитическая стоянка в западной части Мещерской низменности // РА. 1994. № 2.
- Кравцов А.Е., Жилин М.Г.* Опыт функционально-планиграфического анализа мезолитической стоянки Беливо 4Г – северная // РА. 1995. № 2.
- Кравцов А.Е., Спиридонова Е.А.* О возрасте и природном окружении стоянок иеневской культуры в Тверском Поволжье // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
- Кравцов А.Е., Коннов С.Б.* Стоянка Ладыжино 3 (предварительные результаты исследований 1999 и 2000 гг.) // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.
- Кравцов А.Е., Леонова Е.В.* Структура памятников и вопрос периодизации мезолитической иеневской культуры // Каменный век европейских равнин. Матер. Междунар. конф. Сергиев-Посад, 2001.
- Кравцов А.Е., Агеева К.Е.* Находки финальнопалеолитического облика на стоянке Ладыжино 3 в Калужской области (К проблеме единства археологического комплекса) // Тр. ГИМ. Вып. 158. М., 2006.
- Кравцов А.Е., Сорокин А.Н.* Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
- Крайнов Д.А.* Отчет ВВАЭ ИА РАН СССР. 1970 // Архив ИА РАН. № 4551.
- Леонова Е.В.* Опыт планиграфического анализа иеневских мезолитических стоянок с тонким культурным слоем // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
- Леонова Е.В.* Функционально-планиграфический анализ стоянки Беливо 6В // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.
- Леонова Е.В.* Планиграфический анализ “дюнных” мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
- Леонова Е.В.* Стоянка Авсерьгово 2, мезолитический слой // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.
- Леонова Е.В.* К проблеме археологического содержания иеневской культуры Волго-Окского бассейна. В печати.
- Сорокин А.Н.* Новые данные по мезолиту бассейна р. Оки // Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
- Сорокин А.Н.* Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.
- Сорокин А.Н.* Проблемы мезолитоведения. М., 2006.
- Трусов А.В.* Поречье – памятник иеневской мезолитической культуры на р. Москве // Археологические памятники Москвы и Подмоскowie. Тр. Музея истории Москвы. Вып. 10. Ч. 3. М., 2000а.
- Трусов А.В.* Куково 1 – новый памятник иеневской мезолитической культуры на р. Осетр в Зарайском р-не Московской обл. // Археологические памятники Москвы и Подмоскowie. Тр. Музея истории Москвы. Вып. 10. Ч. 3. М., 2000б.
- Koltsov L.V.* The Main Types of the Mesolithic Flint Arrow Heads and Microliths in the Northwest of USSR // Les Changements, Leurs Causes Dans La Culture Du 7 – 6 Millenaire Av. J.C. En Europe. Warsaw, 1983.

Classification and comparative characteristic of arrowheads and geometric microliths of the Ienevo Mesolithic culture

K. E. Ageeva

S y m m a r y

Cultural differentiation, cultural attribution and chronological periodization of the antiquities in question is based mainly on arrowheads and geometric microliths. The suggested method of classifying arrowheads and geometric microliths considers an artifact as a sum of structural elements, each of them having important morphogenetic characteristics (qualitative and quantitative). The task is to single out a number of characteristics which would allow to fully reconstruct the appearance of an artifact. Our research demonstrated that in Ienevo culture, arrowheads with indent at the side were the leading type, and their presence at a site indicates that it belongs to the Ienevo culture. It has distinct peculiarities: vertical or abrupt retouch from ventral to dorsal side on the long retouched side and at the indent. Exceptions are a peculiarity of the site.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ЗАКУБАНИЯ

© 2007 г. А. А. Клещенко

Институт археологии РАН, Москва

История изучения памятников эпохи бронзы в Закубанье началась с раскопок Н.И. Веселовского в конце XIX – начале XX в. В период с 1898 по 1914 г. им были исследованы более десяти могильников. После этого – вплоть до 70-х годов XX в. раскопок степных курганов эпохи средней бронзы в Закубанье почти не проводилось. С 1970-х годов начинается более активное археологическое изучение региона, связанное с охранными раскопками в зонах строительных и мелиорационных работ. В 1970–2000-х годах здесь проводили исследования экспедиции ИА и ИИМК АН СССР, Государственного Эрмитажа, Государственного музея искусства народов Востока, Краснодарского государственного музея-заповедника, Кубанского государственного университета и других организаций. Раскопки проводились под руководством А.А. Нехаева, В.А. Тарабанова, Ю.Н. Лимберис и И.И. Марченко, А.Н. Гея и О.А. Ульяновой, Е.И. Савченко, В.И. Мельника, И.А. Сорокиной, В.С. Бочкарева, А.М. Лескова, Е.А. Бегловой, К.А. Днепровского, В.Р. Эрлиха, В.Н. Каминского и И.В. Цокур, Л.К. Галаниной и А.Ю. Алексеева, А.В. Шишлова, Е.И. Нарожного, О.Ф. Жупанина, А.Д. Резепкина, Ел.Н. Черных и других археологов. Поскольку раскопки велись по большей части в зонах строительства, изученность различных районов Закубанья далеко не одинакова. Наиболее интенсивные работы проводились в бассейнах реки Лаба и на современной территории Абинского р-на Краснодарского края (реки Хабль и Бугундырь) (рис. 1). Тем не менее, в целом, имеющаяся серия памятников репрезентативна и позволяет делать выводы об особенностях погребальной обрядности населения Закубанья в эпоху средней бронзы.

На современном этапе работы нами было учтено 40 могильников, в которых раскопано 136 курганов с 585 погребениями (376 погребений из 111 курганов – в ямах и 209 из 82 курганов – в катакомбах), относящихся к эпохе средней бронзы. Стратиграфически они следуют за комплексами майкопско-новосвободненской общности и предшествуют памятникам поздней бронзы и последующего времени (рис. 1). По типу могильного сооружения и позе погребенного для данной серии погребений было выделено пять типов: скорченно на спине в яме (“ямного облика”), скорченно на бо-

ку в яме¹ – часто с разворотом на спину (“новоторовского облика”), вытянуто на спине в яме (“классические северокавказские” погребения), вытянуто на спине в катакомбе и скорченно на боку в катакомбе (табл.).

Следует оговориться, что данная работа не имеет целью полный и всесторонний анализ рассматриваемых материалов. Речь идет только о погребальном обряде. За рамками исследования остаются такие крупные темы, как общая история изучения памятников эпохи средней бронзы предгорной зоны Северного Кавказа, анализ погребального инвентаря, общая сравнительная характеристика и сопоставление с синхронными культурными группами соседних территорий, проблемы происхождения и исчезновения данных памятников в регионе.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД РАННЕГО ЭТАПА ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ЗАКУБАНИЯ

Планиграфия могильников. Современное состояние источниковой базы не дает возможности обстоятельно говорить о характерных особенностях планировки могильников, целиком созданных носителями погребального обряда эпохи средней бронзы: на сегодняшний день более или менее комплексно исследованы только 10 могильников из 40 нам известных. Это могильники Геймановский, Чернышевский I, Уляп, Келермесский, Большой Петропавловский, Михайловский, Владимирский, Свободный Мир, Общественные I и II, где раскопано пять и более курганов, содержащих погребения рассматриваемых групп. Достоверно можно сказать, что семь из них были сооружены на месте уже существовавших курганных кладбищ майкопской культуры. Поскольку ни один из перечисленных памятников не был исследован полностью, можно предположить, что создатели остальных могильников также ориентировались на майкопские курганы.

¹ В таблице приводится общее число скорченных погребений на правом (71) и левом (8) боку, так как по всем показателям (включая ориентировки и стратиграфическое положение) они сходны. Рассмотрение же отдельно группы из восьми погребений, с нашей точки зрения, совершенно неинформативно.

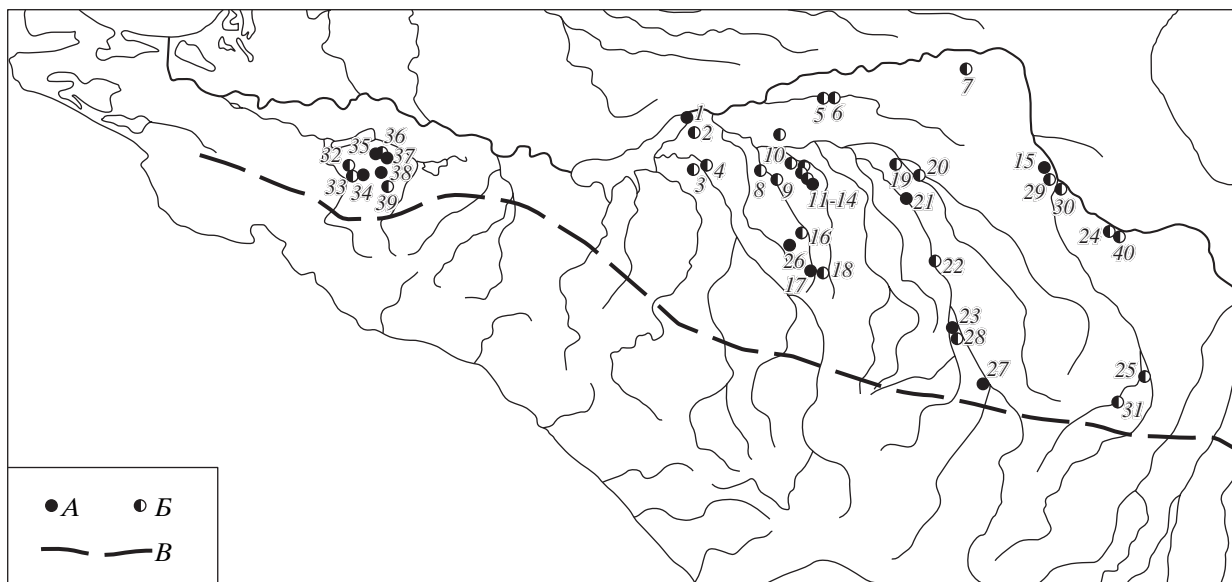

Рис. 1. Общая карта памятников эпохи средней бронзы Закубанья: А – могильники, содержащие только погребения раннего этапа средней бронзы; Б – могильники, содержащие погребения раннего и позднего этапов средней бронзы; В – граница степной и лесной предгорной зон; 1 – К/з “Родина”; 2 – Красногвардейский; 3 – К/з им. Кирова; 4 – Садовый; 5 – Дальний; 6 – Геймановский; 7 – С/з “Венцы Заря”; 8 – Дукмасовский; 9 – Мокрый Назаров; 10 – Уляп; 11 – Веселый; 12 – Чернышевский I и II; 13 – Серегинский; 14 – Дорошенко I; 15 – Новокубанский; 16 – Келермесский; 17 – К/з им. Энгельса; 18 – Красноульский; 19 – Большой Петропавловский; 20 – Михайловский; 21 – Курганинский; 22 – Владимирский; 23 – Ипподромный I; 24 – Успенский; 25 – Большедзегинский; 26 – Белореченский; 27 – Свободный Мир; 28 – Мостовской; 29 – Юбилейный; 30 – Вольное; 31 – Спокойная; 32 – Бугундырь VI; 33 – Бугундырь IV; 34 – Черноклен; 35 – Общественный I; 36 – Общественный II; 37 – Мингрельский II; 38 – Циплиевский кут; 39 – Сатурн; 40 – Курган у с. Успенское.

Если погребение совершалось в уже существовавшей насыпи раннебронзового века, то курган обычно перекрывался досыпкой. Одна и та же насыпь могла перекрываться много раз. В кургане № 9 Владимирского могильника, возведенного над майкопским погребением, только для погребений средней бронзы было сделано семь досыпок – наибольшее число из известных случаев.

Количество погребенных в одном кургане на раннем этапе средней бронзы колеблется от 1 до 20 (Чернышевский I курганы 1 и 5). Средняя плотность погребений в одном кургане составляет 3.27; при этом в большинстве курганов (более 60%) совершено от двух до пяти захоронений рассматрива-

емого периода, в два раза меньше число курганов с одним погребением раннего этапа средней бронзы, меньше всего курганов, содержащих от шести и более погребений (10%). Необходимо отметить постоянное стремление населения этого периода к расширению пространства могильников: в 75 курганах из 115 (т.е. в 65% случаев) погребения раннего этапа средней бронзы являлись основными.

Курганы с погребениями эпохи средней бронзы, как правило, расположены на плоских коренных террасах рек и балок, сообщающихся так или иначе с главными водными артериями Закубанья, – реками Кубань, Лаба, Белая, а также малыми левобережными притоками Кубани в нижнем ее течении. Предпочтение могло отдаваться просторным высоким площадкам, пространство которых позволяло бы не ограничивать наращивание могильника.

Особенностью погребальной обрядности средней бронзы является большое количество (до полутора десятков) впускных захоронений. Это резко отличает ее от майкопско-новосвободненской, где доминировала “индивидуально-курганная практика” (Кореневский, 2004. С. 15). Погребения обычно сконцентрированы в центре кургана и на незначительном от него расстоянии (в радиусе 5–11 м). Случаи обнаружения погребений в полах кургана редки.

Высота курганов различна и связана с количеством досыпок. Стандартные размеры первичных

Количественное и процентное соотношение различных групп погребений эпохи средней бронзы Закубанья

Поза погребенного	Количество	% от общего числа погребений эпохи средней бронзы
Скорчено на спине в яме	41	7
Скорчено на боку в яме	79	13.5
Вытянуто в яме	256	43.8
Вытянуто в катакомбе	193	33
Скорченно в катакомбе	16	2.7
Всего	585	100

насыпей типичны для памятников эпохи средней бронзы других территорий: 20–30 м в диаметре и 1–3 м в высоту. В связи с качеством раскопок и состоянием отчетности зачастую нельзя определить размеры и характер досыпок. Можно сказать, что в некоторых случаях применялась практика досыпок кургана сбоку, когда погребение совершалось в поле или рядом с курганом и перекрывалось новым слоем с напольной стороны, – этот способ наращивания кургана известен в памятниках соседних новотиторовской и восточноприазовской катакомбной культур (Гей, 2000. С. 113). В нескольких случаях наблюдается синхронное перекрытие насыпью нескольких (обычно – двух) погребений; при этом курган возводился таким образом, что погребения оставались симметричными относительно его центра. К сожалению, мы все еще не имеем достаточной серии для выяснения взаимоотношения отдельных курганов в могильниках между собой, в связи с чем остается открытым вопрос о логике и этапах их сооружения. Ответы могут дать только последующие полевые исследования, применение радиоуглеродного и палеопочвенного анализов.

Стратиграфия и планиграфия подкурганных кладбищ. Если следовать методу выделения обрядово-стратиграфических групп, то в исследуемой серии по положению погребенного и ориентировке можно выделить 20 подгрупп: 5 – для скорченных на спине, 7 – для скорченных на боку и на боку с завалом на спину и 8 – для вытянутых погребений. Для них учтено 286 случаев стратиграфии (рис. 2). При этом фиксировались все случаи: оппозиция основное/впускное, погребения, относимые к разным насыпям, отдельные случаи прямого перекрытия впускных погребений друг другом.

Незначительное число случаев перекрестной стратиграфии между группами скорченных на спине (“ямного облика”) на боку (“новотиторовского облика”) дает основание говорить об их синхронном существовании: в 12 случаях скорченные на боку погребения являлись впускными при скорченных на спине, обратная картина наблюдается в 13 случаях. Надо отметить, что практика положения погребенного скорченно на спине, являющаяся традиционной для степных погребений ранней бронзы (“классическая” поза в ямной культуре), хоть и незначительно, но все-таки проявляется в серии погребений эпохи средней бронзы Закубанья. Подобная тенденция характерна и для Прикубанья, где А.Н. Гей включил группу скорченных на спине погребений во II–III этапы новотиторовской культуры (11–12% от общего числа погребений) на основе стратиграфии и планиграфии курганов и анализа инвентаря (2000. С. 99–106. Рис. 56). Среди памятников Закубанья доля таких комплексов также составляет 11%. Возможно, что некоторые из этих погребений могут относиться к “древнеявному горизонту”, но малочисленность данной

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1						1							3							2
2													1							
3						1														
4	2			1	2	1														
5	1					2							2							
6	1				2	1		2					6	3	1		1			3
7	1						1	1					1			1				
8							1	1					2							
9												1								
10							1						1							
11	2			1	1	1							1							1
12					1	3							2		1					
13	6	1		5	4	11	8	5		4	4		27	13	7		1			10
14	2				2	9	3	3		1		2	13	6	1					3
15						1	3	3	1			1	4	1						
16							2	1	2				1							
17														1						
18				1			2													
19	1												1							1
20	3			2	4	6	2	3			2	2	13	4						2

Рис. 2. Стратиграфическое соотношение различных групп погребений на раннем этапе средней бронзы Закубанья.

группы и безынвентарность подавляющего числа комплексов не дает возможности для их дифференциации. С большей или меньшей вероятностью хронологический приоритет имеют 6–8 комплексов, которые являлись основными при погребениях других групп.

В общем же проведенный обрядово-стратиграфический анализ показал определенный хронологический приоритет скорченных групп погребений перед вытянутыми: в 112 случаях скорченные погребения перекрывались вытянутыми, обратная же ситуация зафиксирована в 32 случаях.

Внутри группы вытянутых погребений не зафиксировано стратиграфической градации по ориентировкам: количество случаев перекрытия погребений с той или иной ориентировкой друг другом практически симметрично (рис. 2). Если в некоторых культурах эпохи средней – поздней бронзы (ямной, новотиторовской, лопатинской, срубной и других) на разных этапах преобладает та или иная ориентировка, то в данном случае мы имеем дело с устойчивыми традициями положения умершего (головой на В и СВ, реже – на ЮВ) на всем протяжении существования данной погребальной традиции. При этом доминирование ориентировки на восток в Закубанье является нормой для всех групп погребений раннего этапа средней бронзы (рис. 3).

Дополнительную информацию для понимания системы погребальной обрядности дает анализ курганной планиграфии. По местоположению в кургане все погребения можно разделить на три группы: основные, включенные в систему кольцевого кладбища и “хаотичные”. Кольцевая организация структуры подкурганного кладбища была

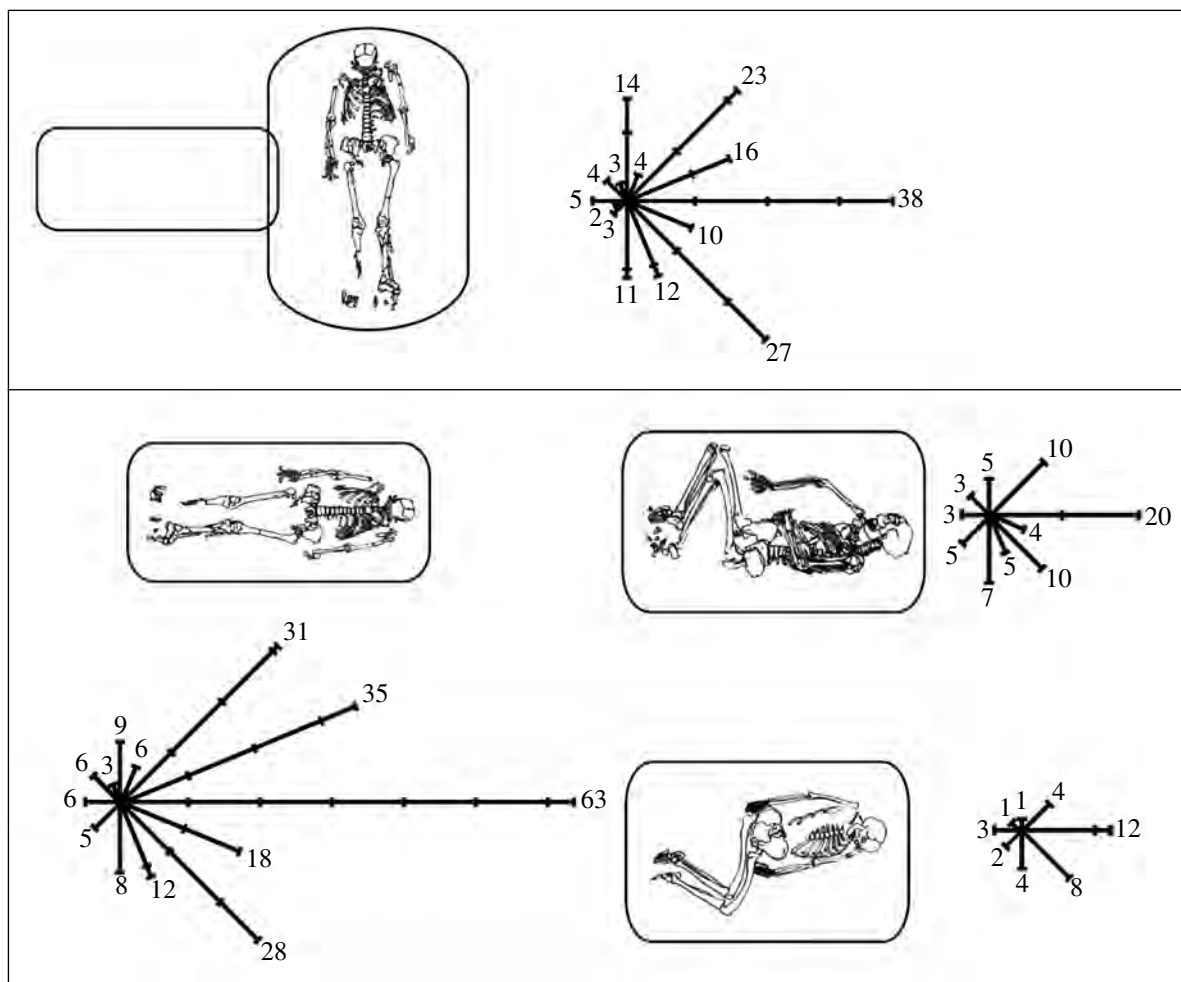

Рис. 3. Аккумулятивная схема ориентировок различных групп погребений средней бронзы Закубанья.

свойственна многим степным археологическим культурам эпохи энеолита – бронзы Причерноморья. В частности, она прослежена в курганах новотиторской культуры Прикубанья, где соблюдался принцип сочетания основной ориентировки (западной) и кольцевой структуры (Гей, 2000. С. 113–115). Для памятников раннего этапа средней бронзы в Закубанье наблюдается зеркально противоположная картина, когда организация подкурганного кладбища соотнобразуется с доминирующей восточной ориентировкой. Большинство впускных погребений здесь, таким образом, имея восточную и северо-восточную ориентировку, совершены соответственно в южном и юго-восточном секторах кургана.

Характеристика погребений. В 258 случаях (из 376 погребений раннего этапа средней бронзы) с разной мерой полноты прослежены особенности погребального сооружения. Одной из характерных черт в обряде являлось перекрытие могилы (прослежено в 177 погребениях). Оно обычно сооружалось из деревянных жердей или слоев циновки. В редких случаях в виде перекрытия использо-

вался настил их толстых бревен. Отмечены случаи перекрытия несколькими слоями различных материалов: дерево и циновка, дерево и камыш, камыш или дерево, обмазанные глиной и другие сочетания. Деревянные перекрытия в подавляющем числе случаев лежали перпендикулярно длинной оси ямы. Случаи продольного перекрытия единичны. Как представляется, это было связано с тем, что поперечное перекрытие, во-первых, прочнее, а во-вторых, его элементы легче транспортировать к месту погребения.

Перекрытия иногда были настолько мощные, что способны были выдержать забутовку могилы галькой или речными валунами. Отмечено 10 таких погребений (Владимирский к. 4, п. 1; к. 9, п. 22; к. 6, п. 2; Мокрый Назаров к. 5, п. 5; Келермесский к. 21, п. 3, 4; к. 6, п. 1; Уляп Чернышов курган 6 и Чернышевский I к. 1, п. 11). Традиция использования камня в погребальном обряде эпохи средней бронзы характерна для предгорных и горных районов Центрального Предкавказья (Кореневский, 1990). В Закубанье, как видно, это также является локальной особенностью обряда – все комплексы

с использованием камня сосредоточены вдоль течения р. Лаба и ее притоков. В других районах этого компонента не обнаружено.

В некоторых случаях перекрытие было частичным или полностью обожжено. Применение огня не редкость для степных подкурганых кладбищ на протяжении всего времени энеолита – бронзового века. Эта деталь обряда характерна для памятников мариупольского типа, постмариупольской (квитянской), ямной, новотиторовской и других предшествующих и синхронных северокавказской культур. В Закубанье же применение огня скорее редкость, чем норма.

Еще одной характерной чертой погребальных сооружений рассматриваемых памятников является наличие заплечиков – уступов по краям основной ямы. Учтено 70 погребений с заплечиками². С одной стороны, очевидно их функциональное назначение – с целью сооружения перекрытия. Однако здесь большую роль играет и традиция: сооружение ям с уступами было распространено в эпоху ранней бронзы в погребениях степной зоны – в памятниках “нижнемихайловско-новосвободненской группы” (Гей, 2000. С. 116) и новотиторовской культуры.

Основной тип ям, как для чистых северокавказских, так и групп скорченных погребений – прямоугольные, чаще всего с закругленными углами (80% от общего числа прослеженных конструкций). Отклонениями являются трапецевидные (12%) и овальные (8%) в плане ямы. Определяемая глубина их обычно небольшая – 0,5–1 м, однако есть погребения глубиной до 2 м. Размеры их обычно продиктованы положением скелета: для вытянутых соотношение длины к ширине составляет в среднем 2/1, для скорченных – 1,5/1. Это отличает погребения средней бронзы от майкопских памятников Закубанья предшествующего периода, где ямы обычно просторные и никак не связаны с возрастом и положением скелета. С другой стороны, тесные ямы были характерны для степных “новосвободненских” погребений предшествующего периода.

Принципиальным, но, видимо, не всегда выдерживаемым правилом было наличие подстилки под погребенным (зафиксированы в 60% всех погребений). Обычно цвет подстилки определяется как бурый или коричневый различных оттенков. Встречаются следы циновки, травяных и глиняных подушек под верхней частью скелета. Нередки случаи сочетания коричневого тлена и мела, коричневого тлена и белесых разводов (остатки ка-

мышья?) и другие варианты. Возможно, что “подстилка” использовалась первоначально как носилки, на которых покойный доставлялся к месту погребения и опускался в яму. На такую мысль наводит использование в некоторых случаях в виде подстилки деревянного ложа, оформленного в том числе по краям жердями для прочности. В трех случаях зафиксированы следы облицовки стен деревом или корой (Дальний к. 2, п. 3; Большой Петропавловский к. 1, п. 6; к. 4, п. 2). В семи случаях на погребенных были обнаружены следы покрова (одежды?) коричневого, черного или желтого цвета (Большой Петропавловский к. 6, п. 7; Владимирский к. 9, п. 8; Общественный II к. 5, п. 4; Келермесский к. 6, п. 3, 5, 6; Ипподромный к. 5, п. 11).

Всего в 20 погребениях встречаются угольные подсыпки (в основном – в районе головы и груди погребенного), что еще раз свидетельствует о незначительном применении огня в погребальном обряде.

Использование минеральной краски является неотъемлемой чертой в обряде погребений раннего этапа средней бронзы Закубанья. Полная или частичная окраска дна прослежена в 75% случаев. Наиболее часто окрашивание прослежено вокруг ног погребенного (в 70% погребений с применением охры). В 5% случаев прослежена полная окраска дна или вкрапление охры в материал подстилки.

Окраска скелета зафиксирована в 20% от общего числа погребений. Здесь также предпочтение отдавалось области ног (особенно часто окрашены стопы – в 25% от зафиксированных случаев окраски). Случаи окраски всего скелета единичны. Это резко отличает погребения раннего этапа средней бронзы от предшествующих степных культур (ямной, постмариупольской, погребений новосвободненского типа и др.), для которых полная окраска скелета была широко распространена.

Рассмотренные погребения раннего этапа средней бронзы Закубанья отличаются от синхронных памятников других территорий ярко выраженным единообразием. Прежде всего это проявляется в стандартизации погребального сооружения (яма, а не яма и катакомба – как в Прикубанье, Ставрополье и более северных степных территориях); доминирующим является вытянутое положение умершего; традиция восточной ориентировки сохраняется на всем протяжении бытования этих памятников. Показательно при этом практически полное отсутствие в Закубанье раннекатакомбных погребений.

Отклонения от указанных стандартов представлены погребениями, охарактеризованными здесь как погребения “новотиторовского” и “ямного облика” (скорченные на боку и спине). А.Н. Гей объединил их в локальную группу памятников новотиторовской культуры (“петропавловская группа” – по могильнику Большой Петропавловский), существование которой в регионе было недолгим и

² Истинная их доля, естественно, намного больше – исследователями не раз отмечалось, что наличие заплечиков трудно определить из-за объективного разрушения кургана с течением времени, характера почв, наличия впускных погребений и перекопов. Другой немаловажной причиной потери информации являются некачественные раскопки.

прервалось с появлением северокавказского (вытянутого) обряда (Гей, 2000. С. 110, 111). Автор синхронизировал время существования “петропавловской группы” с переходом от I ко II этапу новотиторовской культуры (по собственной периодизации). Действительно, большинство известных скорченных на боку погребений в Закубанье соответствуют, по позе погребенного, развитому этапу новотиторовской культуры (преобладает положение на правом боку с незначительной долей левобочных погребений). Однако если для новотиторовских памятников на этом этапе доминирующей является западная ориентировка, то подавляющая часть закубанских скорченных на боку (как и скорченных на спине) погребений имеет ориентировку в восточном секторе. Кроме того, сравнительный анализ инвентарного набора из погребений “новотиторовского облика” в Закубанье и собственно новотиторовской культуры Прикубанья, результаты которого, к сожалению, не вмещает объем данной статьи, также обнаруживает существенные отличия между этими группами памятников.

С другой стороны, сходство между группами скорченных и вытянутых захоронений по многим деталям погребальной обрядности, их перекрестная стратиграфия, общая система планировки подкурганного кладбища дают основания воспринимать весь комплекс погребений раннего этапа средней бронзы Закубанья как единую традицию и говорить о существовании в регионе многокомпонентной северокавказской культуры. При этом совершенно не отрицается зафиксированное стратиграфией некоторое хронологическое преобладание скорченных погребений, однако полученные данные исследования позволяют говорить о более длительном существовании “новотиторовских” традиций в “северокавказской” среде. Сочетание в единой погребальной традиции двух типов положения погребенного отмечено и для северокавказских памятников Центрального Предкавказья (равнинной и предгорной зон Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Чечни и Ингушетии) (Корневский, 2006. С. 9, 10). Однако если в Закубанье на погребальные обычаи влиял степной новотиторовский обряд, то в Центральном Предкавказье прослежены связи с предгорными и горными традициями (например, присутствие крупных Т- и У-образных булавок, влияние в керамике поздней куро-аракской культуры и др.) (Николаева, 1980; Корневский, 1986. С. 12–24; 2006. С. 10). Сходство и синхронность подобных явлений на территории Предкавказья, механизм их появления и существования – тема для отдельного разговора.

Нижняя хронологическая позиция северокавказских памятников Закубанья определяется, видимо, концом существования майкопско-новосвободненской традиции в регионе (начало III тыс. до н.э. в калиброванных датах, по С.Н. Корневскому (2004. С. 232. Рис. 113, 114)). При этом отсутствие

прямых заимствований в местном варианте северокавказской культуры от майкопских предшественников позволяет говорить о резкой смене погребального обряда (а следовательно, и мировоззрения) у местного населения или о стремительной смене самого населения Закубанья в конце эпохи ранней бронзы. Финал существования северокавказских памятников, видимо, нужно отнести к третьей четверти III тыс. до н.э. На Ставрополье и в Калмыкии это время связано с развитым этапом восточноманьчской катакомбной культуры; в Прикубанье, видимо, – со сменой восточноприазовской катакомбной культуры батуринскими памятниками³. В это же время катакомбный обряд степного типа проникает в предгорные зоны Кавказа.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПОЗДНЕГО ЭТАПА ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ЗАКУБАНИЯ

Планиграфия могильников. В Закубанье не встречено пока отдельных могильников, организованных населением, оставившим погребения в катакомбах. Большинство катакомб впущены в уже существовавшие насыпи ранней и средней бронзы. Лишь в 15 случаях из 82 насыпей с катакомбными погребениями (т.е. в 20% случаев) они являлись основными, что составляет 7% от общего числа погребений. Количество погребенных в одном кургане на позднем этапе средней бронзы колеблется от 1 до 16 (один случай – Владимирский к. 9). Средняя плотность погребений в одном кургане составляет 2.5; при этом в половине курганов (50%) совершено от двух до пяти захоронений рассматриваемого периода, доля курганов с одним погребением – 40%, меньше всего курганов, содержащих от шести и более погребений (10%). Таким образом, общие количественные нормы размещения погребенных в курганах на позднем этапе средней бронзы не сильно изменяются по сравнению с предшествующим периодом. Однако здесь нужно особо отметить снижение интенсивности курганного строительства (если верить статистике – почти в 10 раз) и использование для погребений уже существовавших насыпей.

Стратиграфия и планиграфия подкурганных кладбищ. Спецификой катакомбных памятников Закубанья является их поздний характер. Исходя из стратиграфических наблюдений, можно констатировать практически преобладание в регионе погребальной традиции трупоположения в ямах пе-

³ Понятия восточноприазовской и восточноманьчской катакомбных культур уже не одно десятилетие используются учеными в характеристике эпохи средней бронзы степной зоны Предкавказья. Несмотря на это, данные группы памятников до сих пор не стали предметом какой-либо обобщающей работы. Такая ситуация чрезвычайно затрудняет интерпретацию синхронных материалов соседних регионов, в том числе – Закубанья.

ред катакомбным обрядом. Исключения составляют несколько погребений раннекатакомбного облика, по вещевому комплексу синхронизирующиеся с северокавказскими погребениями и несколько отличающиеся по обряду от позднекатакомбных погребений. Такие погребения характерны для смежных с Закубаньем степных территорий Ставрополя и севернее – для Калмыкии. Им свойственна асимметричная форма катакомбного сооружения, вытянутая, а также слабоскорченная на спине или на боку с разворотом на спину поза погребного, характерный инвентарь. Остальная часть катакомбных погребений стратиграфически четко отделена от предшествующих погребений в ямах и по всем признакам наиболее близка к “верхнекубанскому варианту памятников предкавказской катакомбной культуры”, выделенному А.Л. Нечитайло (1978).

Случаев перекрестной стратиграфии катакомбных комплексов между собой единицы. Всего в девяти курганах прослежены насыпи и досыпки, сооруженные над катакомбными погребениями. Из них лишь в четырех курганах имеются досыпки над основными захоронениями в катакомбах. Это курганы 3, 4, 7, 12 Успенского могильника.

Уже было отмечено присутствие в массиве катакомбных памятников Закубанья незначительной серии скорченных погребений (16 случаев или 7% от всех погребений позднего этапа средней бронзы). В целом анализ этой группы не позволяет говорить ни о ее хронологическом приоритете, ни о каком-либо другом особом положении в общем массиве катакомбных памятников. На данном этапе исследования следует лишь констатировать сосуществование в регионе традиции вытянутого и скорченного труположения в катакомбах. Это явление можно связать как с продолжением традиций предшествующего периода, так и с контактами носителей этого обряда с населением соседних с Закубаньем территорий.

Анализ курганный планиграфии рассматриваемой группы катакомбных памятников не обнаружил наличия какой-либо определенной структуры. Можно отметить отчетливую тенденцию к совершению впускных погребений в южной половине насыпи (около 70% случаев). Кроме того, из числа погребений с прослеженной катакомбной конструкцией более 2/3 направлены камерами к центру насыпи.

Характеристика погребений. Катакомбные конструкции рассматриваемой группы погребений состоят обычно из шахты вытянутой формы, соединяющейся с камерой входным отверстием (иногда с коротким дромосом). При этом в подавляющем числе случаев (3/4 от общего числа зафиксированных конструкций) шахта примыкала к центральной части камеры под прямым углом (так называемая Т-видная катакомба). В остальных случаях шахта примыкала к одному из углов каме-

ры под прямым или тупым углом; при этом погребенный в камере мог лежать как ногами, так и головой ко входу.

Размеры шахты варьируются достаточно сильно: ширина – от 0.5 до 1.5 м, длина – от 1 до 3 м. При этом среднестатистическое соотношение длины к ширине определяется как 2.4. Форма шахты в плане также различна: прямоугольные (50 случаев), овальные (60 случаев); очень редко прослежены круглые (3) и трапециевидные (2) входные колодцы. Длина камеры колеблется от 1.6 до 3 м, ширина – от 0.8 до 2.3 м. Среднее соотношение длины к ширине – 1.6.

В 32 случаях отмечено наличие каменного (20) или деревянного (10) заклада перед входом в камеру. Не исключено, что в виде деревянного заклада могло использоваться колесо от повозки: такого рода сооружения характерны для катакомбных памятников соседних территорий, однако наверняка утверждать это нельзя из-за плохой сохранности материала. В единственном случае зафиксирована забутовка входной шахты галькой (Уляп к. 7, п. 1). Редкое использование камня в погребальном обряде сближает катакомбные памятники с предшествующими погребениями в ямах.

Особо следует отметить ситуацию с ориентировками в катакомбных памятниках. Их среднестатистическое соотношение повторяет картину ориентировок предшествующих северокавказских памятников (рис. 3): доминирующим остается восточное направление положения умершего (70% случаев, в северокавказских памятниках – около 80%). Доля западных ориентировок чрезвычайно мала (9%).

Традиционными остаются и такие детали погребального ритуала, как использование подстилок и краски. Подстилки встречены в 65% погребений. Вместе с растительным тленом встречаются меловые подсыпки (например, в Успенском могильнике мел⁴ присутствует почти во всех катакомбных погребениях). Следы охры обнаружены более чем в половине погребений. Как и в предшествующий период, преобладает окраска дна вокруг нижней части ног. Особо следует отметить интенсивность окрашивания зоны справа от берцовых костей и стоп. Случаи окрашивания всей площади дна камеры очень редки (5). Так же редка окраска костей самого покойного. Из 20 таких случаев в 17 окрашены ноги.

Представленную группу катакомбных памятников Закубанья по инвентарному комплексу, видимо, следует синхронизировать с памятниками “верхнекубанского варианта предкавказской катакомбной культуры” (определение А.Л. Нечитайло) на юго-востоке, с поздним этапом восточнома-

⁴ Необходимо отметить, что фиксация авторами раскопок “меловой подсыпки” или “побелки” на дне и стенках погребения часто обманчива и связана с особенностью местной почвы (см.: Борисов и др., 2006. С. 16, 17).

нычской катакомбной культуры – на востоке и батуриными памятниками – на севере от рассматриваемой территории (Клещенко, Панасюк, 2006). Время ее существования в калиброванных датах приходится на последние столетия III тыс. до н.э. На это указывает недавно выделенная в южном Предкавказье, и в том числе в Закубанье, группа памятников финала средней бронзы (XXII–XVII вв. до н.э. в калиброванных датах), стратиграфически следующая за катакомбными погребениями, а возможно, на определенном этапе и синхронная им (Мимоход, 2006. С. 249–253).

При сравнении катакомбных памятников Закубанья с погребениями раннего этапа средней бронзы кроме сходства (продолжения традиции?) отдельных деталей обряда обращает на себя внимание, прежде всего, абсолютное доминирование на всем протяжении эпохи традиции вытянутого трупоположения в сочетании с ориентировкой в восточном секторе. Появившись в Предкавказье на рубеже ранней и средней бронзы, этот обряд, так или иначе, проявлялся в различных регионах. Так, в северо-западном Прикаспии и на Ставропольской возвышенности этот обряд представлен значительной серией погребений раннего этапа эпохи средней бронзы – как в ямах, так и в катакомбах. Синхронность этих погребений фиксируется по перекрестной стратиграфии, инвентарю и некоторым деталям обряда. Однако в названных регионах традиция вытянутой ингумации в ямах и катакомбах практически пресекается с переходом к развитому этапу средней бронзы – ко времени восточноманычской катакомбной культуры. Здесь обращает на себя внимание не только резкая, но и кардинальная смена обряда: Т-видная катакомба уступает место Н-видной, вытянутое положение умершего скорченному, резко меняется набор керамических форм и вообще всего погребального инвентаря.

На фоне этих перемен на восточных и северо-восточных границах, феномен стабильности обрядовых норм в Закубанье нуждается в отдельном пристальном рассмотрении. Можно предпо-

ложить, что именно периферийное положение степного Закубанья позволило местному населению в течение более длительного, чем в других зонах, времени сохранять культурную гомогенность и не допускать проникновения на свою территорию традиций катакомбного обряда. В то же время отсутствие случаев обратной стратиграфии между погребениями двух рассматриваемых этапов говорит о стремительной (как и в конце эпохи ранней бронзы) смене обряда в регионе. Был ли этот процесс “добровольным”, или же он связан с миграцией носителей катакомбной обрядности в Закубанье – сказать сейчас невозможно из-за отсутствия серии краниологических определений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисов А.В., Демкина Т.С., Демкин В.А. Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы: IV–II тыс. до н.э. М., 2006.
- Гей А.Н. Новотиторовская культура. М., 2000.
- Клещенко А.А., Панасюк Н.В. Позднейший этап развития катакомбных памятников в предгорной зоне Северного Кавказа // I Абхазская археологическая конференция. Матер. конф. Сухум, 2006.
- Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы бассейна р. Кубань // I Абхазская археологическая конференция. Матер. конф. Сухум, 2006.
- Корневский С.Н. Т- и У-образные булавки эпохи средней бронзы Большого Кавказа и Предкавказья // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986.
- Корневский С.Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990.
- Корневский С.Н. Древнейшие скотоводы и земледельцы Предкавказья. М., 2004.
- Корневский С.Н. К проблеме исследования памятников бронзового века // Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. Матер. охранных археол. исследований. Т. 6. М., 2006.
- Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.
- Николаева Н.А. Выделение Кубано-терской культуры ранне- и среднебронзового века // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.

Middle Bronze Age burials in the Transkuban' region

A. A. Kleschenko

Summary

The article is devoted to current issues of studying Middle Bronze Age burials in steppe Transkuban' region. The author gives a brief history of the study and analyzes 40 burial grounds, in which 136 barrows with 585 Middle Bronze Age burials were investigated. Detailed analysis of funeral rites in various groups of pit and catacomb burials allows to conclude that throughout the entire Middle Bronze period certain norms of the rite were especially persistent. These are, first of all, stretched position of the corpse and eastward orientation. In addition, the author concludes that local North Caucasian sites of the early Middle Bronze stage had many components, and combined elements of classical North Caucasian ritual with neighboring Novotitorovo traditions.

ЛОЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА ФИНАЛА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ

© 2007 г. Р. А. Мимоход

Институт археологии РАН, Москва

В последнее время удалось заполнить культурно-хронологическую лакуну между катакомбными и позднебронзовыми памятниками в степной полосе юга России. В Нижнем Поволжье были намечены пути выделения посткатакомбного пласта погребений финала средней бронзы (Шарафутдинова, 2001. С. 148–153; Кияшко, 2003. С. 30, 31; Литвиненко, 2004. С. 103–105), представленные криволукской культурной группой (Мимоход, 2004. С. 108–114). В Северо-западном Прикаспии была выделена лолинская культура (Мимоход, 2003; 2004). Оказалось, что распад катакомбных культур в Днепро-Волжском регионе и степном Предкавказье проходил фактически одновременно, и на их основе оформился блок посткатакомбных культурных образований, представленный, на данный момент, бабинской, лолинской культурами и криволукской культурной группой (Мимоход, 2005. С. 70–74).

Особое место в посткатакомбном блоке принадлежит лолинской культуре. Она является важным связующим звеном между культурными образованиями рубежа средней-поздней бронзы Кавказа и северной степи. Эпонимным для культуры стал Первый Лолинский могильник (Лола I), исследовавшийся в 1961–1963 гг. И.В. Синециным и У.Э. Эрдниевым (Синецын, Эрдниев, 1963; 1966). Здесь были исследованы погребения всех этапов развития культуры. Причем большая часть захоронений были основными в курганах.

В историографии памятники лолинской культуры по-разному культурно атрибутировались. В 1960–1970-х годах лолинские погребения относились чаще всего к позднекатакомбному и срубному времени (Синецын, Эрдниев, 1963; 1966; Сафронов, 1974; Синецын, 1978). Уже тогда некоторые раннелолинские захоронения были определены как “пережиточные катакомбные” (Сафронов, 1974. С. 100).

К началу 1990-х годов сформировалось представление о том, что в Северо-западном Прикаспии есть ряд захоронений финала средней бронзы, имеющих переходный характер, в которых фиксируется деградация катакомбных культурных стандартов (Куйбышев, Черносвитов, 1984. С. 99; Андреева, Дервиз, 1989. С. 45, 48, 50, 51; Дервиз, 1989. С. 263; Арапов, 1991. С. 119–122).

В дальнейшем все более вырисовывается тенденция культурного и хронологического обособления лолинских захоронений (Братченко, 1995. С. 8–24; Гей, 1995. С. 7; Литвиненко, 1999. С. 157; Илюков, 2001. С. 249; Мимоход, 2002. С. 234, 236; 2003. С. 103–107), вопрос о котором впервые был поставлен П.Д. Дервизом (1989. С. 263). Были намечены линии определения относительной и абсолютной хронологии лолинских памятников и решения проблем внутренней периодизации (Мимоход, 2002. С. 232, 234; 2003. С. 103–107; 2004. С. 109–111; 2005. С. 72; Мимоход, Шишлина, 2004. С. 124–127; Литвиненко, 2004. С. 105, 106; 2005. С. 75, 76; Калмыков, 2005. С. 80).

На сегодняшний день известно около 300 захоронений лолинской культуры¹. Подавляющее большинство их сосредоточено на территории Северо-западного Прикаспия (рис. 1). Активные новостроечные работы в бассейне Восточного Маньча выявили здесь большое количество лолинских комплексов. Группы памятников обнаружены на левых притоках Кумы р. Томузловка и Мокрая Буйвола на Ставрополье и на севере Калмыкии.

Лолинская культура представлена исключительно курганными захоронениями. Погребения были основными, сопровождалась досыпками и впускными. Известны как одиночные лолинские курганы в составе более ранних могильников, так и собственно лолинские могильники самостоятельные или образующие отдельные скопления насыпей в пределах курганного поля. Средняя высота лолинских курганов 0.3–0.6 м, диаметр 15–25 м. Основные погребения и захоронения, сопровождавшиеся досыпками, составляют 21% от всех лолинских захоронений. Для раннелолинского времени этот показатель достигает 48%. Рост собственного курганного строительства в посткатакомбном блоке отмечается для криволукской

¹ Выражаю искреннюю признательность М.В. Андреевой, Я.Б. Березину, В.А. Бабенко, В.В. Дворниченко, А.А. Калмыкову, В.А. Коренько, Л.С. Ляхову, А.Д. Матюхину, Т.М. Мишиной, Н.И. Шишлиной, А.В. Яковлеву, В.В. Яценко за любезно предоставленную возможность опубликовать отдельные вещи и комплексы из их раскопок, а также Дирекции ИА РАН за разрешение опубликовать материалы из раскопок В.П. Шиловой.

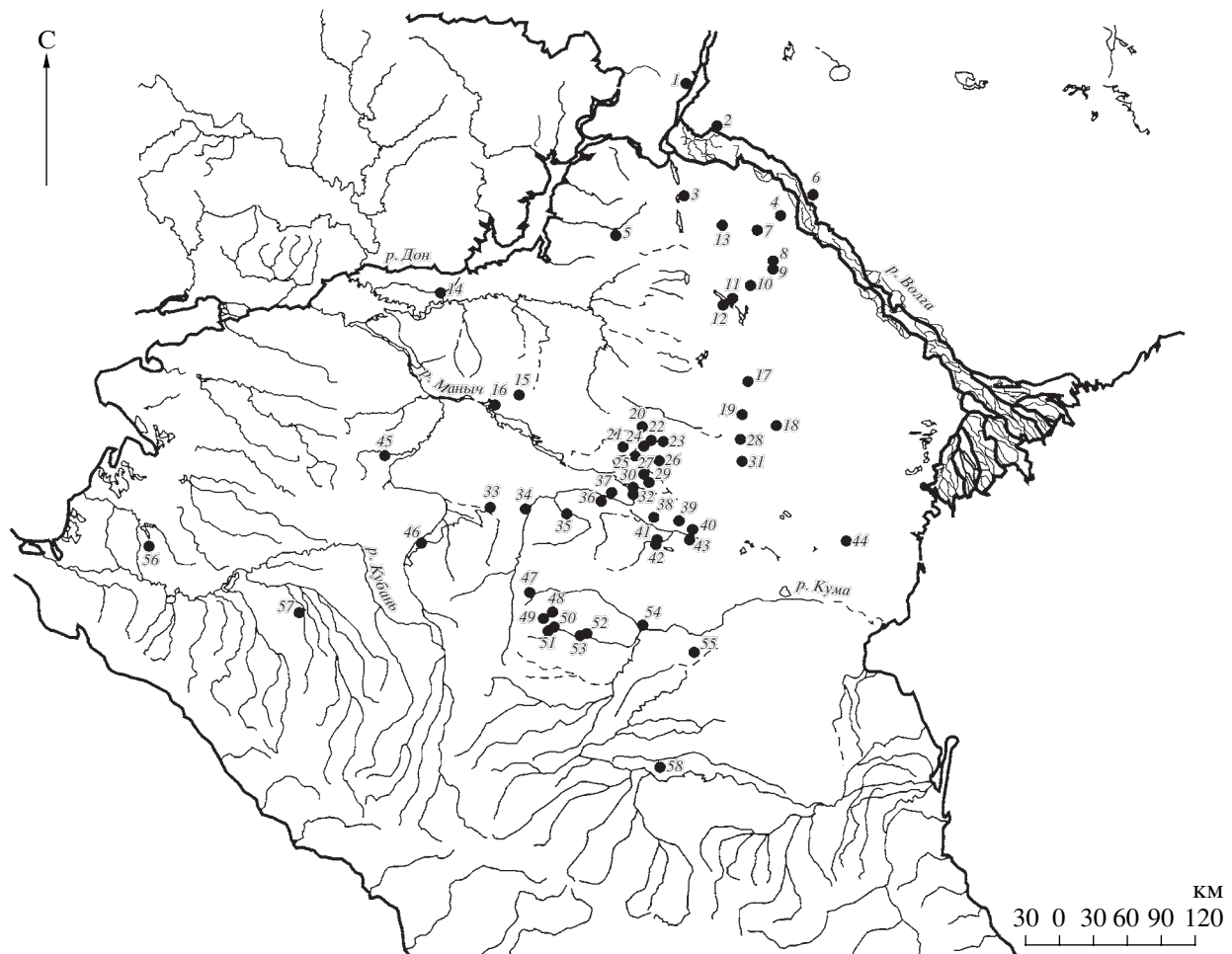

Рис. 1. Территория распространения памятников долинской культуры: 1 – Пичуга I к. 1, п. 8; 2 – Бахтияровка к. 32, п. 4; 3 – Цаца к. 1, п. 1; 4 – Кривая Лука II к. 1, п. 13; XXI к. 1, п. 9; к. 2, п. 6; XXXIV к. 5, п. 5; 5 – Аксай I к. 6, п. 3; 6 – Степная IV к. 1, п. 11; к. 3, п. 3; 7 – Купцын Толга к. 10, п. 1; к. 48, п. 4; 8 – Улан Толга к. 3, п. 2; к. 11, п. 2; 9 – Ики-Зегиста к. 5, п. 1; 10 – Иджил III к. 4, п. 1; 11 – Цаган-Нур к. 1, п. 1; 12 – Эвдык I к. 4, п. 10; к. 9, п. 4, 5; 13 – Балкин II к. 6, п. 1; 14 – Кировский IV к. 7, п. 2; 15 – Лысянский I к. 1, п. 6; 16 – Козинка I к. 7, п. 5; 17 – Улан-Хееч к. 2, п. 2; 18 – КВЧ-57 к. 1, п. 1; к. 2, п. 1, 5; 19 – КВЧ-37 к. 14, п. 4; 20 – Элиста к. 6, п. 1, 4; 21 – Цаган-Эльсин к. 5, п. 1, 2; 22 – Архаринский к. 9, п. 1; к. 20, п. 3; к. 33 п. 3; 23 – Элистинский к. 35, п. 1; к. 35, п. 3; 24 – Лолинский I к. 1, п. 1, 2, 3; к. 2, п. 2, 3; к. 3, п. 1, 2; к. 7, п. 1; к. 8, п. 1, 2, 3; к. 9, п. 2; к. 10, п. 1; к. 11, п. 1, 2, 3; к. 12, п. 1, 2, 3; к. 14, п. 2; к. 16, п. 1; Лолинский II к. 4 п. 1; к. 8, п. 1, 2, 4, 5; к. 11, п. 3; к. 13, п. 1; 25 – Первомайский 4 к. 2, п. 3; 26 – Кермен-Толга к. 19, п. 1; 27 – Хар-Зуха I к. 5, п. 2, 3а; к. 9, п. 2; 28 – Яшкуль I к. 1, п. 2; 29 – Кевюды I к. 3, п. 4, 5, 6; 30 – Островной к. 3, п. 2, 6, 12, 15, 16, 39; к. 6, п. 4, 5, 9; к. 7, п. 2, 7; к. 12, п. 2, 3, 4; 31 – Цаган-Усн III к. 5, п. 6, 7; к. 6, п. 2; Цаган-Усн V к. 1, п. 1; к. 2, п. 2; Цаган-Усн VII к. 2, п. 11; к. 4, п. 27; 32 – Дамба-Калаус к. 1, п. 8; к. 3, п. 1; 33 – Золотаревка 3 к. 1, п. 1, 2, 4; к. 4, п. 2; к. 6, п. 2, 3; к. 9, п. 1, 6, 8, 13; Золотаревка 6 к. 11, п. 1; к. 15, п. 6; к. 16, п. 1; 34 – Ипатово 3 к. 2, п. 13; Ипатово 5 к. 3, п. 1; 35 – Айгурский 2 к. 22, п. 12, 13; к. 37, п. 1; 36 – Шарахалсун 3 к. 5, п. 5; к. 8, п. 2; Шарахалсун 5 к. 14, п. 1; Шарахалсун 6 к. 2, п. 11, 15; к. 6, п. 1, 2; к. 10, п. 3, 5; к. 11, п. 7; 37 – Типки 1 к. 2, п. 4; Типки 5 к. 1, п. 2, 3; 38 – Зунда-Толга 1 к. 5, п. 2; Зунда-Толга 3 к. 2, п. 1, 2, 3; 39 – Манджикины 1 к. 1, п. 2; к. 5, п. 6; к. 9, п. 1; к. 10, п. 2; к. 14, п. 7; Манджикины 2 к. 8, п. 2; к. 11, п. 5; 40 – ВМЛБ, 1965, I к. 3, п. 2; к. 5, п. 2; к. 17, п. 1; к. 18, п. 1, 3; к. 26, п. 1, 2, 3; к. 28, п. 1, 3; к. 30, п. 1, 3; к. 32, п. 2, 3, 4; к. 33, п. 1; к. 34, п. 3, 4, 5; к. 35, п. 1, 2; к. 37, п. 1, 2; к. 38, п. 1; к. 42, п. 6; к. 54, п. 4; к. 57, п. 1; ВМЛБ, 1965, II, к. 5, п. 1; к. 15, п. 1; к. 19, п. 3; к. 19, п. 6; к. 20, п. 3; к. 32, п. 5; к. 35, п. 3; к. 42, п. 3; ВМЛБ, 1966, I, к. 29, п. 6; к. 29, п. 7; к. 43, п. 17; ВМЛБ, 1966, II, к. 1, п. 2; к. 1, п. 3; к. 12, п. 2, 3; к. 20, п. 2; 41 – Одиночный курган п. 1; 42 – Чограй I к. 2, п. 3; к. 5, п. 3; к. 9, п. 3; к. 10, п. 2; к. 13, п. 1; Чограй II к. 6, п. 1; к. 15, п. 3; Чограй III к. 7, п. 1; Чограй IV к. 7, п. 2; Чограй VIII к. 9, п. 4; к. 34, п. 1; Чограй IX к. 5, п. 10; к. 15, п. 12; 43 – ВМПБ, 1965 к. 17, п. 1, 5; к. 18, п. 1; к. 22, п. 3; ВМПБ, 1967 к. 1, п. 2; к. 2, п. 1; к. 11, п. 12; к. 13, п. 4; к. 14, п. 5, 8; к. 15, п. 2; к. 19, п. 2; к. 30, п. 3; 44 – Черноземельский I к. 4, п. 31; 45 – Новопалестинский II к. 2, п. 5; 46 – Ильинский I к. 1, п. 6; 47 – Ореховка к. 1, п. 3; к. 2; п. 5; к. 3, п. 2, 3; к. 6, п. 1; к. 7, п. 1, 3; к. 8, п. 1, 2, 3, 5, 7; к. 9, п. 1, 4, 5; к. 10, п. 1, 2; 48 – Грушевка II к. 2, п. 4; к. 3, п. 6; 49 – Калиновский к. 1, п. 7, 8, 9; к. 2, п. 2; к. 3, п. 1, 2; к. 4, п. 1; к. 5, п. 1; к. 6, п. 4; к. 9, п. 1; 50 – Жуковский I к. 1, п. 3; к. 5, п. 1; к. 8, п. 2; 51 – Веселая Роща I к. 30, п. 4; Веселая Роща II к. 1, п. 1; к. 13, п. 6; Веселая Роща III к. 13, п. 10; к. 24, п. 11; к. 25, п. 6; 52 – Китаевка к. 2, п. 1; к. 5, п. 2; 53 – Новый Маяк разрушенный курган п. 1, 4; 54 – Буйвола I к. 2, п. 2; к. 4, п. 2, 3, 7; к. 5, п. 3, 7; 55 – Бияш к. 1, п. 13; к. 2, п. 4, 5; 56 – Малаи I к. 4, п. 4; 57 – Чернышев I к. 5, п. 274; 58 – Чернорская к. 3, п. 10.

культурной группы и раннебабинской культуры. Из дополнительных конструкций для лолинской курганной архитектуры характерны округлые и прямоугольные кромлехи из камня и реже околочурганские ровики.

Захоронения чаще одиночные, но встречаются и коллективные: парные и изредка тройные. Известны расчлененные и/или вторичные захоронения. Большая часть коллективных и расчлененных погребений относится к раннелолинскому времени.

Погребения совершены в ямах, катакомбах и ямах с подбоями (редуцированные катакомбы). Остатки внутримогильных конструкций зафиксированы в 34 погребениях. Они представлены фрагментами деревянных перекрытий, изредка рам, каменными закладами и каменной забутовкой могильных ям.

Костяки лежат на левом боку (90%), редко встречается правобочное положение (10%). Характерна средняя и сильная скорченность скелета.

Преобладающей была ориентировка скелетов черепом в северный и северо-восточный сектор. Реже, но стабильно встречаются восточный, юго-восточный и южный векторы ориентации. Количество ориентировок в западную половину круга заметно ниже, а западное направление в материалах лолинской культуры пока неизвестно.

Из шести вариантов положения рук, зафиксированных в лолинских комплексах, господствует позиция адорации (рис. 2). Она составляет 70.2% от захоронений с установленным положением рук и является одним из характерных признаков культуры. Анализ материала позволяет разделить лолинские захоронения на 10 обрядовых групп (ОГ) (рис. 2). Общим для девяти групп является скорченное, в подавляющем большинстве левобочное положение скелета². Основанием для разделения является могильная конструкция, ориентировка костяка и положение рук. В соответствии с ориентацией скелета черепом в северный (СЗ, С, СВ), южный (ЮЗ, Ю, ЮВ) и восточный секторы ОГ разделены на “традиции С, Ю, В”. Обрядовые группы и традиции – не просто классификационные единицы, в них отражаются, с одной стороны, эволюция погребального ритуала и соответственно внутренняя периодизация лолинских памятников, а с другой – культурные составляющие и механизмы сложения культуры.

Характерной чертой лолинского обряда является помещение в могилу лопаток мелкого рогатого скота. Данная деталь отмечена в 15% всех лолинских погребений. Лопатки расположены чаще всего перед умершим, в районе предплечья или локтя левой руки.

² В ОГ X выделены немногочисленные погребения-кенофаы.

Погребальный обряд лолинской культуры достаточно специфичен. В нем прослеживается сложение черт последующей эпохи поздней бронзы и распад катакомбных культурных стереотипов.

Анализ стратиграфических данных четко очерчивает период бытования лолинских комплексов. В курганах они всегда перекрывают катакомбные восточноманычские и подстилают срубные погребения. Серия стратиграфических связей между лолинскими погребениями демонстрирует эволюцию катакомбной погребальной конструкции. Существование на раннем этапе лолинской культуры нормальных катакомб (ОГ IIА, VIА, VIIА) сменяется на втором этапе их редуцированными вариантами (яма с подбоем) (ОГ IIА, VIА, VIIА). Ямная конструкция характерна и для первого, и для второго этапов развития культуры, но лишь в позднелолинское время становится единственным видом погребального сооружения (рис. 2).

Корреляция стратиграфических данных с рядом обрядовых черт и датирующими категориями инвентаря позволяет разработать трехэтапную периодизацию лолинской культуры (рис. 2; 3; 4).

I этап. Раннелолинские захоронения совершены в ямах, нормальных катакомбах, глубоких ямах с заплеками (ОГ I, IIА, III, IV, V, VIА, VII, VIIА, IX). Катакомбная конструкция могилы встречена в каждом втором погребении этапа. В обряде отчетливо просматриваются пережиточные черты восточноманычской катакомбной культуры (ВМКК). Спорадически встречаются коллективные погребения и вторичные и/или расчлененные захоронения. В ориентировках погребенных доминирует “традиция С”, а также “традиция Ю” (рис. 2). Широкое распространение первой – проявление новой составляющей погребального обряда. “Традиция Ю” на раннем этапе – пережиточная черта ВМКК, где эти векторы были доминирующими. В количественном отношении уже в рамках раннелолинских памятников она существенно уступает “традиции С”. “Традиция В” на всех этапах развития культуры является определенной константой, представляющей собой стабильный показатель (9–14%) (рис. 2).

Обедненность инвентарного комплекса лолинской культуры, как и других посткатакомбных культурных образований (бабинской культуры и криволукской культурной группы), фиксируется уже на первом этапе. В каждом четвертом раннелолинском захоронении не обнаружено сопутствующих вещей. В то же время количество и ассортимент инвентаря комплексов раннелолинского времени заметно превосходит аналогичные показатели более поздних этапов (рис. 3; 4).

В керамическом комплексе выражены пережиточные черты ВМКК. Однако ассортимент и морфология посуды заметно беднее, и появляются новые типы, нехарактерные для предшествующего

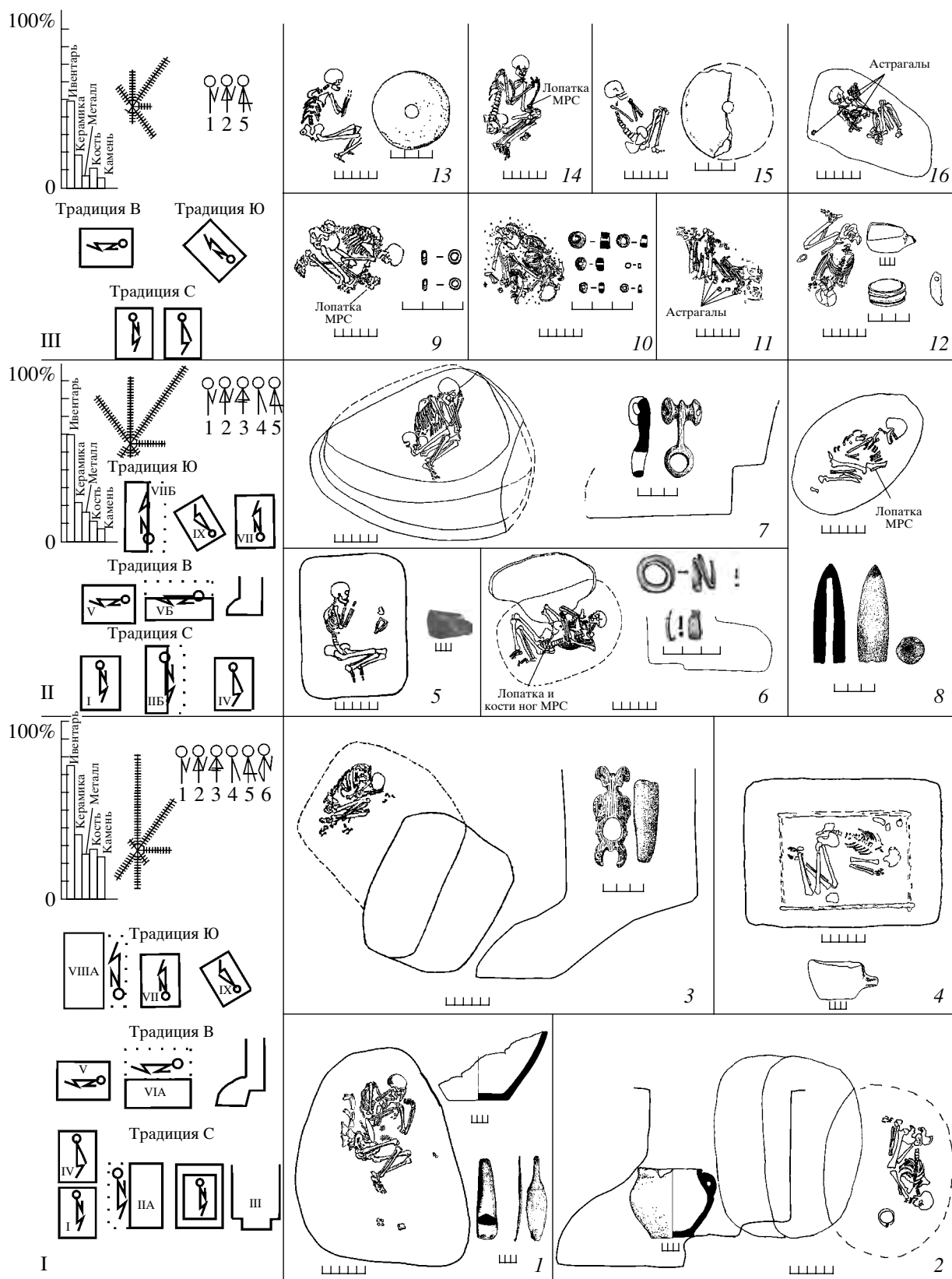

Рис. 2. Погребальный обряд: 1 – Кривая Лука II к. 1, п. 13; 2 – Аксай I к. 6, п. 3; 3 – Чограй VIII к. 34, п. 1; 4 – Лола I к. 2, п. 3; 5 – ВМПБ 1965 к. 16, п. 2; 6 – Кевюды I к. 3, п. 6; 7 – Кривая Лука XXI к. 1, п. 9; 8 – Цаган-Усн III к. 6, п. 2; 9 – Новый Маяк разрушенный курган, п. 2; 10 – Красногвардейское, одиночный курган, п. 7; 11 – Грушевка II к. 2, п. 4; 12 – Чограй I к. 2, п. 3; 13 – ВМЛБ 1965 I к. 32, п. 3; 14 – Грушевка II к. 3, п. 6; 15 – Элиста к. 6, п. 1; 16 – Шарахалсун 6 к. 11, п. 7.

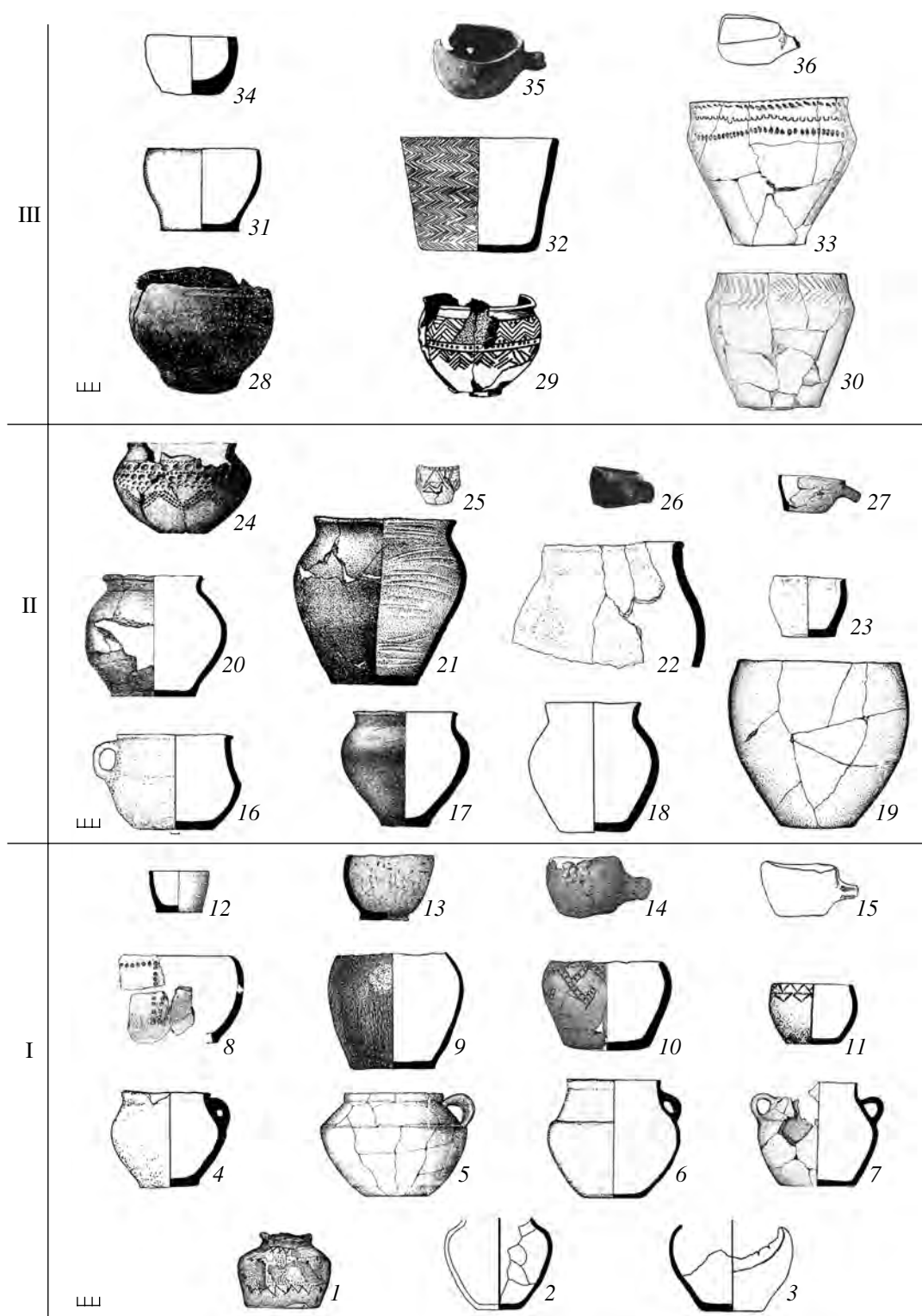
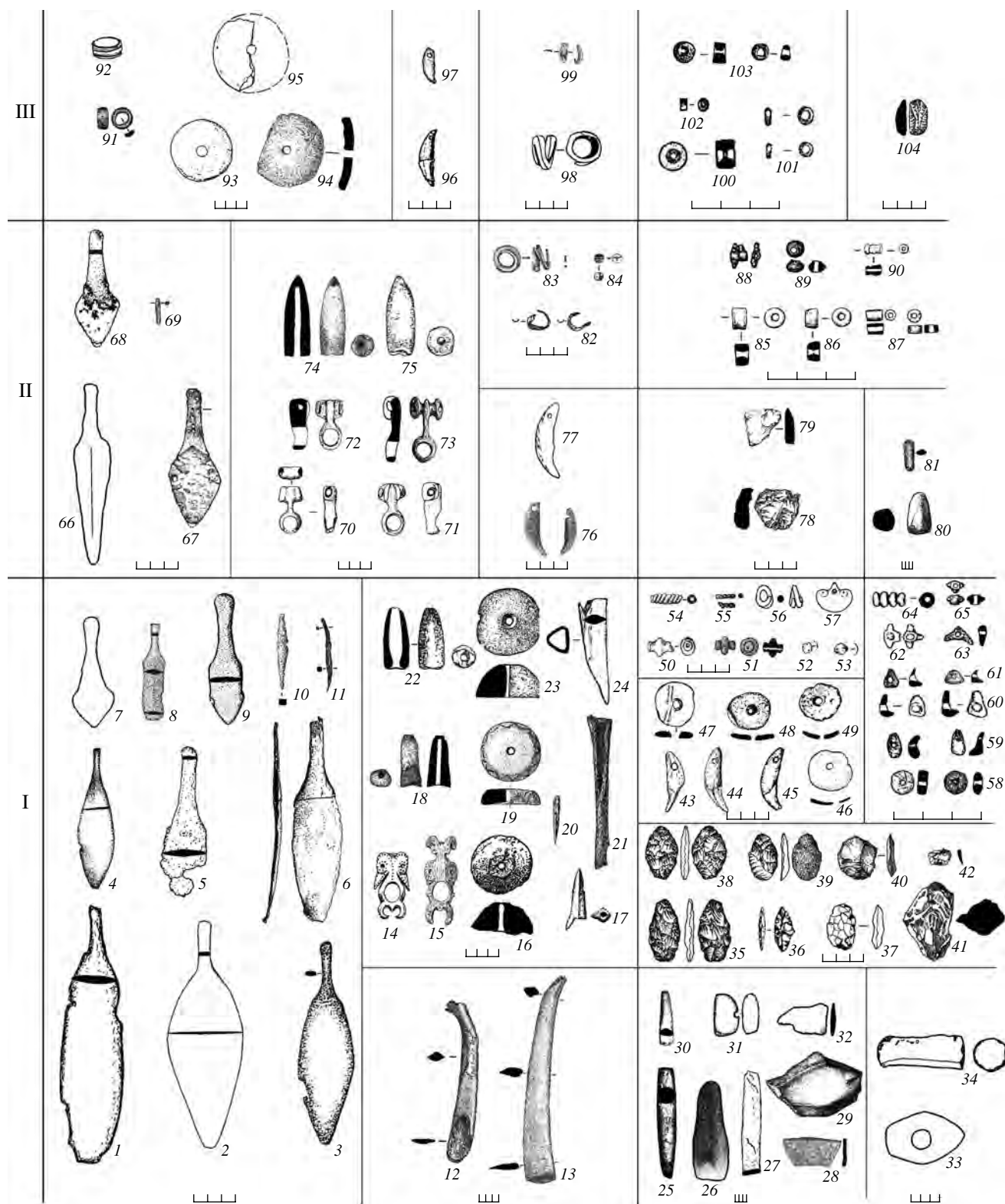

Рис. 3. Керамическая посуда: 1 – Айгурский 2 к. 37, п. 1; 2 – Эвдык I к. 4, п. 10; 3 – Чограй VIII к. 9, п. 4; 4 – Аксай I к. 6, п. 3; 5 – Яшкуль I к. 1, п. 2; 6 – Манджикины 1 к. 4, п. 1; 7 – Манджикины 2 к. 11, п. 5; 8 – Кевюды 1 к. 3, п. 5; 9 – Манджикины 1 к. 10, п. 2; 10 – Островной к. 3, п. 15; 11 – Пичуга I к. 1, п. 8; 12 – Бияш к. 2, п. 4; 13 – Первомайское 4 к. 2, п. 3; 14 – Манджикины 1 к. 9, п. 1; 15 – Лолинский I к. 2, п. 3; 16 – КВЧ-57 к. 2, п. 5; 17 – Шарахалсун 3 к. 5, п. 5; 18 – Ореховка к. 7, п. 3; 19 – Улан-Толга к. 11, п. 2; 20 – Зунда-Толга 3 к. 2, п. 2; 21 – Шарахалсун 6 к. 10, п. 5; 22 – Хар-Зуха 1 к. 9, п. 2; 23 – Ореховка к. 9, п. 5; 24 – Дамба-Калаус к. 1, п. 8; 25 – Жуковский I к. 8, п. 2; 26 – ВМПБ 1965 к. 16, п. 2; 27 – Черноземельский 1 к. 4, п. 31; 28 – ВМЛБ 1965 I к. 37, п. 1; 29 – Иджил III к. 4, п. 1; 30, 33 – Улан-Толга к. 3, п. 2; 31 – Манджикины 1 к. 3, п. 4; 32 – Эвдык I к. 9, п. 4; 34 – Хар-Зуха 1 к. 5, п. 2; 35 – ВМЛБ 1965 II к. 35, п. 3; 36 – Чограй I к. 2, п. 3.

субстрата. К числу посуды, генетически восходящей к керамическому комплексу восточноманычских памятников, относится единственная в лолинских материалах реплика реповидного сосуда (рис. 3, 1). Причем от классических реповидных образцов данный экземпляр отличается миниатюрностью, асимметричностью формы, небрежностью изготовления, а также нерегулярный орнамент сюжетного характера, не имеющий аналогов в материалах ВМКК. Небольшие сосуды с подобной орнаментацией, с близкой стилистикой и сюжетными композициями хорошо известны в бабинской культуре Северо-восточного Приазовья и Нижнего Подонья.

Отдельную группу составляют кувшины (рис. 3, 4–6). Этот тип посуды представлен и в материалах ВМКК. Он наследуется лолинской культурой от культуры – генетической подосновы. К подобным проявлениям преемственности относится амфорообразный сосуд с двумя ручками (рис. 3, 7) и округлобокие сосуды с раздутым в высокоподнятых плечиках туловом (рис. 3, 2, 3).

Новые типы представлены баночными сосудами с выделенной закраиной у дна (рис. 3, 9, 12, 13), несвойственными предшествующей эпохе и даже напоминающими срубные банки, но происходящими из захоронений с катакомбной конструкцией (рис. 3, 9, 13). Керамическим маркером лолинской культуры является сосуда-ковши (рис. 3, 14, 15) и округлобокие горшки с плавным профилем, нехарактерные для ВМКК. Они появляются на раннем этапе и бытуют на всем протяжении существования лолинской культуры.

Орнаментация посуды выглядит не только обедненной, но и стилистически иной по сравнению с ВМКК. Подавляющее большинство посуды не орнаментировано. Имеющиеся случаи орнаментации демонстрируют явную деградацию ката-

комбных стандартов (рис. 3, 8) и новые элементы, мотивы и композиции, получившие развитие в эпоху поздней бронзы (рис. 3, 1, 10, 11).

Появление новых типов и стилей орнаментации, а также полное отсутствие сосудов, являющихся маркерами ВМКК (реповидные сосуды, курильницы, чугушкообразные горшки), свидетельствуют о самостоятельном культурном статусе керамической коллекции лолинской культуры.

Орудия из металла представлены бронзовыми ножами и шильями. Ножи имеют черты типов катакомбной эпохи (рис. 4, 1–9). Однако классические восточноманычские пиковидные и пламевидные ножи в лолинских материалах неизвестны. Лишь изредка фиксируются их редуцированные формы (рис. 4, 7–9).

Раннелолинское время маркирует целый ряд типов бронзовых украшений. Спиральные пронизи (рис. 4, 54, 55) имеют аналогии в раннебабинских погребениях и на Кавказе. К числу ранних относятся пронизи специфической колесовидной формы (рис. 4, 50, 51). Височные подвески в 1.5 оборота бытуют на всем протяжении существования культуры, а ранний тип отличает округлое сечение (рис. 4, 55). Только в раннелолинских комплексах известны скорлупковидные бляшки с двумя отверстиями по краям (рис. 4, 52, 53). В одном захоронении такая бляшка встречена с украшением кавказского происхождения (рис. 4, 57), ближайшие аналогии которым известны в материалах гинчинской культуры.

Среди определяющих типов фаянсовых украшений следует отметить рожковый и бородавчатый бисер. На раннем этапе он пока представлен исключительно трехрожковыми экземплярами (рис. 4, 62, 63, 65). Разновидностью украшений являются бусы, возможно, сделанные из керамической массы. Особого внимания заслуживает ле-

Рис. 4. Изделия из металла, керамики, кости, рога, камня, фаянса: 1 – Цаган-Усн III к. 1, п. 15; 2 – Новопалестинский II к. 2, п. 5; 3, 4 – Цаган-Усн VII к. 4, п. 27; 5 – Хар-Зуха I к. 5, п. 3а; 6 – Кривая Лука II к. 1, п. 13; 7 – ВМЛБ 1965 I к. 34, п. 5; 8 – Лола I к. 14, п. 2; 9 – Бахтияровка к. 32, п. 4; 10 – Бияш к. 1, п. 13; 11 – Манджикины I к. 10, п. 2; 12 – Шарахалсун 5 к. 14, п. 1; 13 – Манджикины I к. 9, п. 1; 14 – Кевюды I к. 3, п. 5; 15 – Чограй VIII к. 34, п. 1; 16 – Малаи I к. 4, п. 4; 17 – Цаган-Усн VII к. 4, п. 27; 18, 34 – Первомайское 4 к. 2, п. 3; 19 – Бияш к. 2, п. 5; 20 – Цаган-Усн VII к. 2, п. 11; 21 – Манджикины I к. 9, п. 1; 22 – Калиновский к. 1, п. 7; 23 – Шарахалсун 3 к. 8, п. 2; 24 – Бахтияровка к. 32, п. 4; 25 – Цаган-Усн VII к. 4, п. 27; 26 – ВМЛБ 1965 I к. 34, п. 4; 27 – Цаган-Усн III к. 1, п. 15; 28, 61 – Манджикины I к. 10, п. 2; 29 – Цаган-Усн VII к. 4, п. 27; 30 – Кривая Лука II к. 1, п. 13; 31 – Цаган-Усн III к. 1, п. 15; 32 – Ики-Зегиста к. 5, п. 1; 33 – ВМЛБ 1965 I к. 32, п. 4; 35, 38, 39 – Манджикины I к. 9, п. 1; 36 – Цаган-Усн VII к. 4, п. 27; 37 – Степная IV к. 3, п. 3; 40 – Манджикины I к. 10, п. 2; 41 – Шарахалсун 6 к. 2, п. 11; 42 – Цаган-Усн VII к. 2, п. 11; 43, 57, 62 – Новопалестинский II к. 2, п. 5; 44, 46 – Лысянский I к. 2, п. 6; 45, 49, 53, 64 – Чернышев I к. 5, п. 274; 47 – Кривая Лука XXXIV к. 5, п. 5; 48 – Кировский IV к. 7, п. 2; 50 – Бияш к. 2, п. 5; 51 – Лолинский I к. 7, п. 1; 52 – Новопалестинский II к. 2, п. 5; 54 – Бияш к. 1, п. 13; 55 – Малаи I к. 4, п. 4; 56 – Степная IV к. 3, п. 3; 58 – Лолинский I к. 7, п. 1; 59, 63 – Цаган-Усн VII к. 2, п. 9; 60 – Калиновский к. 1, п. 8; 65 – Островной к. 3, п. 12; 66 – ВМЛБ 1965 I к. 18, п. 2; 67, 70 – Ипатово 3 к. 2, п. 13; 68, 71 – Ильинский I к. 1, п. 6; 69, 78, 81, 89 – Островной к. 3, п. 39; 72 – Типки I к. 2, п. 4; 73 – Кривая Лука XXI к. 1, п. 9; 74 – Цаган-Усн III к. 6, п. 2; 75 – Веселая Роща III к. 25, п. 2; 76 – Цаца к. 1, п. 1; 77 – Чограй II к. 6, п. 1; 79 – Ореховка к. 7, п. 1; 80 – Ореховка к. 7, п. 3; 82 – Ореховка к. 3, п. 2; 83 – Кевюды I к. 3, п. 6; 84, 86 – Ореховка к. 8, п. 5; 85, 90 – Ореховка к. 8, п. 1; 87 – Островной к. 3, п. 2; 88 – Островной к. 6, п. 4; 91 – Островной к. 6, п. 5; 92, 97 – Чограй I к. 2, п. 3; 93 – ВМЛБ 1965 I к. 32, п. 3; 94 – Калиновский к. 2, п. 2; 95 – Элиста к. 6, п. 1; 96 – Буйвола I к. 5, п. 3; 98 – Иджил III к. 4, п. 1; 99 – Чограйский III к. 1, п. 8; 100 – Калиновский к. 3, п. 1; 101 – Новый Маяк разрушенный курган п. 2; 102 – Новый Маяк разрушенный курган п. 4; 103 – Красногвардейское одиночный курган п. 7; 104 – Островной п. 3, к. 6.

пестковидный бисер (рис. 4, 59–61). Серийно он представлен в материалах раннелоллинских погребений и, по-видимому, является этнографическим элементом костюма. За пределами лоллинского ареала его находки единичны.

Каменные изделия представлены сердоликовыми (рис. 4, 58), гешировыми и гагатовыми бусинами. В погребальном костюме раннелоллинского времени используются подвески из раковины с одним отверстием в центре (рис. 4, 46–49). Ожерелья из клыков животных бытуют на всем протяжении существования культуры (рис. 4, 43–45, 76, 77, 96, 97).

Изделия из кости и рога встречаются в погребениях первого этапа довольно часто. Характерным является использование в погребальном обряде массивных костяных орудий, сделанных из ребер (рис. 4, 12, 13) и нижних челюстей крупных копытных, являвшихся орудиями кожевенного производства, а также костяных пряслиц (рис. 4, 16, 19, 23). Данные типы изделий неизвестны в погребениях последующих этапов лоллинской культуры.

Особой категорией инвентаря являются роговые пряжки, которые выступают ярким культурным индикатором. Раннелоллинские пряжки представлены двумя изделиями (рис. 4, 14, 15). Они относятся к так называемым фигурным пряжкам и представляют собой особый тип этих изделий. Эти пряжки неоднократно сопоставлялись с северокавказскими экземплярами гинчинской культуры и даже относились к северокавказским формам (Братченко, 1995. С. 11, 12; Мимоход, 2003. С. 106; Калмыков, 2005. С. 79). Сейчас становится понятным, что эти изделия относятся к одному из этнографических показателей лоллинской культуры, и пряжек, полностью аналогичных раннелоллинским, за ее пределами нет.

К узко датирующимся категориям инвентаря относятся костяные конусы (Мимоход, 2003. С. 107) длиной 5–6 см с несквозным продольным отверстием по центральной оси (рис. 4, 18, 22). Назначение их пока остается неясным. Они представлены в погребениях первого и второго этапов развития культуры. Глиняная реплика костяного конуса встречена в одном комплексе с раннелоллинской пряжкой (рис. 2, 3).

Из других изделий следует отметить костяной втульчатый четырехгранный наконечник стрелы с шипом (рис. 4, 17), происходящий из достоверно раннелоллинского комплекса (ОГ III), аналогии которому мне неизвестны.

Изделия из камня наиболее многочисленны в материалах раннего этапа. Особый интерес вызывают наконечники стрел (рис. 4, 35–39). В лоллинских захоронениях их немного. В двух комплексах зафиксированы колчаный набор и кремневые заготовки для стрел. Все лоллинские изделия, обработанные двусторонней ретушью, принадлежат к од-

ному типу – листовидные в плане наконечники с линзовидным сечением. В качестве вариантов листовидных наконечников выступают изделия с наметенным шипом (рис. 4, 36). Кремневые наконечники с выемчатым основанием, хорошо известные в катакомбных памятниках, в том числе ВМКК, материалах бабинской культуры и криволукской культурной группы, в лоллинских комплексах неизвестны. В погребениях I этапа встречены и другие виды вооружения. Это два каменных топора (рис. 4, 33, 34), обломок одного из них использовался вторично в качестве песта, и булава.

Каменные орудия труда представлены пестами, нередко достаточно крупными, абразивными плитками.

Обрядовый и инвентарный комплекс раннего этапа наиболее важен с точки зрения понимания механизмов сложения лоллинской культуры. Появление по сути нового обряда, типов инвентаря и исчезновение старых стереотипов иллюстрируют формирование посткатакомбной лоллинской культуры на генетической основе восточноманычских памятников.

II этап. Захоронения второго этапа наиболее наглядно представляют образ лоллинской культуры. Происходит стандартизация всех основных культурных показателей. Захоронения совершенны в ямах и редуцированных катакомбах (ОГ I, IIБ, IV, V, VIБ, VII, VIIIБ, IX) (рис. 2). Количество подбойных могил составляет 23,6% от всех захоронений этапа. “Традиция С” абсолютно доминирует. “Традиция Ю”, большей частью связанная с наследием ВМКК, изживается почти полностью (рис. 2). Происходит дальнейшее сокращение ассортимента и количества инвентаря по всем основным категориям (рис. 3; 4).

Наблюдается определенная стандартизация керамического комплекса. Исчезают типы, в которых восточноманычские черты прослеживались отчетливее всего: округлобокие сосуды с высоко поднятыми плечиками и раздутым туловом, постреповидные реплики, амфоровидные сосуды. Сглаженное ребро прослеживается в сосуде (рис. 3, 24), который по своим пропорциям уже приближается к острореберным формам. В количественном отношении преобладает тип округлобоких сосудов с плавным профилем стройных пропорций (рис. 3, 17, 18, 20–22), выработанный лоллинской традицией. К лоллинским типам относятся и ковши (рис. 3, 26, 27). Продолжает бытовать баночная посуда, появившаяся на первом этапе (рис. 3, 19, 23). В орнаментации исчезают вертикальные композиции, спорадически встречающиеся на раннелоллинской посуде (рис. 3, 8). Более характерными становятся зональные горизонтальные узоры, подчеркнутые зигзагом (рис. 3, 24, 25). По-прежнему подавляющее большинство керамики не орнаментировано.

Орудия из металла представлены преимущественно ножами и шильями (рис. 4, 66–69). Ножи сильно сработанны и фрагментированы, имеют листовидную форму с нешироким клинком. Один экземпляр имеет кинжальную форму (рис. 4, 66), аналогии которой широко представлены на Кавказе. Среди серии отсутствуют широколезвийные и пережиточные формы пико-пламевидных ножей, известных на раннем этапе.

Украшения из металла немногочисленны. Они представлены подвесками и бусинами. Височные подвески второго этапа отличаются от более ранних тем, что они изготовлены из ровной или желобчатой в сечении пластины (рис. 4, 82–84).

Продолжает бытовать фаянсовый дисковидный, цилиндрический, бочонковидный и рожковый бисер (рис. 4, 87–90). В комплексах иногда он сочетается с сердоликовыми бусинами (рис. 4, 85, 86). Из гарнитура исчезает лепестковидный бисер и украшения из просверленных раковин.

Из датирующих костяных и роговых предметов остаются конусы и пряжки. Поздние конусы (рис. 4, 74, 75) несколько крупнее ранней серии (рис. 4, 18, 22). Пряжки второго этапа являются производными от раннелолинских изделий. Сохраняется та же система расположения отверстий, а соответственно и крепления. Исчезает орнаментация, вычурность форм, характерные выступы на планке, свойственные ранним экземплярам (рис. 4, 70–73). Типологический анализ изделий и наблюдения за стратиграфической последовательностью конструкций могильных ям в лолинских материалах позволяют считать разнотипные фигурные пряжки хронологическими индикаторами двух этапов развития культуры.

Изделия из камня представлены пестами, терочниками, кремневыми отщепами (рис. 4, 78–81). В состав погребального приданого попадает обычно один предмет из камня (отщеп, пест).

III этап. Позднелолинские погребения совершены исключительно в ямах (ОГ I, V, VII). Ямы становятся небольшими и неглубокими. Фактически полностью изживается традиция сооружения насыпей.

Интересна динамика смены ориентировок (рис. 2). По-прежнему доминирующей остается “традиция С”. В то же время на позднем этапе наблюдается заметный всплеск “традиции Ю”, которая фактически была изжита на развитом этапе. Вернее здесь называть ее “традиция ЮВ”, в соответствии с основным направлением ориентации скелетов (рис. 2). Ее следует связывать с какими-то общими изменениями в обряде, происходящими на заключительном этапе финала средней бронзы. В этом отношении любопытен факт широкого распространения юго-восточных ориентировок в погребениях позднебабинской культуры.

Сокращается количество и ассортимент всех категорий вещей, за исключением костяных изде-

лий, что связано с распространением нового типа поясных пряжек-подвесок.

Продолжают бытовать ковши (рис. 3, 34, 35), округлобокие сосуды с плавным профилем (рис. 3, 28, 29) и баночная посуда (рис. 3, 31, 32, 34). Интересно появление острореберных форм (рис. 3, 33), близких срубным.

Большинство посуды не орнаментировано. Продолжают существовать зональные горизонтальные узоры с зигзаговидными элементами (рис. 3, 29), встречается елочная орнаментация (рис. 3, 30, 32).

Орудия из металла представлены только бронзовым шилом.

В позднелолинских захоронениях найдены бронзовые подвески и их фрагменты (рис. 4, 98, 99). В качестве позднего признака выступает желобчатое сечение изделий.

Встречен фаянсовый бисер простейших типов – дисковидный и цилиндрический (рис. 4, 101, 102). Один раз в позднелолинском комплексе зафиксирована рожковая бусина. В ряде погребений обнаружены сердоликовые и гешировые бусины (рис. 4, 100, 103).

Изделия из кости представлены хронологически определяющими изделиями – пряжками-подвесками и костяным кольцом. Специфика кольца заключается в тщательности изготовления и наличии на его поверхности двух продольных бороздок (рис. 4, 92). Кольца с подобным элементом хорошо представлены в покровских комплексах и являются датирующей категорией инвентаря.

На позднелолинском этапе распространяется новый тип пряжек-подвесок (рис. 4, 93–95), генетически не связанный с предшествующими. Это костяные круглые бляшки диаметром 4.5–6 см, изогнутые в сечении, с небольшим отверстием в центре диаметром 0.5–0.9 см. Расположение их в трех погребениях у костей таза позволяет рассматривать эти изделия либо как особую разновидность пряжек, либо как поясные подвески. Все предметы происходят из захоронений в ямах и насыпи, занимающих позднюю стратиграфическую позицию.

Изделия из камня представлены кремневыми отщепами (рис. 4, 104).

В позднелолинских материалах прослеживается существенное изменение основных стереотипов погребального обряда культуры. Оно проявляется в утрате курганного строительства, распространении юго-восточных ориентировок, исчезновении подбойных конструкций, каменных и металлических орудий труда. В керамическом комплексе появляются позднебронзовые острореберные формы. Подобное изменение ярко проявляется в пресечении традиции фигурных пряжек и возникновении нового типа этих изделий. Круглые пряжки-подвески маркируют только позднелолинскую культуру, являясь в этом отношении этнографическим признаком. На позднем этапе своего разви-

Радиоуглеродные калиброванные даты	Северо-западный Прикаспий	Кубань	Нижний Дон	Нижнее Поволжье	Средний Дон	Самарское Поволжье	Северо-восточный Кавказ
XIX–XVII вв. до н. э.	Лола III	Бабино III	Памятники покровского типа Бабино III	Памятники покровского типа	“Поздняя ДВАК” (власово-филатовский тип)	Памятники потаповского типа	Каякентско-хорчоевская культура
XXIII–XX вв. до н. э.	Лола II	Кубанская группа финала средней бронзы	Бабино II	Криволукская культурная группа	Воронежская культура	Вольско-лищенская культурная группа	Гинчинская культура
	Лола I		Бабино I		Криволукская культурная группа Бабино II	Поздняя средневолжская абашевская культура	
XXVI–XXIII вв. до н. э.	Восточноманьчжеская катакомбная культура	Батуриная катакомбная культура	Западноманьчжеская катакомбная культура бахмутский тип	Волго-Донская катакомбная культура	Среднедонская катакомбная культура	Полтавская культура	

1 2 3 4

Рис. 5. Культурная ситуация на рубеже средней–поздней бронзы в Доно-Волжском междуречье и степном Предкавказье. Синхронистическая таблица: 1 – блок посткатакомбных культурных образований (финал средней бронзы); 2 – культуры катакомбно-полтавского горизонта (средняя бронза); 3 – блок колесничных культурных образований (начало поздней бронзы); 4 – постшнуровые культурные образования лесостепной зоны (финал средней бронзы).

тия лолинская культура, тем не менее, продолжает сохранять свои основные культурные признаки: северные ориентировки, адоративное положение рук, лопатки МРС, ковши, округлобрюкую посуду с плавным профилем и пряжки-подвески как маркеры лолинской атрибуции. Заметное изживание посткатакомбных традиций и нарастание в обрядовом и инвентарном комплексе черт позднебронзовой эпохи, фиксирующееся в позднелолинских захоронениях, подчеркивают их завершающий характер в развитии культуры.

Относительная и абсолютная хронология (рис. 5). Ранний этап лолинской культуры синхронен раннебабинской культуре. Синхронизация устанавливается по наличию в материалах обоих культурных образований фигурных пряжек. Раннелолинские образцы имеют те же характерные выступы на планке, что и бабинские. Однако система креплений у бабинских и лолинских пряжек отлична. Костяные конусы, большая часть которых найдена в захоронениях первого этапа, изредка встречаются в материалах бабинской культуры. Такое изделие обнаружено в раннебабинском комплексе вместе с кольцевидной пряжкой (Хамуш-Оба к. 2, п. 8). Один раз в захоронении культуры Бабино первого этапа (Ребриковский II к. 1, п. 3) найден лепестковидный бисер, который в лолинских памятниках четко маркирует раннее время.

Кроме этого, в ранних погребениях обеих культур встречены спиралевидные бронзовые пронизи.

Стратиграфические данные являются пока единственным четким основанием для установления одновременности лолинской культуры и криволукской культурной группы. В могильниках Кривая Лука XXXIV (к. 5) и XXI (к. 2) зафиксированы случаи взаимной обратной стратиграфии лолинских и криволукских комплексов. В свою очередь, известны курганы, где стратиграфические данные показывают синхронность бабинских и криволукских древностей (Бурлук I к. 1; Репный к. 7). Система перекрестных привязок по стратиграфии и инвентарю показывает, что все посткатакомбные культурные образования возникают одновременно: погребения первых этапов лолинской и бабинской культур и ранние захоронения криволукской культурной группы синхронны.

Второй этап лолинской культуры одновременен второму этапу бабинских памятников и поздним криволукским захоронениям. На это указывает лолинский наконечник стрелы и костяной конус, обнаруженные в бабинских захоронениях второго этапа (Ясырев I к. 8, п. 9; Юдинский III к. 2, п. 7). По наличию пряжки с бортиком в криволукском комплексе (Линево к. 6, п. 6) поздние памятники данной культурной группы уверенно можно синхронизировать со вторым этапом бабинской и

соответственно вторым этапом лолинской культуры.

Одновременность вторых этапов бабинской и лолинской культур и поздних криволукских комплексов устанавливается также, исходя из хронологических позиций поздних этапов Бабино–Лолы и памятников покровского типа (ППТ). Синхронность позднебабинских и покровских погребений аргументирована стратиграфическими данными могильников и поселений, сериями синкретической посуды, наличием в комплексах ППТ позднебабинских предметов и, наоборот, в бабинских – изделий покровского облика. Данный тезис подтверждает картографирование покровских и позднебабинских памятников, которое отражает процесс вытеснения первыми последних. Аналогичная ситуация характерна для позднелолинских и покровских памятников. Лолинских захоронений позднего этапа нет в Нижнем Поволжье и на севере Калмыкии, тогда как в более раннее время эта территория входила в основной ареал культуры (рис. 1). В свою очередь здесь зафиксирована серия покровских погребений. Синхронность ППТ и позднелолинских комплексов подтверждается случаем обнаружения в лолинском комплексе с ковшом и ожерельем из клыков животного, костяного кольца с двумя продольными бороздками на внешней поверхности (рис. 2, 12), имеющего прямые аналогии в ППТ, а также поясной подвески лолинского облика в бабинско-покровском слое поселения Ильичевка на Северском Донце.

В лолинских материалах отчетливо прослеживается влияние культур Северо-восточного Кавказа. Раннелолинские пряжки по своим конструктивным особенностям близки пряжкам поздней культуры Гинчи. Наибольшее сходство наблюдается между ними и экземпляром из Ирганайского могильника (Магомедов, 1990. Рис. 1). Подвеска из Новопалестинского II (рис. 4, 57) имеет ближайшие аналогии также в материалах гинчинской культуры (Магомедов, 1998. Рис. 115, 122, 18). Нередки в гинчинских комплексах и спиралевидные бронзовые пронизи (Магомедов, 1998. Рис. 119, 1–24). Эти факты позволяют констатировать одновременность позднегинчинских памятников и ранней лолинской культуры. В свою очередь, позднелолинские комплексы, по-видимому, синхронны сменившей гинчинскую каякентско-хорочоевской культуре. В п. 4, к. 9 могильника Эвдык I был обнаружен сосуд (рис. 3, 32), который В.П. Шилов в отчете определил как каякентско-хорочоевский (Шилов, Цуцкин, 1983. С. 7). Действительно, подобная баночная посуда, покрытая елочной орнаментацией, известна в каякентско-хорочоевских памятниках (Марковин, 1969. Рис. 25, 9–15). Для синхронизации позднего этапа лолинской культуры и начала бытования каякентско-хорочоевских древностей существенно наличие в покровских и каякентско-хорочоевских комплексах близких типов

сурьмяных подвесок – ромбических, орнаментированных “решеткой”, и лапчатых. Охарактеризованная система привязок подтверждает закономерность синхронизации ППТ, позднелолинской культуры и начального этапа каякентско-хорочоевской культуры.

На сегодняшний день имеется 16 радиоуглеродных дат, полученных по образцам 13 лолинских захоронений, происходящих из семи могильников. Из них опубликовано 12 дат (Мимоход, Шишлина, 2004. Табл. 1; Калмыков, 2005. С. 80). Учитывая немногочисленность имеющихся данных, можно только предварительно определить временной интервал лолинских памятников. По калиброванным датам он соответствует XXIII–XVIII вв. до н.э. Сопоставление радиоуглеродных дат лолинских погребений с данными радиоуглеродного датирования культурных образований сопредельных территорий (Трифонов, 2001. Табл. 1, 2) в целом подтверждает линии синхронизации, охарактеризованные выше.

Таким образом, в Северо-западном Прикаспии финал средней бронзы представлен памятниками лолинской культуры. Она сформировалась на генетической основе ВМКК при существенном влиянии культур средней бронзы Северо-восточного Кавказа, что наиболее ярко проявляется в материалах раннего этапа. В то же время, являясь по сути посткатакомбным образованием, она демонстрирует слом катакомбных традиций и появление новых культурных стандартов в обрядово-инвентарном комплексе уже на раннем этапе развития. Эволюция идет по пути исчезновения большинства пережиточных катакомбных черт, развития и утверждения собственных культурных стандартов на развитом этапе и их деградации в позднелолинское время.

Выделение лолинской культуры и включение ее в блок посткатакомбных культурных образований (рис. 4) выявляет новые перспективы изучения культурно-генетических процессов на юге Восточной Европы на рубеже средней–поздней бронзы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева М.В., Девиз П.Г. Погребальный комплекс эпохи средней бронзы // КСИА. 1989. Вып. 196.
- Арапов С.В. Культура Северо-Западного Прикаспия в эпоху средней бронзы. Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. 1991. Р-2. № 2491, 2492.
- Братченко С.Н. Пряжки эпохи средней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995.
- Гей А.Н. Батуриная катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в Степном Прикубанье // Историко-археологический альманах. М.; Армавир, 1995.

- Дервиз П.Г.* Группа погребений финального этапа среднебронзового века курганов Ставропольской возвышенности // Древности Ставрополя. М., 1989.
- Ильюков Л.С.* Редкий тип пояса с перламутровыми дисками из погребений бронзового века // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. Вып. 17. Азов, 2001.
- Калмыков А.А.* Роговые фигурные пряжки Егорлык-Калаусского междуречья // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2005.
- Кияшко А.В.* Погребения пришлых культур развитой и финальной средней бронзы в курганах Волго-Донского междуречья // Нижневолжский археол. вест. Вып. 6. Волгоград, 2003.
- Куйбышев А.В., Черношвитов П.Ю.* Курганные погребения в Ногайской степи // КСИА. 1984. Вып. 177.
- Литвиненко Р.А.* К проблеме истоков черноголовского обряда // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К столетию Б.Н. Гракова). III Граковские чтения. Запорожье, 1999.
- Литвиненко Р.А.* Восточная периферия бабинского очага культурогенеза // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Междунар. Нижневолжская археол. конф. Волгоград, 2004.
- Литвиненко Р.О.* Культури бабинська та лолінська: до проблеми контактів // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2005.
- Магомедов Р.Г.* Фигурная костяная пряжка из Ирганайского могильника // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала, 1990.
- Магомедов Р.Г.* Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала, 1998.
- Марковин В.И.* Дагестан и Горная Чечня в древности. Каякенстко-хорочоевская культура. М., 1969.
- Мимоход Р.А.* Погребения финала средней-поздней бронзы могильника Островной // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.; Элиста, 2002.
- Мимоход Р.А.* О погребениях финала средней бронзы Северо-Западного Прикаспия // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Тез. конф. Ч. I. М., 2003.
- Мимоход Р.А.* Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Междунар. Нижневолжская археол. конф. Волгоград, 2004.
- Мимоход Р.А.* Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2005.
- Мимоход Р.А., Шишлина Н.И.* Радиоуглеродные данные финальных катакомбных погребений могильника Манджикины I и некоторые вопросы датирования памятников рубежа эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Прикаспия // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова. Тез. докл. М., 2004.
- Сафронов В.А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Вып. VII. М., 1974.
- Синицын И.В.* Древние памятники Восточного Маньча. Саратов, 1978.
- Синицын И.В., Эрднеев У.Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. // Тр. Калмыцкого республ. краеведческого музея. 1963. Вып. 1.
- Синицын И.В., Эрднеев У.Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.) // Тр. Калмыцкого республ. краеведческого музея. 1966. Вып. 2.
- Трифонов В.А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Матер. междунар. науч. конф. “К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы”. Самара, 2001.
- Шарафутдинова Э.С.* К вопросу о погребальных памятниках эпохи средней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Матер. Междунар. науч. конф. “К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы”. Самара, 2001.
- Шилов В.П., Цуцкин Е.В.* Отчет о работе Волго-Донской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и КНИИ ИФЭ в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1170, 1170а.

Lola culture of terminal Middle Bronze Age in the Northwestern Caspian Sea region

R. A. Mimokhod

Summary

Terminal Middle Bronze Age in the Northwestern Caspian Sea region is represented by funeral monuments of the Lola culture. This culture is included in the block of postcatacomb cultural formations which on the relative chronological scale is placed between catacomb cultures and cultural formations of the initial period of the Late Bronze Age. The Lola culture was formed on the basis of East Manych catacomb culture under a significant influence of Middle Bronze cultures of the Northeastern Caucasus. The Lola culture had three stages. Its evolution involved the disappearance of most residual catacomb traits and the appearance of new cultural standards at an early stage, their development and maintenance at the developed stage and degradation in Late Lola time. In calibrated radiocarbon dates, the time of existence of the Lolino culture is determined within 23d–18th cc. B.C.

КЛАССИФИКАЦИЯ АНТРОПОМОРФНОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКИ КАВКАЗА (XV–III вв. до н.э.)

© 2007 г. О. А. Брилева

Государственный музей искусств народов Востока, Москва

В настоящее время хорошо известны классификации антропоморфной металлопластики Кавказа А.А. Захарова и В.И. Марковина. Исследование Алексея Алексеевича Захарова “Material for the archaeology of the Caucasus. Anthropomorphic bronze statuettes” (Zakharov, 1933) построено на 150 статуэтках. Работа Владимира Ивановича Марковина “Культовая пластика Кавказа” (1986) основана на 188 фигурках. Основу предложенной мной классификации (рис. 1) составляют 735 антропоморфных металлических статуэток, для 120 из которых известна абсолютная дата. Увеличившийся в пять раз массив позволяет на новом уровне подойти к изучению феномена антропоморфной металлопластики Кавказа. Здесь и далее все названия областей Кавказа будут даны по схеме физико-географического районирования Кавказа, составленной Н.А. Гвоздецким (1963). Это освобождает нас от ложных ориентиров, ведь обращаясь к событиям, отстоящим от нас более чем на 3 тыс. лет, сложно найти более надежные реперы, чем природный ландшафт Кавказа.

Культурная принадлежность изучаемой пластики – довольно сложный вопрос, так как большая часть фигурок найдена вне комплексов, маркирующих культуру. Культурная интерпретация возможна только с учетом возможного хронологического диапазона бытования каждого типа пластики на конкретной территории. К тому же границы археологических культур постоянно меняются, сужаясь или расширяясь, существование некоторых культур отвергается половиной исследователей, а для некоторых территорий Кавказа археологические культуры до сих пор не выделены.

Итак, лишь малая часть, 120 из 735 фигурок, происходит из комплексов, по которым известны абсолютные даты. Однако исследователи не пришли к единому мнению о возможных датировках рассматриваемых комплексов. Разница в датах может составлять от одного до пяти веков и более. Учитывая чрезвычайно широкий диапазон возможных дат, можем отметить, что разногласия между системами разных авторов не существенны и отражают общую ситуацию в археологическом изучении региона. Ведь до сих пор не выработано единой хронологической схемы для памятников

эпохи поздней бронзы и раннего железного века Кавказа, однако в этом направлении ведутся активные разработки (Скаков, 2003; 2006; Эрлих, 2001; 2005).

Наибольшая концентрация находок антропоморфной пластики (рис. 2, 1) приходится на зону Большого Кавказа с обеих сторон Большого Кавказского хребта, концентрируясь возле перевалов Крестовый и Кодорский. Меньшее количество приходится на Колхидскую низменность и Закавказское нагорье. И лишь единичные находки пластики мы видим в зоне Терско-Кумской низменности, Западного и Среднего Предкавказья. Чаще всего антропоморфную пластику находят в предгорьях и горных районах, реже – на низменностях, выходящих на морское побережье. В степных районах не зафиксировано находок антропоморфной пластики.

Весь массив антропоморфной пластики условно можно разделить на самостоятельные предметы (679 экз.) и статуэтки, являющиеся частью отдельных предметов (56 экз.). Последние могут быть привязаны к хронологическим диапазонам, так как для 35 из 56 известны абсолютные даты в рамках XV–IV вв. до н.э.

Статуэтки могут быть: на наконечниках культовых жезлов (16 экз.); на украшениях и votивных предметах (22 экз.); на предметах конской узда (15 экз.) и на предметах вооружения (3 экз.). Заметим, что практически вся пластика этой группы представлена фигурками мужского пола, за исключением статуэток на булавах (3 экз.).

Наконечники культовых жезлов представлены “штандартами” (рис. 3, 2) и наверхиями (рис. 3, 1) в количестве 16 экз. Предметы, надевающиеся наверх древка (их втулка расширяется вниз) – наверхия. Жезлы с колокольчиками, свисающими с втулки на специальной петле, надевались на низ древка, в такой позиции колокольчики не касаются древка и могут звенеть. Такие изделия называют “штандартами” (Мошинский, 2006. С. 65–67). Все фигурки этой группы мужского пола. Для 12 из 16 экз. известна абсолютная дата.

Наверхия (рис. 3, 1) встречены в четырех экземплярах, для двух известна абсолютная дата. Они происходят из погребальной залы № 1 Трель-

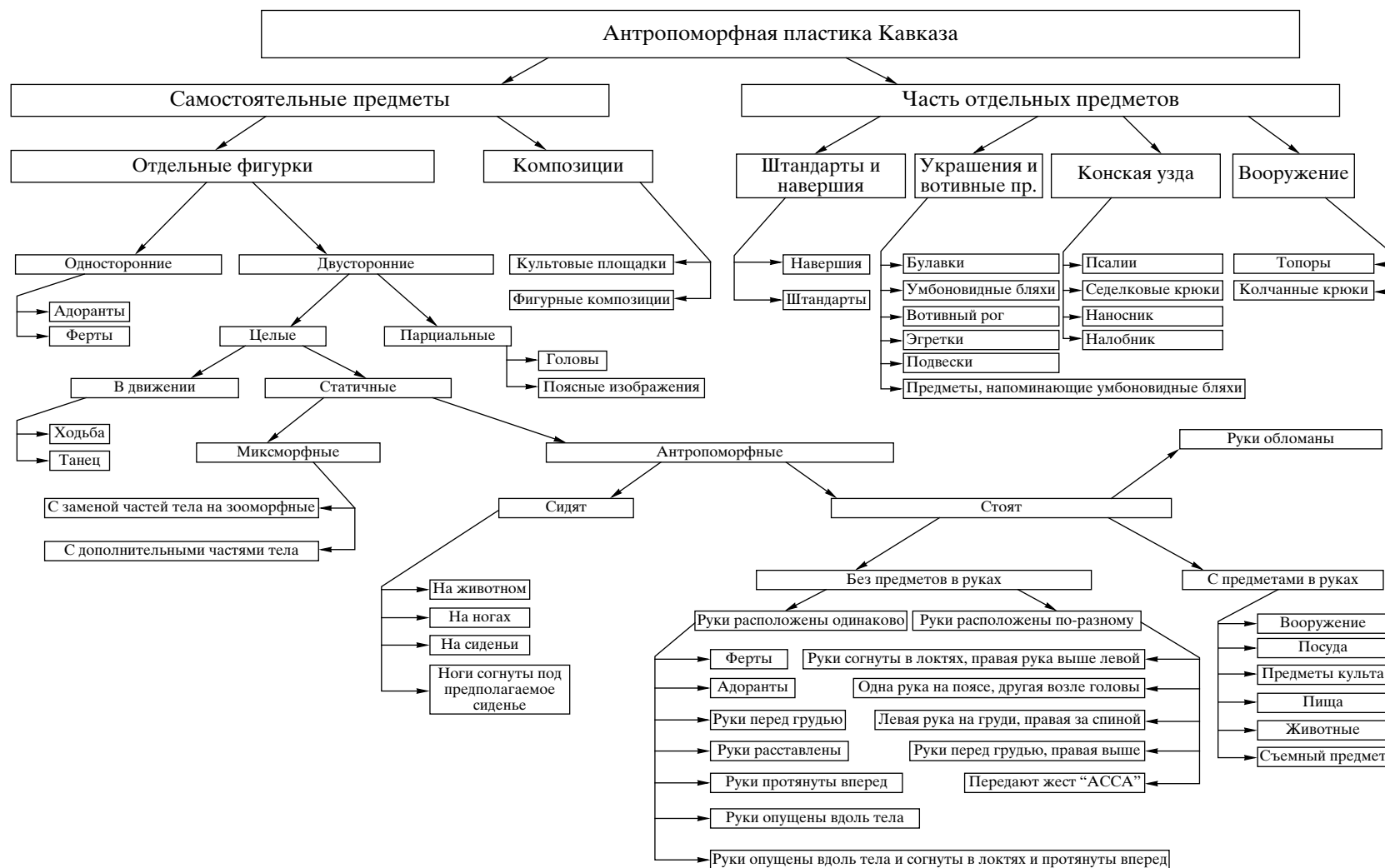

Рис. 1. Классификация антропоморфной пластики Кавказа.

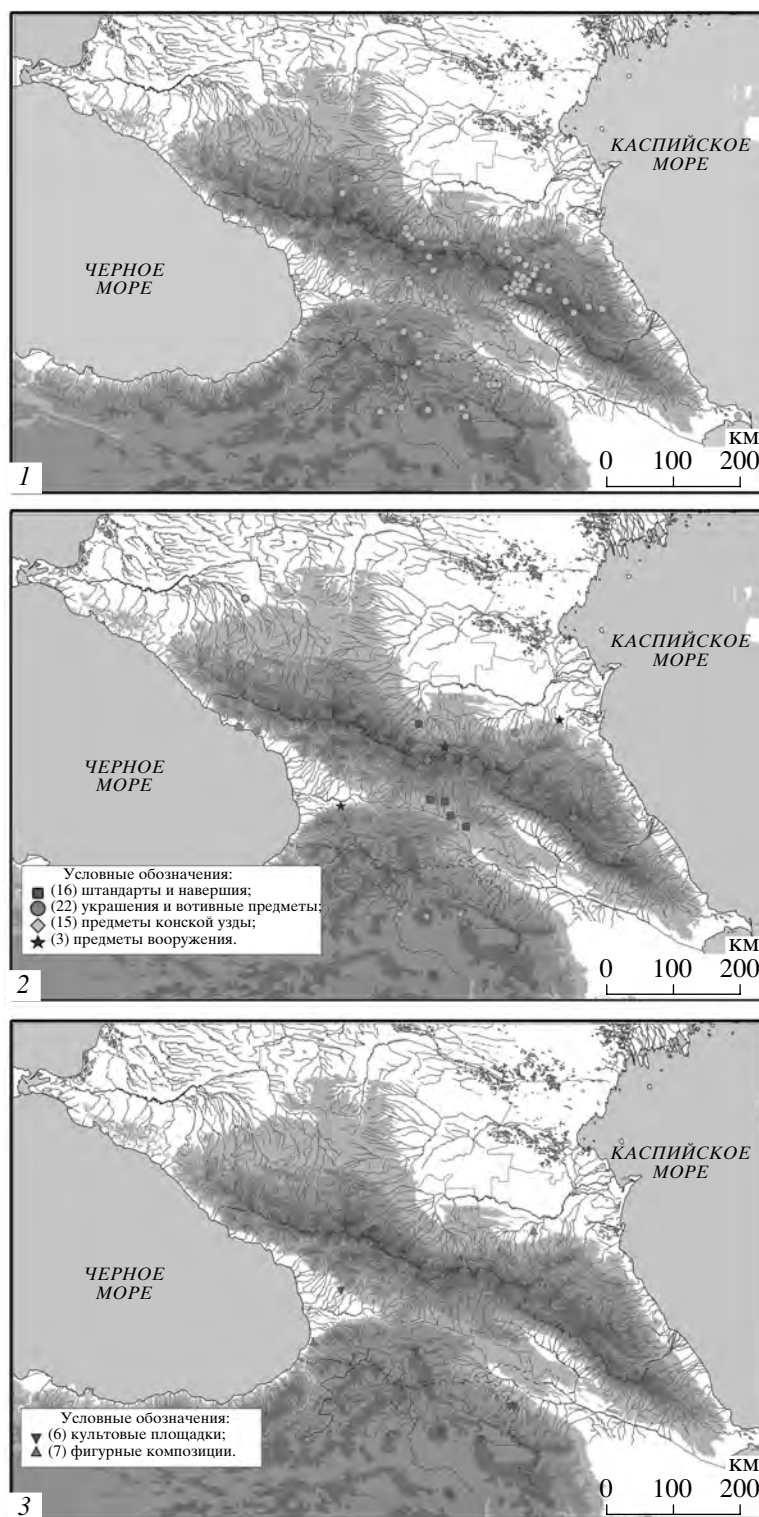

Рис. 2. Карты: 1 – распределение находок антропоморфной пластики на Кавказе; 2 – распределение пластики, являющейся частью других предметов; 3 – распределение композиций.

ского могильника (Абрамишвили, 1976) и погребения 1939 года № 70 могильника Самтавро (Ломтаидзе, 1955a), уверенно датируемых по вооружению и деталям конской узда VIII–VII вв. до н.э.

Эта немногочисленная группа локализуется в рамках Кахети–Шекинской, Восточной высокогорной и Северокавказской провинций Кавказа. На перечисленных территориях в указанный временной

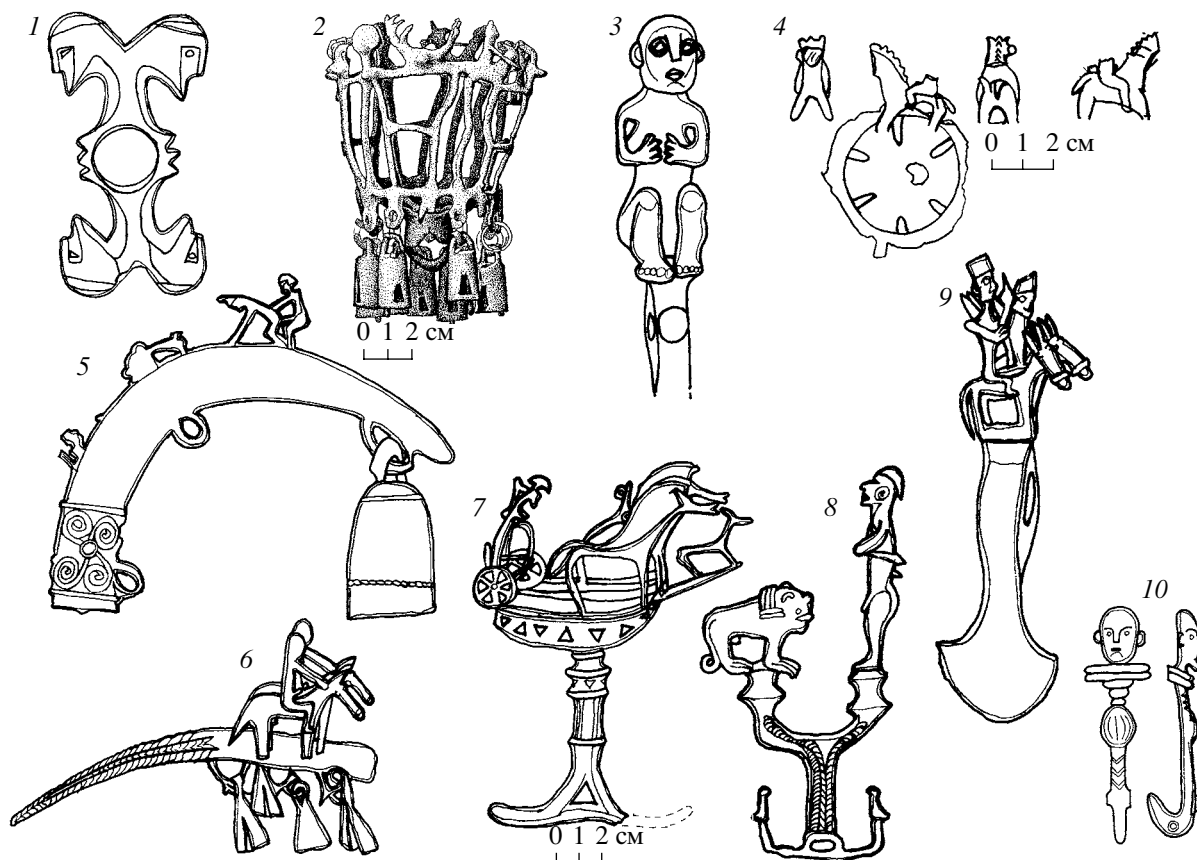

Рис. 3 Антропоморфная пластика, являющейся частью других предметов: 1 – навершие (мог. Мцхета, Грузия) (Ломтатидзе, 1955; Чубинишвили, 1957); 2 – штандарт (мог. Гастон-Уота, Северная Осетия) (Moshinskij, 1999); 3 – булава (сел. Чадаколоб, Дагестан) (Доманский, Пиотровский, 1984); 4 – умбоновидная бляха (Казбегский клад, Северная Осетия, ГИМ 442 № 28 (265/120)); 5 – вотивный рог (Казбегский клад, Северная Осетия) (Zakharov, 1933); 6 – эгретка (Бамборская поляна близ г. Гудаута, Абхазия) (Лукин, 1941); 7 – псалии (сел. Лори-Берд, Армения) (Деведжян, 1980; Есаян, 1980); 8 – седельный крюк (сел. Ширакаван, Армения) (Торосян, 1956); 9 – топор (сел. Сулори, Абхазия) (Коридзе, 1965); 10 – колчанный крюк (высокогорные районы Дагестана) (Абакаров, Давудов, 1993).

интервал существовало государство Иберия, центральный вариант кобанской, зандакская (Давудов Ш.О., 2004), мугерганская, археологические культуры.

Штандарты (рис. 3, 2) встречены в 12 случаях, для 10 из них известна абсолютная дата в рамках VI – первой половины IV в. до н.э. Из них первой половиной IV в. до н.э. датируются 2 экз. из Ахалгорийского клада (Smirnov, 1934; Lordkipanidze, 2003), 1 экз. из Кончаети (Гагошидзе, 1964), 1 экз. из комплекса “жертвенника” мог. Гастон-Уота (Мошинский, 2006). Остальные 6 экз. происходят из Казбегского клада (Уварова, 1900; Цитланидзе, 1976) и традиционно датируются по надписи на чаше ахеменидского времени VI–V вв. до н.э. Находки штандартов происходят из Кахети-Шекинской, Северокавказской провинций и Степного Предкавказья, что соответствует центральному варианту кобанской археологической культуры и территории государства Иберия.

Пластика на украшениях и вотивных предметах насчитывает 21 экземпляр. Для 14 из них известна абсолютная дата в рамках XV–IV вв. до н.э. В этой группе пластика встречена на: булавах (рис. 3, 3) – 9 экз., умбоновидных бляхах (рис. 3, 4) – 4 экз., вотивных рогах (рис. 3, 5) – 2 экз., “эгретках” (рис. 3, 6) – 3 экз., подвесках – 2 экз.

Известно девять булавок с антропоморфной пластикой (рис. 3, 3), для четырех из них известны абсолютные даты. Приведем две даты: широкую и узкую. Широкая дата для булавок с антропоморфными изображениями с XV по IV вв. до н.э., а узкая – X–V вв. до н.э. Найденная на поселении Ховле-Гора булава с человеческой головой датируется широкими рамками существования поселения XV–IV вв. до н.э. (Мухелишвили, 1978). Булава с поясным изображением женщины из погр. 81 мог. Сержень-Юрт датирована XI–X вв. до н.э., а булава с “тремя грациями” из погр. 41 того же могильника – X–IX вв. до н.э. (Козенкова, 1996). Булава со скульптурным изображением сидящего челове-

ка с руками, сложенными на животе, происходит из святилища близ сел. Чадоколоб и по вещам из комплекса может быть датирована в рамках VIII–V вв. до н.э. (Доманский, Пиотровский, 1984). Этот тип пластики происходит из Аджаро-Триалетской и Восточной высокогорной провинций, а также Среднего Предкавказья, что соответствует центральному и восточному вариантам кобанской, самтавской, зандакской археологическим культурам, а также территориям государств Иберия и Урарту.

На умбоновидных бляхах (рис. 3, 4) изображены фигурки из Казбегского клада, датируемого VI–V вв. до н.э. Все они изображают всадников. Этот тип пластики встречен только на территории Северокавказской провинции, что соответствует центральному варианту кобанской археологической культуры.

Пластика, изображенная на вотивном роге (2 экз.) представляет сцены сексуального характера. На изгибе рога симметрично друг другу изображено по паре мужчин, а между ними, ровно посередине рога, сидит, расправив крылья, птица. В каждой композиции пострадавший изображен в скифском колпаке, а победитель в типичной кавказской “сванской” шапочке. Описанные предметы происходят из Казбегского клада и датируются в рамках VI–V вв. до н.э.

Редкий тип головных украшений – “эгретки”, встречен в сочетании с антропоморфной пластикой трижды, во всех случаях на “эгретках” изображены всадники. Все они датированы в рамках V–IV вв. до н.э. Две были найдены на Бамборской поляне близ г. Гудауты (Лукин, 1941). Одна из них была найдена вместе с донцем чернолакового аттического скифоса типа А и датируется второй четвертью V в. до н.э. (Скаков, Джопуа, 2004). Третья “эгретка” происходит из богатого погребения близ Эшерского городища, датированного второй половиной IV в. до н.э. (Шамба, 2000). Они встречены локальной группой в рамках Колхидской горной провинции или бзыбского варианта колхидской культуры.

Дважды встречены подвески с фигурками, происходящие из Кобанского могильника. Подвеска состоит из трех статуэток: боковые фигурки женского пола, а посередине статуэтка мужского пола. Все они крепятся к подвеске с помощью петли над головой. К сожалению, абсолютной даты для них не известно. Место находки – Среднее Предкавказье или центральный вариант кобанской культуры.

Антропоморфная пластика, изображенная на предметах конской узды, известна на 15 изделиях, среди которых псалии (рис. 3, 7) – 11 экз., седельный крюк (рис. 3, 8) – 2 экз., наносник – 1 экз., налобник – 1 экз. Абсолютные даты известны для восьми фигурок. Пластика на псалиях (рис. 3, 7)

имеет абсолютную дату в четырех случаях из 11 в рамках XIV–XII вв. до н.э. Один псалий происходит из погр. 7 могильника Лори-Берд и датируется XIV–XIII вв. до н.э. (Деведжян, 1980). Остальные экземпляры – из курганов (№ 1, 9, 10) близ с. Лчашен (Мнацакян, 1957; 1960). Датированная пластика происходит из Джавахетско-Армянской провинций (входит в ареал памятников эпохи поздней бронзы на территории Армении) и отличается от других типов псалий, происходящих из Сомхетско-Муровдагской подпровинции Сомхетско-Карабахской, а также Западного и Среднего Предкавказья, что соответствует центральному варианту кобанской и меотской культур.

Седельный крюк (рис. 3, 8) с антропоморфной пластикой известен в двух экземплярах, датированных в рамках XIII–XI вв. до н.э. В обоих случаях на крюке изображен воин со львом. Один из них датирован временем существования грунтовых могил XIII–XI вв. (Торосян и др., 1956), второй был найден в грунтовой могиле, датированной XII–XI вв. до н.э. (Арутюнян, 1990). Этот тип изделий встречается только в рамках Джавахетско-Армянской провинции, что соответствует кругу памятников эпохи поздней бронзы на территории Армении. Налобник представлен в единичном экземпляре и происходит из меотского святилища в Западном Предкавказье. Датируется второй половиной IV в. до н.э. Наносник найден в том же меотском святилище и датируется второй половиной IV в. до н.э.

На предметах вооружения известны три скульптуры: на топоре (рис. 3, 9) – 1 экз. и на колчанном крюке (рис. 3, 10) – 2 экз. Топор с изображенными на обухе двумя всадниками датируется по форме VIII в. до н.э. (по А.Ю. Скакову) и происходит из Колхидской низменности (территория колхидской археологической культуры). Колчанные крюки с антропоморфной пластикой относятся к случайным находкам и не имеют абсолютной даты. Однако в погр. 19 мог. Гастон-Уота найден близкий бронзовый крюк с круглым сечением, датированный по комплексу второй половиной VI в. до н.э. (Мошинский, 2006. С. 28). Их находки зафиксированы в Среднем и Восточном Предкавказье, что соответствует центральному и восточному вариантам кобанской археологической культуры.

Хронология появления антропоморфной пластики на частях предметов выглядит следующим образом. Сначала пластика появляется на псалиях (XIV–XII вв. до н.э.), следом – на седельных крюках (XIII–XI вв. до н.э.), затем на булавах (XI–IX вв. до н.э.), на предметах вооружения (VIII в. до н.э.), на вершиях (VIII–V вв. до н.э.), и на колчанном крюке, штандартах и вотивных предметах (V в. до н.э.). Основные группы датируются следующим образом: конская узда (XIV–XI вв. до н.э.), предметы вооружения (VIII–VI в. до н.э.), украше-

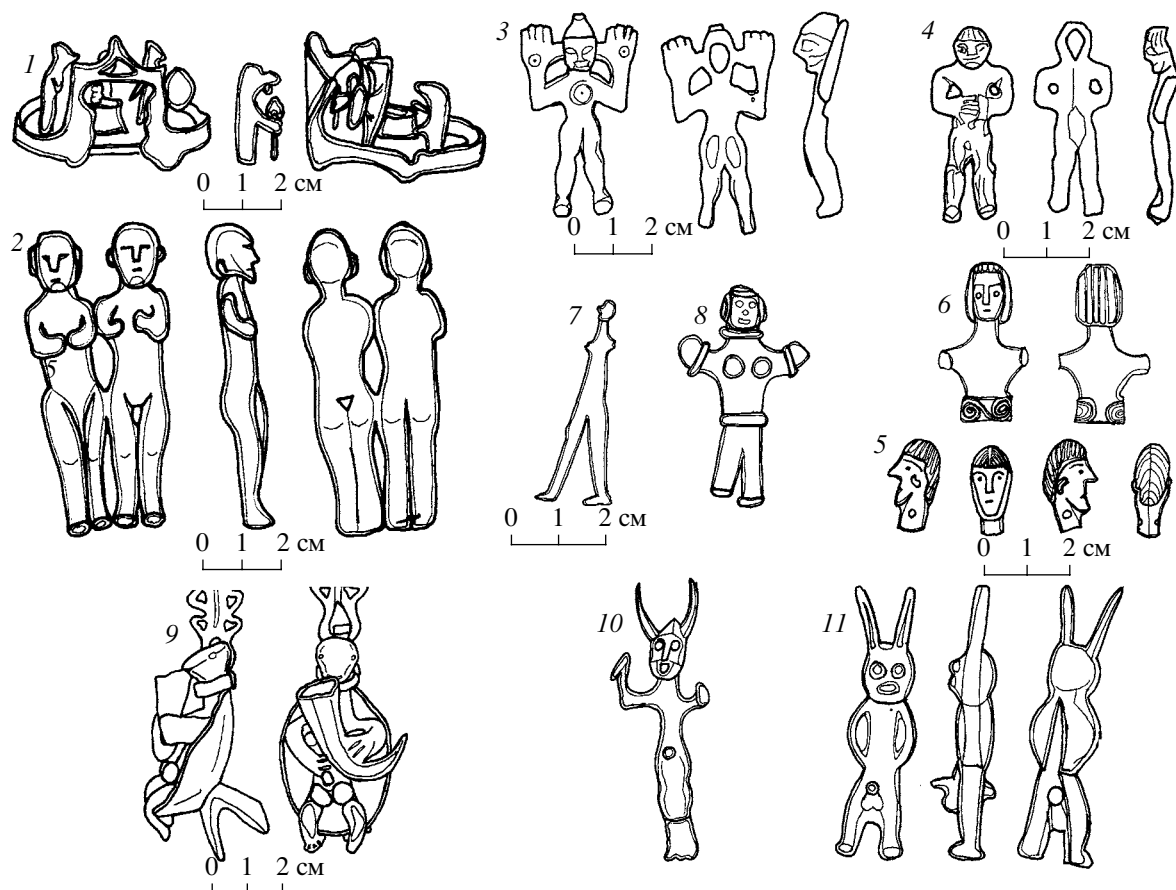

Рис. 4. Композиции, односторонняя пластика, парциальные, статуэтки в движении и миксморфы (1) культовые площадки (сел. Кайцун-Берд, Армения) (Гоян, 1952; Есаян, 1971; 1976; 1980); 2 – фигурные композиции (Хосрехское святилище, Дагестан) (Марковин, 1986; Давудов О.М., 1980; Абакаров, Давудов, 1993); 3 – односторонние адоранты (Курган между селениями Китури и Эмшени, Дагестан) (Zakharov, 1933); 4 – односторонние ферты; (Курган между селениями Китури и Эмшени, Дагестан) (Zakharov, 1933); 5 – голова (Тлийский могильник, Южная Осетия) (Техов, 1977; 1980); 6 – поясные изображения (Дгвабский мог., Абхазия) (Микеладзе и др., 1995); 7 – идущие статуэтки (мог. Астхи-Блур, Армения) (Есаян, 1976; 1980); 8 – танцующие фигурки (св. Мели-Геле I, Кахетия, Грузия) (Пицхелаури, 1968; Марковин, 1986; Менабде, 1988); миксморфная пластика с заменой частей тела на зооморфные: 9 – с предметом в руках (Бамборский клад, Абхазия) (Джавахишвили, 1981; Доманский, 1984; Брилева, 2006а); миксморфная пластика с дополнительными частями тела: 10 – рога (сел. Зангезур, Армения) (Марковин, 1986); 11 – заячьи уши (Грузия) (Zakharov, 1933).

ния и вотивные предметы (XI–V вв. до н.э.), штандарты и наверхия (VIII–V вв. до н.э.).

Обратимся теперь к антропоморфной пластике, являющейся самостоятельными предметами. Такой пластики большинство – 95% или 679 экз. Абсолютная дата известна для 12% (85 экз.) от всей пластики. Статуэтки этой группы разделены на отдельные фигурки (666 экз.) и композиции (13 экз.). Композиции могут быть изображены на площадках (рис. 4, 1) – 6 экз. или без них, составляя фигурные композиции (рис. 4, 2) – 7 экз.

Для композиций на площадках, состоящих из бронзового листа с загнутыми вверх полями с припаянными фигурками людей и животных, в трех случаях из шести известна абсолютная дата в рамках X–VIII вв. до н.э. Композиция из Паравакара датирована X–IX вв. до н.э. (Есаян, Мнацакян, 1970), из Мухурчи (раннее погребение) датировано

IX в. до н.э. (Скаков, 2003), а самая большая композиция из Гамдлис-Цкаройского клада по ряду предметов из клада датируется VIII в. до н.э. (Коридзе, 1968). Культовые площадки находили в Колхидской горной, Аджаро-Триалетской, Джавахетско-Армянской провинциях и в Куринской низменности, где в указанное время существовали колхидская, самтаврская и ходжалы-кедабегская археологические культуры и государство Урарту.

Композиции могут состоять из двух-трех человек. Для многофигурных композиций дата известна в четырех случаях из семи в рамках IX–V вв. до н.э. Фигурки из Хосрехского святилища датируются IX – второй половиной VII в. до н.э. (Давудов, 1980). “Побратимы” из с. Шали относятся к VIII в. до н.э. (Виноградов, 1972). Женщина с ребенком из погр. 3 мог. Уреки датирована второй половиной VII – первой половиной VI в. до н.э. (Скаков, 2003).

Сцена сексуального характера из трех фигур происходит из Казбегского клада (VI–V вв. до н.э.). Многофигурные композиции встречены на территории Колхидской низменности, Джавахетско-Армянской, Северокавказской и Дагестанской провинций и в Среднем Предкавказье, что соответствует центральному и восточному вариантам кобанской, а так же зандакской и колхидской культурам.

Остальные фигурки (666 экз.) изображены односторонними (418 экз.) или двусторонними (248 экз.).

Плоские односторонние фигурки (418 экз.) более хрупкие, поэтому среди них встречаются обломки (4%, 21 экз.). Абсолютных дат для этой многочисленной группы пластики нет. Односторонняя плоская пластика отличается своей однородностью. Все статуэтки этой группы различаются по положению рук. По традиции, восходящей к работам А.А. Захарова, назовем их адорантами и фертами. Фигурки с поднятыми вверх руками (рис. 4, 3) – адоранты (187 экз.), а с руками, лежащими на поясе (рис. 4, 4), – ферты (211 экз.). Кроме этих многочисленных групп пластики встречены две фигурки, у которых руки вытянуты вдоль тела. Среди 188 фигурок адорантов 97 статуэток мужчин и лишь 17 женщин, у 74 экз. признаки пола не выражены. Среди фертов (214 экз.) встречено 97 статуэток мужчин и лишь 3 фигурки женщин, у 114 статуэток признаки не выражены. Статуэтки с мужскими признаками встречаются в одинаковой пропорции среди адорантов и фертов, а женские статуэтки среди фертов практически не представлены, хотя среди адорантов составляют примерно десятую часть. Географическое распределение адорантов и фертов (рис. 5, 4) отличается своей узкой локализацией в Цунтинском районе Дагестанской провинции Кавказа. Ферты распространены в Восточной высокогорной, Северокавказской и Джавахетско-Армянской провинциях. Адоранты на большей территории и встречены также в Среднем Предкавказье, Кахети-Шекинской и Аджаро-Триалетской провинциях. Статуэтки с руками, вытянутыми вдоль тела, встречены в рамках Восточной высокогорной провинции. Вся фрагментированная пластика так же сосредоточена в Восточной высокогорной провинции.

Двусторонние объемные фигурки (248 экз.) изображены либо целыми (242 экз.), когда фигурка человека представлена в полный рост, либо парциальными (6 экз.), когда есть голова или поясное изображение.

Редуцированные статуэтки представлены поясными изображениями (рис. 4, 6) – 4 экз. или головами (рис. 4, 5) – 2 экз. Один из них, голова юноши из погр. 210 мог. Тли, относится к X–VIII вв. до н.э. (Скаков, 2003). Они встречены на территории Западной и Восточной высокогорных провинций в

рамках центрального и восточного вариантов кобанской культуры.

Для трех из четырех поясных изображений (рис. 4, 6) известна абсолютная дата в рамках VIII–VI вв. до н.э. Статуэтка из погребальной ямы № 2 Дгвабского могильника относится к VIII в. до н.э., фигурки из позднего погребения в мог. Мухурча датированы второй половиной VII – первой половиной VI в. до н.э. (Скаков, 2003). География находок этой группы пластики не выходит за рамки Колхидской низменности и Колхидской горной провинций, а также Восточной высокогорной провинции, что соответствует Колхидской и Зандакской археологическим культурам.

Целые двусторонние фигурки, изображенные в полный рост, могут быть переданы статичными (232 экз.) или в движении (10 экз.). Выделяется два типа передачи движения, которые могут быть трактованы как танец (рис. 4, 7), когда статуэтки “раскачиваются” вправо – влево, или как ходьба (рис. 4, 6), когда передано движение вперед – назад.

Идущие статуэтки известны в трех экземплярах. Две из них происходят из мог. Астхи-Блур и датированы VI–V вв. до н.э. (Есаян, 1968). Они встречены на территории Сомхетско-Муровдагской и Колхидской горной провинций, что соответствует колхидской археологической культуре и государству Иберии.

Танцующие статуэтки известны в семи экземплярах. Одна из них, происходящая из св. Мели-Геле I, относится к XV–X вв. до н.э. (Пицхелаури, 1968). Происходят они с территории Кахети-Шекинской или Джавахетско-Армянской провинций Кавказа, где в указанное время локализуется триалетская, самтаврская и восточно-кавказская археологические культуры.

Среди целых статичных двусторонних статуэток встречается не только антропоморфная, но и миксморфная пластика, сочетающая черты человека и животного. Миксморфные фигурки представляют наиболее редкий и сложный для изучения пласт антропоморфной пластики Кавказа. Благодаря сочетанию признаков животного и человека, этот вид пластики может стать ключом к пониманию феномена как зооморфной, так и антропоморфной пластики и послужить разгадкой для расшифровки тех культов, отзвуком которых стало изучаемое явление. Количество подобной пластики не велико – 52 экз. Миксморфную пластику можно разделить на две группы: фигурки с заменой части тела человека на части тела животного (7 экз.) и статуэтки с дополнительными частями тела животного (45 экз.).

Среди фигурок с заменой частей тела человека на части тела животного (7 экз.) встречаются фигурки, у которых голова человека заменена на голову земноводного (рис. 4, 9), человеческие уши могут быть заменены на медвежьи, человеческие

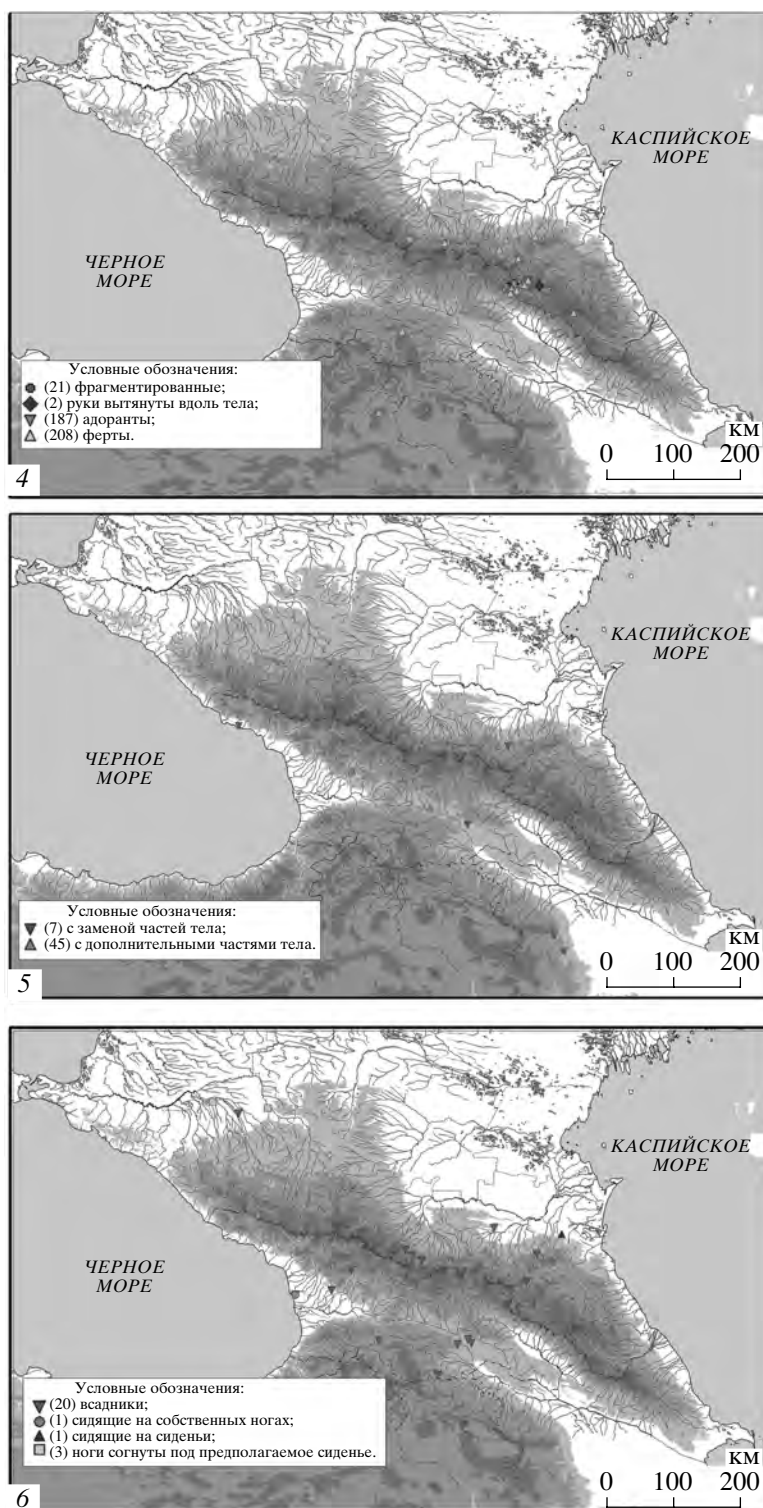

Рис. 5. Карты: 4 – распределение односторонней пластики; 5 – распределение миксморфной пластики на Кавказе; 6 – распределение сидящих статуэток.

ноги – на копыта. В руках у статуэток этой группы обязательно находится какой-нибудь предмет или существо (щит, рог для питья или ребенок). Для двух статуэток этой группы известна дата в рамках

VI–V вв. до н.э. (Бамборский клад; Брилева, 2006а). Подобные фигурки происходят из Северокавказской, Кахети-Шекинской, Сомхетско-Муровдагской и Колхидской горной провинций Кав-

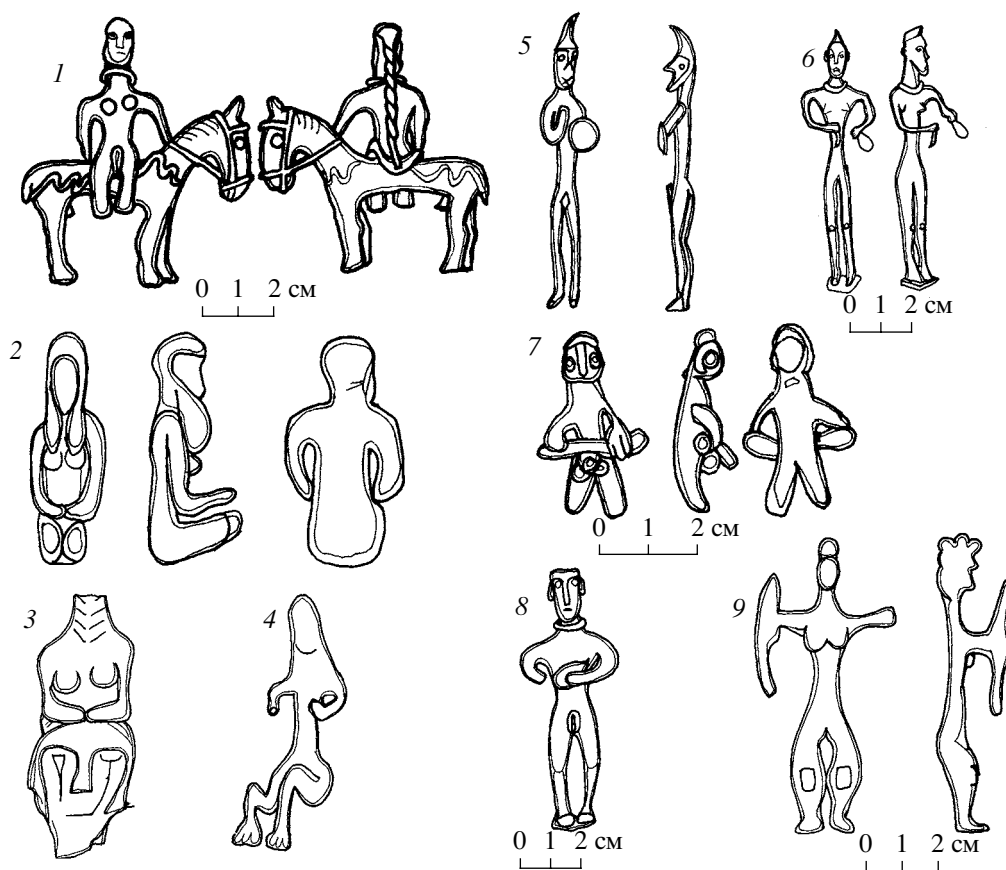

Рис. 6. Сидящие и стоящие с предметами в руках статуэтки. Сидящие статуэтки: 1 – на животном (Дагестан, Абакаров, Давудов, 1993); 2 – на собственных ногах (Эргета IV, Грузия) (Джапаридзе, 1991); 3 – на стуле (Казимуха или Хасавюрт, Дагестан) (Давудов, 1991; Абакаров, Давудов, 1993); 4 – ноги согнуты под предполагаемое сиденье (Армавир, Краснодарский край) (Отчет ИАК, 1906). Стоящие с предметами в руках: 5 – вооружение (сел. Айрум, Армения) (Есаян, 1980; Марковин, 1986); 6 – с посудой (сел. Айрум, Армения) (Есаян, 1976; 1980; Марковин, 1986); 7 – с предметами культа (сел. Камунта, Северная Осетия) (Уварова, 1900; Марковин, 1986); 8 – пища (Высокогорные районы Дагестана) (Абакаров, Давудов, 1993); 9 – животные (сел. Паравакар, Армения) (Есаян, Мнацакян, 1970; Есаян, 1980).

каза, на территории которых в указанное время локализуются восточный вариант кобанской и колхидская археологические культуры, а так же государство Иберия.

Среди дополнительных частей тела на статуэтках можно увидеть рога (рис. 4, 10) – 42 экз. и заячьи уши (рис. 4, 11) – 3 экз. Рогатые статуэтки бывают двурогими и однорогими. Непосредственным толчком к появлению пластики с рогами могло послужить появление в VIII–VII в. до н.э. на Кавказе ассирийцев в шлемах с роговыми выступами (Есаян, 1986. С. 25). В нартском эпосе упоминается шлем Бидаса, обладатель которого всегда был неуязвим, сам шлем выступал в качестве одушевленного предмета. Перед боем он сам надевался на голову воина, и снять его во время боя было невозможно (Сказания о нартах, 1981. С. 396), видимо, поэтому на статуэтках изображали только рога, без самого шлема. Пластика этого вида (рис. 5, 5) встречена в Северокавказской, Аджаро-Триалетской, Сомхетско-Муровдагской, Западной и Во-

сточной высокогорных провинций, а так же Куринской низменности, что соответствует западному и восточному вариантам кобанской, зандакской и мугерганской археологическим культурам, а так же государству Иберия.

Еще один тип антропоморфной пластики (180 экз.) представлен стоящими (155 экз) или сидящими (25 экз.) фигурками.

Сидящие статуэтки разделены на несколько групп: всадники (рис. 6, 1) (20 экз.), фигурки с согнутыми под предполагаемый предмет ногами (рис. 6, 4) (3 экз.), сидящие на собственных ногах (рис. 7.2) (1 экз.) и на стуле (рис. 6, 3) (1 экз.).

Для наездников (рис. 6, 1) в 8 случаях из 20 известна абсолютная дата, которая не выходит за рамки IX–V вв. до н.э., III в. до н.э. Две всадницы происходят из раннего погребения мог. Мухурча и датируются IX в. до н.э. (Скаков, 2003). Всадник из мог. Сагареджи датирован IX–VII вв. до н.э. (Менабде, 1988). Наездник из погр. № 32 мог. Борниге-

ле относится к IX–VII вв. до н.э. (Гамбашидзе и др., 1986). Скачущий всадник из погр. 65 Трельского могильника относится к VIII–VII вв. до н.э. (Абрамишвили, 1976). Наездница из погребальной ямы 6 мог. Эргета I датирована второй половиной VII – первой половиной VI в. до н.э. (Скаков, 2003). Всадник из погребения 15 за 1939 г. мог. Брили относится к V в. до н.э. Наездник на быке из жертвенника (объект 12) в кургане № 1 близ Серегинского могильника (Курганинск, 1986 г) относится к III в. до н.э. (Каминский, Берлизов, 1987). Находки этого вида статуэток зафиксированы (рис. 5, 6) в Западном и Среднем Предкавказье, Западной и Восточной высокогорных провинциях, Колхидской низменности, Колхидской горной, Кахети-Шекинской, Аджаро-Триалетской, Сомхетско-Муровдагской провинций, а также Куринской равнины и возвышенности. Зафиксированные находки можно соотносить с центральным и западным вариантом кобанской, зандакской, колхидской и сарматской археологическими культурами, а также государствами Урарту и Иберией.

Сидящая на собственных ногах статуэтка (рис. 6, 2) встречена в единичном экземпляре. Она найдена в погребальной яме 2 мог. Эргета IV, относящегося к IX в. до н.э. (Скаков, 2003) на территории Колхидской низменности (рис. 5, 6) и колхидской археологической культуры.

Сидящая на сиденье (рис. 6, 3) статуэтка встречена также в единичном экземпляре на территории Восточного Предкавказья (рис. 5, 6). Поскольку дата не известна, то соотносить с какой-либо археологической культурой не представляется возможным. Статуэтки с ногами, согнутыми под предполагаемое сиденье (рис. 6, 4) известны в трех экземплярах, одна из них (хут. Чернышев, Серегинский курган 1, 1984 г., погребение 17) датирована III в. до н.э. Этот тип фигурок происходит из Западного Предкавказья (рис. 5, 6) и связан с сарматской археологической культурой.

Стоящие объемные антропоморфные фигурки в количестве 155 экз. делятся на три большие группы по наличию и положению рук: 1) статуэтки, руки которых обломаны у основания; 2) статуэтки с предметами в руках; 3) без предметов в руках.

Фигурки с обломанными в районе предплечья руками продатированы в 11 из 15 случаев; 10 фигурок происходят из святилища Шилда и датированы XV–V вв. до н.э. (Майсурадзе, Инанишвили, 2004). Одна фигурка происходит из погр. 3 мог. Нигвизиани VIII в. до н.э. (Скаков, 2003). География находок – Северокавказская, Восточная высокогорная, Колхидская горная, Кахети-Шекинская, Аджаро-Триалетская провинции. Этот тип пластики соотносится с восточным вариантом кобанской, колхидской, самтаврской и зандакской археологическими культурами.

Статуэтка с предметами в руках представлены 70 экз. Эта группа отличается яркой выраженностью половых признаков. В руках у статуэток могут быть изображены следующие типы предметов: вооружение (рис. 6, 5), посуда (рис. 6, 6), предметы культа (рис. 6, 7), пища (рис. 6, 8), животные (рис. 6, 9), а так же предполагаются съёмные предметы.

Фигурки мужчин изображают с предметами вооружения: копья, кинжалы, щиты, лук со стрелами. Для семи из 24 статуэток этой группы известна абсолютная дата: широкая – XIII–V вв. до н.э. и узкая IX–V вв. до н.э. Воин с копьем и щитом из Мелаани относится к XIII–VIII в. до н.э. (Лордкипанидзе, 1979). Воины из Паравакара датированы X–IX вв. до н.э., а воины из Айрума относятся к IX–V вв. до н.э. (Есаян, 1980). Географическое распределение пластики этой группы (рис. 7, 7): Восточное Предкавказье, Северокавказская, Дагестанская, Восточная высокогорная, Куринская равнина и возвышенность, Аджаро-Триалетская и Сомхетско-Муровдагская провинции. Время и территория находок соотносятся со следующими археологическими культурами: центральный и восточный вариант кобанской, восточно-кавказская, зандакская археологические культуры, государство Иберия и памятники поздней бронзы на территории Азербайджана (рис. 7, 7).

Среди посуды встречаются различных видов сосуды и рог для питья. У мужчин в руках можно встретить лишь рог для питья (7 экз.), у женщин как рог для питья, так и сосуды. Для 14 из 24 статуэток известны абсолютные даты в рамках XIII–V вв. до н.э. Статуэтки из Айрума датированы IX–V вв. до н.э. (Есаян, 1980), фигурка из св. Мели-Геле I относится к XV–X вв. до н.э. (Труды..., 1988), воин с рогом в руке и кинжалом на перевязи из Мелаани относится к XIII–VIII вв. до н.э. (Пицхелаури, 1959), статуэтки из Казбегского клада датированы VI–V вв. до н.э. Отметим, что пластика с предметами посуды с территории Северного Кавказа, датируется в рамках VI–V вв. до н.э. География находок (рис. 7, 7): Северокавказская, Дагестанская, Восточная высокогорная и Куринская провинции. Здесь в указанное время существовали триалетская, самтаврская, восточно-кавказская, зандакская и центральный вариант кобанской археологической культуры.

К предметам культа относятся “посохи”, которые держат мужчины двумя руками на уровне пояса (6 экз.), (рис. 6, 7), а также овальные предметы в разведенных в разные стороны руках (1 экз.). Предметы этой группы в одной из семи случаев датируются в рамках VI–V вв. до н.э. (Казбегский клад). Их находки не выходят за пределы Среднего Предкавказья, а также Восточной и Западной высокогорных провинций, что соответствует цен-

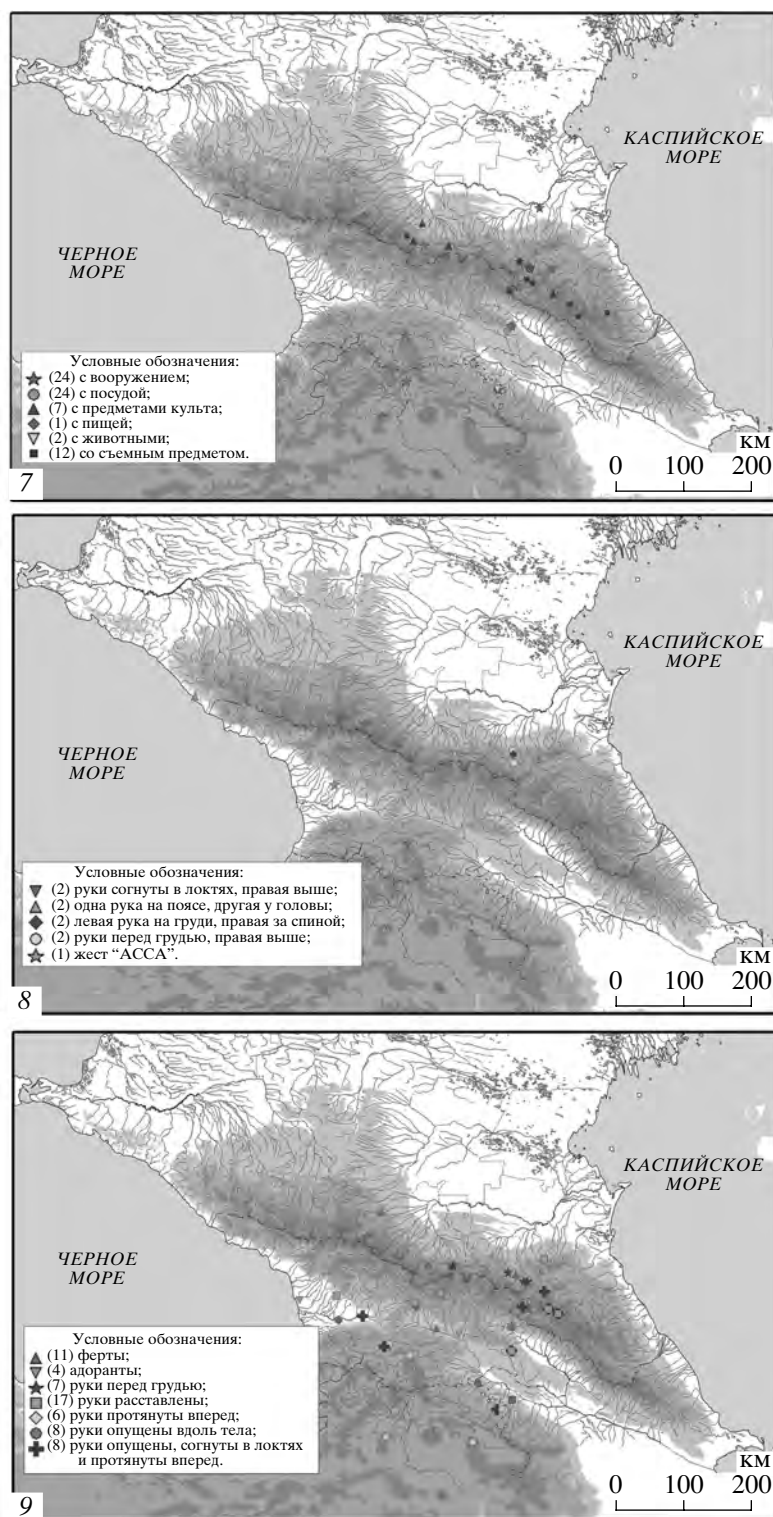

Рис. 7. Карты: 7 – распределение фигурок с предметами в руках; 8 – распределение фигурок, у которых руки расположены по-разному; 9 – распределение статуэток с одинаково расположенными руками.

тральному варианту кобанской и зандакской археологических культур.

К пище относится предмет, напоминающий лепешку, которую женщина держит на уровне груди.

Абсолютной даты эта статуэтка не имеет. География находки – Западная высокогорная провинция, что соотносится с зандакской археологической культурой.

К условно названным “животными” относятся встреченные в единичных случаях: сидящая на ладони правой руки мужчины птица (1 экз.) и рыба, которую держит правой рукой за жабры женщина (1 экз.). Абсолютная дата известна для женщины из Паравакара, держащей рыбу – X–IX вв. до н.э. (Есаян, Мнацакян, 1970). Статуэтки происходят из диаметрально противоположных регионов Кавказа, роднит их зональность – обе фигурки происходят из предгорий. Птица в руках мужчины происходит из подпровинции возвышенностей Среднего Предкавказья (Кисловодская котловина). Женщина с рыбой происходит из Куринской провинции Кавказа, что соответствует западному варианту кобанской и ходжалы-кедабегской археологическим культурам.

В руках некоторых статуэток проделаны сквозные отверстия или руки их согнуты под какой-то съемный предмет. Известно 12 экземпляров таких фигурок. Для фигурки с горы Берак близ сел. Арчо известна дата в рамках VI–IX вв. н.э. (Гаджиев, 1996). Эта группа пластики выглядит довольно специфично на общем фоне. Находки этого типа резко отличаются от датируемых эпохой поздней бронзы и раннего железного века. Они концентрируются на Северном Кавказе в рамках Дагестанской, Западной и Восточной высокогорных провинций.

Антропоморфная пластика без предметов в руках (72 экз.) разделена по положению рук на две группы: в первую группу входят фигурки, у которых руки расположены одинаково (63 экз.), во вторую – статуэтки, у которых руки расположены по-разному (9 экз.).

Среди фигурок, у которых руки расположены по-разному (9 экз.), выделяются следующие группы: руки согнуты коромыслом, протянуты вперед на уровень груди, при этом правая рука поднята немного выше левой (рис. 8, 1) – 2 экз., комбинированная поза ферта и адоранта – правая рука на поясе, левая прижата к голове (рис. 8, 2) – 2 экз., левая рука на груди, правая рука за спиной прижата к телу между лопатками (рис. 8, 3) – 2 экз., руки согнуты коромыслом, правая поднята вверх, левая возле груди – 2 экз., руки передают жест из кавказских танцев – “Асса” – 1 экз. Все статуэтки этой группы, за исключением последней, передающей жест “Асса”, происходят из недатированных комплексов и не имеют абсолютной даты.

Статуэтки, у которых руки согнуты коромыслом, протянуты вперед на уровень груди, правая рука поднята немного выше левой, известны в двух экземплярах. Они происходят из Восточной высокогорной и Аджаро-Триалетской провинций Кавказа, и могут быть соотнесены с самтавской, зандакской и восточно-кавказской археологическими культурами и государством Иберией.

Комбинированная поза ферта и адоранта встречена в дважды на территории Колхидской горной и Сомхетско-Муровдагской провинций или на территории колхидской и триалетской археологических культур.

Фигурки, у которых левая рука на груди, правая за спиной прижата к телу, известны в двух экземплярах с территории Западной высокогорной провинции или восточного варианта кобанской культуры.

Руки согнуты коромыслом, правая поднята вверх, левая возле груди у двух фигурок из Западной высокогорной провинции или восточного варианта кобанской археологической культуры.

Статуэтка с руками, сложенными в жест из кавказских танцев – “Асса” встречена в единичном экземпляре на территории Колхидской горной провинции или колхидской археологической культуры.

Фигурки с одинаково расположенными руками (63 экз.) представлены в равной пропорции мужскими, женскими статуэтками и фигурками без признаков пола. Дата известна для 23 фигурок. Статуэтки с одинаково переданными руками разделены на группы: ферты (рис. 8, 4) – 11 экз., адоранты (рис. 8, 5) – 4 экз., руки перед грудью (рис. 8, 6) – 7 экз., руки расставлены (рис. 8, 7) – 17 экз., руки протянуты вперед (рис. 8, 10) – 6 экз., руки опущены вдоль тела (рис. 8, 8) – 8 экз., руки опущены вдоль тела, согнуты в локтях и протянуты вперед (рис. 8, 9) – 8 экз.

Ферты в одном случае из 11 имеют абсолютную дату в рамках XV–V вв. до н.э. (святилище Шилда). Интересно, что среди односторонних фертов женские статуэтки отсутствуют, а среди объемных составляют равную пропорцию с мужскими. Фигурки объемных фертов известны в Северокавказской, Восточной высокогорной и Куринской провинциях (рис. 7, 9) или во всех вариантах кобанской, самтавской, восточно-кавказской, зандакской археологических культурах и в государстве Иберия.

Объемные фигурки-адоранты (4 экз.) в двух случаях известны с абсолютной датой в рамках второй половины VII – первой половины VI в. до н.э. Они происходят из погребальной ямы 1 мог. Эргета IV и погребальной ямы 6 мог. Эргета I (Скаков, 2003). География их распространения – Восточная высокогорная, Северокавказская и Куринская провинции Кавказа или колхидская и зандакская археологические культуры, а также государство Иберия.

Статуэтки, у которых руки сложены перед грудью (7 экз.), происходят из не датированных комплексов. География находок – Среднее Предкавказье и Северокавказская провинция или центральный и восточный варианты кобанской культуры.

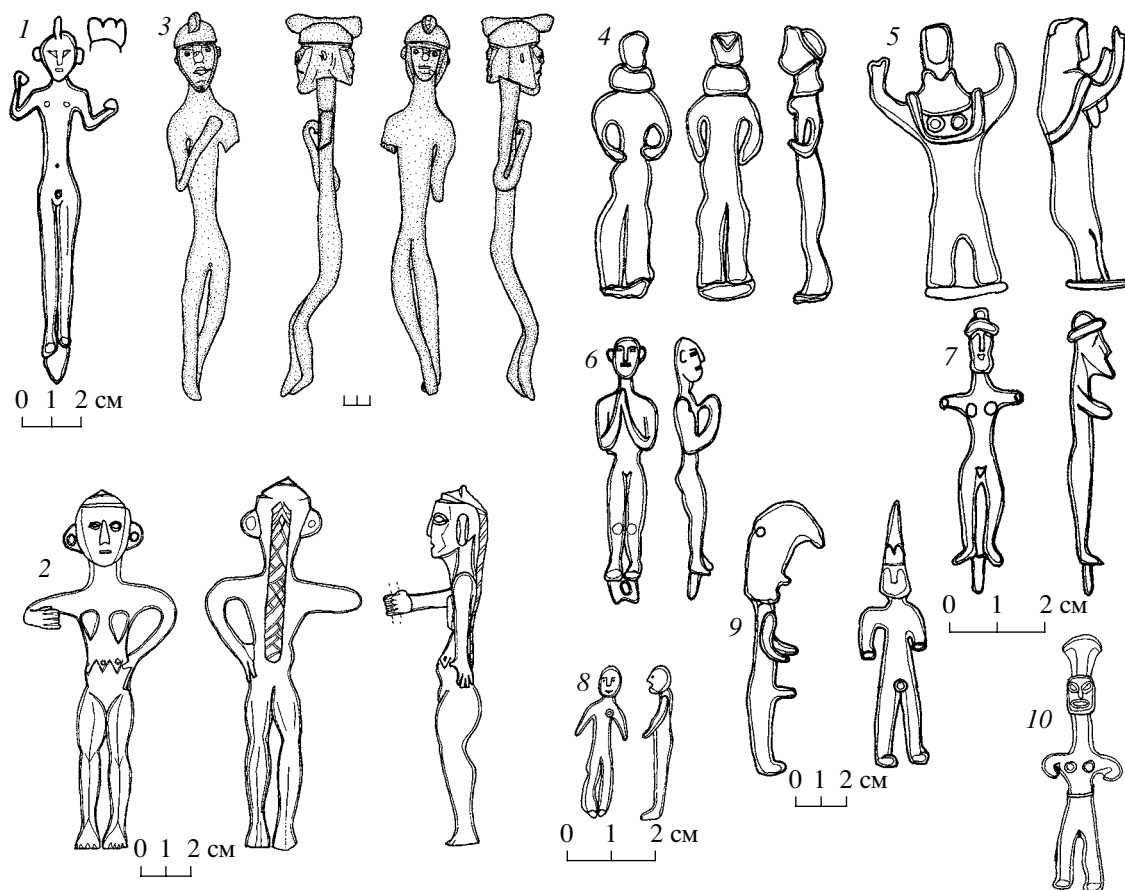

Рис. 8. Стоящие фигурки без предметов в руках. Руки расположены по-разному: 1 – согнуты в локтях, правая рука поднята выше левой (высокогорные районы Дагестана) (Абакаров, Давудов, 1993); 2 – одна рука на поясе, другая возле головы (сел. Кибак, Дагестан) (Zakharov, 1933; Абакаров, Давудов, 1993; Джавахишвили, 1981; Марковин, 1986); 3 – левая рука на груди, правая за спиной (сел. Советское, Чечня) (Zakharov, 1933; Отчет РИМ, 1914; Марковин, 1986; Брилева, 2006б). Руки расположены одинаково: 4 – ферты (святилище Шилда, Грузия) (Майсурадзе и др., 1984; 2004); 5 – адоранты (Эргета IV, Грузия) (Гамбашидзе и др., 1986; Панцхава и др., 2003; Джапаридзе, 1991); 6 – руки перед грудью (высокогорные районы Дагестана) (Zakharov, 1933; Абакаров, Давудов, 1993; Марковин, 1986); 7 – руки расставлены (сел. Паравакар, Армения) (Есаян и др., 1970; Есаян, 1976; 1980; Марковин, 1986); 8 – опущены вдоль тела (сел. Айрум, Армения) (Есаян и др., 1970; Есаян, 1976; 1980); 9 – опущены вдоль тела, согнуты в локтях и вытянуты вперед (сел. Борнигеле, Грузия) (Гамбашидзе и др., 1986); 10 – протянуты вперед (св. Мели-Геле I, Грузия) (Пицхелаури, 1967; Марковин, 1986; Труды..., 1988).

Статуэтки с разведенными в разные стороны руками (17 экз.) в девяти случаях имеют абсолютные даты. Фигурки из святилища Шилда относятся к XV–V вв. до н.э., скульптурка из св. Мели-Геле II относится к X–VII вв. до н.э. (Труды..., 1988), из раннего погребения мог. Мухурча – к IX в. до н.э.; из позднего погребения мог. Мухурча и из погр. 244 Тлийского могильника – ко второй половине VII – первой половине VI в. до н.э. (Скаков, 2003); изображение из Саирхе относится к IV в. до н.э. (Надирадзе, 1990). География этого типа пластики весьма обширна: Среднее Предкавказье, Северокавказская, Западная и Восточная высокогорные, Колхидская горная и Кахети-Шекинская провинции Кавказа. Соответственно соотносятся с колхидской, центральным и восточным вариантами кобанской, восточно-кавказской, зандакской, ход-

жалы-кедабегской археологическими культурами, а также Урарту и Армянским царством.

Фигурки с протянутыми перед собой руками (6 экз.) в двух случаях имеют абсолютные даты в рамках XV–IX вв. до н.э. Статуэтка из св. Мели-Геле I относится к XV–X вв. до н.э. (Пицхелаури, 1968), из Паравакара к X–IX вв. до н.э. (Есаян, 1980). География находок не выходит за рамки Закавказья: Куринская низменность, Аджаро-Триалетская, Сомхетско-Муровдагская, Джавахетско-Армянская провинции Кавказа. Фигурки этого типа встречаются в самтаврской, ходжалы-кедабегской археологических культурах и в государстве Урарту.

Для статуэток, у которых руки опущены вдоль тела, в шести случаях из восьми известна абсолютная дата. Статуэтка из Айрума относится к IX–

V вв. до н.э. (Есаян, 1980), фигурки из Вани датированы III в. до н.э. (Лордкипанидзе, 1985б). Пластика концентрируется в зоне Сомхетско-Карабахской провинции с единичным выходом в зону Колхидской низменности и Колхидской горной провинции. Фигурки зафиксированы на территории колхидской и ходжалы-кедабегской археологических культур и государства Иберия.

Руки опущены вдоль тела, согнуты в локтях и протянуты вперед у восьми статуэток. Среди них две имеют абсолютные даты в рамках X–VII вв. до н.э. Фигурка из св. Мели-Геле II относится к X–VII вв. до н.э. (Труды..., 1988), статуэтка из погр. № 32 мог. Борнигеле – к IX–VII вв. до н.э. (Гамбашидзе и др., 1986). География находок: Сомхетско-Муровдагская провинция, Колхидская горная, Аджаро-Триалетская, Восточная высокогорная и Дагестанская провинции. В указанное время на перечисленной территории известны колхидская, самтаврская, зандакская археологические культуры, государство Иберия и памятники поздней бронзы на территории Азербайджана.

Многовариантность антропоморфной пластики свидетельствует об обилии и разнообразии культов, существовавших на Кавказе. Равномерно представленные археологические культуры Северного Кавказа и Закавказья свидетельствуют о едином пути развития культов для всего региона в целом. Невозможность выделить специфический набор пластики для отдельной археологической культуры свидетельствует о том, что антропоморфная пластика Кавказа – явление надкультурное, которое невозможно рассматривать в рамках одной археологической культуры или одного региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993.
- Абрамишвили Р.М. Археологические исследования на новостройках Большого Тбилиси // Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси, 1976.
- Арутюнян Л.Г. Бронзы лчашенского типа и аналогии металлопластики Передней Азии // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990.
- Брилева О.А. Антропоморфная пластика из Бамборского клада. Новый взгляд // Первая Абхазская Междунар. археол. конф. Сухум, 2006а.
- Брилева О.А. Памятник древних культов Чечни // Чеченская республика и чеченцы: история и современность. Матер. всерос. науч. конф. М., 2006б.
- Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). Грозный, 1972.
- Гагошидзе Ю.М. Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья. Тбилиси, 1964.
- Гаджиев М.С. О хронологии и интерпретации бронзовых статуэток северо-восточного Кавказа // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения. Тез. докл. М., 1996.
- Гамбашидзе О.С., Гамбашидзе И.О. Работы Месхет-Джавахетской экспедиции // Полевые археологические исследования в 1983 г. Тбилиси, 1986.
- Гвоздецкий Н.А. Кавказ. Очерк природы. М., 1963.
- Гоян Г. Театр древней Армении (по памятникам материальной культуры и древним текстам). М., 1952.
- Давудов О.М. Хосрехское святилище // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
- Давудов О.М. Некоторые культовые места горного Дагестана // Горы и равнины северо-восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991.
- Давудов Ш.О. Северо-восточный Кавказ на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа (Зандакская культура). Махачкала, 2004.
- Деведжян С.Г. Лори-Берд. Т. I. Ереван, 1980.
- Джавахишвили Г.А. Пластические изображения человека в древней Грузии. Тбилиси, 1981.
- Джапаридзе О.М. Археология Грузии (каменный век и эпоха бронзы). Тбилиси, 1991.
- Доманский В.Я. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Гос. Эрмитажа. М., 1984.
- Доманский В.Я., Пиотровский Ю.Ю. Археологический комплекс бронзовых вещей из Дагестана // Эрмитаж. Ленинград. Сообщения. Т. 49. Л., 1984.
- Есаян С.А. Астхиблурский могильник // ВОН. 1968. № 6.
- Есаян С.А. Бронзовые модели культовых площадок древней Армении // СА. 1971. № 1.
- Есаян С.А. Древняя культура племен северо-восточной Армении. Ереван, 1976.
- Есаян С.А. Скульптура древней Армении. Ереван, 1980.
- Есаян С.А. Доспех древней Армении. Ереван, 1986.
- Есаян С.А., Мнацаканян А.О. Находки новых бронзовых статуэток в Армении // СА. 1970. № 2.
- Каминский В.Н., Берлизов Н.Е. Раскопки кургана-кладбища в г. Курганинске в Восточном Закубанье // Древности Кубани (матер. семинара). Краснодар, 1987.
- Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.
- Коридзе Д.Л. Древнейшие памятники материальной культуры из Сачхерского района. Тбилиси, 1965.
- Коридзе Д.Л. Позаботимся о защите случайно обнаруженных археологических памятников // ДМ. Вып. 15. Тбилиси, 1968.
- Ломтатидзе Г.А. Археологические раскопки в Мцхета. Тбилиси, 1955а.
- Ломтатидзе Г.А. Важнейшие итоги археологических раскопок Рустави // МАГК. Т. 1. Тбилиси, 1955б.
- Лордкипанидзе О.Д. Древняя Колхида. Тбилиси, 1979.
- Лордкипанидзе О.Д. О некоторых инновациях в материальной культуре Колхиды IV–III вв. до н.э. // Куль-

- турное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения. Л., 1985.
- Лукин А.Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии // Тр. отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Т. 1. Л., 1941.
- Майсурадзе В.Г. Инанишвили Г.В. Святилище Шилда, культовый памятник из Кахетии (Грузия) // РА. 2004. № 4.
- Майсурадзе В.Г., Паницхава Л.Н. Святилище Шилда. Тбилиси, 1984.
- Марковин В.И. Культовая пластика Дагестана // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
- Менабде Ц.Н. Археологические материалы эпохи бронзы и раннего железа Сагареджойского краеведческого музея // Тр. Кахетской археологической экспедиции. Т. VIII. Гареджи; Тбилиси, 1988.
- Микеладзе Т.К., Мигдисова Н.П., Папуашвили Р.П., Чубинишвили Н.Т. Колхидская экспедиция // Полевые археологические исследования в 1987 г. Тбилиси, 1995.
- Мнацакян А.О. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье озера Севан // СА. 1960. № 2.
- Мошинский А.П. Древности горной Дигории VII–IV вв. до н.э. М., 2006.
- Мухелишвили Д.Л. Археологический материал поселения Ховлегора. Тбилиси, 1978.
- Надирадзе Д.Ш. Саирхе – древнейший город Грузии (к истории восточной провинции Колхиды I тыс. до н.э.). Тбилиси, 1990.
- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1903 г. СПб., 1906.
- Отчет Российского исторического музея за 1913 г. М., 1914.
- Паницхава Л., Сулава Н., Папуашвили Р. Колхидская, кобанская или колхидо-кобанская? // Кавказоведение. 2003. № 4.
- Пицхелаури К.Н. Кинжалы кахетинского типа // МАГК. Т. II. Тбилиси, 1959.
- Пицхелаури К.Н. Раскопки святилищ в Мели-Геле // АО-1966. 1968.
- Сказания о нартах. Осетинский эпос. Цхинвали, 1981.
- Скаков А.Ю. Хронология могильников Колхиды раннего железного века // Степи Евразии в древности и средневековье. Матер. Междунар. научн. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. II. СПб., 2003.
- Скаков А.Ю. К вопросу об использовании перевалов Западного Кавказа в эпоху раннего железа // Производственные центры: источники, “дороги”, ареал распространения. Матер. тематической науч. конф. СПб., 2006.
- Скаков А.Ю., Джоуа А.И. Комплексы V–IV вв. до н.э. с бронзовыми “эгретками” из Абхазии // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь; Керчь, 2004.
- Техов Б.Б. Глийский могильник. Владикавказ, 1980.
- Техов Б.Б. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.
- Торосян Р.М., Хнкийян О.С., Петросян Л.А. Раскопки в Ширавакане // Тр. Гос. музея Армении. Т. III. Ереван, 1956.
- Труды Кахетской археологической экспедиции. Вып. 8. Тбилиси, 1988.
- Уварова П.С. Материалы по археологии Кавказа. Вып. 8. М., 1900.
- Цитланадзе Л.Г. Археологические памятники Хеви (Казбекский клад). Тбилиси, 1976.
- Чубинишвили Т.Н. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957.
- Шамба Г.К. Абхазия в I тыс. до н.э. Сухум, 2000.
- Эрлих В.Р. Связи Бзыбской Абхазии с протомеотскими памятниками // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Матер. Междунар. науч. конф. Сухум, 2001.
- Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века (протомеотская группа памятников). М., 2005.
- Lordkipanidze O.D. The “Akhlagory hoard” (attempt dating and historical interpretation) // Dzeban. 2003. № 11.
- Moshinskij A. Die Bestattung eines “Priesters” der Koban-Kultur im Graberfeld Gaston Uota, Nordkaukasien // Eurasia Antiqua Zeitschrift fur archaologie eurasiens. 1999. Bd. 5.
- Smirnov J.L. Der Schatz von Achalgori. Tbilisi, 1934.
- Zakharov A.A. Materials for the archeology of the Caucasus // Swiatowit. T. XV. Warszawa, 1933.

Classification of Caucasian anthropomorphic metal figurines (15th–3^d cc. B.C.)

O. A. Brilyova

Summary

The classification suggested by the author is based on 735 items, for 120 of which the absolute date is known. The classification is an open one, and the inclusion of any new type of figurine would not disrupt it. The suggested scheme does not solve the general problems of dating the figurines, yet it gives an idea on the time of existence and on the geographical and probable cultural origin of each group of figurines. The existence of many variants of anthropomorphic figurines testifies to the abundance and variety of cults in the Caucasus. Distribution of the figurines in the territory of North Caucasian and Transcaucasian archeological cultures show that the development of cults in the entire region followed a single pattern. It proved impossible to identify a set of figurines peculiar to only one archeological culture, which proves the supracultural character of the phenomenon which cannot be considered within a single archeological culture or region of the Caucasus.

СКИФСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У пгт. СУВОРОВО НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

© 2007 г. В. С. Синика

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Изучение курганных древностей степей Нижнего Поднестровья на протяжении последних 125 лет позволило к настоящему времени составить достаточно точную картину скифского присутствия на берегах Днестра. На данный момент в указанном регионе известно 30 погребальных памятников и 5 пунктов случайных находок, датируемых V – началом III в. до н.э. Вместе с тем совершенно очевидна диспропорция этих памятников на левобережье и правобережье Нижнего Поднестровья. Так, на левобережье отмечено 19 памятников, содержащих 178 погребальных комплексов и 9 поминальных, 3 случайных находки, а на правобережье – всего 11 памятников с 35 погребальными и 4 поминальными комплексами и 2 случайные находки.

Принимая во внимание тот факт, что на левобережье Нижнего Днестра к гетскому времени могут быть отнесены только слои V–II вв. до н.э. многослойного поселения у с. Чобручи Слободзейского района (Никулицэ, Фидельский, 2004а. С. 53; б. С. 197), а на правобережье гетские памятники крайне малочисленны – селища Слободзея-Душка, Коржево, Манойлешты III, Копанка, Тудорова и Паланка (Лапушнян и др., 1974. С. 57, 58, 66, 67), этнический фактор как объяснение сложившейся ситуации представляется малоубедительным. В этом случае, возможно, только неравномерность археологических исследований может служить причиной указанной диспропорции скифских памятников на левом и правом берегах Днестра. В связи с этим публикация скифских комплексов Суворовского курганного могильника, располагавшегося на правобережье Днестра, представляется актуальной. Отметим, что за исключением публикуемых в настоящей работе комплексов, все остальные, кроме прожога у г. Каушаны (Левицкий, Демченко, 1986. С. 45), к настоящему времени введены в научный оборот.

Могильник, располагавшийся у пгт. Суворово (ныне г. Штефан-Водэ) и с. Талмаз района Штефан-Водэ Республики Молдова, исследовался в 1990 г. Суворовской археологической экспедицией Центра новостроечных археологических исследований АН МССР под руководством Е.О. Антипенко. К сожалению, вся полевая и отчетная документация была утеряна, а полученный в ходе раскопок материал остался депаспортизированным в фон-

дах Института археологии Республики Молдова (ИА РМ). Отметим также, что скифские погребения дважды тезисно характеризовались автором исследований (Антипенко, 1992; 1994). Последнее обстоятельство, а также работа в архиве и фондах ИА РМ позволили восполнить многие пробелы в документации, сделав таким образом возможной настоящую публикацию. В нее вошли скифский курган № 9 у с. Талмаз, а также два скифских кургана и одно впускное скифское погребение в кургане эпохи бронзы у пгт. Суворово.

Отсутствие в публикации по указанным причинам продольного разреза погребения 2 кургана 1, плана, профиля кургана 2 и содержавшегося в нем погребения, а также плана и разрезов погребения 4 кургана 7 у пгт. Суворово несколько обедняет общую картину, но ни в коем случае ее не искажает.

ТАЛМАЗ

Курган 9 (рис. 1, 1) располагался на плато правого коренного берега р. Днестр на расстоянии 190 м от дороги Суворово–Талмаз. Высота кургана от современной дневной поверхности составила 0.8 м. Насыпь, состоявшая из однородного плотного чернозема, имела в плане овальную форму. Ее диаметр по линии С–Ю – 36.5, по линии З–В – 33 м. В юго-восточном секторе насыпи на расстоянии 9.2 м от R_0 зафиксирована тризна в виде отдельных скоплений амфорного боя размерами 1.8×1.3 м и костей животных размерами 2.5×0.5 . Насыпь была совершена в один прием над единственным скифским погребением.

Погребение 1 (основное) (рис. 1, 2, 3) обнаружено в центре кургана на глубине 2 м от R_0 на уровне материка. С северной и южной сторон погребение было окружено двумя полукольцами материкового выкида толщиной до 0.4 м, располагавшегося вдоль длинных сторон ямы.

Яма прямоугольной формы с закругленными углами длиной 2.85 м, шириной 2.08 и глубиной 1.12 была ориентирована по линии запад–восток с незначительным отклонением к северу. Фрагменты деревянных плах, обнаруженные в заполнении и на дне ямы, свидетельствуют о том, что над погребением было устроено перекрытие, однако его

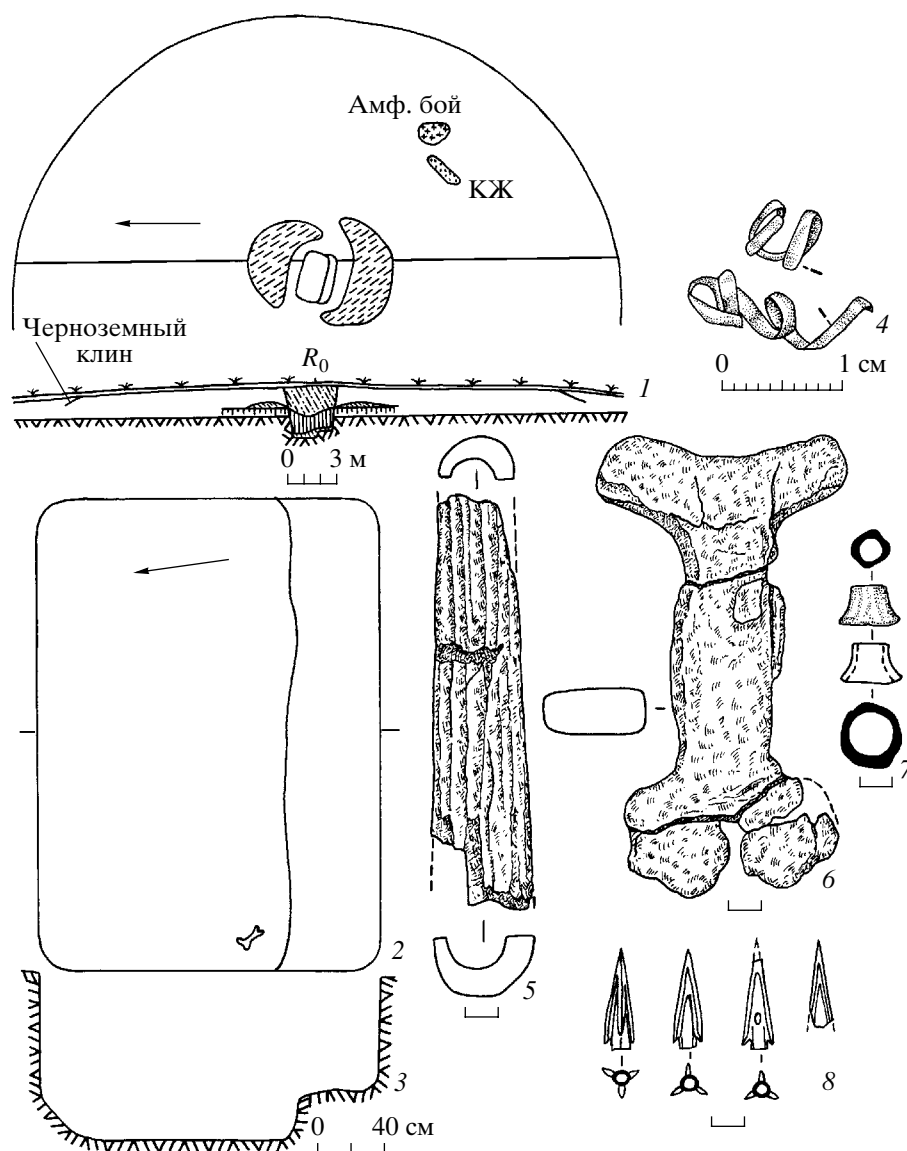

Рис. 1. Курган 9 у с. Талмаз. 1 – план и профиль кургана, 2 – план погребения, 3 – разрез погребения, 4 – золотая обмотка рукояти нагайки, 5 – фрагмент втулки железного наконечника копья, 6 – рукоять железного меча, 7 – бронзовая ворворка, 8 – бронзовые наконечники стрел.

характер выяснить не удалось. Стенки ямы ровные. Вдоль южной стенки выявлена ступень шириной 0.5 м и высотой 0.34 (рис. 1, 3).

Погребение ограблено в древности. В заполнении ямы обнаружены: рукоять акинака, бронзовая ворворка, два фрагмента золотой спирали, 10 бронзовых наконечников стрел, фрагмент втулки наконечника копья.

ОПИСАНИЕ НАХОДОК

Рукоять железного меча – акинака (рис. 1, 6) с ложно-треугольным перекрестием. В отличие от большинства мечей с подобным перекрестием, происходящих из скифских погребений, имела

простое, а не ажурное навершие. Рукоять массивная, была выкована из трех полос металла. Сохранившаяся длина рукояти – 13.8 см, толщина – 1.4. Длина навершия – 7.5 см, длина перекрестия – 6.4.

Бронзовая ворворка (рис. 1, 7) изогнутой усеченно-конической формы высотой 1.2 см. Наружная сторона оформлена четырьмя ребрами жесткости (нервюрами). Диаметр нижнего основания – 1.9 см, верхнего (в плане четырехугольного) – 1.2, диаметр отверстия – 0.8.

Золотая обмотка (рис. 1, 4), скорее всего украшавшая рукоять нагайки, обнаружена в двух фрагментах. Первый – в четыре оборота – имел длину

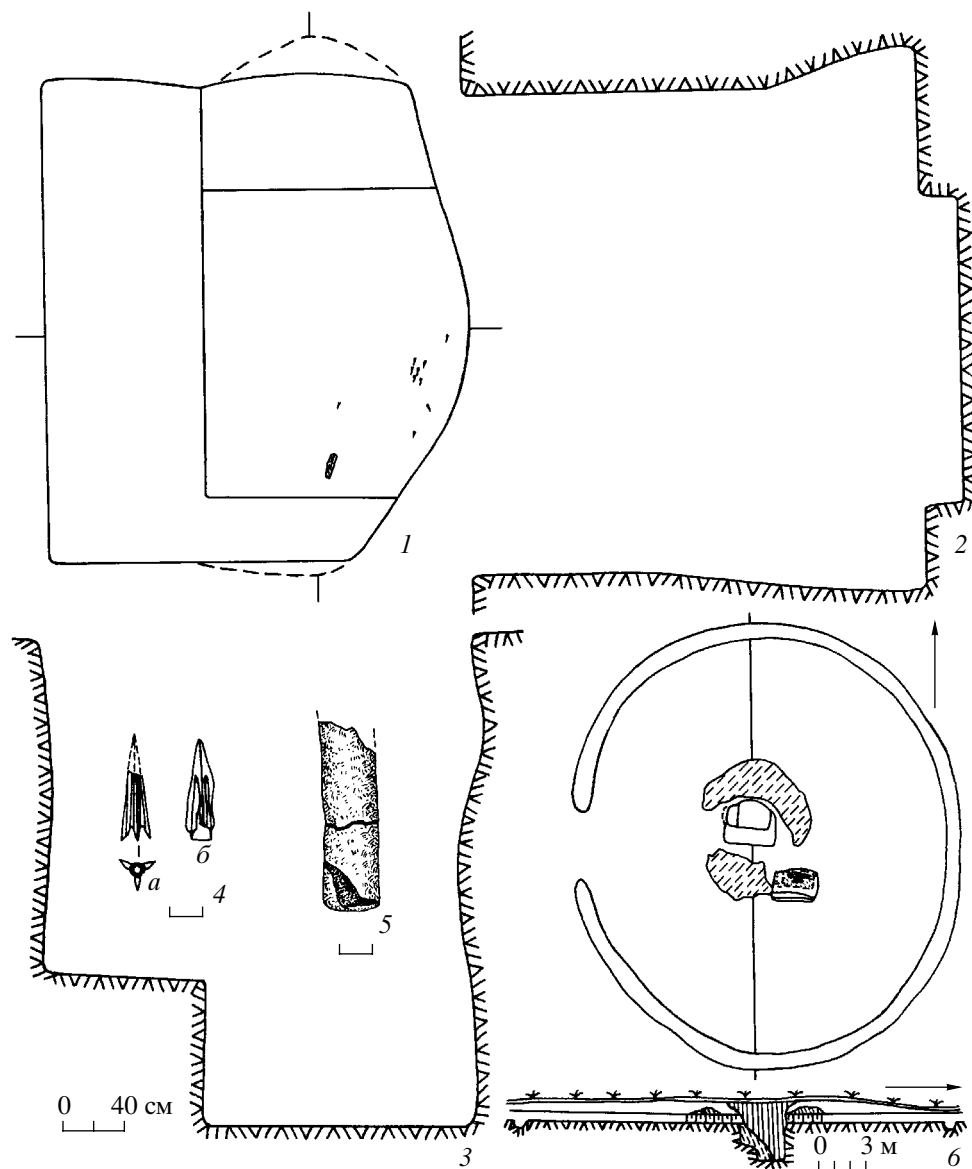

Рис. 2. Курган 1 у пгт. Суворово. 1 – план погребения, 2 – продольный разрез погребения, 3 – поперечный разрез погребения, 4 – бронзовые наконечники стрел, 5 – фрагмент железного втулки копья, 6 – план и профиль кургана.

2 см, второй – в два оборота – 0.75. Диаметр спирали составил около 0.4.

10 бронзовых наконечников стрел (рис. 1, 8). Наконечники однотипные: трехлопастные, с выделенной втулкой. Концы граней наконечников стрел опускаются вниз под острым углом. Длина наконечников – 3.1–3.5 см, высота втулок – 0.3–0.5, диаметр втулок – 0.4–0.5.

Фрагмент втулки железного наконечника копья (рис. 1, 5). Втулка имела коническую форму. Длина сохранившегося фрагмента – 12.3 см, толщина стенок – до 0.8. Диаметр колебался в пределах 2.3–2.8 см. Внутри втулки сохранились остатки дерева от древка копья.

СУВОРОВО

Курган 1 (рис. 2, 6). Высота кургана от современной дневной поверхности составила к моменту раскопок 1.5 м. Насыпь, состоявшая из плотного однородного чернозема, имела в плане округлую форму диаметром 48 м. Курган был окружен кольцевым рвом овальной формы диаметром по линии С–Ю – 27 м, по линии З–В – 24. Ров в сечении трапециевидный. Его ширина варьировала в пределах 0.8–1.2 м; глубина от уровня материка составила 0.5. В западной части рва отмечена перемычка шириной 4.2 м. Насыпь кургана совершена в один прием над двумя одновременными скифскими погребениями.

Погребение 1 (основное, центральное) (рис. 2, 1–3) обнаружено в центре кургана на глубине 1.6 м от R_0 на уровне материка. С северной и южной сторон погребение было окружено двумя полукольцами материкового выкида толщиной до 0.5 м, располагавшегося вдоль длинных сторон ямы. Выкид в восточной части южного полукольца был нарушен при сооружении бокового погребения № 2.

Яма прямоугольной формы с закругленными углами длиной 2.95 м, шириной 2.3 и глубиной 3 была ориентирована по линии З–В с незначительным отклонением к северу. Северная стенка ямы нарушена грабительским перекопом, южная – ровная, западная и восточная – расширяются ко дну соответственно на 0.22 и 0.1 м в своей северной части. Вдоль южной стены выявлена ступень шириной 1 и высотой 0.92 м, разделявшая яму на две части – северную и южную (рис. 2, 3). В северной части ямы выявлены уступы с западной и восточной сторон (рис. 2, 2). Размеры уступов (м): длина западного – 1.4, восточного – 1.2; ширина западного – 0.94, восточного – 0.48 (в обоих случаях ширина уступа приводится с учетом наклона и расширения стенок ямы); высота обоих уступов – 0.2–0.22.

Погребение ограблено в древности. В заполнении найдены фрагменты красноглиняных амфор греческого производства, два фрагмента железного втока копья и бронзовые трехлопастные втульчатые наконечники стрел. Общее число, а также количественное соотношение типов наконечников стрел из погребения 1 кургана 1 у пгт. Суворово выяснить в ходе работы в архивах и фондах ИА РМ не удалось.

ОПИСАНИЕ НАХОДОК

Фрагмент железного втока копья (рис. 2, 5) в виде несомкнутой полой цилиндрической трубки, изготовленной из железного листа толщиной 0.2 см. Длина сохранившейся части – 5.9 см, диаметр – 1.2.

Бронзовые наконечники стрел представлены двумя видами. Трехлопастные наконечники со скрытой втулкой (рис. 2, 4а). Концы граней заострены в виде шипов. Длина наконечников – 3.3 см, ширина у основания – 1.

Базисные башнеобразные трехлопастные наконечники со слегка выделенной втулкой (рис. 2, 4б). Грани наконечников немного вогнуты и слабо выделены. Длина наконечников – 2.4 см. Втулки диаметром 0.5 выделены на 0.2 см.

Погребение 2 (основное, боковое) (рис. 3, 1, 2) обнаружено на глубине 1.6 м от R_0 на уровне материка и располагалось в 1.5 к ЮВ от погребения 1.

Яма неправильной прямоугольной формы с закругленными углами длиной 2.95 м, шириной 1.95–2.05 и глубиной 0.9–1.1 была ориентирована по линии З–В с незначительным отклонением к северу. Стенки ямы неровные. Вдоль южной стенки выяв-

лена ступень шириной 0.3–0.55 м и высотой 0.3. Также у южной стенки выявлена канавка шириной 0.1, заглубленная на 0.1 м в ступень (рис. 3, 2).

Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп склонен к левому плечу. Обе руки слегка согнуты, кисти у таза. Ноги также слегка согнуты и несколько повернуты влево по отношению к грудной клетке. Подобная поза объясняется тем, что пол ямы у западной и восточной стенок находился на глубине 0.9, а в центральной части ямы – 1.1 м. Такой перепад был достигнут за счет уступов высотой 0.2 м, плавно понижающихся к центру ямы. Под костяком отмечена подстилка растительного происхождения длиной 1.9 и шириной 1 м.

У западной стенки ямы на уступе, за головой погребенного, в 0.55 м от теменной части черепа, обнаружены лежавшие в анатомическом порядке кости крупного животного. Среди них лежал железный нож с костяной рукоятью. В непосредственной близости от жертвенной пищи, ближе к северо-западному углу ямы, на боку находился сероглиняный круговой кувшин. У северо-западного угла ямы обнаружено бронзовое зеркало.

За головой погребенного прослежены две канавки подпрямоугольной формы с закругленными углами в верхней части. Канавка справа от черепа погребенного, длиной 0.47 м, шириной 0.13–0.17 и глубиной до 0.1, начиналась в 0.24 м к востоку от западной стенки ямы, у скопления костей жертвенной пищи. Канавка слева от черепа погребенного, длиной 0.72 м, шириной 0.13–0.18 и глубиной до 0.1, начиналась в 0.3 м от северо-западного угла ямы и располагалась вдоль северной стенки ямы. В этой канавке расчищены два железных наконечника копий, упирившихся остриями в ее западное окончание. Отпечатки деревянных древков копий прослеживались вдоль северной стенки ямы. Копья были оформлены железными втоками, зафиксированными у северо-восточного угла ямы. Таким образом, длина копий составляла не менее 2.4 м. Помимо копий у северной стенки ямы, у левого бедра погребенного, выявлены 23 бронзовых и 39 костяных наконечников стрел. Наконечники были накрыты прямоугольным пятном коричневого тлена от колчана длиной 0.48 м и шириной 0.07–0.08.

На шее погребенного обнаружено ожерелье, состоявшее из 20 серебряных и 9 стеклопастовых бусин. У левой ключицы найдено железное шило.

В северо-восточном углу ямы, слева у ступней погребенного, выявлена ямка диаметром 0.2 м и глубиной 0.3. В заполнении ямки следов дерева обнаружено не было.

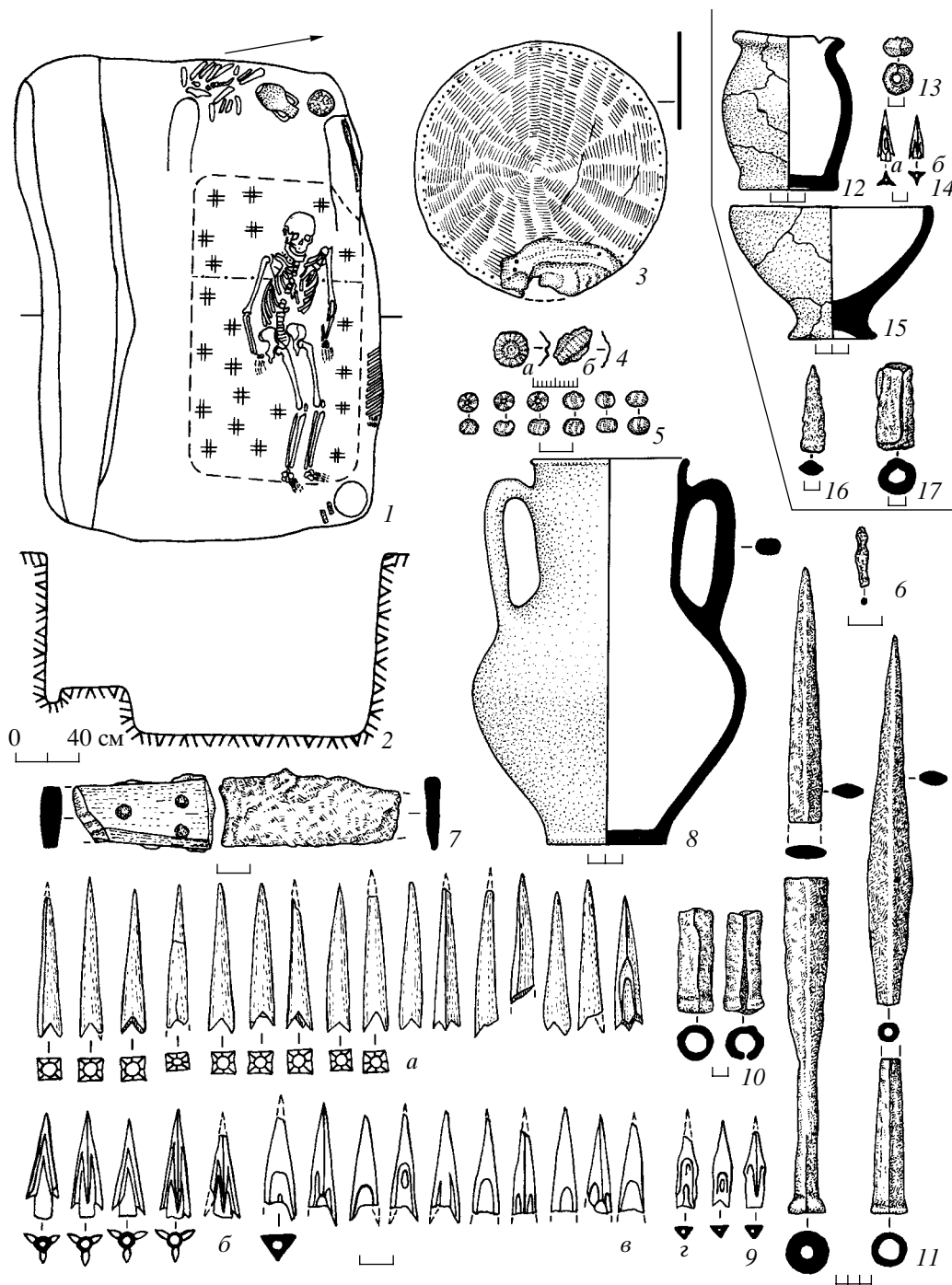

Рис. 3. Погребение 2 кургана 1 (1–11) и погребение 1 кургана 2 у пгт. Суворово (12–17). 1 – план погребения, 2 – разрез погребения, 3 – бронзовое зеркало, 4 – серебряные бусы, 5 – стеклопастовые бусы, 6 – железное шило, 7 – железный нож с костяной рукоятью, 8 – гончарный кувшин, 9 – наконечники стрел (а – кость, б–з – бронза), 10 – железные втулки копий, 11 – железные наконечники копий; 12 – лепной горшок, 13 – свинцовая ворворка, 14 – бронзовые наконечники стрел, 15 – лепная мисочка, 16 – фрагмент острия железного наконечника копья, 17 – железный вток копья.

ОПИСАНИЕ НАХОДОК

Железный нож с горбатой спинкой и костяной рукоятью (рис. 3, 7). Рукоять обломана в древности. Сохранились три железные заклепки, скреплявшие лезвие и рукоять. Длина сохранившейся

части рукояти – 4 см, лезвия – 5.2. Максимальная ширина лезвия – 2.2 см.

Сероглиняный круговой кувшин с двумя петле-видными ручками (рис. 3, 8). Тулово округлое, с максимальным расширением в средней части. Гор-

ловина высокая, цилиндрической формы, венчик слегка отогнут наружу. Тулово сосуда светло-серого цвета; к венчику кувшин приобретает светло-коричневую окраску. Ручки овальные в сечении, дно плоское. Размеры кувшина (см): общая высота – 23.6, высота горла – 7.6, ручек – 9; диаметр венчика – 9.8; диаметр горловины у венчика – 9.4, максимальный диаметр тулова – 16.5, диаметр дна – 7.2.

Бронзовое зеркало (рис. 3, 3) так называемого ольвийского типа представляло собой диск диаметром 15.8 см и толщиной 0.2. В нижней части диска сохранились четыре сквозных отверстия для крепления несохранившейся железной рукояти. С лицевой части края диска выделены невысоким (до 0.2 см) бортиком. С тыльной стороны зеркало по всему периметру оформлено точками, отстоящими от края диска на 0.5 см.

Два железных наконечника копий (рис. 3, 11). Наконечники практически идентичные. Остролистное перо, с прямыми, сходящимися к острию гранями, усилено узкой нервюрой посередине. Длина наконечников – 50 см, длина пера – 29, ширина – 4.2. Втулки конической формы, диаметром 1.8 см у пера и 2.7 у основания. (Данные о размерах наконечников копий здесь и далее приводятся по полевой описи, так как к настоящему моменту вследствие коррозии они практически полностью утратили свою изначальную форму.) Высота втулок – 21 см, их основания оформлены кольцевыми муфтами. Нижний конец втулок не сомкнут.

Два железных втока копий (рис. 3, 10) представляли собой несомкнутые полые цилиндрические трубки, изготовленные из железного листа толщиной 0.4 см. Длина втоков – 6 см, диаметр – 2.

Костяные и бронзовые наконечники стрел представлены четырьмя видами. 1. 39 костяных четырехгранных наконечников пирамидальной формы со скрытой втулкой (рис. 3, 9а). Концы граней заострены в виде шипов. Длина наконечников – 4.5 см. У втулки длина сечения наконечника – 0.7 см, ширина – 0.5. 2. Шесть бронзовых трехлопастных наконечников со слегка выделенной втулкой (рис. 3, 9б). Длина наконечников – 3.3 см, максимальная высота втулки – 1.3, диаметр втулки – 0.4. 3. 10 бронзовых трехгранных наконечников со скрытой втулкой (рис. 3, 9в). Одна из граней наконечников оканчивается шипом. Длина наконечников – 3.2 см, ширина у основания – 0.7. 4. Семь бронзовых трехгранных наконечников башнеобразной формы с выделенной втулкой (рис. 3, 9г). Концы граней заострены в виде шипов. Длина наконечников – 3.5 см, диаметр втулок – 0.4.

Ожерелье состояло из трех видов серебряных и стеклопастовых бус. 1. Четыре серебряные бочковидные бусины (рис. 3, 4б), поверхность которых украшена орнаментом из продольных и поперечных линий, выдавленных или вычеканенных

одним штампом. Высота бусин – 1 см, максимальный диаметр – 0.7. 2. 16 серебряных бусин, состоящих из двух полусфер (рис. 3, 4а). Сквозное отверстие в верхней части выделено штампованным кольцом, от которого в меридиональном направлении отходят 14–16 лучей. Высота и максимальный диаметр бусин – 0.8 см. 3. Девять стеклопастовых бусин (рис. 3, 5) синего цвета. Орнаментированы белыми полосками. Диаметр бусин – 0.6 см, высота – 0.5, диаметр отверстий – 0.15.

Железное шило (рис. 3, 6) сильно корродировано. Шило в сечении округлое. Длина сохранившегося фрагмента – 1.9 см, диаметр – 0.2.

Курган 2 располагался в 200 м к ЮЗ от кургана 1. Его насыпь совершена в один прием над единственным скифским погребением.

Погребение 1 (основное). Известно, что оно представляло собой яму прямоугольной формы со ступенькой, ориентированную по линии ЗВ, аналогичную по конструкции погребению 1 из кургана 9 (9/1) у с. Талмаз. Погребение было ограждено в древности. В заполнении и на дне ямы найдены: фрагменты лепного горшка и лепной чашечки; свинцовая ворворка; фрагмент острия наконечника копья и вток копья, два бронзовых наконечника стрел.

ОПИСАНИЕ НАХОДОК

Лепной горшок (рис. 3, 12) имел округлое тулово, сужающееся ко дну, с резко отогнутым наружу венчиком и выделенным поддоном. Поверхность горшка светло-коричневого цвета, с серыми пятнами. Тесто в изломе черное, с примесью крупного шамота, растительности и песка. Размеры сосуда (см): высота – 9.5, диаметр венчика – 6.9, максимальный диаметр тулова – 8, диаметр дна – 6.2.

Лепная чашечка (рис. 3, 15) полусферической формы с рюмкообразной ножкой. Венчик уплощенный, дно вогнутое. Поверхность чашечки желто-оранжевого цвета. Размеры сосуда (см): общая высота 8.2, высота ножки – 1.4, диаметр венчика – 12.5, диаметр ножки у основания – 5.5.

Свинцовая ворворка (рис. 3, 13) усеченно-биконической формы. Высота ворворки – 1.2 см, диаметр оснований – 1, максимальный диаметр – 1.9, диаметр отверстия – 0.5.

Фрагмент острия железного наконечника копья (рис. 3, 16), ромбовидный в сечении. Сохранившаяся длина – 5.4 см, ширина у основания – 1.5.

Железный вток копья (рис. 3, 17) представляет собой несомкнутую полую цилиндрическую трубку, изготовленную из железного листа толщиной 0.4–0.6 см. Длина втока – 5.3 см, диаметр – 2.3.

Два бронзовых наконечника стрел (рис. 3, 14) представлены двумя видами.

Трехлопастный наконечник с выделенной втулкой (рис. 3, 14а). Концы граней заострены в виде шипов. Длина наконечника – 3.2 см, высота и диаметр втулки – 0.5.

Трехлопастный наконечник со слегка выделенной втулкой (рис. 3, 14б). Концы граней заострены в виде шипов. Длина наконечника – 2.4 см, втулка выделена на 0.2 см, ее диаметр – 0.5.

Курган 7 (эпохи бронзы) имел досыпку над впускным скифским захоронением.

Погребение 4. Известно, что погребальная яма по ориентировке и конструкции практически не отличается от погребения 2 в кургане 1. Отсутствуют лишь прямоугольные углубления у западной стенки ямы. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад. У западной стенки ямы, в 1.2 м к юго-западу от черепа погребенного, стояла красноглиняная гераклеяская амфора. Слева от погребенного, у северной стенки, обнаружены три наконечника копий; в ногах – пять (!) втоков. У левого бедра зафиксирован колчан с набором из 73 бронзовых наконечников стрел. На тазовых и бедренных костях погребенного обнаружено скопление железных бляшек прямоугольной формы различных размеров на деревянной основе (панцирь?, щит?), а также три железные ворворки.

ОПИСАНИЕ НАХОДОК

Гераклеяская амфора (рис. 4, 1). Размеры сосуда (см): общая высота – 72, высота горловины – 23, максимальный диаметр тулова – 30. На верхней части амфоры у горловины прослеживается надпись красной краской.

Железный наконечник копья (рис. 4, 5). Остролистное ромбовидное в сечении перо с прямыми, сходящимися к острию гранями, усилено узкой нервюрой посередине. Размеры наконечника (см): общая длина – 56, длина пера – 40, ширина – 3, диаметр втулки у пера – 1.6, диаметр втулки у основания – 2.6.

Железный наконечник копья (рис. 4, 6). Перо остролистное, ромбовидное в сечении, с несколько вогнутыми гранями. Размеры наконечника (см): общая длина – 52, длина пера – 32.4, ширина – 3.9, диаметр втулки у пера – 2, диаметр втулки у основания – 3.3.

Железный наконечник копья (рис. 4, 7). Перо остролистное, ромбовидное в сечении, с выделенным острием. Размеры наконечника (см): общая длина – 43, длина пера – 31.5, ширина – 3.3, длина острия – 15.6, диаметр втулки у пера – 1.5, диаметр втулки у основания – 3.

Пять железных втоков копий (рис. 4, 4, 9) (один фрагментирован) представляли собой несомкнутые полые конические трубки, изготовленные из железного листа толщиной 0.5–0.7 см. Длина вто-

ков варьировала от 4.8 до 8 см, диаметр – от 1.1 до 2.5.

73 бронзовых наконечника стрел (рис. 4, 8). Наконечники однотипные: трехлопастные с выделенной втулкой. Концы граней у втулки заострены в виде шипов. Длина наконечников – 2.5–3.3 см, максимальная высота втулки – 1.6, максимальный диаметр втулки – 0.6.

Железные пластины (рис. 4, 3) представлены чешуйками пяти различных размеров (см): $4.7 \times 3.7 \times 0.3$ (рис. 4, 3а); $3.9 \times 3.3 \times 0.3$ (рис. 4, 3б); $3.5 \times 2.5 \times 0.2$ (рис. 4, 3в); $2.7 \times 2.2 \times 0.2$ (рис. 4, 3г) и $2.3 \times 2 \times 0.15$ (рис. 4, 3д). На чешуйках фиксируются от двух до четырех отверстий диаметром 0.1–0.2 см, предназначенных для крепления на кожаной и деревянной основе и для набора соответственно панциря или чешуйчатого щита.

Три железные ворворки представлены двумя видами. Две ворворки усеченно-конической формы (рис. 4, 2а, в). Размеры первой (см): высота – 1.9, диаметр нижнего основания – 1.9, верхнего – 1.3, диаметр отверстия – 0.6–0.9. Размеры второй (см): высота – 2, диаметр нижнего основания – 2.2, верхнего – 1.2, диаметр отверстия – 0.6–0.9.

Ворворка усеченно-биконической формы (рис. 4, 2б) следующих размеров (см.): высота – 2, диаметр нижнего основания – 1.4, верхнего – 1.2, максимальный диаметр – 2, диаметр отверстия – 0.6–0.8.

Анализ материала, полученного при раскопках скифских погребальных комплексов Суворовского курганного могильника на правом берегу Нижнего Днестра, дает возможность привнести новое в изучение погребальной обрядности не только скифов Поднестровья, но и в целом северопричерноморской степи. Это связано с открытием на Суворовском могильнике такого погребального сооружения, как яма со ступенькой. Здесь необходимо отметить, что в капитальном труде В.С. Ольховского (1991), посвященном систематизации погребально-поминальной обрядности степной Скифии, выделено шесть вариантов ям типа I. В плане могильные ямы Суворовского могильника соответствуют варианту 3 типа I, однако их принципиальное различие состоит в том, что в первом случае речь идет о ступени вдоль одной из длинных стенок ямы, а во втором – об уступе. Как представляется автору настоящей работы, уже этого различия достаточно для выделения очередного варианта 7 ям типа I.

В то же время необходимо особо подчеркнуть, что комплексы Суворовского могильника не являются абсолютно идентичными в отношении погребальной архитектуры. Так, погребения 9/1 у с. Талмаз, а также 1/1 и 2/1 у пгт. Суворово представляли собой погребальные конструкции в виде прямоугольных ям со ступенью вдоль длинной стенки. Аналогичные погребальные сооружения двух других комплексов – погребения 1/2 и 7/4 у пгт. Суво-

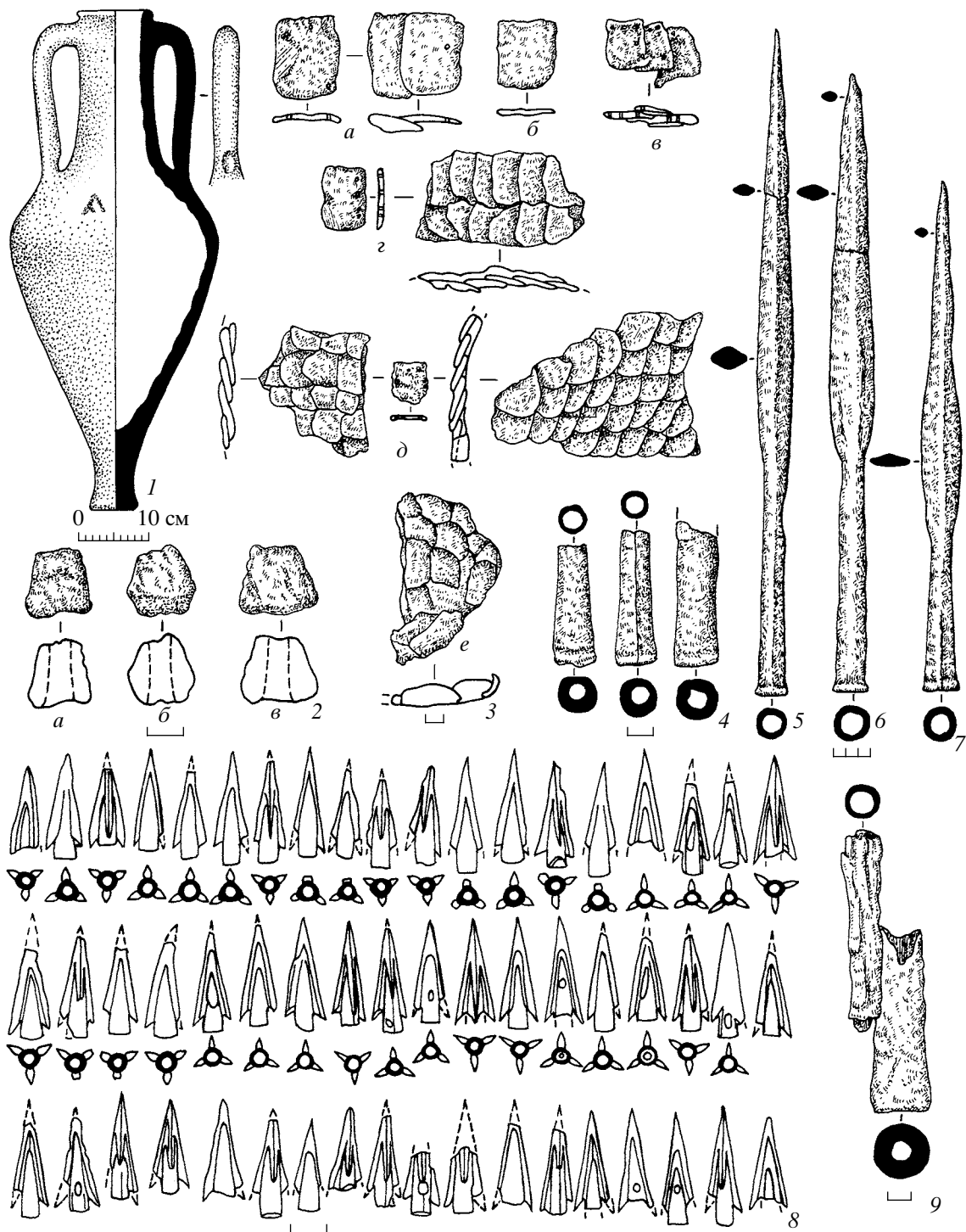

Рис. 4. Погребение 4 кургана 7 у пгт. Суворова. 1 – амфора, 2 – железные ворворки, 3 – железные чешуйки (панциря?, щита?), 4, 9 – железные штоки копий, 5–7 – железные наконечники копий, 8 – бронзовые наконечники стрел.

рово – были осложнены наличием в них канавок и невысоких уступов у западных и восточных стен ям. Несмотря на то что назначение данных конструктивных элементов, а в погребении 1/2 у пгт. Суворова еще и столбовой ямки в северо-восточном углу ямы, осталось не выясненным, само их

наличие в ямах со ступенью может служить основанием для выделения подварианта А среди ям варианта 7 типа I.

Помимо собственно погребальных сооружений могильника вызывает несомненный интерес присутствие в каждом из его погребений предметов

вооружения. Во всех пяти погребениях обнаружены наконечники стрел и копья. Непотребоженные комплексы 1/2 и 7/4 у пгт. Суворово содержали колчаные наборы из 62 и 73 наконечников стрел, а также два и три копья соответственно. Примечательно, что в погребении 7/4 при трех наконечниках копий обнаружено пять втоков (запасные?). В погребении 9/1 у с. Талмаз обнаружены меч и золотая обмотка рукояти нагайки – свидетельство высокого социального статуса погребенного (Мозолевский, Полин, 2005. С. 338). Защитное вооружение (панцирь или щит?) представлено в погребении 7/4 у пгт. Суворово. Примечательно обнаружение в погребении 1/2 Суворовского могильника, наряду с солидным колчаным набором и парой копий, предметов, обычно связываемых с типично женскими захоронениями, – бронзового зеркала, шейного ожерелья из серебряных и стеклопастовых бусин и железного шила. Возможно, данный комплекс увеличивает серию женских погребений с оружием (Тельнов, 2003. С. 252–260). Все эти данные, вероятно, свидетельствуют о принадлежности Суворовского могильника к числу воинских.

Анализ предметов вооружения позволяет получить “широкую” дату, как для всего могильника, так и для каждого погребения в отдельности.

Так, в погребении 9/1 у с. Талмаз обнаружены бронзовые наконечники стрел варианта 4 типа 4 отдела II, получившие широкое распространение во второй половине V – начале IV в. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 23). Гораздо сложнее обстоит дело с мечом: по форме перекрестия (ложно-треугольное) он может относиться к типу 2 подотдела 2 отдела II, а по форме навершия (простое) – к подотделу 1 отдела II мечей с антенным навершием. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с гибридным типом мечей, на котором присутствует сочетание элементов ранних и поздних образцов. Здесь важно заметить, что бабочковидное перекрестие заменяется ложно-треугольным только в конце V в. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 60). Таким образом, итоговая дата погребения 9/1 у с. Талмаз колеблется в пределах конца V – начала IV в. до н.э.

При датировке погребения 1/1 у пгт. Суворово можно оперировать бронзовыми наконечниками стрел. Известно, что какая-то их часть относится к варианту 1 типа 6 отдела II, а другая – к варианту 8 типа 9 того же отдела, получивших широкое распространение в комплексах второй половины V – начала IV в. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 23).

Два практически идентичных наконечника копья из комплекса 1/2 у пгт. Суворово относятся к типу 1 отдела II и дают широкую дату – конец V – IV в. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 42). Аналогии костяным наконечникам стрел из погребения 1/2 у пгт. Суворово в скифских комплексах степного Причерноморья автору неизвестны. Среди брон-

зовых наконечников в колчанном наборе присутствуют наконечники варианта 4 типа 4 отдела II (6 шт.), известные в комплексах второй половины V – начала IV в. до н.э. Доминируют (17 шт.), однако, наконечники варианта 1 типа 6 (7 шт.) и варианта 7 типа 9 (10 шт.) отдела III, хотя и известные в комплексах второй половины V – начала IV в. до н.э., но получившие широчайшее распространение в IV в. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 23–25). Суммарная датировка погребения 2 в кургане 1 у пгт. Суворово варьирует в пределах конца V – начала IV в. до н.э. и позволяет уточнить дату одновременно совершенного с ним погребения 1.

Дата погребения 2/1 у Суворовского могильника, так же как и погребения 1/1, определяется бронзовыми наконечниками стрел. Из двух сохранившихся в ограбленном погребении наконечников один принадлежит варианту 4 типа 4 отдела II, а второй – варианту 1 типа 8 того же отдела, широко представленных в комплексах второй половины V – начала IV в. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 23).

Наконец, погребение 7/4 Суворовского курганного могильника представляется наиболее ценным в плане датировки за счет присутствующего в нем античного керамического импорта. Дата погребения, определяемая наконечниками копий, один из которых принадлежит типу 1 отдела II, а два других включаются в вариант 2 типа 2 того же отдела, концом V–IV в. до н.э., а также однотипными наконечниками стрел варианта 4 типа 4 отдела II – в пределах второй половины V – начала IV в. до н.э., уточняется датой греческой амфоры. Амфора гераклеяского производства принадлежит варианту I–3 типа I (пифоидного) и датируется концом V – началом IV в. до н.э. Отмечено, что подобные неклеимые амфоры являются наиболее ранними выпусками (Монахов, 2003. С. 127, 128. Табл. 86, 6). В Днестровско-Прутском междуречье же подобные амфоры появляются не ранее 90-х годов IV в. до н.э. (сообщение к.и.н., н.с. Национального исторического музея Республики Молдова Н. Матеевич). Таким образом, первое десятилетие IV в. до н.э. представляется наиболее обоснованной датой не только для погребения 7/4 у пгт. Суворово, но и всех комплексов Суворовского курганного могильника, с учетом сходства их погребальных конструкций и основных категорий инвентаря.

В заключение необходимо отметить, что Суворовский курганный могильник является еще одним ярким свидетельством скифского присутствия (в данном случае военного) на правобережье Нижнего Днестра уже в конце V – начале IV в. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Левчицкий О.Г., Демченко Т.И. Отчет о полевых исследованиях Каушанской новостроечной экспедиции в 1985 г. // Архив ИА АН РМ. № 223. Кишинев, 1986.

- Антипенко Е.О.* Скифские курганы на Нижнем Днестре (по материалам раскопок 1990 г.) // Археол. вестн. № 3. Запорожье, 1992.
- Антипенко Е.О.* К вопросу о некоторых особенностях скифских погребальных сооружений Суворовского курганного могильника на Нижнем Днестре // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Тирасполь, 1994.
- Лапушнян В.Л., Никулицэ И.Т., Романовская М.А.* Археологическая Карта Молдавской ССР. Вып. 4. Памятники раннего железного века. Кишинев, 1974.
- Мелюкова А.И.* Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. Бабина, Водяна и Соболева Могины. Киев, 2005.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003.
- Никулицэ И.Т., Фидельский С.А.* Археологические исследования на многослойном поселении Чобручи // Cercetări arheologice în Republica Moldova (2000–2004). Chişinău, 2004a.
- Никулицэ И.Т., Фидельский С.А.* Чобручи – многослойное поселение на Нижнем Днестре // Thracians and circumponic world. Т. II. Chişinău, 2004b.
- Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991.
- Тельнов Н.П.* О скифских женских погребениях с оружием в Молдавии // Взаимодействие культур и хронология Северо-Понтийского региона. Кишинев, 2003.

Scythian barrow cemetery near Suvorovo urban village on the right bank of the Lower Don

V. S. Sinika

Summary

The cemetery is located near the urban village of Suvorovo (now Stefan-Vode) and the village of Talmaz in the Stefan-Vode region of Moldova, and includes 3 Scythian barrows and one later burial within a Bronze Age barrow. In all of the 5 burials, arrowheads and spears were found, one burial contained a sword and a gold winding of a whip handle. Armour (lorica or shield) was also found in one of the burials. One of the complexes investigated is another female burial with weapons in Steppe Scythia. All other data shows that the Suvorovskoe cemetery is a warriors' one. A Heracleian amphora and weapons complex allow to date the cemetery to the 1st decade of the 4th c. B.C. Analysis of the data gives new information on the funeral rites of not only Scythians living in the Dniester region, but of the entire Northern Black Sea steppe area. This is due to the discovery at the Suvorovskoe cemetery of such a funeral structure as pit with a step, – variant 7 of type 1 pits. Grooves and small ledges in the Western and Eastern walls of the pits in two of the complexes may allow to identify sub-variant 4 among variant 7 pits of type 1.

З.А. Абрамова. “ЖИВОТНОЕ И ЧЕЛОВЕК В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ ЕВРОПЫ”. СПб.: Европейский Дом, 2005. 352 с., илл.

Зоя Александровна Абрамова – общепризнанный авторитет в археологии палеолита и особенно в области искусства верхнего палеолита. Рецензируемая книга представляет собой своеобразный итог ее многолетних исследований по данной теме.

Монография состоит из “Введения”, четырех глав, “Заключения”, библиографии и резюме на английском языке. Удачно подобранные 232 иллюстрации, до этого не всегда доступные российскому читателю, сопровождают и дополняют текст. Огромный фактический материал, представленный в книге, изучался автором не только по научным публикациям, но и в ходе непосредственной работы с вещами, как в пределах бывшего СССР, так и в научных центрах и музеях Европы.

“Введение” знакомит читателя с задачами работы и основными особенностями книги. Главным предметом исследования стало искусство малых форм, т.е. мелкой пластики и гравировок на предметах. З.А. Абрамова справедливо отмечает, что это искусство теряется в тени прекрасных монументальных фресок пещерной живописи Франции и Испании. Рецензируемая книга является фактически первой публикацией, в которой наиболее полно обобщены результаты изучения палеолитического мелкой пластики Европы. В этом ее неоспоримое, но далеко не единственное достоинство.

В главе 1 “Палеолитическое искусство. Некоторые общие вопросы” дана общая характеристика палеолитического искусства и краткая история его изучения. Здесь же рассматривается кардинальный вопрос: можно ли считать изобразительную деятельность людей каменного века искусством в том же смысле, который мы вкладываем в это понятие сейчас. Автор в этом не сомневается и, полемизируя со своими американскими коллегами (О. Соффер и М. Конки), подчеркнуто использует данный термин. Она уверена, что памятники изобразительной деятельности людей эпохи верхнего палеолита, особенно Европы и Северной Азии, вполне соответствуют эстетическим критериям и, несомненно, являются настоящим искусством (Абрамова, 2005. С. 12, 13).

З.А. Абрамова считает, что настенное (в основном пещерное) искусство и искусство малых форм “существенно различны в своих проявлениях и, возможно, были вызваны к жизни различной мотивацией”. Первое носит повествовательный, “мифологический” характер и предназначено для дифференцированного круга зрителей. Искусство малых форм – бытовое, домашнее. Оно предназначено для обрядовых действий в замкнутом, жилом пространстве. Следовательно, каждый вид искусства требует особого подхода к его изучению (Абрамова, 2005. С. 15, 16).

Различны и возможности древних художников в создании монументальных “полотен” и мелкой пластики. В первом случае мастер был ограничен двумерной плоскостью и даже горельефом. Во втором наблюдается значительно большее разнообразие исходных материалов и технических приемов. Неравномерно и распространение этих двух видов палеолитического искусства: второй распространен значительно шире первого. В главе перечисляются основные места сосредоточения находок мелкой пластики на территории Евразии.

Далеко не всегда они связаны с монументальной настенной живописью пещер.

Далее в этой главе показано разнообразие сюжетов мелкой пластики, их археологический контекст, рассмотрена мотивация двух видов палеолитического искусства. Из представленных данных следует, что на предметах мелкой пластики изображений человека намного больше, чем в настенном искусстве (255 против 104); образы, связанные с животным миром, в монументальном и “мобильном” искусстве также различаются как по территории, так и по количеству. С присущей ей скрупулезностью З.А. Абрамова отмечает, что если монументальное искусство закреплено на скалах навечно, то в культурном слое связь между предметами утрачена (2005. С. 23), поэтому восстановление контекста находок весьма проблематично.

Здесь же приведен краткий обзор гипотез происхождения искусства. Симпатии автора – на стороне гипотезы А.Д. Столяра о развитии его в три этапа параллельно с развитием сознания (“натуральное творчество” – “натуральный макет” – “глиняный период”).

Рассматривая одну из первых ступеней интерпретации изображений – их идентификацию – З.А. Абрамова на примерах (2005. С. 28, 29) показывает роль субъективного подхода при изучении живописи и графики. Так, у разных исследователей при подсчете изображений видов животных в одной пещере (Марсула) получались разные результаты. В связи с этим автор книги советует проявлять больше сдержанности в вопросах идентификации и последующей интерпретации объектов.

В главе 2 “Хронология и природный фон палеолитического фигуративного искусства” показан вклад различных дисциплин в определение хронологии и характера природной среды верхнего палеолита. Проблема датирования была поставлена еще в главе 1 (Абрамова, 2005. С. 20, 21). С развитием естественнонаучных методов возможности современной археологии неизмеримо возросли по сравнению с временем Э. Ларте, А. Брейля, Л. Капитана и других исследователей начала XX в. AMS-технология метода ^{14}C позволила получить много новых и иногда неожиданных данных. Между тем, как отмечает автор, “вопрос привязки наскальных изображений к культурно-хронологической периодизации очень сложен. Только в исключительных случаях можно говорить о тождестве фигур на стенах и на предметах из культурных слоев” (Абрамова, 2005. С. 21).

Кроме того, для изучения искусства важно знать, в каких условиях жил верхнепалеолитический человек. Он был частью природы и его развитие тесно связано с окружающей средой, поэтому необходимо выделить наиболее кратковременные периоды, опираясь на климатические особенности среды обитания. Эти вопросы рассмотрены З.А. Абрамовой достаточно подробно, в основном с опорой на наиболее фундаментальные исследования французской науки. Между 39 и 18 тыс. л.н. для юго-запада Европы выделяется 9 климатических периодов по 2–3 тыс. лет. По мнению автора, эти выводы имеют лишь локальную значимость. В изучении палеолита азиатских регионов и для более поздних эпох о такой

дробной периодизации, основанной на естественнонаучных данных, можно только мечтать. В главе 2 также рассмотрены основные противоречия в соотнесении результатов, полученных разными методами, которые, бывает, не подкрепляют друг друга, а также трудности, возникающие при применении того или иного метода.

Здесь же дана характеристика представителей фауны верхнего палеолита, что очень важно для понимания последующих глав книги. Приведено также краткое описание основных антропологических типов верхнепалеолитического человека (*homo sapiens sapiens*) юго-запада Франции.

В главе 3 “Периодизация и основные особенности фигуративного искусства Европы” выделены центры распространения палеолитического фигуративного искусства: Западная Европа, Средиземноморье, Центральная Европа, Восточная Европа, локальные особенности которых зависели от изменений природной среды и состава фауны, свойственной этой среде. Наличие таких центров, по мнению З.А. Абрамовой, может свидетельствовать о начале формирования этнокультурных областей на различных хронологических этапах верхнего палеолита. В основу хронологии положена общепринятая периодизация французского палеолита: ориньяк – граветт – солютре – мадлен. Автор придерживается эволюционного подхода, согласно которому развитие искусства начинается в ориньяке и наивысшего расцвета, а затем и упадка оно достигает в мадлене. Хронологические периоды выделены на основании характеристик стоянок, где были найдены предметы палеолитического искусства, инвентаря, типов жилищ, антропологического материала и т.д. Подчеркнуты особенности искусства малых форм разных регионов на разных этапах, например, наличие уникальной глиняной скульптуры в Моравии, большое количество гравюр в мадлене Франции и др.

Большое внимание уделено анализу количественных соотношений “фигуративных” и “кухонных” образцов, т.е. изображений животных и находок соответствующих костей на стоянках. Данный анализ непосредственно связан с содержанием следующей главы.

В качестве примера З.А. Абрамова выбрала мадленское искусство Франции, представленное достаточным количеством гравюр на предметах разной природы (известняк, песчаник, шифер, кость, рог). Ею прослежены сюжетные взаимосвязи между отдельными изображениями. Их два вида: прямые (когда разные существа находятся на одной плоскости) и косвенные, находящиеся на двух разных поверхностях одной основы. Представленные наблюдения систематизированы по категориям изображений: женщина, мужчина, человек, мамонт, бык/бизон, лошадь, северный олень, благородный олень, горный козел, антилопа-сайга, пиренейская серна, кошачьи хищники, медведь, птица, рыба, змея, а также единичные изображения носорога и волка. Наряду с описаниями гравюр в рассматриваемую главу для сравнения включены трехмерные изображения. Особое внимание уделено находкам из грота Ла Марш (деп. Вьенн), настоящей кладовой мадленского фигуративного искусства, мало известной российскому читателю.

Волнующим является вопрос о существовании закономерностей в сочетаниях изображений, но автор не касается проблемы интерпретации. Выделены особенности, отличающие содержание искусства малых форм от настенного, например, главной парой в изображениях на гравюрах является не лошадь – бык/бизон, как в пещерном искусстве, а лошадь – северный олень. Это наблюдение вносит существенные коррективы в концепцию А. Леруа-Гурана о мифологическом значении парных сочетаний. В конце главы

представлена сводная таблица, с помощью которой читатель может проследить частоту прямых и косвенных связей между различными категориями изображений.

З.А. Абрамова стремилась показать своеобразие искусства малых форм, его отличие от пещерного, а также подчеркнуть влияние природной среды на его содержание. Основная цель книги – ознакомление русскоязычного читателя хотя бы с частью европейского духовного наследия, дошедшего до нас из глубокой древности, – успешно выполнена.

Обычно принято отмечать не только достоинства рецензируемых книг, но и недостатки. Конечно, читателю было бы удобнее, если бы монография была снабжена указателями имен и памятников, но нам понятно, какая это трудоемкая работа. В остальном, с нашей точки зрения, данная книга лишена недостатков, либо мы их не заметили. Но в ней есть спорные вопросы, которые, разумеется, не являются недостатками. Наоборот, их не бывает только в “серых” работах, не вызывающих желания подискутировать с автором или просто обсудить с ним те или иные проблемы.

Признание палеолитических изображений “настоящим” искусством в своей основе, по-видимому, верно, но с некоторыми обязательными оговорками, которые бы обозначили существенное отличие первобытного, тем более палеолитического искусства, от современного. При этом “современность” определяется не столько временной составляющей, сколько культурологической, т.е. имеется в виду искусство того времени и той культуры, когда оно уже сложилось как вполне осознанная не только индивидом, но и обществом самостоятельная сфера деятельности. В Европе такое положение начало складываться в эллинистическое время (“Эстетика” Аристотеля) и завершилось в эпоху Возрождения. В центрах древнейших цивилизаций (Египет, Двуречье, Индия, Китай), вероятно, этот процесс начался намного раньше, но достоверными данными о его сроках мы не располагаем. В культурах народов Северной Азии, аборигенов Австралии, Африки и обеих Америк процесс превращения народного искусства в профессиональное затянулся вплоть до второй половины XIX – начала XX в. Причем и сейчас профессиональное искусство нигде не вытеснило собой народное, хотя, конечно, наложило на него заметный отпечаток.

Наоборот, нередко первобытное искусство влияет на творчество современных художников (Пикассо, Гоген, Гончарова, Клее, Мур и др.). Иногда такое влияние происходит неопосредованными путями: швейцарский скульптор Альберто Джакометти впервые увидел древние рисунки в итальянских пещерах “лишь после того, как специалисты стали настойчиво сравнивать его скульптуру с первобытным искусством” (Бродская, 1999. С. 33; Brodskaja, 2000).

Неотъемлемой частью искусства в нашем современном понимании, начиная с Шумера и Египта, является художественное образование, сначала в виде ученичества, а затем и в форме специальных учебных заведений. Трудно предположить, что в эпоху ранних росписей Шове и Коске, да и позднее, уже существовало нечто подобное. Тогда это явление не угадало бы в конце верхнего палеолита. В разных публикациях с очевидностью показаны особенности первобытного искусства, которые роднят его с фольклором: отсутствие четкого авторства, формульный характер сюжетов и т.п.

По вопросу о происхождении искусства, отдавая предпочтение точке зрения А.Д. Столяра, З.А. Абрамова все же не учитывает, что, будучи, несомненно, важным вкладом в историографию первобытного искусства, гипотеза “натурального макета” так и не ответила на главный вопрос: *как и почему* возникла изобразительная деятельность, не говоря уже о том, что местами последовательность этапов не вполне со-

ответствовала хронологии развития искусства палеолита, что отмечала когда-то сама З.А. Абрамова (1977. С. 65). С открытием пещеры Шове (возраст живописи 32 тыс. лет) это противоречие усилилось.

Выдвинутое в главе 3 предположение о том, что существование локальных центров свидетельствует о начале формирования этнокультурных областей на различных хронологических этапах верхнего палеолита имеет, как представляется, более глубокую и фундаментальную подоснову. В литературе уже высказывалась гипотеза о едином информационном поле культуры, в которое входят естественный язык, изобразительная манера и другие виды этнознакового поведения (Шер, 1997). По-видимому, отмеченные З.А. Абрамовой центры и в самом деле были своего рода “центрами

кристаллизации”, вокруг которых позднее сформировались этнокультурные области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова З.А.* Животное и человек в палеолитическом искусстве. СПб., 2005.
- Абрамова З.А.* Некоторые вопросы изучения палеолитического искусства // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977.
- Бродская Н.В.* “Примитивное искусство”, петроглифы и художники XX в. // Междунар. конф. по первобытному искусству. Труды. Т. I. Кемерово, 1999.
- Шер Я.А.* Происхождение искусства: одна из возможных гипотез // ВДИ. 1997. № 1.
- Brodskaja N.* L'Art Naïf. N. Y., 2000.

Кемеровский государственный университет

Я.А. Шер, Ю.С. Волкова

**С.А. Васильев. “ДРЕВНЕЙШИЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ”.
СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 144 с.**

Проблема заселения Америки находится в сфере внимания российских ученых со времени открытия Аляски и выхода в свет 250 лет назад книги С.П. Крашенинникова “Описание земли Камчатки”. В этой книге указанная проблема была обозначена вопросом Г. Стеллера “Откуда жители в Америке?” и его же ответом, что их переселение туда произошло давно из Азии. Для более конкретных выводов в то время не было данных. Позже, когда определили, что Азия и Америка в древности соединялись перешейком в районе Берингова пролива, пришло и осознание того, что заселение американского континента могло происходить в ледниковый период (Криштафович, 1910; Сушкин, 1925; Арсеньев, 1929; Богораз, 1927).

Значительно возрос интерес к этой теме с началом активных археологических исследований позднелепесточных памятников в Северной Америке, о чем свидетельствуют статьи Э.Ф. Зиберт, Н.А. Береговой, Ф. Рейни, Г.Ф. Дебеца, А.П. Окладникова в 1930–1950-х годах. Потребность в конкретных данных о древнейших памятниках Америки многократно возросла с исследованием в 1960-е годы палеолитических стоянок в Якутии, Приморье и на Камчатке, когда гипотеза азиатского происхождения древнеамериканских культур стала приобретать конкретные очертания. И от точного знания времени появления на американском континенте древнейших культур и их технико-типологических характеристик во многом зависела реализация этой гипотезы как научного факта. Ответом на такой “запрос времени” явилась монография И.П. Ларичевой “Палеоиндейские культуры Америки” (1976), ставшая на четверть века настольной книгой всех интересовавшихся древнейшими культурами Америки. Естественно, что со временем, когда изменилась методика раскопок, была накоплена новая информация и уточнены предлагавшиеся ранее, в том числе и радиоуглеродные, датировки, многие из представленных в монографии данных стали трактоваться иначе или вовсе были признаны недействительными. Однако до сих пор некоторые положения книги И.П. Ларичевой продолжают фигурировать в научных изданиях – как, например, культура сандия¹, выведенная из числа палеоиндейских культур еще в начале 1980-х годов.

¹ В рецензии используется транслитерация ряда американских названий, предложенная автором монографии.

Новый этап в осмыслении проблемы заселения Америки, можно сказать, с позиций сибирского палеолитоведения представляет монография С.А. Васильева “Древние культуры Северной Америки”. Следует отметить, что рецензируемая работа написана не только на базе последних публикаций по палеоиндейской тематике, но и на основе личного ознакомления автора с коллекциями артефактов, посещения стоянок и изучения первоисточников (отчетов) по их раскопкам. Особая ценность книги состоит в проведенном автором сравнительном анализе древнейших культур Северной Америки и финального палеолита Сибири – региона, который рассматривается в качестве прародины палеоиндейцев.

Работу характеризует исчерпывающий охват литературы по проблеме, четкость в изложении материалов, разработанный справочный аппарат (таблицы характеристик памятников, их орудийных наборов, датировок, палеофауны, источников, карты распространения стоянок и др.). Описание материалов сопровождается планами памятников, стратиграфическими разрезами и изображениями орудий.

Во введении автор определяет, что исследование ориентировано “на выделение как общих черт, так и различий в характере культурного и хозяйственного развития” позднелепесточных культур Северной Америки и Сибири. Обозначены хронологические (10.3–12.0 тыс. л.н. в абсолютной хронологии), территориальные (свободная от оледенения площадь северо-американского континента, но не южнее современной границы США с Мексикой) и культурные (кловис, фолсом, ненана и др. не моложе 10 тыс. л.) рамки исследования. Отмечается, что все эти “вводные” в значительной мере условны: так, ряд культур, возникнув в плейстоцене, продолжает развиваться в голоцене, а палеоиндейские памятники известны и на территории Мексики. Допускает С.А. Васильев и вероятность существования в Северной и Южной Америке хотя бы и незначительного, но более древних, чем кловис или ненана, комплексов (Васильев, 2004. С. 6, 24), так что определение “древнейшие” в названии книги можно было бы взять в кавычки в надежде на дальнейшие открытия. Однако, поскольку эти комплексы не дают достаточных данных для сравнительного анализа с сибирскими памятниками, они упомянуты лишь вкратце в главе 3. Культура сандия, считавшаяся самой ранней палеоиндейской культурой, в работе не рассматривается, поскольку ее возраст и культурная принадлежность не подтвердились (Васильев, 2004. С. 7, 25).

Собственно исследовательская часть книги начинается с необычного для такого рода работ освещения в главе 1 организационной структуры палеолитоведения в США и Канаде (университеты, центры, фонды, государственные организации), ведущих изданий по этой проблематике, теоретических и методологических особенностей североамериканской археологии палеолита. Автор отмечает, что различные подходы в организации американской и российской науки приводят к различиям в теории и методике исследований. В Америке первобытная археология относится к общественным наукам (у нас – к гуманитарным), что обуславливает более широкое применение американскими специалистами “естественнонаучных методик к изучению феноменов социума” (Васильев, 2004. С. 8). У них преобладает рассмотрение вопросов палеоэкологии и реконструкции образа жизни древнего человека; в России – описание типологических характеристик комплексов каменного инвентаря. В этом разделе представлена также история изучения американского палеолита, определяются районы сосредоточения стоянок палеоиндейских культур, обсуждаются терминологические проблемы и вопросы анализа каменного инвентаря.

Анализ археологических культур предваряется в главе 2 описанием палеогеографических условий и фауны в финале плейстоцена Северной Америки, от которых распространение этих культур находилось в прямой зависимости. Отмечены границы распространения ледников, определены время их существования, периоды межледниковий и преобладающие типы ландшафтов и растительности. Отдельно рассмотрена палеогеографическая ситуация конца плейстоцена на Аляске, составлявшей в то время единую природно-историческую зону с северо-восточной Азией. Обозначена проблема безледникового “коридора Макензи”, по которому в конце плейстоцена могло осуществляться сообщение между Аляской и “заледниковой” Америкой. Объектами охоты человека, судя по костным остаткам на стоянках, в тот период были мамонт, мастодонт, бизон, лошадь, верблюд, разные виды оленя, лось, антилопа, баран и др.

При описании археологических общностей С.А. Васильев использует разный формат подачи материала – культурно-хронологический (гл. 3, 7) и территориальный (гл. 4–6). Глава 3 посвящена рассмотрению культуры кловис – самой древней из наиболее четко фиксируемых палеоиндейских культур на территории Северной Америки – и ее регионального варианта, гейни на северо-востоке континента. Период ее существования определен в рамках 10.9–11.6 тыс. л.н. (в среднем 11 тыс. л.).

Автором монографии проанализированы материалы более чем 50 памятников этой культуры, в большинстве имеющих надежные радиоуглеродные датировки и стратиграфический контекст. Среди них выделяются стоянки со следами более или менее долговременного проживания, в том числе под скальными навесами, места разделки животных, мастерские по изготовлению орудий, клады. Представлены данные о 13 стоянках, на которых найдены остатки мамонта, и о 5, на которых зафиксированы остатки мастодонта. Тем не менее автор делает вывод, что специализация охотников кловис преимущественно на добыче мамонта не такая явная, как предполагалось, поскольку связь каменных изделий с костями мамонта не всегда убедительна. Другим объектом охоты, судя по количеству костных остатков на стоянках, был бизон.

Первичное расщепление камня в кловис основывалось на получении крупных отщепов с нуклеусов-ядрищ и пластин с подпризматических нуклеусов, при преимущественном использовании первых. Орудийный набор составляют овальные бифасы, бифасиальные ланцетовидные наконечники с одним или несколькими короткими желобчатыми

сколами со стороны прямого или слегка выемчатого основания, скребки, резцы, проколки, выемчатые орудия, а также костяные наконечники. Наконечники гейни характеризуются более глубокой выемкой в основании. Клады, судя по их количеству и представительности, являлись важной составляющей культуры кловис. Они свидетельствуют о том, что оставившие их люди, осваивая новые территории, переносили с собой каменное сырье на большие расстояния.

Говоря о специфике тонких бифасов кловис, С.А. Васильев считает, что их сходство с подобными изделиями в палеолите Европы (в солютре) объясняется исключительно процессами конвергенции (2004. С. 49), но никак не прямой миграцией населения из Европы в Америку, что ранее представлялось вполне вероятным (Muller-Beck, 1967).

В главах 4–6 дается описание палеоиндейских культур, возникших на заледниковой территории Америки после кловис, в период 10–11 тыс. л.н. Они достаточно разнообразны; некоторые из них появляются в конце эпохи кловис и сосуществуют с данной культурой на ранних этапах своего развития. Предполагается, что такая “диверсификация связана с изменениями природной среды” и адаптацией населения к местным условиям (Васильев, 2004. С. 50). Всего в указанных главах анализируются материалы более 80 стоянок, на основе которых в Америке выделяются культуры гошен и фолсом-мидленд на территории Великих равнин и в Скалистых горах, паркхилл, кроуфилд и деберт-вейл на северо-востоке США, сувани на юго-востоке США и культура черешковых наконечников на крайнем западе континента. Ряд их продолжает существовать и в раннем голоцене.

Отмечается, что помимо классических желобчатых наконечников типа фолсом для палеоиндейских культур этого периода характерны и наконечники без желобков, типа гошен (подтреугольные с прямыми или слегка выемчатым основанием) или сувани (с сильно вогнутым основанием). С.А. Васильев акцентирует внимание читателя на том, что данный факт в корне меняет сложившиеся ранее представления об однолинейной эволюции палеоиндейских культур от кловис к фолсом (2004. С. 52). Добавим, что для берингийской тематики, учитывая материалы стоянки Ушки на Камчатке (Диков, 1979), важно закрепление позиции комплексов с черешковыми наконечниками в палеоиндейских материалах крайнего запада Северной Америки.

Каменная индустрия фолсом характеризуется автором как пластинчатая, с использованием уплощенных одноплоскостных ядрищ. Пластины служили заготовками орудий. На стоянке Чарли Лейк отмечено уникальное ладьевидное изделие, которое могло быть использовано как заготовка клиновидного нуклеуса (Васильев, 2004. С. 72). Тем не менее, заключает автор, в сравнении с кловис в культуре фолсом отсутствует развитая пластинчатая техника (Васильев, 2004. С. 75). Скребки и скребла многочисленны и разнообразны (Васильев, 2004. С. 63). Имеются костяные орудия – наконечники, отжимники, иглы.

Судя по находкам костных остатков, основным объектом охоты носителей традиций фолсом на Великих равнинах и в Скалистых горах был бизон, в других районах – олень, лошадь, снежный баран. Отмечаются свидетельства domestikации собак (Васильев, 2004. С. 75). Структуры обитания включают жилые площадки с очагами и следами укрытий, места разделки животных, мастерские. Количество кладов заметно уменьшается. К сожалению, только кратко упоминается культура эгейт бейсин (Agate Basin), получившая развитие на Великих равнинах в конце рассматриваемого периода, с которой связывают и материалы культуры мейза (Mesa) на Аляске.

В главе 7 рассмотрены древнейшие культуры Аляски, т.е. Американской Берингии – ненана, денали и северная па-

леоиндейская. Первая представлена группой памятников в долинах крупных рек центральной Аляски и датируется временем 11–12 тыс. л.н. По времени существования она предшествует культуре кловис. Индустрия ненана по своему облику (бифасиальные наконечники, пластины, костяные орудия, отсутствие микронуклеусов и микропластинок) близка к кловис или гошен, хотя не имеет характерных для них наконечников. Это сходство легло в основу гипотезы о том, что население ненана смогло воспользоваться “коридором Макензи” и заложить основу палеоиндейской культуры, либо создать ее северный вариант (Goebel et al., 1991). Корни ненана, как предполагают исследователи, – в азиатской части Берингии: в частности, отмечается ее технико-типологическое сходство с материалами VII слоя стоянки Ушки на Камчатке (Powers, 1990). Автор, соглашаясь, что носители данной культуры могли представлять на Аляске древнейшую из миграционных волн, направленных из Азии (Васильев, 2004. С. 113), считает, что пока невозможно указать их прямых предков (Васильев, 2004. С. 109). Рассматриваемое население охотилось на бизона, северного и благородного оленя, овцу Далля, промышляло птицу, ловило рыбу.

Культура денали занимала тот же ареал, что и ненана, иногда ее материалы встречены на тех же стоянках; ее ранний этап датируется временем 10–11 тыс. л.н. С.А. Васильев отмечает, что по облику индустрии (бифасы, концевые скребки, трансверсальные резцы, клиновидные нуклеусы, микропластинки) денали сходна с западно-берингийской дюктайской культурой, но при этом совершенно справедливо указывает и на имеющиеся различия между ними (Васильев, 2004. С. 112). Добавим также, что рассматриваемая археологическая общность имеет ряд общих специфических черт и с поздними ушковскими палеолитическими комплексами. Обсуждает автор книги также новые датировки материалов денали (до 11.8 тыс. л.), которые предполагают возможное ее сосуществование с культурой ненана. С денали связывается вторая миграционная волна из Азии на Аляску, но в ледниковую Америку она не распространялась.

К северной палеоиндейской культуре С.А. Васильев относит несколько безмикропластинчатых комплексов из арктической и юго-западной Аляски (мейза, тулуак) возрастом 10–11 тыс. л. Стоянки этой культуры представлены охотничьими лагерями и содержат ланцетовидные наконечники со скошенным, выемчатым или округлым основанием. Предковых форм комплекса мейза в Берингии не прослеживается. Отмечается сходство наконечников мейза и эгейт бейсин, при большей древности первых, но говоря об этом сходстве, С.А. Васильев указывает и на имеющиеся у находок отличия. Вопрос о происхождении культуры эгейт бейсин от мейза, как предполагают исследователи стоянки, или, наоборот, о миграции эгейт бейсин на север сразу после образования “коридора Макензи” автор оставляет открытым, считая, что данных для его решения пока не достаточно.

В главе 8 С.А. Васильев проводит сравнительный анализ палеоиндейских комплексов Америки и палеолитических культур Сибири, определяя общие черты и различия между материалами этих двух регионов. Рассматривается топография стоянок, их функциональное назначение и структуры обитания, характер хозяйственной деятельности населения, особенности использования каменного сырья и типология орудий. Данный анализ по ряду оговоренных автором причин не охватывает стоянки Западной Берингии. Стоит, однако, отметить, что технико-типологические характеристики ряда открытых там комплексов (Б. Эльгахчан, Дручак-В., Хета) не менее выразительны, чем привлеченные для срав-

нения подъемные или со сложной стратиграфией материалы Сахалина (Сокол, Имчин I) и Приморья (Устиновка I) (Васильев, 2004. С. 122), а плейстоценовые датировки стоянки Ушки сейчас получили дополнительное подтверждение серией AMS-датировок (Goebel et al., 2003).

В результате проведенных сопоставлений автор рецензируемой книги приходит к выводу, что “в целом культуры Нового Света отличаются заметным своеобразием”, но, несмотря на это, “демонстрируют весь основной набор культурных достижений, свойственных верхнему палеолиту Евразии” (Васильев, 2004. С. 116).

В заключении С.А. Васильев определяет круг задач, стоящих перед исследователями палеоиндейской тематики. К ним он относит в первую очередь такие, как создание информационного систем радиоуглеродных датировок, фауны, орудийных комплексов по стоянкам, подготовка сводных монографий по ряду ключевых памятников, проведение целенаправленных исследований в “коридоре Макензи”. Не менее важные проблемы, отмечает автор, требуется решить и российским ученым в западной Берингии, территория которой, по его мнению, несомненно содержит в себе “следы предков первых американцев”.

В целом монография С.А. Васильева является важной вехой в изучении широко обсуждаемой сейчас многими разделами науки (этнография, антропология, лингвистика, генетика, геология) проблемы времени и путей заселения Америки. Надо надеяться, что с выходом этой книги исследователи внесут существенные коррективы в имеющиеся корреляционные схемы, использующие данные о палеоиндейских культурах Северной Америки.

В качестве замечания можно отметить малое, на наш взгляд, количество иллюстраций орудийных комплексов по культурам и отсутствие пояснений к некоторым из приведенных в монографии планов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсеньев В.К. Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири // Записки Владивостокского отдела Рус. Геогр. Общ. Т. 3 (XX). 1929. Вып. II.
- Богораз В.Г. Древние переселения народов в северной Евразии и в Америке // Сб. музея антропологии и этнографии. Т. IV. Л., 1927.
- Васильев С.А. Древнейшие культуры Северной Америки. СПб., 2004.
- Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979.
- Криштафович Н.И. О последнем ледниковом периоде в Европе и Северной Америке. М., 1910.
- Сушкин П.П. Зоологические области средней Сибири и ближайших частей нагорной Азии, и опыт истории современной фауны Палеоарктической Азии // Бюл. Московского Общества Испытателей Природы. Нов. сер. 1925. Т. XXXIV.
- Goebel T., Powers R., Bigelow N. The Nenana Complex of Alaska and Clovis Origins // Clovis Origins and Adaptations. Corvallis, 1991.
- Goebel T., Waters M.R., Dikova M. The archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and Pleistocene peopling of the Americas // Science. 2003. V. 301.
- Muller-Beck H.G. On migration of hunters across the Bering Land Bridge in the Upper Pleistocene // The Bering Land Bridge. Stanford, 1967.
- Powers W.R. The peoples of Eastern Beringia // Prehistoric Mongoloid Dispersals. Tokyo, 1990. № 7.

Редакционная коллегия и Редакционный совет журнала “Российская археология” горячо поздравляют Бориса Анатольевича Литвинского с присуждением ему высшей награды Российской академии наук в области востоковедения – премии имени С.Ф. Ольденбурга за 2006 г. за цикл трудов по истории и археологии Центральной Азии (“Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье”. Т. 1–4; “Эллинистический храм Окса”. Т. 1–2; “Буддийский монастырь Аджина Тепе”).

Мы желаем Борису Анатольевичу долгих лет жизни и новых творческих успехов.

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА АЛЕКСЕЕВА (1928–2007)

22 июня 2007 г. мировая гуманитарная наука понесла невосполнимую утрату. Скорпостижно скончалась ведущий российский антрополог Татьяна Ивановна Алексеева.

Татьяна Ивановна – академик РАН, доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник Института ар-

хеологии РАН, заведующая группой физической антропологии ИА РАН, председатель Музейного Совета РАН, заслуженный научный сотрудник МГУ, президент Российского отделения Европейской Антропологической Ассоциации, иностранный член Академии наук и художеств Черногории, почетный монголовед (МНР); член ученых советов НИИ и Музея антропологии МГУ, Института археологии РАН, диссертационного совета Института этнологии и антропологии РАН; член редакционного совета журнала “Российская археология”.

Т.И. Алексеева родилась в Казани 7 декабря 1928 г. В 1951 г. она закончила биологический факультет МГУ, в 1954 г. – аспирантуру там же, после чего поступила на работу в НИИ и Музей антропологии МГУ. С этим научным учреждением связана вся жизнь Татьяны Ивановны. С 1992 г. она работала в Институте археологии РАН.

В 1954 г. Татьяна Ивановна защитила кандидатскую диссертацию на тему “Антропологический состав мещеры и татар-мишарей: к проблеме славяно-финских взаимоотношений в Поволжье”, в 1969 г. – докторскую диссертацию “Антропологический состав восточнославянских народов и проблемы их происхождения”.

Научные интересы Татьяны Ивановны поражают многообразием и масштабами проблем, к которым она обращалась: этническая антропология народов Восточной Европы, адаптация человека к различным экологическим нишам Земли, палеоэкологические реконструкции, вопросы организации музейного хранения. Каждое из этих направлений могло составить дело жизни не только отдельно взятого ученого, а целого научного коллектива, но Татьяна Ивановна одна успевала все это делать!

С 1948 по 1990 гг. Татьяна Ивановна руководила 40 научными экспедициями, которые работали на северо-западе Во-

сточной Европы, Восточноевропейской равнине, Северном Кавказе, Алтае-Саянском нагорье, в Поволжье, Приуралье, Средней Азии, Северо-Восточной Азии, Монголии. Среди них особо выделяется не имеющая аналогов в мировой практике Русская экспедиция, которую в 1955–1959 гг. возглавила совсем молодая Татьяна Ивановна под научным руководством выдающегося отечественного антрополога Виктора Валерьяновича Бунака. Объездив за несколько лет всю европейскую часть страны, сотрудники экспедиции обследовали свыше 17000 человек.

Татьяна Ивановна всегда совмещала масштабные полевые исследования с лабораторной и научно-организационной деятельностью. С 1960 г. она руководила работами в области экологии человека в НИИ и Музее антропологии МГУ, с 1992 г. – группой физической антропологии Института археологии РАН, развивающей палеоэкологическое направление.

Татьяна Ивановна – автор свыше 250 научных работ, в том числе 11 монографий. В 2002 г. за издание коллективной монографии “*Homo sungirensis*” она (совместно с Н.О. Бадером) была удостоена премии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Заслуги Татьяны Ивановны были неоднократно отмечены правительственными наградами, в том числе орденом Дружбы.

Нельзя говорить о жизни и научной деятельности Татьяны Ивановны, не вспоминая ее семью. Отец ее – Иван Георгиевич Шарабрин – был долгие годы профессором Ветеринарной академии. Мать – Варвара Константиновна – фармаколог и микробиолог. Наверное, из детства происходит всем известная любовь Татьяны Ивановны к животным, стремление им помочь и вылечить.

В 1951 г. Татьяна Ивановна вышла замуж за Валерия Павловича Алексеева, тогда студента-востоковеда, ставшего впоследствии крупнейшим отечественным антропологом, академиком АН СССР и директором Института археологии (в 1988–1991 гг.). Не будет преувеличением сказать, что по-

следние 50 лет в развитии российской антропологии были “Алексеевской эпохой”. И рядом с исполинской фигурой Валерия Павловича, научное наследие которого до сих пор не оценено в полной мере и открывает все новые грани, Татьяна Ивановна была достойной спутницей жизни и после его смерти трепетно хранила его память.

Татьяна Ивановна – красавица (все поколения ее учеников гордились, что у них ТАКОЙ руководитель), прирожденный лидер, обладавшая поразительной интуицией, позволявшей ей, в частности, смело менять направления работы, и – радушная хозяйка большого, уютного, наполненного книгами дома.

После внезапной смерти Валерия Павловича в ноябре 1991 г. Татьяна Ивановна приложила огромные усилия, чтобы увековечить его память. И лучшим памятником Валерию Павловичу Алексееву стало живое, динамичное развитие тех научных направлений в антропологии и археологии, которые он наметил в своих трудах в конце 1980-х годов.

В 1992 г. Татьяна Ивановна возглавила группу физической антропологии Института археологии РАН, основанную В.П. Алексеевым для развития экологического направления в археологических и палеоантропологических исследованиях.

В 1994 и 2004 гг., были проведены международные Алексеевские чтения, в подготовке которых Татьяна Ивановна приняла самое непосредственное участие. Она издавала и переиздавала статьи и книги Валерия Павловича и, главное, подготовила к печати пятитомное собрание научных трудов академика В.П. Алексеева. К сожалению, Татьяна Ивановна уже не увидит эти книги изданными.

Татьяна Ивановна была невероятно живым, обаятельным, отзывчивым и демократичным в общении человеком, прекрасной женщиной и выдающейся личностью.

Имя Татьяны Ивановны Алексеевой навсегда вписано в историю мировой науки, и память о ней будет жить долго.

Коллектив сотрудников Института археологии РАН, Москва

БОРИС ИЛЬИЧ МАРШАК (1933–2006)

28 июля 2006 г. в Пенджикенте ушел из жизни выдающийся археолог-востоковед Борис Ильич Маршак... Ушел практически мгновенно, во время работы с полевой документацией. На другой день его похоронили там же, в Пенджикенте, с подобающими почестями.

К имени Бориса Ильича Маршака нет необходимости прибавлять все его многочисленные титулы, звания и награды. Кто такой Маршак, было известно каждому археологу не только в Средней Азии и России, но и далеко за ее пределами. С его именем всегда ассоциируются высокий теоретический уровень исследований, блестящие результаты раскопок Пенджикента, анализ стратиграфии и раннесредневековой керамики данного памятника, изучение сасанидской и согдийской торевтики, сюжеты фресок, сасанидских, согдийских и раннехристианских изображений на художественном металле.

Конечно, не сразу Б.И. Маршак стал иностранным членом Французской Академии надписей и изящной словесности (Institute de France), почетным действительным членом Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии и ряда других весьма почтенных научных обществ. Но уже в первые годы нашего с ним довольно близкого общения (с конца 1950-х) было ясно, что в нем, тогда еще совсем молодом человеке, зреет мощный интеллект и накап-

ливается обширная научная эрудиция. Думается, что все это имело свою естественную многокомпонентную подоснову.

Одна из компонент – генетическая. Род Маршаков дал стране ряд выдающихся талантов, начиная с великого Самуила Маршака (для Бориса – дядя Сема). Его родители – И.Я. Маршак (М. Ильин) и Е.А. Ильина, известная писательница. Сестра Марина – талантливый генетик, драматург Михаил Шатров и другие известные личности тоже принадлежат роду Маршаков.

Вторая компонента – воспитание. И не только семейное, высший уровень которого не оставляет никаких сомнений. Родители Б.И. Маршака соседствовали дачами на подмосковной Николиной горе с семьей академика П.Л. Капицы, общение с которой тоже имело большое значение в формировании личности Бориса. Интересно, что когда он был еще школьником, Анна Алексеевна, супруга П.Л. Капицы, предсказала, что он станет археологом.

Третья компонента – образование: исторический факультет МГУ, кафедра археологии того времени, когда на ней преподавали А.В. Арциховский, С.В. Киселев и другие выдающиеся ученые.

Но на этом образование Б.И. Маршака не закончилось, а продолжалось практически всю жизнь в очень благоприятной научной среде, которая сложилась между Эрмитажем, где он прослужил почти полвека, и ИИМК РАН. Годы работы под руководством А.М. Беленицкого, постоянное общение с А.В. Банк, К.В. Тревер, В.Г. Лукониным, В.А. Лившицем, А.А. Ивановым, Е.В. Зеймалем, с таджикскими, узбекскими и французскими коллегами способствовали формированию его научного потенциала.

Научные интересы Б.И. Маршака, особенно в первой половине жизни, не исчерпывались только среднеазиатской тематикой. Его интересовала теория археологии, результатом чего стали некоторые статьи и наша с ним книга “Анализ ар-

хеологических источников” (М., 1975). Однажды, в середине 1980-х годов, на заседании отдела Востока Государственного Эрмитажа Б.И. Маршак сделал доклад о работах американских генетиков во главе с Р. Канн об африканской прародине человека по публикации в журнале “Nature”. Кажется, это было первое изложение данного исследования на русском языке.

С наибольшей полнотой талант Б.И. Маршака как ученого и лектора раскрылся в 1980-е и последующие годы, когда он после А.М. Беленицкого возглавил Пенджикентскую экспедицию и начал выезжать с лекциями и семинарами по приглашениям европейских и американских университетов. В качестве приглашенного профессора он читал лекции в Лондоне и Вене, в Вашингтоне, Принстоне, Нью-Йорке и Йеле, в Риме и Париже, в учебных и научных центрах ряда других городов.

Б.И. Маршак – автор более 300 печатных работ, опубликованных не только в России, но и за рубежом. Среди них – статьи и книги, написанные в соавторстве с А.М. Беленицким, коллегами и учениками, а также с супругой, Валентиной Ивановной Распоповой. Б.И. Маршак активно сотрудничал с нашим журналом. Его научные заслуги были высоко оценены правительствами Республики Таджикистан (Орден Дружбы, 1999 г.) и Российской Федерации (Орден Почета, 2005 г.). Он был иностранным членом Института Франции, почетным членом Американского Археологического института, почетным членом Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии, членом-корреспондентом Римского института Среднего и Дальнего Востока. Но, прежде всего, Борис Ильич был добрым и обаятельным человеком.

Светлая память о нем останется не только в сердцах друзей, коллег и сверстников, но и в сердцах последующих поколений исследователей.

Кемеровский государственный университет
Институт археологии РАН, Москва

*Я.А. Шер
И.С. Каменецкий*

АЛЕКСАНДР АНТОНОВИЧ УЗЯНОВ (1947–2007)

4 марта 2007 г. скоропостижно скончался научный сотрудник Института археологии РАН, ученый секретарь от-

дела теории и методики Александр Антонович Узянов. Безжалостная судьба отняла у нас друга и коллегу. Он был самым талантливым среди нас. Так, во всяком случае, признавали мы все, его друзья еще с университетских лет. Многие таланты были развиты Александром Антоновичем, многим не суждено теперь реализоваться.

А.А. Узянов родился 28 октября 1947 г. в Москве. После окончания средней школы он поступил на исторический факультет Московского государственного университета, кафедру археологии которого и закончил в 1971 г.

В 1969 г. А.А. Узянов, перейдя на вечернее отделение, начал работу в Институте археологии АН СССР, с которым оказалась связана вся его трудовая и научная деятельность – от лаборанта до научного сотрудника и ученого секретаря отдела. Счастливая судьба нашего поколения археологов позволила Александру Антоновичу достаточно рано начать самостоятельные полевые исследования. Еще студентом, в 1970 г., он получил свой первый Открытый лист, возглавил отряд и провел археологическую разведку на Брянщине. Затем были полевые работы в Курской и Брянской областях, в донских и поволжских степях.

В научной деятельности А.А. Узянова можно проследить несколько направлений.

Очень рано у Александра Антоновича проявился интерес к изучению древней керамики. Первые его работы в данном направлении относятся к 1970-м годам. Тогда в отечественной археологии начали широко внедряться статистические методы изучения источников, и прежде всего керамики. В формировании у А.А. Узянова интереса к этой проблематике большую роль сыграло влияние Д.В. Деопика, который входил в число основных пропагандистов применения математики в археологии. Немалое значение имела и работа А.А. Узянова в кабинете истории керамики под руководством А.А. Бобринского. В дальнейшем внимание Александра Антоновича было сосредоточено на всестороннем изучении керамики роменской культуры, ее орнаментики, форм и некоторых элементов технологии. В его исследованиях нашли отражение такие важные вопросы, как методика создания компьютерного банка данных по роменской керамике, подходы к разработке ее хронологической диагностики и некоторые другие (Узянов, 1979; 1981; 1982; 1988; 1990). К сожалению, в этих работах были заложены только основные идеи решения означенных вопросов; из-за безвременной кончины Александра Антоновича они не получили дальнейшего развития.

Второе и основное направление научной деятельности А.А. Узянова связано с изучением проблем роменской культуры. Все началось с раскопок Большого Горнальского городища в Курской области, сначала под руководством А.В. Кузы, а затем самостоятельно. Под руководством А.А. Узянова был исследован раскопками и ряд других городищ и курганов роменской культуры. Результаты анализа этих материалов, а в особенности их керамических комплексов, позволили по-новому представить хронологию роменских древностей, сделать ее более дробной и точной (Узянов, 1981; 1987; 1990).

Совместно с коллегами А.А. Узяновым были обследованы многие сотни памятников разных эпох в бассейнах Волги и Дона, Сейма и Псла. Итоги этих работ были освещены в ряде научных публикаций. Особое внимание Александр Антонович уделял как изучению специфики культурного слоя поселений, так и исследованию микрорегиональной структуры и динамики расселения в роменское и древнерусское время, антропогенного влияния на природную обстановку (Узянов, Кашкин, 1990; Узянов, Сычева, 1990; Сычева и др., 1998).

Так обозначилось и третье направление работы А.А. Узянова. Традиционные археологические разведки стараниями археологов, палеогеографов и почвоведов вышли за пределы обычного в археологии обследования памятников и превратились в детальное исследование микрорегионов с изучением ландшафтных особенностей, естественных границ, почв и ряда других аспектов (Сычева, Узянов, 1987; Узянов, Сычева, 1990; Сычева и др., 2005 и др.). Этот комплексный анализ позволил представить динамику миграционных процессов, приуроченность различных памятников к разным элементам рельефа и почвам, механизм взаимодействия человека с окружающей средой в древности и средневековье, наметить северо-восточный рубеж исторической территории Посеймья в древнерусское время, а также проследить динамику заселения земель по юго-восточной границе Черниговского княжества (Узянов, Кашкин, 1987; 1990).

Вспомним и о педагогической деятельности А.А. Узянова, который на протяжении более 20 лет читал студентам курс «Российской истории».

Многое еще можно сказать о многогранной личности Александра Антоновича: о его организаторских способностях и в экспедициях, и в отделе теории и методики, где он помогал всем нам; о его нетривиальном мышлении в науке – может быть, поэтому у него почти нет учеников, хотя за кон-

сультациями, да и просто за помощью к нему обращались и лаборанты, и доктора наук; о его особом взгляде на процесс исследования (сколько трудов им было отредактировано, сколько идей подсказано). Нельзя не упомянуть о его разнообразных творческих талантах: он замечательно владел и пером, и кистью, и искусством фотографии, а потом и фотоколлажа и, наконец, искусством лепки и кострового обжига его любимого материала – глины, из которой он создавал свои маленькие шедевры.

Из неполных 60 лет жизни Александра Антоновича 44 года было отдано им Археологии, 38 лет – Институту археологии, 15 – отделу теории и методики, а в целом вся его жизнь – всем нам: родным, друзьям и коллегам. Светлая память об Александре Антоновиче Узянове сохранится в наших сердцах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Сычева С.А., Узянов А.А. История антропогенного влияния на природу Курского Посеймья // Антропогенная эволюция геосистем и их компонентов. М., 1987.
- Сычева С.А., Леонова Н.Б., Узянов А.А. и др. Руководство по изучению палеоэкологии культурных слоев древних поселений (полевые исследования: схема описания и отбор образцов). М., 1998.
- Сычева С.А., Узянов А.А., Чичагова О.А. Корреляция археологического и радиоуглеродного возраста культурных слоев раннеславянских памятников Курского Посеймья // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Курск, 2005.
- Узянов А.А. К проблеме оценки однородности распределения материалов в синхронных слоях и жилищах // Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979.
- Узянов А.А. Роменская керамика как источник хронологического членения культуры // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тез. докл. респуб. конф. молодых ученых. Киев, 1981.
- Узянов А.А. Динамика технологического стереотипа в орнаментации роменской керамики // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982.
- Узянов А.А. Сакральные зоны Посеймья IX–XIII вв. (по археологическим и церковным памятникам) // Религиозные представления в первобытном обществе. Тез. докл. М., 1987.
- Узянов А.А. Банк данных для хронологической классификации керамического комплекса роменской культуры IX – пер. четв. XI в. // Компьютеризованные банки данных музейной и археологической информации. Матер. межвед. рабочего совещ. Тбилиси, 1988.
- Узянов А.А. Керамический комплекс роменской культуры: Подходы к хронологической диагностике // Археологические исследования в Центральном Черноземье в двенадцатой пятилетке. Белгород, 1990.
- Узянов А.А., Кашкин А.В. Посеймье в IX–XIII вв. (Сравнительная характеристика по археологическим данным) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. Всесоюз. конф. М., 1987.
- Узянов А.А., Кашкин А.В. Историческая динамика размещения населения на юго-восточной границе Черниговской земли (поселения IX–XIII вв. долины р. Рать) // Тез. историко-археол. семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Чернигов, 1990.
- Узянов А.А., Сычева С.А. Взаимосвязь природных и антропогенных процессов в Курском Посеймье (II тыс. до н.э. – пер. четв. II тыс. н.э.) // История взаимодействия общества и природы: Факты и концепции. Ч. III. М., 1990.